

ПАТРИСТИКА:

тексты и исследования

Василий Ильич

Экземплярский

«Учение древней Церкви
о собственности
и милостыне»

Издательство «Текст»
Краснодар, 2013 г.

УДК 281.9
ББК 86.372
Э 36

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 13-304-0347

Книга издана на средства Екатеринодарской и Кубанской епархии,
а также на личные пожертвования.

Текст книги печатается по изданию:

Учение древней Церкви о собственности и милостыне. Киев, 1910.

Предисловие: Сомин Н. В.

Экземплярский, Василий Ильич.

Э 36 Учение древней Церкви о собственности и милостыне /
В. И. Экземплярский. — Краснодар: Текст, 2013. — 272 с.

ISBN 978-5-903298-11-2

Предлагаемая читателю книга профессора В. И. Экземлярского — поистине уникальна. Работа Экземлярского — единственная в русском богословии монография, целиком посвященная вопросу собственности и богатства со святоотеческой точки зрения. Ее содержание полностью основано на учении церковных писателей и святых отцов III-V вв.: Тертуллиана, Климента Александрийского, Киприана Карфагенского, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского, блж. Августина, блж. Иеронима и др. Добрую половину текста книги составляют выписки из Писания или святоотеческого предания (около 300 цитат из Библии и около 700 — из святых отцов). И вот на основе столь обширного материала Экземлярский воссоздает святоотеческое учение о собственности и милостыне, обладающее поразительной высотой. Русский богослов убедительно показывает, что в основе святоотеческого учения лежит милосердие и любовь к ближнему. В Приложении публикуется небольшая работа архиеп. Василия (Кривошеина), посвященная тому же вопросу, рассмотренному на основании сочинений прп. Симеона Нового Богослова.

Книга предназначена для богословов, философов, историков и всех, интересующихся судьбами Православия.

ISBN 978-5-903298-11-2

© Издательство «Текст».

© «Православный Екатеринодар».

© Сомин Н. В. — предисловие.

ВВЕДЕНИЕ

В. И. ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ И ЕГО КНИГА «УЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ О СОБСТВЕННОСТИ И МИЛОСТЫНЕ»¹

Василий Ильич Экземплярский родился в 1875 г. в Киеве, в семье священника. Его отец, протоиерей Илья Тихонович Экземплярский, после рождения сына овдовел и принял монашество с именем Иероним. В 1885 г. хиротонисан во епископа, умер в 1905 г. архиепископом Варшавским. В воспоминаниях он остался как необычайно внимательный и доброжелательный архипастырь: «Святитель поражал всех, знавших его, своей исключительной приветливостью, ласковой речью, чуждой обидного упрека, нежным обращением со скорбной, мятущейся и даже виновной перед ним душой. Чувствовалась такая теплота и доброта души, что искренность охватывала человека, и он высказывал все сокровенное, как доброму, участливому отцу».

Василий Экземплярский в 1904 г. окончил Киевскую Духовную Академию, защитил магистерскую диссертацию «Библейское и святоотеческое учение о сущности священства» и стал профессором нравственного богословия Киевской Духовной Академии и Секретарем Киевского философско-религиозного общества.

В 1911 г. было решено составить сборник статей о недавно умершем Л. Н. Толстом. Пригласили участвовать и Экземплярского. Он подготовил статью «Гр. Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых», основная мысль которой заключалась в том, что и Толстой, и Иоанн Златоуст считали заповеди Христовы жизненно важными и требующими исполнения сейчас, в этой земной жизни. При этом он подчеркивал, что у святителя Иоанна Златоуста по сравнению с Толстым эта мысль выражена гораздо ярче и полнее. Однако на фоне антицерковной информационной кампании со стороны части интеллигенции, которая тогда развернулась в либеральных газетах и журналах, его статья была расценена как «защитительная» по отношению к Толстому и «толстовству». Митрополит Киевский Флавиан (Городецкий), по письму

¹ В качестве предисловия использована в сокращении редакции статья кандидата физико-математических наук, ведущего научного сотрудника Института Проблем Информатики РАН, ст. преподавателя Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Н. В. Сомина.

ректора Киевской Академии епископа Иннокентия (Ястребова), провел в Синоде решение об исключении Экземплярского из Академии.

Правонационалистическая газета «Колокол» писала, что Экземплярский уволен за «антиправославную литературную деятельность». Для профессора Духовной Академии такая формулировка ложилась пятном на его добром имени. И Василий Экземплярский начинает защищаться. В брошюре «За что меня осудили?» — этой острой реакции на увольнение, — он пишет: «Пред лицом верховного Евангельского идеала жизни, признаваемого святым и истинным, всегда возможна двоякая оценка жизненных явлений, — что и составляет задачу нравственного богословия. Возможно ли этот верховный святой идеал сделать пробным камнем качества и совершенства существующих жизненно-бытовых форм и отношений, или же, признавая последние истинными с точки зрения их господства в данный момент истории, стремиться низвести верховный идеал жизни до ее наличного уровня и от имени христианства освящать такие стороны жизни, которые не находятся в соответствии с евангельским идеалом. Первую оценку явлений жизни я считаю единственно законной в христианской этике как науке нормативной, и на этой точке зрения всегда стояли, в моем сознании, святые учителя Церкви. Вторую же оценку жизненных явлений я считаю ошибочной по существу, и это направление нашей науки, можно сказать, господствующее у нас, я характеризую термином «официальное» или «казенное» богословие».

Конечно, можно было бы найти более мягкие эпитеты, чем «казенное» и «официальное». Тем более что проблема отнюдь не в Синоде и его «особом» богословии. И уж тем более не в том, что Экземплярский — злобный, кичливый критикан. Этот необычный человек производил на окружающих сильное впечатление. Доброжелатели в один голос говорили о его кристальной честности, необычайно возвышенном образе мыслей и пламенной любви ко Христу (интересно, что Экземплярский собрал уникальную коллекцию изображений Христа, для чего он даже приобрел фотоаппарат и сделался фотографом-любителем). Недоброжелатели характеризовали его как человека «недалекого», то есть бессмысленно лезущего на рожон. Да, относиться к эмоциональным выпадам Экземплярского можно по-разному. Но всегда следует иметь в виду, что им двигала не только обида, но желание во всем следовать святоотеческой мысли. Особенно это заметно в наиболее актуальной области — отношении к собственности, богатству, бедности и милостыне. И доказательством этому служит предлагаемая вниманию читателей книга «Учение древней Церкви и о собственности и милостыне».

Феномен Экземплярского показывает, что Церковь всегда жива, всегда готова в отстаивании истины. Об Экземплярском Булгаков писал: «если для него жива церковь вселенская, то и в ней живет она». Думается, что осмыслить его место в Православии можно следующим образом. В Церкви

нужны разные служения, в том числе — и правдолюбцы. Их задача — противостоять опасности дрейфа, постепенного сползания с высот подлинного христианства вниз, ближе к реалиям «века сего». Именно на такое служение и воздвиг Господь профессора нравственного богословия В. И. Экземплярского. И подготовил его к этому, надо прямо сказать, очень нелегкому служению: воспитал его в семье, где Экземплярский воочию увидел, что такое христианская любовь, дал ему твердую веру во Христа, талант проповедника, кристальную честность и стойкость в отстаивании правды.

В 1917 г., уже после падения монархии, Экземплярского восстанавливают в Киевской Духовной Академии, он снова начинает читать лекции и с головой погружается в церковно-общественную жизнь. И тут возникает второй искуственный момент, из-за которого имя Экземплярского до сих пор произносится с сомнением. Летом 1917 г. он пытается повлиять на процесс подготовки Поместного Собора и публикует программу реформ² «левого» толка. Тут и чтение вслух евхаристических молитв, и введение в богослужебную практику русского языка, и увеличение числа епископов по крайней мере в 10 раз с отменой обязательности монашеского епископата, и требование строгой соборности в противовес идее патриаршества. Благодаря такой программе многие считали и по недоразумению продолжают считать его обновленцем. Однако это не так. Когда при большевиках взяло силу настоящее обновленчество, то решительно нигде невозможно найти имени Экземплярского — ни в рядах активных обновленцев, ни среди им сочувствующих. Более того, есть сведения, что он обновленчество активно не принял и боролся с ним. В переполненное бурными событиями лето 1917 г. Экземплярский с болью писал: «Русская революция не только вышла на улицы без Бога, но все ее волны лишены точно вовсе религиозной стихии. Все море русское всколыхнулось, все голоса слышны, все теории проповеваются, агитация и пропаганда разных учений нашла фанатичных выразителей, а нашего церковного голоса не слышно»³. Неготовность, по мнению Экземплярского, Русской Церкви к надвигающемуся революционному катаклизму беспокоила его, и он пытался ее преодолеть, требуя скорейших реформ, приближающих, как он считал, верующих ко Христу.

Однако следует констатировать, что здесь ясно проявились характерные для Экземплярского прямолинейность и наивное прекраснотушие, точнее — отсутствие пророческого зрения. Так, в патриаршестве он видит воплощение византийской идеологии раболепства перед государством.

² Экземплярский В. И. Гр. Л. Н. Толстой и св. Иоанн Златоуст в их взгляде на жизненное значение заповедей Христовых. Приложение к книге «За что меня осудили?» Киев, 1912.

³ Проценко П. Г. Предисловие к работе В. И. Экземплярского «Старчество» // Дар ученичества. М.: изд. «Руссико», 1993. — с. 136.

Но последующие события показали, что патриаршество может быть и наоборот — оплотом противостояния Церкви богоборческому государству. Что через год государство просто поставит Церковь вне закона и возьмет стратегический курс на ее ликвидацию — такого Экземплярский предвидеть не смог, впрочем, как и подавляющее большинство церковных деятелей.

Но катастрофа пришла скоро — девятый вал революции потопил и «правых», и «левых». О жизни Экземплярского после революции сведений почти нет. Известно, однако, что в 1920 г. он ослеп, предположительно, от недоедания⁴. Умер он в Киеве в 1933 г.

У новой власти был свой взгляд на собственность, и он отнюдь не совпадал со святоотеческим. Да и слово «милостыня» в XX веке стало произноситься с оттенком презрения. Книга Экземплярского оказалась вычеркнутой из жизни, впрочем, как и любая другая, напоминающая о Евангельской Истине. Но в наше время, когда вопросы собственности снова приобрели остроту, настало время и для этого труда.

Работа Экземплярского — единственная в русском богословии монография, целиком посвященная вопросу собственности и богатства со святоотеческой точки зрения. Ее содержание основано на учении святых отцов III-V вв.: Тертуллиана, Климента Александрийского, Киприана Карфагенского, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского, бл. Августина, бл. Иеронима и др. Добрую половину текста книги составляют выписки из Писания или святоотеческого предания (около 300 цитат из Библии и около 700 — из святых отцов). Однако как всякая первопроходческая работа она не свободна от недостатков. Экземплярский, подобно яркой комете, промчался по своду нашего богословия, не имея предшественников и не оставив учеников и последователей. Его идеи — идеи пламенно верующего во Христа христианина и честного человека, имеющего мужество высказать нелицеприятные и не общеобязательные мысли — очень ценны для нашей Церкви. Особенно они важны в наше время — время размывания нравственных устоев в области имущественной этики и просто безудержной погони за деньгами. Очень хочется надеяться, что святоотеческое учение, изложенное в книге «Учение древней Церкви о собственности и милостыне», будет в полной мере востребовано как в современном богословии, так и русским народом.

⁴ Экземплярский В. И. К предстоящему Всероссийскому Поместному собору // Христианская мысль. 1917, № 7. — с. 139.

Василий Экземплярский

УЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ О СОБСТВЕННОСТИ И МИЛОСТЫНЕ

*Все вы — братья... один у вас Отец,
Который на небесах
Мф. XXIII, 8–9*

*Бог однажды навсегда сказал, что служение
Богу и маммоне не может быть соединено
вместе. Поэтому ты не говори, что может
быть соединено
Св. Иоанн Златоуст*

Предметом настоящего труда является опыт изложения христианского учения о собственности и милостыне на основе Божественного Откровения и творений отцов Церкви и древнецерковных писателей. Думается, что в наши дни подобное изложение не окажется излишним и будет до известной меры отвечать запросам современной богословской литературы. Для нашего времени вопрос о собственности и помощи нуждающимся привлекает к себе общее внимание и представляет высокий интерес не только теоретический, но и практический, поскольку нередко тот или иной взгляд на право собственности обуславливает принадлежность к известной политической партии. Мы не ставим своей задачей излагать и разбирать взгляды на интересующий нас предмет в системах философской этики и политической экономии, а тем более в программах различных политических партий. Наша цель иная: изложить *положительный христианский взгляд на предмет*, совершенно независимо от того или иного практического решения вопроса в государственной жизни, того или иного обоснования ответа на вопрос в системах этики и политической экономии. Для богословской науки, исповедующей христианский нравственный идеал как единый святой и истинный, первой задачей в каждом частном случае является то, чтобы установить эту именно высшую точку зрения на предмет, после чего только и открывается для христианского богослова возможность обратиться к оценке различных учений человеческой мысли. Нельзя не отметить, что параллельно с возрастающим в образованном обществе интересом к уяснению вопросов об этической оценке права частной

собственности и помощи нуждающимся и в нашей богословской литературе эти вопросы сделались предметом особенного внимания и нашли место в каждой системе нравственного богословия, равно как их уяснению было посвящено довольно много журнальных статей. Но отмеченный интерес нашего богословия к избираемому нами предмету исследований не только не удерживает нас от попытки его освещения под углом зрения древнецерковного учения, но, напротив, особенно побуждает сказать свое слово и внести свою лепту в дело уяснения одного из недостаточно пока раскрытых пунктов христианского нравоучения. Если по истории христианской благотворительности существуют труды, обнимающие вопрос с достаточной полнотой и обстоятельностью, то нам не известно существование в нашей литературе подобных трудов, посвященных уяснению древнецерковного учения о собственности и милостыне, в особенности — по первому вопросу. Между тем, такое теоретическое уяснение представляется нам очень важным, а в данное время — и неотложным, ввиду той *не вполне правильной*, на наш взгляд, *точки зрения*, на которой, в общем, стоит наша русская богословская литература при решении интересующих нас вопросов. Не кажется нам нужным подробно излагать взгляды, высказывавшиеся в нашей богословской литературе по этому поводу. Подобное изложение привело бы нас к необходимости критически разбирать целый ряд наших учено-учебных систем по нравственному богословию и многих статей, направленных прямо или косвенно к раскрытию христианского учения о собственности и милостыне. Позволим себе высказать общее суждение, что положение, занятое нашим нравственным богословием по данным вопросам, совершенно не соответствует духу евангельского учения, а иногда и прямо искажает смысл учения Слова Божия. Для примера укажем на *этическую оценку богатства* якобы с христианской точки зрения в курсах нашего нравственного богословия. Особенно резко и неприятно поражает в этом случае искажение смысла слов соборного послания св. апостола Иакова (I, 17–18). Эти великие слова святого апостола, в которых он говорит о благом даянии и совершенном даре, нисходящем от Отца светов, возрождающем нас словом истины, у значительного большинства наших богословов-моралистов решительно без всяких оснований приводится и даже поставляется в центре доказательств той мысли, что обладание богатством есть Божий совершенный дар человеку. Не считаем возможным в данном случае допустить прямой недобросовестности или крайнего невежества, и потому приходится принять предположение очень обидной случайности, нашедшей место и в ученых диссертациях, и в учебных наших системах. Точно так же нередко с удивительной переноской толкуются слова св. апостола Петра, приведенные в книге Деяний, гл. 5, ст. 4. Вообще по вопросу о богатстве как виде собственности наше богословие, за редкими исключениями, стоит на непонятной точке зрения, вовсе несогласной с учением Откровения и святоотеческим. Даже

преосвященный Феофан в своем «Начертании христианского нравоучения» говорит относительно богатства, что, «не прилагая к нему сердца, должно принимать его, *умножать и хранить*» (стр. 470); и высказывает эти мысли так, как будто бы это и действительно христианское учение, и будто бы в Евангелии Христовом и писаниях церковных учителей можно встретить даже намек на долг хранить и умножать богатство. Подобное говорится и другими нашими моралистами, причем такой серьезный ученый, как покойный профессор М. А. Олесницкий, высказывает мысль, что христианство не только не воспрещает заботу о приобретении нового имущества при посредстве имеющегося, но нет сомнения и «насчет позволительности... *отдавать деньги на проценты*»¹ — мысль, во всяком случае, не имеющая ни малейшего основания в откровенном учении и горячо осуждаемая святыми отцами. Не менее тяжелое впечатление производит и очень тщательное развитие в учении о милостыне той мысли, что милостыня должна быть подаваема с большим *разбором* и притом в строгом соответствии с имуществом подающего, причем утверждается, будто христианство вполне допускает и *роскошь* в жизненной обстановке². Эти мысли также, конечно, не имеют твердого основания в учении Слова Божия и святоотеческом. И трудно понять, почему подобные мысли, вовсе не отвечающие духу христианского нравственного идеала, так усердно раскрываются и проповедаются, если принять во внимание, что в наше время великая редкость встретить людей, готовых отдать свое имущество бедным до готовности переносить лично нужду, и что, конечно, такие люди не станут прислушиваться к ласковому голосу богословских измышлений после определенного и любящего строгого голоса своего Учителя.

Но довольно частных примеров. Для нас лично центр тяжести не в этом: нам кажутся важными не столько эти недочеты, так сказать, научного характера в изложении учения о собственности и милостыне, сколько *самый дух, проникающий наше нравственное богословие* в этом его учении. Огромное большинство богословских статей, проповедей, отделов в учебных системах ставит своей задачей при изложении христианского учения о собственности и милостыне не то, чтобы с возможной чистотой, ясностью и полнотой изобразить христианское идеальное учение, но почти противоположное: оправдать всеми возможными соображениями разума и всеми возможными текстами Слова Божия, в их нередком перетолковании, действительно существующие и господствующие порядки жизни. Трудно выразить с достаточной определенностью ту громадную разницу, какая живо сознается при чтении святоотеческих творений, посвященных учению о собственности и милостыне, и размышлений наших

¹ «Из системы христианского нравоучения». Киев. Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1896, стр. 412.

² Например: М. А. Олесницкий, указ. соч., стр. 409–410.

современных богословов. Первые дышат горячей любовью к людям, к их вечной природе, трогательной думой о бедных, истинно христианской любовью, иногда сурово обличающей, к богатым. В этих святоотеческих творениях и слышно биение живого христиански любящего сердца, и видно совершенное проникновение духом евангельского учения. Наоборот, то положение, какое заняло наше богословие в интересующем нас вопросе, по большей части, вызывает тягостное чувство. Советы наших богословов богатым приобретать, охранять и умножать свое имущество, как истинный дар Божий, дар совершенный; а бедным — советы «сохранять внутреннюю независимость духа» и внутренне «хотеть быть бедными» способны заставить покраснеть каждого, знакомого с учением Церкви. К сожалению, учение последней для многих, даже говорящих от ее лица, остается неизвестным; тем более легко принять наши богословские размышления за голос Вселенской Церкви для лиц, богословски необразованных. И результаты такого смешения уже налицо. Произошло *страшное недоразумение* в отношении к христианству значительной части современного общества. Всегда христианству было противно и враждебно то направление жизни, которое исходным началом ее делает эгоизм, заботу о себе, служение своим чувственным и себялюбивым влечениям. Христианство всегда было в глазах многих безумием, утопией, мечтаниями. Но в одном прежде никто не упрекал христианство: в его бесчувственности, в равнодушии к людскому горю и нужде, в потворстве греху и себялюбию. Но теперь эти упреки обычны. Христианство, эта религия любви и самоотвержения, эта радостная весть всем униженным, и оскорбленным, и обездоленным в этом мире, этот призыв к беззаветной жертве на служение горю и нужде ближних — теперь эта религия, эта радостная весть, этот благородный призыв объявляются враждебными жизни, а Церковь — защитницей того зла и неправды, какие царят в жизни. Это, конечно, страшное недоразумение, и причины, вызвавшие его, заключаются до известной степени, по нашему мнению, в том одеянии, в какое наше научное богословие стремится облечь христианство, пытаясь приблизить святой небесный евангельский идеал к условиям нашей жизни, называемой христианской. По поводу этого направления нашего нравственного богословия мы уже имели случай высказаться в печати. Это же направление ярко выразилось и в попытках нашего богословия оправдать все зло современного строя материальной культуры. Эти попытки не только ненаучны и не ценны в богословском отношении, так как почти вовсе игнорируют учение церковных авторитетов и извращают истинный смысл учения Слова Божия, но и *нравственно должны быть осуждены*, когда они делают Христа Спасителя, этот образ светлый, милостивый, полный безграничной любви и ласки, участником и защитником нашего несовершенства и нашей жизненной неправды. Пусть мы злы, пусть жизнь наша несправедлива, пусть на всей земле не будет правды. Со всем этим может примириться тот, для

кого Бог-Отец и Христос — единый учитель. Но никогда не примет сердце человеческое того Бога, Который изображается как покровитель неправды мира и участник в нашей нечистоте. Задача богословия — привлекать к Христу, уясняя и раскрывая чистое небесное учение, но не отталкивать от Христа и Его учения путем извращения последнего по духу времени и в угоду сильным мира. Можно думать, что создавшееся ложное, по нашему убеждению, направление нравственного богословия в учении о собственности и милостыне в значительной степени *объясняется полемикой*, открытой или скрытой, с социалистическими воззрениями. Но мы убеждены, что опровергать социалистические заблуждения можно и должно без унижения истинного смысла христианского учения и, тем более, без прямого его извращения. Христианский жизненный идеал, как идеал святой и всесовершенный, безмерно превосходит самые смелые и высокие построения человеческого ума, немощное Божие сильнее человеков³, и не нужны, более того — безумны попытки защитить христианство человеческими измышлениями. Православный богослов должен заботиться об одном: чтобы *сиял свет Христов* своим тихим, чистым сиянием, светил миру, согревал сердца и влек души человеческие к святому, небесному, вечному. При этом небесном свете сами собой видны будут все уродства и несовершенства тех путей, какими мысль человеческая в отрешении от Божественной воли думает вести человечество к свету и счастью.

Этой верой во всепобеждающую силу света Христовой истины и определяется задача настоящего труда. Ближайшей целью его является то, чтобы дать возможность и *утешение* каждому искренне интересующемуся учением Христовой Церкви познакомиться с этим учением по одному из животрепещущих вопросов современной жизни. Учение древней Церкви — это высокий авторитет для каждого из нас, призванных проповедовать в научной форме слово Христовой истины. И глубоко верится, что знакомство с этим учением само по себе, без особой полемики и громких фраз, поможет убедиться в его совершенной чистоте и высоте. Для автора было бы, конечно, высшим нравственным удовлетворением, если бы его труд вызвал в душе читателя более живое сознание *братства* людей, каким сознанием жили учителя древней Церкви, и чувство любви и жалости к нуждающемуся человечеству. Было бы дорого и ценно, если бы знакомство с учением древней Церкви в изложении настоящего исследования побудило наших моралистов более строго отнестись к изложению учения по интересующим нас вопросам. Но все же главная задача труда не в этом, но в том, чтобы познакомить общество с учением древней Церкви и показать в последней истинную *Мать и Заступницу* всех обездоленных в этом мире.

³ 1 Кор. I, 25.

I

Любовь... не ищет своего
1 Кор. XIII, 5

*Стяжавший любовь расточил деньги; а кто говорит,
что имеет и то, и другое, тот сам себя обманывает*
Св. Иоанн Лествичник

Евангелие Христово, этот закон свободы⁴, равно как и благовестие апостолов, одним из отличительных своих признаков, сравнительно с ветхозаветным законодательством, имеют то, что они определяют в области нравственной человеческой жизни, прежде всего, не те или иные частные правила поведения, но руководящие начала, а идеалом жизни ставят абсолютное совершенство⁵ в теснейшем общении с Богом⁶. Эта «широта» евангельского учения и делает его, неразрывно, конечно, со всем духом абсолютности, проникающим Евангелие, *чуждым ограничению временем и пространством*. Бегут века, просвещаются христианским светом новые страны, создаются новые жизненные условия и положения, меняются формы человеческих общежитий, но, как солнце праведное, светит миру Евангелие, указывая всем и во все времена путь, истину и жизнь во Христе Спасителе⁷. Все новые вопросы и жизненные задачи находят перед лицом этого света освещение и разрешение, но не по букве, а по духу. Если в области христианского вероучения, в самом существенном, мы уже можем с благодарной памятью жить плодами многовековых усилий древней Церкви в ее стремлении облечь христианскую истину в точно отвечающие ей догматические формулы; то в области *нравственного христианского учения* мы почти не имеем таких формул, а дело понимания евангельского учения в его отношении к запросам нашей жизни во многих случаях является нашим долгом, требует напряженной работы нашего христианского сознания, а иногда и нравственного подвига. История Церкви свидетельствует, что самому общецерковному определению догматов предшествовали великие и честные усилия личной христианской мысли и живой веры проникнуть в глубь истины. То же самое, конечно, нужно и законно в отношении христианского нравственного учения, тем более, что ввиду бесконечного разнообразия жизненных вопросов невозможно

⁴ Иак. I, 25.

⁵ Мф. V, 48.

⁶ Ин. XVII, 21.

⁷ Ин. XIV, 6.

надеяться и даже желать разрешения всех их в определенных формулах. Поэтому приходится считаться и мириться с тем, что по различным жизненным вопросам могут параллельно существовать в богословской науке и самые *различные опыты решения вопроса*. Мы уже видели отчасти, что избранный нами предмет исследования принадлежит именно к числу таких, христианский взгляд на которые изображается неодинаковым, причем в учении о собственности это различие доходит до прямой противоположности, когда одни доказывают, что право собственности — святыня для христианина, а другие — что христианство не может относиться к понятию частной собственности и к праву такой собственности иначе, как безусловно отрицательно. А между тем, этот злободневный для нашего времени вопрос привлекал к себе внимание христианских мыслителей издавна, и мы не можем ни в коем случае пожаловаться на недостаток в церковном учении материала для освещения избранного нами вопроса с христианской точки зрения; так что наша задача, как это уже было выяснено, должна, по существу, свестись лишь к возможно полному и точному изложению церковного учения и расположению его в известной системе. При этом, так как нас интересует богословско-принципиальное уяснение вопроса, то и *нашему изучению подлежит учение Церкви*, а не факты ее исторической жизни. Последними мы считаем себя в праве лишь иллюстрировать в некоторых случаях откровенное и церковное учение и притом — останавливаясь лишь на фактах, имеющих ясный и бесспорный смысл. Что касается *ветхозаветного* учения, то мы, конечно, не можем пройти мимо него ввиду органической связи нравственного учения обоих Заветов. Но, прежде всего, мы должны помнить и не опускать из вида, что Ветхий Завет — только сень будущих благ⁸ и что, поэтому, в его нравственном кодексе не нашли выражения те высокие принципы, которые основываются на идее богосыновства и совершенной братской любви в христианстве.

Приступая к изложению откровенно-церковного учения о праве собственности, нам кажется всего естественнее начать не с перечисления отдельных текстов, имеющих отношение к уяснению этого учения, но с попытки *указать такое руководящее начало наших христианских отношений* и к Богу, и к ближним, которое могло бы явиться исходным пунктом и для уяснения христианского отношения к собственности. И мы думаем, что как во всей христианской жизни Бог есть ее средоточное начало⁹, так точно и речь о праве собственности, что составит первую главу нашего труда, всего уместнее и естественнее начать с изложения *учения о Боге как верховном Обладателе мира*. Конечно, это такая бесспорная истина нашей веры, что мы не ставим своей задачей доказывать ее,

⁸ Евр. X, 1.

⁹ Деян. XVII, 28.

но лишь оттенить с той целью, чтобы дальше яснее выступило значение термина «право собственности» в отношении христианина. В самом деле, когда мы признаем, что Бог есть единый истинный Владыка Вселенной, то ясно, что право собственности в жизни человека мы должны и не можем рассматривать иначе, как под углом зрения отношения этого права к верховной Божеской воле. Но такая точка зрения имеет решающее влияние на этическую оценку права собственности, и последнее в каждой этической системе, признающей Бога верховным Началом жизни, выступает в новом освещении долга или обязанности распоряжаться своим, соответственно с волей Божией. Какая это воля и какой вследствие этого характер усваивается институту частной собственности в христианстве, увидим далее; пока же отметим, что мысль о верховном владычестве в мире Бога, обуславливающим наше относительное обладание миром, выражается со всей определенностью в источниках нашего исповедания и одинаково ясно выступает как в Ветхом, так и в Новом Завете. Истина эта утверждается уже на первых страницах Библии, где повествуется о творении Богом мира и множество раз свидетельствуется, что *Господь — Владыка всего*, и что то, чем владеет человек, получил он от Бога. Как в раю Господь дал человеку власть над землей, ее плодами и обитателями животного царства¹⁰, так это же обетование повторяется в существенном после потопа Ною¹¹, а в отношении определенной территории — Аврааму¹², Иакову¹³ и всему израильскому народу¹⁴. Псалмопевец выразил эту мысль в образной форме, когда исповедал, что небо — небо Господу, а землю Он дал сынам человеческим¹⁵. То, что сказано относительно земли вообще, это самое вполне приложимо и к отдельным предметам мирового бытия. Все в мире дается человеку от Господа; по вере ветхозаветного человека, доброе и худое, жизнь и смерть, бедность и богатство — от Господа¹⁶. В частности, от Господа даруется человеку и богатство, как наиболее конкретный объект права собственности¹⁷. Но это дарование Богом земли и ее благ во владение человеку не есть в то же время передача ему верховных прав на обладание землей и ее плодами. *Господь*, как не только Творец, но и Промыслитель мира, *неотъемлемо сохраняет за Собой право собственности* в отношении созданного Им мира. «Моя земля, — говорит Господь народу израильскому, — вы пришельцы и поселенцы у Меня»¹⁸.

¹⁰ Быт. I, 28–29.

¹¹ Быт. IX, 1–4.

¹² Быт. XII, 7.

¹³ Быт. XXXV, 12.

¹⁴ Лев. XXV, 27; Втор. XV, 7 и др.

¹⁵ Пс. CXIII, 24.

¹⁶ Сир. XI, 14.

¹⁷ 1 Цар. II, 7; Притч. XXX, 8; Еккл. V, 18; Сир. XI, 21 и др.

¹⁸ Лев. XXV, 23.

«Вот у Господа Бога твоего, — свидетельствует великий пророк, — небо и небеса небес, земля и все, что на ней»¹⁹. Господня — земля и что наполняет ее, Вселенная и все живущее в ней²⁰. Самые жертвы, приносимые человеком Богу, по сознанию ветхозаветного верующего, приносились из достоинства Божественного: Его все звери в лесу и скот на тысяче горах²¹; Его — серебро и золото²², и даже самая жизнь человека, его душа есть Божия собственность, что наглядно выражалось для народного сознания в «*выкупе души*»²³. Таким образом, ясно вытекает из сказанного тот вывод, что по ветхозаветному воззрению *право собственности человека — богодарованное, но не безусловное*: верховный Владыка всего — Господь; человек все получает от Бога, не имея ничего такого в мире, что могло бы явиться предметом неотъемлемого владения человека: умирая, не возьмет ничего, не пойдет за ним слава его²⁴. Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращаюсь. Господь дал, Господь и взял²⁵.

Соответственно указанному принципу верховного владычества над всем Господа, мы находим в ветхозаветном законодательстве целый ряд законов, с одной стороны — определяющих и ограждающих право частной собственности, а с другой — ограничивающих это право, согласно с волей Божией и теми отношениями, какие, по этой воле, должны существовать между людьми.

Что касается законов первого рода, ограждающих *неприкосновенность частной собственности*, то нам нет нужды подробно останавливаться на их изложении, так ясны и определенно выражены эти законы. Начиная с Авраама²⁶ и до последних дней истории ветхозаветного Израиля, мы встречаем точно определенный законом институт частной собственности. Всякий вид воровства строго осуждался законом²⁷, и неприкосновенность частной собственности настолько ограждалась, что даже пожелание чужого вменялось в грех²⁸. Большой интерес представляют, однако, для нас те законы, которыми *ограничивалось право частной собственности*, так как ими определяется отношение к своей собственности самого ее владельца; и поэтому здесь мы встречаемся уже не с юридическими, но с этическими нормами жизненных отношений. Мы не будем

¹⁹ Втор. X, 14.

²⁰ Пс. XXIII, 1; 1 Цар. XXIX, 11–12 и др.

²¹ Пс. XLIX, 10.

²² Аг. II, 8.

²³ Исх. XXX, 15.

²⁴ Пс. XLVIII, 18.

²⁵ Иов I, 21; сравни: Еккл. V, 14.

²⁶ Быт. XXIII, 20; сравни: XLIX, 30.

²⁷ Исх. XX, 15; Втор. V, 19; Лев. XIX, 11; Зах. V, 3; Исх. XXII, 2; Втор. XXIV, 7 и мн. др.

²⁸ Исх. XX, 17; Втор. V, 21.

говорить о законах, определяющих долг верующих приносить жертву Богу из своего имущества, куда можно причислить и «десятину» на содержание левитов²⁹. Эти законы представляют собой не иное что, как частное выражение того начала зависимости человека и всего его достояния от верховного Владыки Вселенной, о чем была уже у нас речь выше. Нам особенно интересно оттенить те ограничительные постановления закона в отношении частной собственности, которые утверждаются *на основе взаимной любви* и единства жизненных интересов всех ветхозаветных верующих. Люби ближнего твоего, как самого себя³⁰ — такова, по воле Божией, идеальная норма взаимоотношений ветхозаветных верующих. Если бы это идеальное начало нашло свое совершенное осуществление в ветхозаветном законодательстве, то, несомненно, внутренние границы между «моим» и «твоим» должны были бы пасть. Истинная любовь к ближнему, любовь, как к самому себе, приводящая к совершенному единению любящих, всегда выражается в отказе от своего, в готовности на жертву, в живом сознании единства интересов и потребностей своих и любимого. Если с психологической точки зрения сущность права собственности состоит в утверждении строжайшей границы между «я» и «не я», между «мое» и «твое», то любви свойственно иное стремление: уничтожать границу между «я» и «не я», жить в другом, находить полноту и счастье своей жизни не в приобретении и увеличении своего достояния, но в дарении и жертве. Для любви поэтому всегда блаженнее давать, нежели принимать³¹. Но как вообще ветхозаветный закон ничего не довел до совершенства³² в силу своего временного назначения — быть лишь *детоводителем к Христу*³³, так точно и начало *взаимной любви* не нашло в ветхозаветном законодательстве *совершенного выражения*. Не только понятие «ближнего», которого должно любить, как самого себя, суживалось³⁴, но и самая любовь более определялась *с отрицательной стороны* (не делать зла ближнему), чем со стороны положительной — беззаветной жертвы и всепрощения. Несмотря на это, и в ветхозаветном законодательстве, *как прообразе грядущего закона любви*, мы встречаем ряд таких ограничительных предписаний в отношении права частной собственности, которые наглядно проповедовали высокое начало единства народа и общенародных интересов, перед лицом какого начала право владения своим получало *этический характер сознания долга или обязанности* видеть в своем и общее достояние. Мы назовем главнейшие законы этого рода, и станет ясно, что право частной собственности, ограждаемое

²⁹ Числ. XVIII, 21, 24, 26 и др.

³⁰ Лев. XIX, 18.

³¹ Деян. XX, 35.

³² Евр. VII, 19.

³³ Гал. III, 24.

³⁴ Мф. V, 43.

законом с возможной строгостью, этим же законом и ограничивалось перед лицом высшего начала любви во взаимных отношениях людей. Уже при разделении земли Ханаанской мы видим последовательное проведение того принципа, что удел должен быть дан каждому, соответственно численности колена и семейства³⁵. Но этого мало. Неограниченное право собственности предполагает всегда возможность свободно распоряжаться своим имуществом, продавать его и пользоваться всеми его плодами. Однако в отношении обоих этих прав ветхозаветное законодательство устанавливает определенные и существенные ограничения. Так, прежде всего, запрещалась продажа земли навсегда. «Землю, — заповедал Господь, — не должно продавать навсегда, ибо Моя земля: вы пришельцы и поселенцы у Меня»³⁶. Реализовалось это начало в том законе, по которому проданная земля в каждый юбилейный год должна была возвращаться к ее первому владельцу³⁷. Для нас не может представлять существенного интереса вопрос о том, соблюдался ли этот закон во всей строгости или нет. Нам важно отметить этот закон, как *ограничивавший принципиально право частной собственности на землю* и стремившийся поддерживать то равномерное распределение земельной собственности, какое было положено в основу первоначального деления земли обетованной.

Не менее определенно ограничивалось законом и право пользования владельцем плодами его земельного участка. Самое важное значение здесь имеет закон о «субботнем отдыхе» земли. «Шесть лет, — говорит законодатель, — засевай землю твою и собирай произведения ее, а в седьмой оставляй ее в покое, чтобы питались убогие из твоего народа, а остатки после них питались звери полевые. Так же поступай с виноградником твоим и с маслиной твоей»³⁸. Этим законом как бы вовсе уничтожались на год границы частной собственности, и неимущие с богатыми должны были одинаково пользоваться самородными произведениями земли. В седьмой же год определялось и прощение всех долговых обязательств³⁹. *Но и право пользования плодами земли* в течение шести лет, предшествовавших субботнему году, ограничивалось самым существенным образом перед лицом того начала, что право собственности не должно совершенно загораживать возможности для всех нуждающихся пользоваться плодами земли и трудами владельца. Эти законы, содержание которых мы приведем ниже, поражают нас своей гуманностью и с точки зрения современного права являются самым грубым нарушением права частной собственности. Но с точки зрения этической оценки эти законы наиболее ясно говорят

³⁵ Числ. XXVI, 54; сравни: XXXIII, 51.

³⁶ Лев. XXV, 23.

³⁷ Лев. XXV, 13–16.

³⁸ Исх. XXIII, 10–11; Лев. XXV, 2–7.

³⁹ Втор. XV, 1–4.

о том, что уже в ветхозаветном законодательстве была тень будущего совершенного закона любви в Христовом Царстве, при господстве какого закона падает внутренняя граница между «моим» и «твоим» для владеющего чем-либо. «Когда войдешь в виноградник ближнего твоего, — заповедует закон, — можешь есть ягоды досыта, сколько хочет душа твоя; а в сосуд твой не клади. Когда придешь на жатву ближнего твоего, срывай колосья руками твоими, но серпа не заноси на жатву ближнего твоего»⁴⁰. Подобное значение имели и законы об остатках. Когда будете жать жатву на земле вашей, не дожинай до края поля твоего и оставшегося от жатвы твоей не подбирай: оставь это бедному и пришельцу⁴¹. Подобное же говорится и относительно уборки маслины⁴². Такой же ограничительный характер в отношении права собственности имели и законы, *воспрещавшие пользоваться этим правом жестоко*, до угнетения ближнего. Так, требовалось возратить до захода солнца взятую в залог верхнюю одежду ближнего⁴³ и запрещалось брать в залог предметы первой необходимости⁴⁴.

Наконец, весьма важным ограничением права собственности, именно — важным с этической точки зрения, является в Ветхом Завете ясно сознанный и определенно выраженный *долг милостыни* нуждающимся. О взгляде на милостыню в Ветхом Завете у нас ниже будет подробная речь. Здесь же оттеним лишь ту интересную для нас в данном случае точку зрения, что исключительное владение своей собственностью рассматривается не как законное право человека, что юридически бесспорно, но как тяжкое преступление. Великий грех будет на том, кто, имея достаток, откажет нуждающемуся брату в помощи⁴⁵. В подобном взгляде на предмет мы в праве видеть уже такую этическую оценку института частной собственности, когда владение последней неразрывно связывается с долгом служить ближнему из своего достатка. Поэтому так ясно выступают в ветхозаветном жизнепонимании те черты типа праведника, по которым он охотно благотворит нуждающимся⁴⁶; и наоборот, отказ от помощи нуждающимся, взгляд на свою собственность, следовательно, как на личное только достояние, всегда рассматривается в качестве великого греха, влекущего за собой всякие несчастья⁴⁷. Сюда же можно причислить и законы, запрещающие брать рост с данного в заем единоплеменникам;

⁴⁰ Втор. XXIII, 24–25; сравни: Мф. XII, 1; Мк. II, 23; Лк. VI, 1.

⁴¹ Лев. XIX, 9–10; XXIII, 22.

⁴² Втор. XXIV, 19–21.

⁴³ Втор. XXIV, 12–13; Исх. XXII, 26–27.

⁴⁴ Втор. XXIV, 6.

⁴⁵ Втор. XV, 7–11.

⁴⁶ Например, Пс. XXXVI, 26; XL, 2; CXI, 9; Притч. XI, 24–25, 28; XIV, 21, 31; XXII, 7–9 и мн. др.

⁴⁷ Втор. XV, 7–11; Пс. IX, 23–39; Притч. XI, 17; XIV, 21, 31; XXII, 22–23; I Сир. XXXIV, 20–22 и мн. др.

законы, предполагающие также совместное пользование имуществом и отказ собственника на время от обычной эксплуатации своего имущества⁴⁸.

Мы охарактеризовали ветхозаветное законодательство в его отношении к праву частной собственности лишь в самых общих чертах, так как для нас это законодательство имеет ограниченное значение, как тень будущего закона любви в Царстве Христовом. Но все же сказанное нами позволяет сделать тот несомненный вывод, что ветхозаветное законодательство вместе с ограждением неприкосновенности частной собственности знает и существенные ограничения права частного владения в направлении к воспитанию того сознания, что право собственности неразрывно связано с долгом делиться своим с другими, смотреть на свое, как на принадлежащее, в известной мере, и другим. Но вполне естественно, что внутренние границы права собственности могли быть только значительно сужены, но не уничтожены в сознании ветхозаветного человечества. Для такого уничтожения нужна была совершенная любовь, полное единение с любимым. В отношении Бога человек давал начатки плодов, приносил десятину в храм и чувствовал себя искупленным рабом Иеговы. Если бедным давал десятую часть своего дохода⁴⁹, то сознавал, что долг человеколюбия исполнен. Только совершенная любовь выходит за границы числа и меры, и такая совершенная любовь открылась миру в *лице и деле* Христа Спасителя.

Едва ли, прежде всего, нужно долго останавливаться на том положении, что в новозаветном учении так же, как и в ветхозаветном, единым верховным *Владыкой всего представляется Бог*. Новозаветный человек так же ничего с собой не приносит в мир и, умирая, не может ничего из него вынести⁵⁰, как и ветхозаветный, но все получает от Бога⁵¹. Разница обоих Заветов в этом отношении та, что христиане получили еще *новые и безмерные дары* спасающей благодати, дары духовные, перед величием которых оказываются ничтожными все блага мира видимого, все счастье настоящей жизни⁵². Для христианского сознания со всей полнотой выступает та истина, что все в мире — Божие, и все, что есть в нас доброго — *дар Божией благодати*. Христианин не может ни одного волоса сделать белым или черным, ни прибавить себе росту хоть на один локоть⁵³, но стоит в благодати Божией и ею только хвалится в каждое мгновение истинно христианской жизни⁵⁴. Многие *притчи*

⁴⁸ Исх. XXII, 25; Лев. XXV, 35–37; Втор. XXIII, 19–20; Пс. XIV, 5; Притч. XXVIII, 8; Иез. XVIII, 8 и др.

⁴⁹ Втор. XIV, 22–29; XXVI, 12; сравни: Лк. XVIII, 12.

⁵⁰ 1 Тим. VI, 7.

⁵¹ Деян. XVII, 25.

⁵² Рим. VIII, 18.

⁵³ Мф. V, 36; VI, 27.

⁵⁴ Рим. V, 2; Еф. II, 8–9; 2 Тим. I, 9; Тит. III, 4–5 и мн. др.

Господа, например, о талантах и минах, о злых виноградарях, неправедном приставнике и другие, говорят со всей несомненностью о том, что человек в этом мире является *собственником лишь в условном смысле* этого слова: не владыкой твари, но как бы распорядителем чужого имущества, призванным *дать ответ* в верности управления порученным ему достоянием. Даже самые души и тела верующих рассматриваются в таком же достоинстве: как Божии⁵⁵, призванные быть храмами Духа Святаго⁵⁶.

Таким образом, и для христианина является первым долгом в его отношении к своей собственности распоряжаться ей *согласно с волей Божией*. Какая же это воля?

В христианстве мы *не находим частных законов*, ограничивающих право христиан распоряжаться своей собственностью, подобно ветхозаветным законам, запрещающим продажу земли навсегда, повелевающим не дожинать края поля, оставлять остатки бедным и т. д. Все подобные законы не могли иметь места в Царстве Христовом, где царит совершенный закон свободы⁵⁷; подобные законы и *не нужны* в Царстве Христовом, где должна царить совершенная любовь. Для такой любви не нужны ограничения числом и мерой, так как истинно христианская любовь по самой ее природе проникнута началом безграничного самоотречения и готовности на жертву. Христианство никогда не посягало на право частной собственности и со всей силой и определенностью утверждало *неприкосновенность* этого права⁵⁸. Но когда оно возвестило, что истинные ученики Христовы — только те, которые любят друг друга⁵⁹, и в лице Христа Спасителя указало идеал такой любви⁶⁰, то этим самым оно коренным образом *изменило взгляд человека на свое право владеть собственностью*. Мы уже сказали, что сущность любви состоит в живом стремлении к единению с любимым, в слиянии интересов любящих, в готовности ради любви на всякое самоограничение и жертву. Все это — такие свойства любви, которые внутренне не совместимы с началами, лежащими в основе этического обоснования права собственности. Не будем повторять сказанного и обратимся к изложению евангельского учения об отношении христианина к своей собственности.

Мы сказали, что характерным признаком любви всегда является самоотречение, готовность отказаться от своего ради любимого. И действительно, в Евангелии мы находим множество увещаний быть готовым на такое самоотречение и постоянный призыв делиться своим с другими.

⁵⁵ 1 Кор. VI, 20.

⁵⁶ 1 Кор. VI, 19.

⁵⁷ Иак. I, 25.

⁵⁸ Деян. V, 4.

⁵⁹ Ин. XIII, 35.

⁶⁰ Ин. XIII, 34; XV, 12.

«Я говорю вам, — учил Христос Спаситель, — не противься злему... но кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду»⁶¹. Таким образом, начало неприкосновенности права собственности для христианина имеет полную силу и значение лишь в отношении имущества других, а в своей личной жизни он отказывается от этого права во имя высших интересов, каких — увидим далее. И если так бывает при внешнем столкновении христианина со злой волей человека, то тем полнее и радостнее совершается такое *отрешение* от своего ради любви к Богу и ближним. «Всякий из вас, — учит Господь, — кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником»⁶². Почему так? Потому, несомненно, что жизнь в последовании Христу есть жизнь по закону любви, отказывающейся ради любимого всегда и от всего своего, не исключая самой жизни⁶³. Поэтому нас несколько не может удивлять настойчивый евангельский призыв, обращенный к ученикам Христовым, раздавать свое имущество. Общий закон этого раздаяния — закон простой и ясный: всякому просящему у тебя давай, и от взявшего твое не требуй назад⁶⁴. Ясно без особых рассуждений, что исполнение этого закона равносильно фактическому *отрешению от собственности*. И в Евангелии такое отрешение прямо требуется от всех, желавших следовать за Христом. Призывает Он апостолов Своих, и они тотчас оставляют все, чем владели⁶⁵, и идут за Ним. Такой же совет дает Христос и всему молодому стаду, готовому последовать за Ним: «продавайте, — заповедует Он, — имущества ваши и давайте милостыню»⁶⁶. Такой же совет дает Он и, в частности, богатому юноше: «если хочешь, — говорит ему Спаситель, — быть совершенным, пойдя, продай имение твое и раздай нищим и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мной»⁶⁷. Юноша отошел с печалью, не имея решимости исполнить заповедь Христа, и не мог уже идти за Ним, как и никто не может, по словам Господа, служить двум господам: Богу и маммоне⁶⁸. В словах Господа богатому юноше мы видим прямое указание на то, что *отказ от собственности есть одно из условий нравственного совершенства*. Мы еще должны будем возвратиться к этой поучительной истории, когда у нас будет речь о христианском взгляде на богатство и бедность; пока же отметим то несомненное, на наш взгляд, обстоятельство, что подобное отрешение требовалось Христом Спасителем от всех Своих ближайших последователей. Совершалось ли

⁶¹ Мф. V, 39–40.

⁶² Лк. XIV, 33.

⁶³ Ин. XV, 13.

⁶⁴ Лк. VI, 30; сравни: Мф. V, 42.

⁶⁵ Мф. IV, 20, 22; Мк. I, 18, 20; Лк. V, 11; Мф. XIX, 27; Лк. XIX, 28.

⁶⁶ Лк. XII, 33.

⁶⁷ Мф. XIX, 21.

⁶⁸ Мф. VI, 19–24.

это отрешение в такой форме, какая была указана Господом богатому юноше и другим, искавшим спасения⁶⁹, или же в иной форме, например, в форме служения от своих имений самому Господу и Его ученикам⁷⁰, но, во всяком случае, весь дух Христовой проповеди говорил о том, что в христианское сознание *не может входить* в качестве жизненной нормы *забота о приобретении, хранении и умножении собственности* в форме личного владения благами земли. Помимо прямой заповеди благотворить всем и давать взаймы, не ожидая вознаграждения⁷¹, что неизбежно связывается с постоянной готовностью отрешаться от своего ради ближних, самый идеал христианского настроения в отношении к миру и его благам вовсе исключал даже возможность речи со стороны верующих *о праве* своем владеть собственностью и *о долге охранять это право*. Вот те слова Господа, в которых с трогательной простотой и вместе силой изображается истинно христианское отношение ко всему тому, что обычно является предметом владения в этом мире. «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапываются и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют, и где воры не подкапываются и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше... Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело — одежды? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницу, и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хоть на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, колми паче вас, маловеры! Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться, потому что всего этого ищут язычники; и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем, довольно для каждого дня своей заботы»⁷². Достаточно, думается, прочитать эти слова, чтобы стало ясно, что при таком взгляде на мир и на его блага невозможна самая речь

⁶⁹ Лк. VI, 38; XI, 41; XII, 15, 33 и др.

⁷⁰ Лк. VIII, 3.

⁷¹ Мф. IV, 42, 44; Лк. VI, 30, 35, 38 и др.

⁷² Мф. VI, 24–34.

о своем праве владеть чем-либо. Для того, кто внутренне отрешится от всего, что имеет⁷³, не может быть страха лишиться собственности; как не может быть думы о своем праве владеть своим у того, кто сердцем воспринял учение Христа: всякому просящему у тебя дай⁷⁴. В сознании христианина царит одно представление: один у нас Отец Небесный и один Учитель — Христос, а мы все — братья друг другу⁷⁵. Эта идея христианского равенства и братства делает то, что, если в личной жизни в отношении собственности руководящим принципом является отказ от нее в пользу неимущих, то в жизни христианской общины таким *принципом должно, естественно, явиться общение имуществ*. Разумеется, как в личной жизни не может быть места закреплению собственности в одних руках, так и в жизни христианской общины нет места такому закреплению, но ее имущество служит всем нуждающимся, как это доказала жизнь первенствующей Церкви. Но все же в недрах церковной общины наиболее определенно осуществляется принцип общения имуществ. В конкретной форме с известной организацией распределения материальных средств мы встречаем такое *общение в первенствующей Церкви*.

Конечно, пока был со своими учениками Христос Спаситель, подобная организация являлась излишней; и только по Вознесении Христовом и более широком распространении христианства явилась нужда в более определенной организации церковной жизни вообще, а в частности — и устройства материального быта христианской общины. Но уже и в Евангелиях мы находим несомненные данные для того утверждения, что как *Христос Спаситель, так и Его святые апостолы не имели личной собственности* во время земной жизни Христа Спасителя, но получаемое от добрых дел⁷⁶ расходовали сообща⁷⁷. Нет нужды раскрывать ту бесспорную истину, что Христос Спаситель есть идеал нравственного совершенства для каждого христианина. Такое же идеальное значение имеет и Его отношение к собственности. Он не мог иметь заботы о ней и не имел ничего, сверх самого необходимого. Тот, Кто учил других быть совершенно независимыми от влечения к обладанию миром и не заботиться о завтрашнем дне, Сам оставил нам в этом отношении, как во всех других, высочайший образ, чтобы мы следовали по Его стопам⁷⁸. «Лисицы, — говорит Господь, — имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову»⁷⁹. Он, подобно бездомному бедняку, утоляет со Своими учениками голод, срывая колосья на

⁷³ Лк. XIV, 33.

⁷⁴ Лк. VI, 30.

⁷⁵ Мф. XXIII, 8–10.

⁷⁶ Лк. VIII, 3.

⁷⁷ Ин. XII, 6; XIII, 29.

⁷⁸ 1 Петр. II, 21.

⁷⁹ Мф. VIII, 20; Лк. IX, 58.

поле⁸⁰, ища смоквы на дереве⁸¹ и принимая добровольные даяния от Своих последователей⁸². Последние, надо думать, и составляли ту, несомненно, небольшую, общую собственность Христа Спасителя с Его учениками, которая хранилась в ковчежце Иуды⁸³ и служила как для удовлетворения нужд маленькой общины, так и для раздачи беднейшим⁸⁴.

Великие начала новой жизни во Христе, возвещенные в Евангелии, нашли свое дальнейшее раскрытие и осуществление, прежде всего, *в учении и жизни святых апостолов* и первенствующей Церкви. И как в личной жизни святых апостолов, так и в их учении и, наконец, в самой жизни руководимой ими первенствующей Церкви мы находим совершенно определенно выраженное отношение к праву собственности, вполне, конечно, согласное с началами, возвещенными миру Христом Спасителем. Начала эти — внутреннее отрешение от исключительного владения собственностью и готовность всем своим делиться с другими. В своей личной жизни святые апостолы являлись прямыми подражателями своему Господу: *они не имели собственности*, как это ясно выступает из свидетельств самих святых апостолов. «Серебра и золота нет у меня», — говорит о себе апостол Петр⁸⁵, и апостол Павел свидетельствует об апостолах вообще: «Мы нищи... мы ничего не имеем»⁸⁶. Апостольская точка зрения на собственность вполне, конечно, совпадает с учением Господа: все должно ограничиваться необходимым: «Имея пропитание и одежду, — говорит св. апостол, — будем довольны тем»⁸⁷. Сам апостол Павел трудился ради этого, не желая обременять верных⁸⁸, и при этом еще служил другим, находившимся при нем⁸⁹; и однако часто не имел и где голову приклонить, и чем насытиться, и во что одеться. «Я часто был, — пишет он о себе, — в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе»⁹⁰. И если в своем лице святые апостолы во всей чистоте осуществили евангельское начало всецелого отрешения от своего и служения другим, то в своем *учении* они призывали к этому же верующих. Мы уже сказали, что истинное отрешение от собственности вовне выражается *лично* каждым в осуществлении евангельского повеления: всякому просящему у тебя давай; а *в жизни общины* такое внутреннее отрешение имеет своим

⁸⁰ Мф. XII, 1; Мк. II, 23; Лк. VI, 1.

⁸¹ Мф. XXI, 19; Мк. XI, 20–21.

⁸² Лк. VIII, 3.

⁸³ Ин. XII, 6.

⁸⁴ Ин. XIII, 29.

⁸⁵ Деян. III, 6.

⁸⁶ 2 Кор. VI, 10.

⁸⁷ 1 Тим. VI, 8.

⁸⁸ 2 Фес. III, 8.

⁸⁹ Деян. XX, 34–35.

⁹⁰ 2 Кор. XI, 27.

прямым следствием *общение имуществ*, когда свободно отказываются от того, чтобы называть что-либо своим. И оба эти проявления христианского отрешения от своего нашли свое выражение в учении апостолов и в самой жизни Церкви апостольского периода. Всюду в писаниях апостолов мы читаем призыв делиться своим достатком с нуждающимися⁹¹, а в самой жизни первенствующей Церкви встречаем и действительное идеальное осуществление этого завета в форме общения имуществ. Вот как, просто и трогательно, повествует об этом книга апостольских Деяний: «Все верующие были вместе и имели все общее; и продавали имущества и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого... У множества уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имущества своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду»⁹². Такова чудная картина того единения духа, какое царило в первохристианской общине; и, оценивая это явление жизни первенствующей Церкви с этической точки зрения, мы в праве в описанном порядке *видеть идеальное воплощение тех начал, какими проникнуто Евангелие* в его отношении к устройению материальной стороны человеческой жизни. У множества верующих было одно сердце и одна душа; царила, иначе сказать, *любовь*, как действительная основа жизни, делавшая то, что спадали оковы эгоизма, и каждый свободно отказывался от своего ради общего блага. Нет ни малейшего сомнения, что эта картина жизни первенствующей Церкви должна иметь громадное значение для христианской этики в ее учении о материальной культуре. Эта картина показывает с наглядной простотой, но и бесспорной убедительностью, что нравственным долгом для христианина должно быть не «приобретение, хранение и умножение» имущества, но такая полнота переживаний любящей души, при которой была бы *психологически невозможна* самая мысль об исключительности моего *права на обладание* известным предметом. Христианство никогда не посягало на неприкосновенность права собственности и признавало юридическое право каждого владеть своим не только в известных словах св. апостола Петра Анании⁹³, но и в строжайшем осуждении всякого посягательства на чужое⁹⁴. Однако, самая природа христианской любви такова, что там, где она действительно царит, мы всегда встречаем и общение имуществ, подобно тому, как оно

⁹¹ Например, Иак. II, 14–17; 1 Петр. IV, 8–10; 1 Ин. III, 17; Рим. XII, 20; 1 Кор. XVI, 1–3; 2 Кор. VIII, 11–15; IX, 6–10; Гал. II, 10; 1 Тим. VI, 18 и др.

⁹² Деян. II, 44–46; IV, 32–35.

⁹³ Деян. V, 3.

⁹⁴ 1 Кор. VI, 10; Еф. IV, 28; Тит. II, 10.

было в жизни первенствующей Церкви. Для иллюстрации нашей мысли мы укажем на *жизнь семьи*. Закон признает право каждого члена семьи на обладание известной собственностью. Между тем, в действительности нет такого внешнего деления «моего» и «твоего» в жизни каждой семьи, связанной чувством живой любви. Этим чувством была одушевлена и первенствующая Церковь, у которой живо было сознание того, что один у всех Отец Небесный, один Спаситель мира и все они — братья и сестры, призванные вместе совершать свое земное течение и вместе стремиться к спасению. Насколько такое сознание должно быть свойственно каждой христианской общине, настолько несомненно, что *в идеале устройства Царства Божия на земле в Церкви Христовой* мы должны мыслить такое единение духа, а неразрывно с ним — и *единение в имуществе*, реальный свободный отказ в отношении владения своим имуществом от того юридического начала, которое лежит в основе царства эгоизма. Мы, таким образом, смотрим на единение имуществ в первенствующей Церкви, как на ту *идеальную форму*, в какой должно выражаться каждое искреннее стремление общества устраивать жизнь на христианских началах. Но мы не можем ограничиться только подобным положительным утверждением и должны сказать два слова по поводу отношения к интересующему нас факту нашей *научной этики*. Отношение это удивительное. Вот, например, как оценивается этот факт в нашей серьезнейшей научной системе нравственного богословия. Указав на факт общения имуществ в среде членов первенствующей Церкви, описанный книгой Деяний, ученый моралист заключает: «Известно, что общение имуществ первых христиан было *кратковременным и местным*; существовало оно недолго только в Иерусалиме. И оказалось оно *непрактичным*: иерусалимская община настолько обеднела, что другие христианские общины посылали ей вспоможения»⁹⁵. Такое поверхностное, почти ироническое отношение к великому явлению церковной жизни прямо-таки непонятно. В задачу нашего труда не входит исследование исторических судеб общения имуществ в древней Церкви. Ограничимся замечанием, что нельзя с уверенностью сказать ни того, что общение имуществ было только в Иерусалимской церкви, ни того, что это общение было кратковременным, и церковь Иерусалимская обеднела именно вследствие такого общения. Когда мы будем излагать святоотеческое учение о собственности, то увидим всю рискованность того заключения, что общение имуществ было только в Иерусалимской церкви и продолжалось очень недолго. А каждому, знакомому с историей Иерусалима во второй половине I века, ясно, что, если и могло общение имуществ неблагоприятно отразиться на материальной стороне жизни Иерусалимской церкви, то, во всяком случае, это было не единственное неблагоприятное условие, но что Иерусалим постиг

⁹⁵ М. А. Олесницкий, «Из системы христианского нравоучения», стр. 409.

целый ряд внешних бедствий. И самый призыв апостола Павла, обращенный к Коринфской церкви, всегда дает возможность предполагать такой порядок, какой указывал сам апостол, когда призывал коринфян помогать бедствующей Церкви: «ныне, — писал св. апостол, — вот избыток в восполнении их недостатка, а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность»⁹⁶. Ясно, что это место не о том говорит, будто общение имущества «оказалось непрактичным», но о том желании апостола, чтобы оно распространилось на *все христианские церкви*, и чтобы последние, разделенные большим пространством, сознавали себя членами *одного великого целого* — Церкви Христовой — и братьями друг другу. Но если и отрешиться от такой *исторической перспективы*, то с чисто этической христианской точки зрения такое полуироническое отношение к делу нужно признать вовсе неподходящим и не имеющим для себя никакой опоры во взглядах представителей древней Церкви. Нужно заметить, что, если мы и процитировали лишь одну систему покойного профессора Олесницкого, то потому, что в ней наиболее определенно и научно *честно* высказан отрицательный взгляд на опыт жизни первенствующей Церкви. В других случаях это делается под маской лицемерных комплиментов по адресу высоты жизни первенствующей Церкви. Но сущность дела от этого не меняется, и господствующий у нас взгляд на общение имущества в первые дни христианства тот, что на это общение смотрят, не как на идеальную форму устройства материальной жизни членов церковного братства, но как на *утопическую* попытку, окончившуюся неудачно. Но хотя это взгляд и господствующий, тем не менее, — вовсе *неуместный* в христианской этике. Ведь жизнь первенствующей Церкви была тем временем, когда в ней обильно царили благодатные дары Св. Духа, когда в среде этой Церкви находилась Мать Божия и все апостолы, которые и были главными руководителями церковной жизни. Едва ли при таких условиях возможно видеть в братском общении имущества членов первенствующей Церкви случайную и неудавшуюся попытку организовать жизнь на истинно братских началах. Если даже и согласиться с тем, что этот опыт дела христианской любви оказался и неудавшимся — для такого суждения, однако, мы не имеем данных — то, во всяком случае, не место иронии и жалким комплиментом там, где выступает налицо режущий разлад идеальных требований христианской любви и эгоистических традиций человеческого общежития. Самая неудача организации жизни первенствующей Церкви не могла бы послужить помехой видеть в этой организации идеальную ее форму, точно так же, как отсутствие в христианском мире любви к ближним не может служить препятствием к тому, чтобы это начало признавалось нормой христианских отношений. И если, как

⁹⁶ 2 Кор. VIII, 14.

мы сказали, единение имуществ в христианской общине есть необходимый результат, вернее — выражение духа любви членов Церкви друг к другу, то мы считаем себя вправе с научно-христианской точки зрения утверждать, что *общение имуществ в первенствующей Церкви есть и навсегда пребудет идеалом устройства материальной стороны жизни членов Христовой Церкви.*

Такой взгляд резко расходится со взглядом на предмет нашего современного богословия; но это не может нас особенно смущать потому, во-первых, что высказываемый нами взгляд находится в совершенной гармонии с основным практическим началом христианской жизни; и потому, во-вторых, что, расходясь с господствующей тенденцией современного богословия, этот взгляд совпадает всецело с учением отцов и учителей Вселенской Церкви, которые в устройении первохристианской общины видели идеальную форму церковного общения, а в *общении имуществ* — *естественное выражение христианской любви*, объединяющей людей в братскую семью; выражение, являющееся желательным во *всякое мгновение жизни на земле* Церкви Христовой. При этом в святоотеческой письменности *первых трех веков* встречается не только признание идеального значения за формой общения имуществ в деле устройства материального быта общины, но и положительный призыв к этому, и указание на действительное существование такого общения в среде христиан. А в *последующие века* взоры учителей Церкви обращаются от современного им положения церковной жизни к первым дням христианства, и в *сиянии этого царства любви* они показывают своим современникам, какой должна быть жизнь христианская.

Все это ясно откроется при изложении святоотеческого учения о собственности; но прежде, чем перейти к изложению этого учения подведем кратко итоги тому, что стало ясным для нас из откровенного учения в его отношении к праву человека владеть своим.

Прежде всего, мы думаем и утверждаем, что в откровенном учении нет и намек на долг «приобретать, хранить и умножать» свое имущество. Всюду вместо этого заповедуется не приобретать себе сокровищ на земле, не заботиться о том, что тлеет, и раздавать свое достояние неимущим. Иными словами, в *откровенном учении заповедуется как раз обратное тому, что дозволяется и одобряется* нашими системами нравственного богословия. Вследствие этого, естественно, и отношение к праву собственности в новозаветном Откровении и в нашем богословии устанавливается неодинаковое. Откровенное учение, как мы сказали, *признает это право* как наличный факт действительной жизни. И не только в прямых словах св. апостола Петра Анании⁹⁷, но и в абсолютном запрещении всякого посягательства на чужую собственность утверждается принцип

⁹⁷ Деян. V, 3.

неприкосновенности права каждого владеть принадлежащим ему по гражданскому закону. Христианство по самой своей природе не отрицало юридических норм общежития, даже такой нормы, как институт рабства. Но оно сообщало этим нормам новое освещение, вдыхало в них *новый дух* и через это преобразовывало их. Так было вообще, так и в отношении христианства к праву собственности. Оно признало это право в качестве *юридической* нормы, но само говорило не об этом праве, но *о долге нашего отказываться* от этого права в случае внешнего насилия и всегда думать не о том, чтобы владеть своим, но о том, чтобы делиться своим с другими. Поэтому, когда наше богословие говорит о том, что право собственности «святыня для христианина», то мы думаем, что это *не христианская характеристика*. Конечно, если под терминами «священный» и «святыня» подразумевать принцип неприкосновенности, то это — бесспорная истина. Но такое словоупотребление все-таки будет не вполне точным. Термины «священный» и «святыня» приложимы в истинном смысле слова лишь к идеальным нормам собственно христианского нравственного закона. А такой идеальной нормой в христианстве является не право собственности, но, согласно учению Откровения и Церкви, добровольное внутреннее, а иногда и внешнее отречение от права собственности, когда последняя рассматривалась как общее достояние. Мысль эта, как сейчас увидим, проходит яркой нитью через все века жизни древней Церкви и находит в святоотеческом учении такое резкое выражение, что самое происхождение права собственности рассматривается как признак оскудения любви среди людей и наглядное выражение отсутствия среди них истинно братского единения в жизни.

На рубеже письменности апостольской и святоотеческой находятся *писания мужей апостольских*. В этих памятниках древней церковной письменности мы, конечно, не встречаем подробно развитого учения о собственности, но, однако, находим существенно важные для нас указания на то, что человек является в этом мире собственником лишь в условном смысле, только распорядителем Божиих даров; и, согласно воле Божией, должен смотреть на свое, как на принадлежащее всем его собратьям. В «*Послании апостола Варнавы*», этом древнейшем памятнике церковной письменности, его святой автор изображает, между прочим, два возможных пути нашей жизни: путь света и тьмы, путь любви и злобы. И в изображении первого пути встречается, как неотделимый признак истинной любви, совершенное общение верующих. «Люби ближнего, — пишет св. Варнава, — более души своей... Имей общение с ближними во всем и не называй ничего *собственностью*; ибо если вы общники в благах нетленных, то не более ли в вещах тленных?... Не будь простирающим рук к принятию и сгибающим их, когда ты должен дать»⁹⁸.

⁹⁸ Гл. 19, русский перевод протоиерея П. Преображенского.

В «*Пастырь*» Ерма находится довольно подробное раскрытие той мысли, что все в мире — Божие достояние, и человек должен владеть им так, чтобы все участвовали в обладании Божиими дарами. «Не пользуйтесь, — увещает старица в *видении* Ерма, — одни творениями Божиими, но щедро раздавайте нуждающимся»⁹⁹. «Всем давай, — заповедует Пастырь, — потому, что Бог хочет, чтобы всем было даруемо из Его даров. Берущие отдадут отчет Богу... Дающий же не будет виноват, ибо он исполнил служение, какое получил от Бога»¹⁰⁰. В *подобии* первом подробно раскрывается та мысль, что человек в этом мире не может иметь истинной собственности, но что если кто владеет чем-либо, то должен всем делиться с нуждающимися ближними. «Пастырь сказал мне: знаете ли, что вы, рабы Божии, находитесь в странствии? Ваш город находится далеко от этого города. Итак, если знаете ваше отечество, в котором имеете жить, то зачем здесь покупаете поместья, строите великолепные здания и ненужные жилища?... Несмысленный, двоедушный и жалкий человек, не понимаешь ли, что все это — чужое и под властью другого... Итак, смотри, подобно страннику на чужой стороне, не приготовляй ничего более, как сколько тебе необходимо для жизни... Итак, вы, служащие Богу и имеющие Его в сердцах своих, смотрите: делайте дела Божии... Вместо полей, искупайте души от нужды, сколько кто может, помогайте вдовам и сиротам; богатство и все стяжания ваши употребляйте на такого рода дела, на которые вы и получили их от Бога. Ибо Господь обогатил вас для того, чтобы вы исполняли такое служение Ему. Делать это гораздо лучше, чем покупать поместья или дома, потому что все это погибнет в этом мире»¹⁰¹. «Должно всякого человека исхищать из бедствия... Кто знает о бедствии такого человека и не избавляет его, тот допускает великий грех и делается виновен в крови его. Итак, благотворите, сколько кто получил от Господа»¹⁰². Таким образом, Ерм требует отрешиться от взгляда на свое имущество как на свою неотъемлемую собственность, но видит в нем нечто такое, на что имеют право все нуждающиеся.

«*Учение двенадцати Апостолов*», этот древний памятник, примыкающий к веку писаний мужей апостольских, содержит очень выразительное поучение, как должно смотреть на свою собственность, причем в этом случае близко примыкает к взглядам, высказанным в послании апостола Варнавы. «Всякому просящему у тебя дай, — повторяет «Учение» слова Господа, — и не требуй назад; ибо Отец желает, чтобы всем было даруемо от Его благодатных даров»¹⁰³. «Не отвращайся от нуждающегося, но во

⁹⁹ Вид. 3, гл. 9.

¹⁰⁰ Заповедь 2.

¹⁰¹ Подобие 1, рус. перевод протоиерея Преображенского.

¹⁰² Подобие 10, гл. 4.

¹⁰³ Гл. 1, рус. перевод проф. Попова.

всем имей общение с братом своим; и ничего *не называй* своей *собственностью*; ибо если вы соучастники в нетленном, то тем более в вещах тленных»¹⁰⁴.

В писаниях мужей апостольских, соответственно их учительному характеру, мы слышим только призыв к отказу от того, чтобы называть что-либо своей собственностью, но не встречаем определенных указаний, осуществлялось ли это идеальное требование и в действительной жизни Церкви. В писаниях христианских апологетов мы находим положительный ответ и на этот вопрос, когда они дают отчет врагам христианства в тех началах, какими руководится Церковь в своей жизни. Так, *св. Иустин*, философ и мученик, свидетельствует в своей первой *«апологии»*, что и в его время существовало в Церкви общение имуществ. «Прежде мы, — говорит св. Иустин о христианах, — более всего заботились о снискании богатства и имения; ныне и то, что имеем, вносим в общество и *делимся со всяким* нуждающимся...»¹⁰⁵. «И достаточные из нас помогают всем бедным, и мы всегда живем заодно друг с другом... Достаточные и желающие, каждый по своему произволению, дают, что хотят, и собранное хранится у предстоятеля; а он имеет попечение... о всех, находящихся в нужде»¹⁰⁶.

О готовности христиан отказаться от всего своего в пользу неимущих свидетельствует и *св. Ириней Лионский*. «Есть, — говорит он, — приношения там (в Ветхом Завете), есть приношения и здесь (в Новом); есть жертвы у народа (иудейского), есть жертвы и в Церкви; но изменен только вид, так как приношение делается уже не рабами, а свободными... И посему те посвящали Ему (Богу) десятины своих (имений); а получившие свободу определяют все имущество свое для целей Господних, радостно и свободно давая не меньшее в надежде получить большее; так, бедная вдова все свое состояние отдала в сокровищницу Божию»¹⁰⁷.

Знаменитый апологет христианства *Тертуллиан* с большой определенностью и выразительностью высказал христианский взгляд на характер нашего владения в этом мире. «Господь, — говорит он в своем сочинении *«О терпении»*, — тысячекратно повелевает тебе презирать мир или, лучше сказать, научает тебя, как презирать временные блага, потому что нигде Сам Он не оказывает к ним ни малейшего уважения... Даже и то, что мы считаем своим, не есть наше. *Мы ничего не имеем: все принадлежит Богу*, Которому и сами мы принадлежим. Итак, когда случится нам что потерять, и мы переносим то с нетерпением, то через сие показываем, что мы не свободны еще от сребролюбия, потому что жалеем о том, что нам

¹⁰⁴ Гл. 4.

¹⁰⁵ Гл. 14, рус. перевод протоиерея Преображенского.

¹⁰⁶ Гл. 47.

¹⁰⁷ «Против ересей», кн. IV, гл. 18, рус. перевод протоиерея Преображенского.

не принадлежит. Огорчаться потерей того, что не наше, значит желать чужого. Таким образом, мы должны мужественно отречься от земных вещей и непрестанно созерцать блага небесные»¹⁰⁸.

В своей «Апологии» Тертуллиан рисует картину живого братского общения верующих своего времени, составившего полную противоположность языческой разьединенности. «Мы живем, — свидетельствует апологет, — *по-братски на счет общности имущества*, между тем как у вас эти имущества производят ежедневные раздоры между братьями. Составляя между собой одно сердце, одну душу, можем ли мы отказываться от общности имущества? *Все у нас общее*, исключая жен; мы разделяемся друг от друга в сем единственно отношении... Относительно христиан ничего тут нет удивительного, что у них *общие столы*... Одно их (столов) имя показывает, какое к тому побуждение. Их называют «агарес» — слово греческое, означающее «любовь». Чего бы ни стоили вечера наши, мы считаем себя довольно вознагражденными тем, что делаем добро: мы облегчаем тем состояние бедных людей»¹⁰⁹. В своем трактате «Об идолопоклонстве» Тертуллиан с воодушевлением и силой христианского убеждения изображает то начало *совершенного отречения от всего своего*, какое мыслится с понятием истинного христианина. «Что за предлог, — спрашивает Тертуллиан, — по принятии христианской веры отговариваться потребностями жизни и жаловаться, что нечем жить? На такую отговорку я мог бы коротко и просто отвечать: ты говоришь про то слишком поздно, прежде, нежели ты сделался христианином, надлежало бы тебе о том размыслить... Теперь же у тебя есть заповеди Господни, есть образцы, отъемлющие у тебя всякий предлог. О чем ты говоришь? Я буду беден; но Господь отвечает: «блаженны нищие». — У меня не будет пищи; но в законе сказано: «не печетесь, что ясте или что пиете». — Нет одежды; «смотрите крин сельных: не труждаются, ни прядут». — Мне нужны деньги; «вся, елика имаши, продаждь и раздай нищим». — Мне надобно устроить детей и подумать о потомстве; «никто же возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии». — Но я в мире имел известное звание; «никто ни может двема господинома работати». Если ты хочешь быть учеником Христовым, то возьми крест твой и иди по Нем, то есть переноси бедность, страдания и самое тело твое... Жену, детей, родственников — ты все можешь оставить для Бога... Когда Иаков и Иоанн были позваны Господом нашим, они оставили и корабль, и мрежи, и отца своего; когда Господь воззвал Матфея, он тотчас сошел с мытницы своей и последовал Ему. Никто из избранных Богом мужей не отвечал: «мне нечем жить». Вера не боится голода, зная, что из любви к Богу надобно презирать

¹⁰⁸ Гл. 7, рус. перевод Карнеева.

¹⁰⁹ Гл. 39, рус. перевод Карнеева.

голод, как и всякую другую смерть; она (вера) привыкла не беспокоиться не только о пище, но и о самой жизни»¹¹⁰.

Климент Александрийский в своем известном сочинении «*Кто из богатых спасется*», являющемся исключением среди произведений древнецерковной письменности по взгляду на богатство (о чем речь ниже), по вопросу о праве человека владеть своей собственностью держится воззрений, согласных в существенном с другими представителями древнецерковной мысли. «По природе своей, — рассуждает Климент, — всякое богатство, каким бы кто ни владел, не составляет прямой собственности того, но возможно из сей неправоты создавать дело правое и спасительное»¹¹¹. Каким образом? на это находим ответ далее, где заповедуется не только давать всякому просящему, но еще и отыскивать нуждающихся¹¹², и не запирает друг от друга того, что скоро огонь пожрет, и не удерживать того, что принадлежит этому миру, что собой представляет нечто нищенское, чуждое и брэнное¹¹³. Ясно, что подобное отношение к собственности должно *вести к общению имуществ*. Эту мысль и выразил сам Климент в другом своем сочинении «*Педагог*». «Бог создал, — пишет он здесь, — человечество для братского общения, Сам первое всего пожертвовав Своим Сыном и Логосом, все доставляя всем, даровавши в общее достояние для всех. Все, следовательно, должно быть общим, и богатые не должны желать больше иметь, чем другие. Слово: «у меня драгоценности есть, почему же не должно себе доставлять удовольствие ими» — не человечно, не есть оно слово братское. Более соответствует христианской любви другое слово: «у меня есть это, почему же не должен я с нуждающимся поделиться?». Такой человек совершен и исполняет заповедь: возлюби ближнего, как самого себя... Знаю, что Бог дал нам право наслаждаться, но только в пределах необходимого, и по Его воле наслаждение должно быть общим. Это не в порядке вещей, чтобы один в изобилии жил, тогда как многие терпят нужду»¹¹⁴. Мы думаем, что сущность воззрений Климента Александрийского на право собственности можно выразить следующими его словами: «кто владеет собственностью, и золотом, и серебром, и домами как даром Божиим и своими богатствами Подателю всех благ Богу служит к спасению душ, и кто знает, что этим он владеет более из-за собратий, нежели ради себя... того прославляет Господь как блаженного и называет нищим в духе»¹¹⁵. Таким образом, и по взгляду Климента, человек владеет

¹¹⁰ Гл. 12, рус. перевод Карнеева.

¹¹¹ Гл. 31, рус. перевод Климент Александрийский. Кто из богатых спасется и Увещевание к эллинам. С греч. пер. с примечаниями Н. Корсунского. Ярославль. Тип. Губерн. Земской Управы. 1888г.

¹¹² Там же.

¹¹³ Гл. 37.

¹¹⁴ II, 12, перевод Корсунского.

¹¹⁵ «Кто из богатых спасется», гл. 16, рус. перевод Корсунского.

собственно *Божиим достоянием* и обязан распоряжаться этим достоянием согласно с Божией волей. При этом у Климента мы встречаем интересное рассуждение, почему мы имеем право считать своей собственностью то, что собственно принадлежит Богу. «Если, — рассуждает он, — достояние того и другого из друзей составляет общую их собственность, а Бог и человек теперь между собой поставлены в отношении дружественные (так как, благодаря посредству Слова Божия, Бог стал другом людей), то, действительно, все становится достоянием человека, потому что Богу все принадлежит; и все это составляет *общую собственность обоих друзей: и Бога, и человека*»¹¹⁶.

Великий христианский епископ III века *св. Киприан Карфагенский* с особенной выразительностью оттенил тот взгляд христианства на право собственности, по которому христианин должен думать не об этом праве и охранении своего имущества, но о добровольном отказе от своего достояния ради любви к братьям. Исходя из того убеждения, что только духовные блага суть блага истинные, которые у Бога составляют нашу истинную собственность, а блага мира — презренны¹¹⁷, св. Киприан признак христианского совершенства видит *в отказе от собственности*. «Надобно, — писал он, — удаляться от имущества, как от неприятеля, убежать от него, как от разбойника, бояться, как меча и яда, для обладающих им... Все наше богатство и имущество пусть будет отдано для приращения Господу, Который будет судить нас. Так процветала вера при апостолах! Так первые христиане исполняли веления Христовы! Они с готовностью и щедростью отдавали все апостолам для раздела»¹¹⁸. И вообще, по воззрению святителя, «кто сделался учеником Христовым, тот, по словам Учителя, отказываясь от всего, должен просить *только дневного пропитания* и в молитве не простирает далее своих желаний... Господь учит, что тот вполне совершен, кто, продав все свое состояние и раздав в пользу нищих, заготовляет себе сокровище на небе¹¹⁹; тот, по словам Господа, может следовать за Ним и подражать славе страдания Господня, кто в готовности и охоте своей не задерживается никакими сетями домашнего хозяйства, но, предслав свое имущество Богу, *отрешенный и свободный*, и сам идет туда же»¹²⁰. Особенно выразительно свой взгляд на отношение христианина к праву собственности св. Киприан высказал в *«Книге о благотворениях и милостыне»*. Здесь он раскрывает ту мысль, что почитаемое нами за собственность есть в действительности общее наше достояние, и в восторженных словах рисует картину жизни

¹¹⁶ «Увещание к эллинам», гл. 12, рус. перевод Корсунского.

¹¹⁷ «Книга об одежде девственников», ч. 2 рус. перевода, стр. 129. Киев. 1879 г.

¹¹⁸ «Книга о падших», ч. 2, стр. 168.

¹¹⁹ «Книга о молитве Господней», ч. 2, стр. 205–206.

¹²⁰ Мф. XIX, 21.

апостольской Церкви, где царил и совершенная любовь, и полное общение имуществ. «Размыслим, — говорит святитель, — возлюбленнейшие братья, о том, что делали верующие *во времена апостолов*... в то время продавали дома и поместья, а деньги охотно и в изобилии приносили апостолам для раздачи бедным; посредством продажи и раздачи земных стяжаний переносили свое имущество туда, откуда можно бы получать плоды вечного обладания; приобретали дома там, где можно бы поселиться навсегда. В благовторении было тогда столько же щедрости, сколько согласия в любви, как о том читаем в Деяниях апостольских: народу же веровавшему бе сердце и душа едина, и ни один же что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща. Вот, что значит быть истинными чадами Божиими по духовному рождению! Вот, что значит подражать по небесному закону правде Бога Отца! Ибо *что принадлежит Богу*, то должно составлять *общее наше достояние*, и никто не должен быть лишаем участия в благодеяниях и дарах Его так, будто весь род человеческий не одинаково должен пользоваться благостью, щедростью и милостью Божественной. Так, одинаково для всех светит день, одинаково сияет солнце, падает дождь, дует ветер, и сон у спящих один, и блистание звезд и луны обще для всех. И если земной владелец, руководствуясь таким *примером равенства*, разделяет свои плоды и прибыли с братством, то он, становясь через безмездные щедрые подаяния общительным и справедливым, становится подражателем Бога Отца»¹²¹.

Св. Киприан стоит почти на границе двух *периодов церковной истории*: того, когда еще не различались строго идеальные требования христианского совершенства и нормы действительной жизни верующих, и того периода, когда полное осуществление требований христианского совершенства учителя Церкви начали относить к прошлому церковной жизни, а в настоящем более обличали несоответствие того, что есть, с тем, что должно быть. В творениях св. Киприана мы еще встречаем одновременно и обличение, горячее и суровое, того ненормального порядка распределения имуществ, какое было в Карфагенской церкви, современной ему; и горячий призыв отказываться от своего ради ближних, с живой верой в возможность осуществления этого и с твердым сознанием того, что общецерковное имущество еще велико¹²². Начиная с *IV века* — период торжества христианства в Римской империи — замечается яркое *преобладание обличительного элемента* в поучениях великих пастырей Церкви и постоянное обращение к прошедшим судьбам церковной истории, которые представляются святым отцам и изображаются ими одновременно и прекрасными, и далекими от их времени. Если император *Юлиан* говорил еще во второй половине IV века, что «из иудеев никто не просит

¹²¹ Ч. 2, стр. 276–277 рус. перевода.

¹²² Например, «Письмо к Евкратию о комедианте», ч. 1, стр. 21–22.

милостыни, и нечестивые галилеяне, кроме своих, питают и наших»¹²³, то это можно было сказать лишь по сравнению с миром эгоизма, царившим в языческом обществе, но не сравнительно со светлыми днями первых веков христианства. Проповеди великих современников Юлиана, как, например, св. Василия Великого, Григория Богослова и других, ясно говорят, что и в христианской Церкви были нищие, царило имущественное неравенство и отсутствовала истинно христианская любовь.

Но такое *понижение* общего уровня действительной христианской жизни *не отразилось на самой сущности святоотеческого учения* и понимания святыми отцами христианства. Святых отцов не смущало несоответствие действительной жизни христиан идеальным евангельским требованиям; и в святоотеческом учении мы не встречаем попыток изменять последние путем принорования чистого евангельского идеала к уровню действительной жизни: они с ревностью христианских пастырей обличали неправды жизни и уясняли своим слушателям высшую идеальную точку зрения на различные явления мировой жизни. Так было вообще, так было и в отношении к учению о праве собственности. *Отцы Церкви ревностно боролись с тем языческим пониманием этого права*, которое так точно сформулировал в свое время Климент Александрийский: «почему мне не пользоваться тем, что мое»; и с силой христианского убеждения доказывали, что в системе христианского жизнепонимания не может быть места для подобных воззрений, но что истинно христианская любовь должна думать не об этом праве, но видеть в своем имуществе общее достояние. Вообще для христианской этики писания отцов Церкви второго периода ее жизни, пожалуй, еще важнее, чем писания древнеотеческие, так как первые исследуют вопрос теоретически, руководясь при его разрешении не наличными порядками церковной жизни, но оценивая жизненные отношения с точки зрения руководящих начал христианской нравственности.

Уважаемый церковный писатель IV века, современник императора Константина *Лактанций* в своих «*Божественных наставлениях*» предлагает такую этическую оценку права собственности, которая является господствующей и в творениях святых учителей Церкви IV и последующих веков. По взгляду Лактанция, с точки зрения христианской любви *все должно быть общим достоянием*, и если этого нет, то виной тому наша любостыжательность, этот источник многих зол. Истинное богопочтение «одно только может заставить людей любить друг друга и сохранять между собой братскую связь, потому что Бог у них один общий Отец; тогда они блага общего Отца своего охотно уделяют

¹²³ Письмо к галатийскому жрецу Арзакию, «Церковная история» Э. Созомена, рус. перевод: Эрминий Созомен Саламинский. Церковная история. СПб., 1851, стр. 350.

неимущим»¹²⁴. Напротив: «любостяжание есть источник всех зол: оно происходит от презрения к истинному величию Божию. Люди, обилующие в чем-либо, не только перестали уделять другим избытки свои, но начали присваивать и похищать себе чужое, будучи влекомы к тому собственной корыстью. То, что прежде было в общем употреблении у всех людей, начало скапливаться часто в домах у немногих. Чтобы других подвергнуть своему рабству, люди стали собирать себе в одни руки первые потребности жизни и беречь их тщательно, дабы небесные дары сделать своей собственностью не для того, чтобы уделять их ближнему из человеколюбия, которого в них не было, но чтобы удовлетворять единственно своему любостяжанию и корысти. После того *составили они себе самые несправедливые законы под личиной мнимого правосудия*, посредством которых защитили против силы народа свое хищничество»¹²⁵. Истинная правда в отношениях людей есть, по взгляду Лактанция, *равенство* людей друг другу, как детей общего Отца¹²⁶; и в отношении нашего имущества «единственный долг правды состоит в том, чтобы употреблять имущество свое на прокормление бедных... Истинное употребление богатств состоит в обращении их не для своего удовольствия, но для поддержания многих людей из чувства правды»¹²⁷.

Святые «великие каппадокийцы», эти столпы православия в области христианского вероучения, согласно учили об отношении христианина к своему естественному праву собственности. По взгляду этих святителей, право собственности принадлежит человеку только в условном смысле, так как человек есть лишь приставник чужого имущества и должен распоряжаться им согласно с волей истинного Владыки. А эта воля требует отказа от исключительного владения своим, и идеалом устройства христианской жизни является общение имуществ на началах братской любви.

По взгляду *св. Василия Великого*, ничто *внешнее* не бывает собственностью человека, но чуждо для него: и здесь расхищается, и за гробом не следует¹²⁸; поэтому человек должен смотреть на себя лишь как на служителя благого Бога. «Познай, человек, Даровавшего. Вспомни себя самого: кто ты, к чему приставлен, от кого получил это, за что предпочтен многим. Ты служитель благого Бога, *приставник* подобных тебе рабов; не думай, что все приготовлено для твоего чрева; о том, что у тебя в руках, рассуждай, *как о чужом*. Оно не долго повеселит тебя, потом утечет

¹²⁴ Кн. V, гл. 6, стр. 352 рус. перевода Карнеева.

¹²⁵ Там же, стр. 350–351.

¹²⁶ Кн. V, гл. 15–16, стр. 376.

¹²⁷ Кн. VI, гл. 11–12, стр. 37.

¹²⁸ Беседа XXI «О том, что не должно прилепляться к житейскому», т. IV, стр. 327–329 рус. перевода.

и исчезнет; но у тебя потребуют строгого в этом *отчета*»¹²⁹. С этой точки зрения, люди должны владеть своим имуществом, как «*приставники*, а не как имеющие право им наслаждаться. И отказывающиеся от него должны радоваться, как уступающие чужое, а не огорчаться, как лишаящиеся собственности»¹³⁰. С этой же точки зрения св. Василий Великий, оценивая беспорное юридическое право каждого владеть своим, отказывается видеть в таком праве собственно христианскую этическую норму жизни, но происхождение этого права видит, согласно с Лактанцием, в любостязательности. «Скажешь, — говорит св. отец, — кому делаю обиду, удерживая свою *собственность*? Скажи же мне, что у тебя *собственного*? Откуда ты взял и принес в жизнь? Положим, что иной, заняв место на зрелище, стал бы потом выгонять входящих, почитая своей собственностью представляемое для общего всем употребления; таковы точно и богатые. *Захватив всем общее*, обращают в свою *собственность*, потому что овладели *сим прежде других*. Если бы каждый, взяв потребное к удовлетворению своей нужды, излишнее предоставлял нуждающемуся, никто бы не был богат, никто бы не был и скуден. Не наг ли ты вышел из матерного чрева? Не наг ли и опять возвратишься в землю? Откуда же у тебя, что имеешь теперь? Если скажешь, что это от случая, то ты безбожник, не признаешь Творца, не имеешь благодарности к Даровавшему. А если признаешь, что это от Бога, то скажи причину, ради которой получил ты? Ужели несправедлив Бог, неравно разделяющий нам потребное для жизни? Для чего ты богатеешь, а тот пребывает в бедности? Не для того ли, конечно, чтоб и ты получил свою мзду за доброту и *верное домостроительство*, и он почтен был великими наградами за терпение? А ты, захватив все в ненаполнимые недра любостязательности, думаешь, что никого не обижаешь, лишая сего столь многих. Кто *любостязателен*? Не удерживающийся в пределах умеренности. А кто *хищник*? Отнимающий у всякого, что ему принадлежит. Как же ты не любостязателен, как же ты не хищник, когда обращаешь в собственность, что получил *только в распоряжение*? Алчущему принадлежит хлеб, который ты у себя удерживаешь; обнаженному — одежда, которую охраняешь в своих кладовых; неуботому — обувь, которая гниет у тебя; нуждающемуся — серебро, которое зарыто у тебя»¹³¹. Таким образом, право собственности для христианина не должно быть правом обижать других через скопление большого имущества, но, напротив, христианин о своем должен думать, как о чужом, и считать себя лишь служителем ближних. «Кто любит ближнего, как самого себя, тот ничего не имеет у себя излишнего перед ближним»¹³². Ясно, поэтому, что св. Василий Великий не мог

¹²⁹ Беседа VI «На Лк. XII, 18», т. IV, стр. 87.

¹³⁰ Беседа VII «К обогащающимся», т. IV, стр. 106.

¹³¹ Беседа VI, т. IV, стр. 96–97.

¹³² Беседа VII, т. IV, стр. 101.

видеть иного идеального порядка устройства имущественных отношений людей, как только в *совершенном общении имуществ*. Этому согласно учат, по взгляду святителя, и низшие твари в своей естественной и неразумной жизни, и истинные христиане первенствующей Церкви, не хотевшие знать и различать своего. «Мы, словесные твари, — увещал св. отец, — *да не окажемся жестокосерднее бессловесных*. Ибо они, как чем-то общим, пользуются тем, что естественным образом производит земля. Стада овец пасутся на одной и той же горе; множество коней на одной равнине находят себе корм, и какой ни возьми род животных, все дозволяют друг другу необходимое наслаждение потребным. А мы *общее достояние прячем себе за пазуху и собственностью многих владеем одни*. Постыдимся того, что повествуется о человеколюбии язычников. У некоторых из них человеколюбивый закон учреждает один стол и общую пищу и многочисленный народ делает почти одной семьей. Оставим внешних и обратимся к *примеру этих трех тысяч*¹³³; поревнуем обществу христиан. У них все было общее: жизнь, душа, согласие, общий стол, нераздельное братство, нелицемерная любовь, которая из многих тел делала единое тело, различные души соглашала в то же единомыслие»¹³⁴. И если в жизни целого христианского общества своего времени св. отец не видел действительного осуществления такого идеального порядка вещей, то в *понятии христианского совершенства* св. Василий определенно указывает как необходимый признак такого совершенства *полный отказ от собственности*. «Возлюбив общение и совокупную жизнь, возвращаются они (подвижники) к тому, что по самой природе хорошо. Ибо *то общение жизни называю совершеннейшим*, из которого исключена собственность имущества»¹³⁵. Такое совершенное общение, по взгляду св. отца, должно было существовать среди христианских монахов, и в своих «правилах» и «подвижнических уставах» св. Василий Великий определенно и настойчиво доказывает, что отречение от собственности есть необходимый долг каждого, ищущего совершенной христианской жизни. На вопрос: «надобно ли иметь в братстве какую-либо собственность», св. Василий отвечает: «сие противно тому свидетельству об уверовавших, какое находим в Деяниях, где написано: «ни один же что от имений своих глаголаше свое быти». Посему, кто называет что-либо своим, тот поставляет себя чуждым Церкви Божией и любви Господа, Который и словом, и делом поучал полагать за друзей душу свою, а не только одно внешнее»¹³⁶. Поэтому-то все

¹³³ Деян. II, 41.

¹³⁴ Беседа VIII, т. IV, стр. 138.

¹³⁵ «Подвижнические уставы», гл. 18, т. V, стр. 427.

¹³⁶ «Правила, кратко изложенные в вопросах и ответах», вопрос 85, т. V, стр. 257.

«истинные подвижники... хранят совершенную *нестяжательность*, не имея у себя никакой собственности, но все делая взаимным»¹³⁷; и обратно: приобретение чего-либо в собственность в условиях подвижнической жизни свидетельствует о недостатке братского единения и является кражей и иудиним предательством, так как «приобретать что бы то ни было и откуда бы то ни было есть хищение» для монаха¹³⁸. Последний должен смотреть «на всякое имущество, как на чужое, каково оно и в действительности». И даже данного каждому в употребление не должно почитать собственностью, но с заботливостью надо смотреть на все сие, как на принадлежащее Владыке»¹³⁹.

Св. Григорий Богослов в своем учении об отношении христианина к собственности с особенной выразительностью оттеняет ту мысль, что человек является лишь временным собственником, владея при этом Господним достоянием, и потому должен заботиться о том, чтобы явиться верным раздателем Божиих даров. Истинный христианин рассуждает о собственном, «как *приставник* чужого имущества»¹⁴⁰, и видит в себе лишь раздателя чужого имущества¹⁴¹. И если христианин верит, что «все от Бога», то неразрывно с такой верой связывается и долг распоряжаться своей собственностью не по своей воле, но согласно с волей Божией: «кто действительно имеет что-нибудь от Бога, тот употребляет, что имеет, согласно с волей Божией»¹⁴². Какая это воля? Для св. Григория, так же, как и для всех учителей древней Церкви, было несомненно, что эта воля требует от нас быть «праведными *распорядителями* *вверенного нам*» и видеть в своем имуществе достояние Божие, принадлежащее всем нуждающимся. «Дай, — поучает он, — немного Тому, от Кого получил несравненно более. Отдай и все Даровавшему тебе все. Ты никогда не будешь щедрее Бога, хотя бы и пожертвовал всем, что имеешь, хотя бы отдал вместе с имуществом и самого себя: ибо и то самое, чтобы отдать себя Богу, человек получает от Него же. Сколько ты ни уплатишь Ему, все еще больше того будет оставаться на тебе, и ничего не дашь ты своего, поелику *все от Бога*. И как нельзя опередить своей тени... как нельзя телу вырасти выше головы... так и нам невозможно превзойти дарами своими Бога. Ибо мы ничего не даем такого, что не принадлежало бы Ему». Поэтому люди не должны зарывать у себя «золото, серебро, дорогие и лишние одежды, самоцветные камни и другие подобные драгоценности», и не должны

¹³⁷ «Подвижнические уставы», гл. 18, т. V, стр. 429.

¹³⁸ Там же, гл. 34, стр. 465–466; сравни: «Письмо к Григорию Богослову», т. VI, стр. 8; «Письмо о совершенстве монашеской жизни», т. VI, стр. 62 и др.

¹³⁹ «Письмо о совершенстве монашеской жизни», т. VI, стр. 62.

¹⁴⁰ «Слово, говоренное в похвалу отцу и в утешение матери», рус. перевод, т. II, стр. 97.

¹⁴¹ «Мысли, писанные четверостишиями», т. V, стр. 173.

¹⁴² «Слово о любви к бедным», т. II, стр. 30.

быть «неправедными *распорядителями вверенного*, чтобы не услышать грозных слов: постыдитесь вы, удерживающие у себя чужое; подражайте равной для всех благодати Божией, и тогда не будет ни одного бедного»¹⁴³. Идеалом устройства имущественных отношений верующих для св. Григория является *равенство* всех в отношении благих даров Господа. По взгляду св. Григория, имущественные различия между людьми возникли уже позднее в истории человечества, подобно тому, как и деление людей на рабов и свободных. На заре человеческой жизни «свобода и богатство заключались единственно в соблюдении заповеди; а истинная бедность и рабство — в преступлении оной; но с того времени, как появилась зависть и раздоры... с того времени расторглось родство между людьми, отчуждение их друг от друга выразилось в различных наименованиях званий и любостязании, призвав и закон на помощь своей власти, заставило позабыть о благородстве естества человеческого — ты же *смотри на первоначальное равенство* прав, а не на последовавшее разделение; не на законы властителя, а на законы Создателя»¹⁴⁴.

Св. Григорий Нисский, утверждая согласно со св. Василием, что ничто *внешнее* не бывает нашей собственностью, а только духовное и невещественное всегда пребудет с нами, убеждает в отношении имущества соблюдать братское равенство. «Не обольщайтесь преходящим, — поучает он, — приобретайте то, что никогда не оставляет приобретенного; определите меру пользования жизнью. Не все ваше, но часть пусть принадлежит и бедным, любезным Богу. Ибо *все принадлежит Богу*, общему Отцу. Мы же — как бы *братья родные*; братьям же всего лучше и справедливее разделять наследство *поровну*»¹⁴⁵. Кто не делает этого, для кого страх Божий не является «справедливым уравниателем»¹⁴⁶, но кто хочет быть господином всего и присвоить себе более, чем другой, тот «злой тиран, непримиримый варвар, ненавистный зверь, радостно отвергающий пасть только на пищу; такой суровее даже самых зверей. Ибо и волк допускает волка в еду, и собаки также во множестве терзают один труп; он же, ненасытный, никого из единоутробных не допускает к участию в богатстве»¹⁴⁷.

Св. Ефрем Сирин указывает определенно *психологическую невозможность* для христианина говорить и заботиться о своем праве собственности. «В ком любовь, — говорит св. Ефрем, — тот никогда ничего не присваивает себе, ни о чем не говорит: «это мое»; но все, что ни есть у него, предлагает всем в общее употребление. В ком любовь, тот никого

¹⁴³ Там же, стр. 22–23, 25, 24 и 26.

¹⁴⁴ «Точное изъяснение Песни Песней Соломона», беседа II, т. III, стр. 56 рус. перевода.

¹⁴⁵ «О нищелюбии и благотворительности», слово I, т. VII, стр. 406–407.

¹⁴⁶ Там же, стр. 400.

¹⁴⁷ Там же, стр. 407

не почитает себе чужим, но все ему свои»¹⁴⁸. Если св. Ефрем жалуется на отсутствие людей, имеющих истинно христианскую любовь и жертвующих другим все свое состояние¹⁴⁹, то относительно себя он так говорит в предсмертном завещании: «Клянусь и вашей, ученики мои, и своей жизнью: у Ефрема *не было собственности*, не было ни жезла, ни влаги-лица; потому что слышал я слова Господа нашего: не приобретайте ничего на земле»¹⁵⁰.

Приведенных нами кратких выдержек из писаний святых учителей Церкви восточной в IV веке открывается достаточно ясно их взгляд на право собственности и на отношение к этому праву христианина. Еще яснее такой взгляд станет для нас далее, когда мы будем говорить о свято-отеческом учении о богатстве и бедности. Здесь же отметим, что подобный же взгляд на отношение христианина к своей собственности встречаем и у западного авторитета этого века *св. епископа Медиоланского Амвросия*, причем этот святитель излагает православно-христианское учение о собственности иногда даже буквально сходно со св. Василием. Св. Амвросий утверждает, что у человека нет *ничего* такого, что он мог бы назвать *своей собственностью* в безусловном смысле этого слова, согласно учению св. апостола¹⁵¹. *Земля*, по взгляду святителя, «вообще для всех людей сотворена». Никто не должен присваивать только себе то, что сотворено для общего употребления. И раз христианин сознает, что все есть творение и достояние Божие, то он должен признать, что, так как Бог не несправедлив, то и неравное распределение благ земных должно быть *уравниваемо свободной раздачей* неимущим со стороны имеющих достаток¹⁵². С этой точки зрения, св. Амвросий, согласно со св. Василием Великим, находит, что, когда человек говорит: «я ничего худого не делаю, когда чужого не ищу, а свое собственное прилежно храню», — то это «бессовестное изречение»; и что ничего не может быть «несправедливее, неблагодарнее, сребролюбнее», как одному пользоваться своим имуществом. «Алчущим принадлежит тот хлеб, — повторяет святитель слова св. Василия, — который ты имеешь; нагих суть те одеяния, которые заключил в свои сокровищехранилища; бедных искуплением и обогащением должны быть те деньги, которые ты в землю закопал»¹⁵³. Поэтому равно достоин проклятия как тот, кто отнимает чужое, так и тот, кто не делится с другими тем, что имеет¹⁵⁴. Истинно же христианское отношение

¹⁴⁸ Слово I «О добродетелях и пороках», т. I рус. перевода, стр. 8.

¹⁴⁹ «Слово подвижническое», т. I, стр. 77.

¹⁵⁰ Т. 5, стр. 412.

¹⁵¹ I Тим. VI, 7–8.

¹⁵² «Избранные поучительные слова св. Амвросия». Слово III на текст: «человеку некоему богату угобзися нива». Рус. перевод 1853 г., стр. 33–34.

¹⁵³ Там же, стр. 33, 35.

¹⁵⁴ Стр. 36.

к собственности бывает лишь тогда, когда человек сознает себя «Божим слугой и *раздавателем Его Божеских даров*»¹⁵⁵. Если человек имеет больше других, то это значит, что Бог назначил ему особое служение — раздавать другим то, что ему доверено Богом, быть «*экономом-казначеем собратий*», а не думать, что земля все приносит для одних избранных¹⁵⁶. Идеальное устройство жизни на началах евангельской любви св. Амвросий указывает в жизни *первенствующей Церкви*, когда никто и ничего не называл своей собственностью¹⁵⁷. Обращаясь к современной ему действительности, св. Амвросий с грустью замечает, что «один и тот же Христос и нами исповедуется, но не едина душа в нас»¹⁵⁸. «Ныне, по сознанию св. отца, царствует нечестивое сребролюбие... охладело братолюбие, пылавшее прежде любовью к Христу»¹⁵⁹. Подобно св. Василию, св. Амвросий видит нормальное отношение к миру и его благам *в общении имуществ* не только на отмеченной основе — любви первенствующей Церкви, но и на естественной основе — жизни, согласной с законами самой физической природы. «Природа, — говоря словами св. отца, — все предоставила всем вообще. По повелению Божию, произрастающее должно служить пропитанием для всего вообще живущего, и земля должна быть общим владением всех людей. Итак, природа создала общее право, а насилие переделало его в частное»¹⁶⁰. Подобное же утверждает св. отец и в своем сочинении о Навуфее: «как далеко вы будете, — обращается святитель к богатым, — простирать свои безумные желания? Разве вы одни живете на земле? Почему вы выгоняете тех, которые по природе — ваши собратья, и захватываете земельные имения для одних себя? *Земля дана в общее владение всем*: богатым и бедным... Природа, производящая на свет все в малом количестве, не знает никаких богатых. Нагими мы пришли в мир, и дерновый холмик одинаково покрывает богатого и бедного»¹⁶¹. Поэтому все наше есть в то же время собственность и бедных: «ты отдаешь бедному не то, что — твое собственное, а *возвращаешь* ему то, что — его. *Земля принадлежит всем*, а не богатым только. Ты уплываешь ему твой долг и отдаешь ему только то, что ты должен ему»¹⁶².

Как сейчас увидим, подобная мысль была подробно раскрыта св. Иоанном Златоустом. Этот св. отец имел так много поводов останавливаться на вопросах о происхождении права частной собственности и об отношении к этому праву христианина, что учение св. Иоанна мы можем на-

¹⁵⁵ Стр. 18.

¹⁵⁶ Стр. 19.

¹⁵⁷ Слово I «О единстве любви», стр. 2–3.

¹⁵⁸ Стр. 4.

¹⁵⁹ Стр. 5.

¹⁶⁰ «Об обязанностях», I, 28. Перевод Г. Прохорова, Казань, 1908, стр. 121.

¹⁶¹ Гл. 1; см. Ульгорн «История христианской благотворительности», стр. 267.

¹⁶² Там же, гл. 12.

звать завершением православно-христианского учения о собственности. Невозможно и пытаться в систематическом труде изложить воззрения св. Иоанна на интересующий нас предмет во всей полноте. Ограничимся поэтому наиболее существенным и ярко выраженным.

Исходным пунктом в учении о собственности св. *Иоанна Златоуста* является его вера в то, что истинный Владыка всего есть один Господь, а все, чем владеют люди, есть дары многообразной благодати Божией. Все в мире — *Божия собственность*¹⁶³, таково исходное положение в учении св. Златоуста. Наши имущества — Господни, как и все в мире, и мы в отношении их являемся «*казнохранителями*», обязанными распоряжаться ими, как приказано¹⁶⁴. Лично же у нас «*нет ничего собственного, кроме добродетели...* — она собственность наша, а все прочее — чужое»¹⁶⁵. И в отношении к имуществу, как Божию достоянию, эта добродетель должна выражаться в том, чтобы распоряжаться своим *согласно с волей Божией*. Эта мысль не раз и подробно раскрывается св. Иоанном. «Ты, — говорит он в одной беседе, — только *распорядитель* своего имущества... и ты не можешь расточать своих сокровищ по своей воле. Хотя бы ты получил родительское наследство и таким образом все имущество составляет твою собственность — однако, все оно принадлежит Богу. Если и ты требуешь, чтобы имуществом, данным тобой, распоряжались соответственно твоему назначению, то ужели думаешь, что Бог своей собственности не востребует от нас с большей строгостью, но оставит без внимания, когда она расточается без всякой пользы?... Как ты поручаешь распоряжаться имением подобному себе рабу, так и Богу угодно, чтобы ты употреблял это имение должным образом. Поэтому, хотя Он и может лишить тебя, но оставляет у тебя для того, чтобы ты имел случай обнаружить свою добродетель... Не думай, чтоб то, что по человеколюбию Божию велено тебе раздавать, как свою собственность, было и действительно твое. Тебе Бог дал *заимобразно* для того, чтобы ты мог употреблять с пользой. Итак, не почитай своим, когда даешь Ему то, что Ему же принадлежит»¹⁶⁶. Таким образом, для нас несомненно, что по взгляду св. Иоанна Златоуста, согласному с учением Церкви, мы не имеем собственности в безусловном смысле этого слова, но обязаны своей верой в премудрого Творца и Промыслителя Бога смотреть на свое имущество, как на часть Божиего

¹⁶³ Беседа LV на кн. Бытия, т. IV, стр. 593 рус. перевода (здесь и далее цитаты из свт. Иоанна Златоуста даны по изданию: «Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского, в русском переводе». СПб., Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1898–1906 гг.).

¹⁶⁴ «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 796.

¹⁶⁵ Беседа на Пс. IX, т. V, стр. 117.

¹⁶⁶ Беседа LXXVII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 779–780. Сравни: слово XXIII «О милостыне и страннолюбии», т. XII, стр. 664–665; беседа XI на послание к Римлянам, т. IX, стр. 616–617 и мн. др.

достояния, а в себе видеть исполнителя Божией воли. *Какая же это воля?* Св. Иоанн определенно отвечает, что первоначальная Божеская воля, согласная с законами нашей любви и вообще мировой жизни, есть та, *чтобы люди всем владели сообща*, а не различали «моего» и «твоего». Такое различие начинается, по взгляду св. Иоанна, лишь тогда, когда среди людей царит не братолюбие, но злоба, большая, чем даже среди неразумных животных. «Разве не зло, — спрашивает святитель, — что один владеет тем, что принадлежит Господу, и что один пользуется общим достоянием? Не Божии ли земля и исполнение ее? Поэтому, если наши блага принадлежат общему Владыке, то они *в равной степени* составляют достояние и наших сорабов: что принадлежит Владыке, то *принадлежит вообще всем*. Разве мы не видим такого устройства в больших домах? Именно всем поровну выдается определенное количество хлеба, потому что он исходит из житниц домохозяина: дом господский открыт для всех. И все царское принадлежит всем: города, площади, улицы принадлежат всем: мы все в равной мере пользуемся ими. Посмотри на строительство Божие. Он сотворил некоторые предметы общими для всех, чтобы хоть таким образом пристыдить человеческий род, как-то: воздух, солнце, воду, землю, небо, море, свет, звезды — разделил между всеми поровну, как будто между братьями... И другое сделал он общим, как-то: бани, города, площади, улицы. И заметь, что касательно того, что принадлежит всем, не бывает ни малейшей распри, но все совершается мирно. Если же кто-нибудь покушается отнять что-либо и обратить в свою собственность, то происходят распри, как будто вследствие того, что сама природа негодует, что в то время, когда Бог отовсюду собирает нас, мы с особенным усердием стараемся *разъединиться* между собой, отделиться друг от друга, образуя частное владение, и говорить эти холодные слова: «то *твое*, а это *мое*». Тогда возникают споры, тогда огорчения. А где нет ничего подобного, там ни споры, ни распри не возникают. Следовательно, для нас *предназначено скорее общее, чем отдельное владение* вещами, и оно более согласно с самой *природой*. Отчего никто не заводит никогда тяжбы о владении площадью? Не потому ли, что она принадлежит всем? Между тем, видим, что о домах, об имениях все заводят тяжбы. И несмотря на то, что необходимое находится в общем владении всех, мы не наблюдаем общения во владении даже ничтожнейшими предметами. Между тем, для того-то Бог и дал нам первое в общее употребление, чтобы мы научились из этого, что и последние должны быть у нас общими со всеми»¹⁶⁷.

Подобная мысль не раз высказывалась св. Иоанном, причем он, подобно св. Амвросию, даже в жизни природы и неразумных животных видел доказательство того, что нормальный порядок людских взаимоотношений предполагает равенство имущественных прав. «Не будем, — поучает св.

¹⁶⁷ Беседа XII на 1 Тим., т. XI, стр. 704–705.

отец, — свирепее *бессловесных животных*. У них все общее: и земля, и источники, и пастбища, и горы, и леса; и ни одно из них не имеет больше другого; а ты, человек, кротчайшее животное, делаешься свирепее зверя, заключая в одном своем доме пропитание тысячи и даже многих тысяч бедных, между тем, как у нас одна, общая природа и многое другое, кроме природы, общее: небо, солнце, луна, хор звезд, воздух, море, огонь, вода, земля, жизнь, смерть, юность, старость, болезнь, здоровье, потребность пищи и одежды. Также общие и духовные блага: священная трапеза, Тело Господа, честная Кровь Его, обетование Царства, баня возрождения, очищение грехов, правда, освящение, искупление, неизреченные блага... Поэтому не безумно ли тем, которые имеют между собой столько общего: и природу, и благодать, и обетования, и законы, быть так пристрастными к богатству, не соблюдать и в этом *равенства*, но превосходить свирепость зверей, и притом тогда, когда предстоит необходимость скоро оставить все это»¹⁶⁸. Итак, воля Божия в отношении нас состоит в том, чтобы в пользовании земными благами царило между людьми равенство и совершенное общение. Но если так, то *почему* Бог, сделав общим все необходимое, допустил существование громадной разницы в имущественном положении людей? Св. Иоанн Златоуст сам ставит этот вопрос и отвечает на него указанием на *свободу человека*, благодаря чему Бог предоставил ему свободно устраивать так, чтобы все было распределено равномерно, и человек являлся верным домоправителем Божиим. Если поэтому Бог дает одному много, то «для того, чтобы, по апостольскому увещанию, твой избыток восполнял недостатки других»¹⁶⁹. «Не для того ты получил деньги, чтобы тратить на удовольствия, а для того, чтобы употреблять на милостыню... Тебе вверено достояние бедных... Если тебе по великому милосердию дано повеление давать из своего имущества, то не думай поэтому, что оно и твое, и не обращай чрезмерного человеколюбия в повод к неблагодарности. Разве Бог не мог отнять у тебя все? Но Он не делает этого, *предоставляя в твою волю* обнаруживать щедрость в отношении к нуждающимся»¹⁷⁰. «Для чего, — прямо спрашивает св. Иоанн, — Бог сделал общим то, что важнее и необходимее, от чего зависит наша жизнь; а то, что маловажнее и ничтожнее, не составляет общей собственности — разумею деньги? Для чего? Чтобы жизнь наша была обеспечена, и мы имели *поприще для добродетели*. В самом деле, если бы необходимое не было общим, быть может, богатые по обычному любостыжанию подавили бы бедных; потому что, если они это делают в отношении денег, то чего не

¹⁶⁸ Беседа на псалом CL, т. V, стр. 579–580. Очень близко к этим словам поучает св. Иоанн и в беседе XV на Ев. Матфея, т. VII, стр. 167.

¹⁶⁹ Беседа XX на книгу Бытия, т. IV, стр. 186.

¹⁷⁰ Слово XXIII «О милостыне и страннолюбии», т. XII, стр. 659; сравни: беседа LXXVII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 780–781.

сделали бы в отношении тех благ. Опять, если бы и деньги были общими и всем равно принадлежали, не было бы случая к милостыне и повода к благотворительности. И так... чтоб нам иметь случаи заслужить венцы и похвалы, для этого деньги не сделаны общими, дабы мы, отвращаясь любостыжания, и любя правду, и раздавая свое имущество нуждающимся, могли таким способом получать облегчение в своих грехах»¹⁷¹.

Как видим, св. Иоанн Златоуст в своем учении о христианском отношении к собственности идеал такого отношения видит в *свободном общении имущества* всех верующих на основе братолюбия. И для святителя это не отвлеченный только, хотя бы то и прекрасный, идеал, неосуществимый в действительности, но идеал реальный, уже осуществившийся в жизни *первенствующей Церкви*. «Видел ли ты успех благочестия? — спрашивает св. отец относительно жизни первых христиан. — Отказывались от имущества и радовались, и велика была радость потому, что приобретенные блага были больше... *Не было холодного слова: «мое» и «твое»*; поэтому была радость при трапезе... Не считали чужим того, что принадлежало братьям, так как то было Господне; не считали и своим, но — принадлежащим братьям. Ни бедный не стыдился, ни богатый не гордился: вот, что значит — радоваться»¹⁷². Ставя вопрос: «любовь ли родила нестяжание, или нестяжание — любовь» первых христиан, св. Златоуст отвечает, что «любовь — нестяжание, которое укрепило ее еще более»¹⁷³. И не раз св. Иоанн возвращается к этой радостной для него картине жизни первенствующей Церкви. В одной из своих бесед, приведши слова книги Деяний: «ни один же что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща», — св. отец говорит далее: «когда был исторгнут корень зол, разумю сребролюбие, то привзошли все блага, и они (верующие) тесно были соединены друг с другом, так как ничто не разделяло их. Это жестокое и произведшее бесчисленные войны во Вселенной выражение — «мое» и «твое» — было изгнано из той святой Церкви; и они жили на земле, как ангелы на небе: ни бедные не завидовали богатым, потому что не было богатых; ни богатые не презирали бедных, потому что не было бедных... не так было тогда, как бывает ныне. Ныне подают бедным имеющие собственность, а тогда было не так... во всем у них было равенство, и все богатства были смешаны вместе»¹⁷⁴.

Такова идеальная точка зрения св. Иоанна Златоуста по отношению христианина к своей собственности и такова его этическая оценка права собственности. И св. Иоанн остается верен основным началам своих воззрений на это право и на это отношение, несмотря на то, что действи-

¹⁷¹ Беседа II «О статуях», т. II, стр. 37.

¹⁷² Беседа VII на кн. Деяний, т. IX, стр. 73.

¹⁷³ Беседа XI на кн. Деяний, т. IX, стр. 110.

¹⁷⁴ Беседа на слова I Кор. XI, 19, т. III, стр. 257–258.

тельная жизнь Церкви представляла и в его время разительный контраст такому идеальному порядку вещей. Хотя св. отец свидетельствует, что и в его время можно было «назвать многих и в городах, и в селах», которые раздали свое имущество, но, в общем, в представлении св. отца, «зло (любопытствие) увеличилось до такой степени, что добродетель нестяжания стала, по-видимому, невозможной»¹⁷⁵. «От неистовой любви к деньгам все погибло. Кого, кого мне *винить*, — спрашивает св. отец, — не знаю; до такой степени это зло овладело всеми; правда, одними в большей, другими в меньшей мере, — однако всеми»¹⁷⁶. Но св. Иоанн Златоуст не преклонился перед подобным господствующим настроением, но неизменно в заповедях Господа и в сиянии первохристианской любви указывал тот свет, который должен освещать жизненный путь и современных ему верующих. Хотя в Церкви не было уже общения имуществ; хотя гражданские законы строго охраняли неприкосновенность частной собственности, но с этической точки зрения *законы христианской любви оставались неизменными*, и имущество верующего не было его собственностью, но собственностью бедных¹⁷⁷, и он должен смотреть на него, как на *общее достояние*¹⁷⁸. Только тогда христианин может считать себя оправданным, когда ничем не будет владеть: «только тогда ты оправдаешься, когда ничего не будешь иметь, когда ничем не будешь владеть; а пока ты что-нибудь имеешь, то хотя бы ты дал тысячам людей, а остаются еще другие алчущие, нет тебе никакого оправдания»¹⁷⁹. Таким образом, св. Иоанн Златоуст видит идеал христианского отношения к собственности в совершенном *отказе* от нее. По взгляду св. Иоанна, и в условиях современной ему жизни можно «истощать все свое и все иждивать» на Христа, достигая этим даже еще большего совершенства, чем во время Его земной жизни, так как нужно отказаться от всего своего «в исполнение только Его заповеди»¹⁸⁰. Считаем нелишним отметить, что св. Иоанн Златоуст не склонен был ограничивать требования совершенного отказа от собственности условиями только *монашеской* жизни. Он очень определенно утверждает, что ошибочно думать, будто «иное требуется от мирянина, а другое от монаха; разность между ними в том, что один вступает в брак, а другой нет; во всем же прочем они подлежат одинаковой ответственности... Всем людям должно восходить *на одну и ту же высоту*; то именно и извратило всю Вселенную, что мы думаем, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочим можно жить беспечно»¹⁸¹. В одной из своих бесед на книгу

¹⁷⁵ Беседа LXV на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 441.

¹⁷⁶ Беседа XVII на I Тим., т. XI, стр. 748.

¹⁷⁷ Беседа LXXVII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 781.

¹⁷⁸ Беседа XIV на I Кор., т. X, стр. 150.

¹⁷⁹ Слово XXIII «О милостыне и страннолюбии», т. XII, стр. 664–665.

¹⁸⁰ Беседа LXXXVIII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 870–871.

¹⁸¹ «Слово третье к верующему отцу», т. I, стр. 105–106.

Деяний¹⁸² св. Иоанн рисует определенную *картину* такого возможного общения имуществ в условиях общехристианской жизни, как идеал ее устройства. «Пусть, — говорит он, — все продадут все, что имеют, и принесут на середину; только словом говорю: никто не смущайся, ни богатый, ни бедный. Сколько, думаете, было бы собрано золота. Я полагаю — с точностью сказать нельзя — что, если бы все мужчины и все женщины принесли сюда свои деньги, если бы отдали и поля, и имения, и жилища... то, вероятно, собралась бы тысяча тысяч литров золота или, лучше сказать, даже два или три раза столько. Скажите, в самом деле, сколько теперь вообще жителей в нашем городе? Сколько, думаете вы, в нем христиан? Думаете ли, что сто тысяч, а прочие язычники и иудеи? А как велико число бедных? Не думаю, чтобы больше пятидесяти тысяч. И чтобы кормить их каждый день, много ли было бы нужно? При общем содержании и за общим столом, конечно, не потребовалось бы больших издержек. Что же, скажут, мы будем делать, когда истратим свои средства? Уже ли ты думаешь, что можно когда-нибудь дойти до этого состояния? Не в тысячи ли раз больше была бы благодать Божия?... И что же? *Не сделали бы мы землю небом?* Если между тремя и пятью тысячами это совершалось с такой славой, и никто из них не жаловался на бедность, то не тем ли более в таком множестве? Даже и из внешних (не христиан), кто не сделал бы приношения? А чтобы видеть, что разделение сопряжено с убытками и производит бедность, представим себе дом, в котором десять человек детей, жена и муж; она, положим, прядет пряжу, а он получает доходы извне. Скажи же мне, когда больше они издержат: вместе ли питаюсь и живя в одном доме или разделившись? Очевидно, что разделившись: если десятеро детей захотят разделиться, то понадобится десять домов, десять трапез, десять слуг и постольку же прочих принадлежностей... Разделение всегда приносит убыток, а единомыслие и согласие — прибыль. Так живут теперь в монастырях, как жили некогда верные. И умерли кто с голода? А теперь люди боятся этого больше, нежели броситься в неизмеримое и беспредельное море. Но если бы мы сделали опыт, тогда положились бы на это дело. И какая была бы благодать!... Послушайте меня и устроим дела таким порядком; и если Бог продлит жизнь, то, я уверен, мы скоро будем вести такой образ жизни». Хотя печальная действительность, представлявшая резкую противоположность между идеальными требованиями Евангелия и наличной действительностью, заставляла св. Иоанна «оставлять строгость» и умолять о пожертвовании 1/2, 1/3 и 1/10 части, но всюду в этих случаях выступает ясно, что подобная мера не есть выражение истинно христианского духа любви, но *применение* к общему упадку бескорыстной любви и страсти к деньгам¹⁸³. Когда у нас в последу-

¹⁸² Беседа XI на книгу Деяний, т. IX, стр. 113–114.

¹⁸³ Например, беседа XIX на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 129; беседа XXI на Ев. Матфея, т. VII, стр. 248; беседа XLV на Ев. Матфея, т. VII, стр. 478–479; беседа

ющих главах будет речь о милостыне и христианском взгляде на богатство, там мы будем иметь случай сказать более подробно о воззрениях св. Иоанна Златоуста на меру подаяния. Теперь же, чтобы заключить обзор учения св. отца о праве собственности и отношении христианина к этому праву, нам остается только отметить тот пункт в этом учении, который является прямым следствием основ святоотеческого воззрения на предмет — именно, что исключительное пользование своей собственностью есть то же воровство. В самом деле, если богатые владеют собственностью бедных¹⁸⁴, как и вообще наши имущества — их собственность¹⁸⁵, так что бедные просят у нас лишь возвратить им принадлежащее их Отцу¹⁸⁶, то ясно, что *не давать* своего нуждающимся значит *похищать чужое*. «Не уделять из своего имущества есть также похищение, — говорит св. Иоанн Златоуст. — Может быть, слова мои кажутся вам удивительными, но не удивляйтесь, я представляю вам из Божественных писаний свидетельство о том, что не только похищать чужое, но и не уделять из своего другим означает хищение, и любостяжание, и отнятие. Какое же это свидетельство? Укоряя иудеев, Бог через пророка говорит: «земля принесла плоды свои, а вы не внесли десятин, но похищенное у бедного в домах ваших»¹⁸⁷. Так как вы, говорит, не дали обыкновенных приношений, то похитили собственность бедных... Итак, из этого мы поучаемся, что «когда мы не подаем милостыни, то будем наказаны наравне с похитителями»¹⁸⁸.

Мы остановились на изложении воззрений св. Иоанна Златоуста по интересующему нас вопросу дольше, чем на учении других святых отцов, но все же могли лишь отметить основные пункты в учении этого святителя. Только непосредственное знакомство с его творениями способно дать почувствовать всю силу его христианских убеждений в том, что для верующего невозможна дума и забота о своем праве собственности, но лишь о том, чтобы отказаться от своего ради ближних. В последующих главах несколько яснее выступит взгляд св. отца на должное отношение наше к своей собственности, но, конечно, все же краткие выдержки не могут в полной мере отразить в себе тот дух христианской любви и чистой истины, каким дышат слова святителя.

В творениях св. Иоанна Златоуста христианское учение о собственности затронуто со всех сторон и раскрыто настолько обстоятельно, что изложением воззрений этого св. отца мы могли бы заключить настоящую главу нашего труда. Но для полноты обзора святоотеческого учения

на Пс. СЛ, т. V. стр. 578 и др.

¹⁸⁴ Например, «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 796.

¹⁸⁵ Например, слово XXIII «О милостыне и страннлюбии», т. 12, стр. 659.

¹⁸⁶ Там же, стр. 664.

¹⁸⁷ Малах. III, 10.

¹⁸⁸ «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 796; сравни: слово ??? «О корыстолюбии», т. XII, стр. 593; беседа LXIII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 645–646 и др.

отметим согласные со св. Иоанном взгляды его западных современников: блаженных Августина и Иеронима.

Блаженный Августин также держался того взгляда, что имеющие много владеют чужим имуществом¹⁸⁹. Поэтому и на все, что у нас есть, надо смотреть лишь, как на вверенное нам для раздачи нуждающимся. «Все, что Бог дал, говорит блаженный отец, сверх необходимого, Он, собственно говоря, не отдал нам, но только поручил нам, чтобы оно могло через нас перейти в руки бедных. Удерживать это значит обладать тем, что принадлежит другим»¹⁹⁰. Согласно со св. Иоанном Златоустом, блаженный Августин думает, что всякая борьба в мире, войны, мятежи, преступления, убийства, неправды возникают из-за того, чем мы владеем *лично*. Из-за тех предметов, которыми мы владеем сообща, как, например, солнце и воздух, не возникает борьбы. «Будем же, братья мои, — убеждает блаженный отец, — *воздерживаться от частной собственности* или, по крайней мере, от любви к ней, если не можем воздержаться от владения ею»¹⁹¹.

Блаженный Иероним высказывает свои взгляды на право собственности и отношение к нему со стороны христиан согласно со св. Иоанном Златоустом. Все, чем мы живем, Бог даровал, по взгляду блаженного Иеронима, «всем сообща равно»¹⁹². Но Бог также даровал людям и «*свободное произволение... чтобы всякий жил не в силу власти Божией, а в силу собственной покорности... чтобы имела место добродетель*»¹⁹³. Поэтому от нас требуется, чтобы мы, владея не своим, а чужим — а чужое для нас все, что принадлежит этому веку — были верными *распорядителями* вверенного нам¹⁹⁴. И единственно правильной путь владения — это путь раздачи своего¹⁹⁵, а не путь бережливости: «не береги своего, как будто бы оно было для тебя чужим... Груды золота и серебра для нас — чужие; наше имущество есть духовное»¹⁹⁶. Поэтому и в мирозерцании блаженного Иеронима необходимым признаком христианского совершенства является *полное отречение от собственности*, и внутреннее и внешнее¹⁹⁷; подобно Павлу, подражают «ничего не имеющему Господу, возвращая Ему все»¹⁹⁸. Изложенным нами учением святых отцов первых четырех веков о собственности мы и закончим первую главу нашего труда. Взглядов последующих отцов мы не приводим потому, что существенно

¹⁸⁹ «О граде Божиим», гл. 27, т. VI, стр. 232–233.

¹⁹⁰ Беседа на Пс. CXLVII, цит. по Ульгорну, стр. 271.

¹⁹¹ Беседа на Пс. CXXXI, там же, стр. 269.

¹⁹² Письмо к Дамасу «о двух сыновьях», т. I, стр. 82 рус. перевода.

¹⁹³ Там же, стр. 83.

¹⁹⁴ Письмо 97 к Алгaziю, т. III, стр. 190.

¹⁹⁵ Письмо 57 к Павлину, т. II, стр. 130.

¹⁹⁶ Письмо 21 к Евстохии, т. I, стр. 133.

¹⁹⁷ Письмо 62 к Паммахию, т. II, стр. 223–224.

¹⁹⁸ Письмо 88 к Евстохии, т. III, стр. 36.

нового, восполняющего древнеотеческое учение мы не встретили в этих взглядах. Равным образом, мы не касались и учения по интересующему нас предмету святых подвижников древней Церкви. Всегда в древности монашеская жизнь неразрывно связывалась с отречением от собственности, и отречение от последней всегда составляло один из основных монашеских обетов во всех древних иноческих уставах.

Теперь мы можем сделать общие выводы из древнецерковного учения о собственности, изложенного нами. Выводы эти вполне определенные и могут быть выражены кратко, так как древнецерковное учение не знало различия во взгляде на этот предмет. *Право собственности не принадлежит к области благодатной христианской жизни*, к сфере Божиего Царства и потому не может быть рассматриваемо как святыня для христианской совести, и к нему не может быть прилагаем предикат «священное», но лишь «неприкосновенное». Это потому, что право частной собственности, как оно осуществляется в жизни людей, принципиально противоречит началу всеобъемлющей христианской любви, не знающей границ «моего» для другого; право собственности возникает поэтому не на основе христианского *братства* людей, но на основе недостатка такого братолюбия, когда человек противопоставляет себя и свое другим. Право собственности, однако, является *неприкосновенным* для христианина даже до такой степени, что грешно желать чужого в силу, с одной стороны, того общего закона христианской морали, что всякое насилие не должно иметь места в устройении христианской жизни; а с другой — потому, что христианство не отрицает форм естественного права и естественных человеческих отношений, но одухотворяет и возвышает эти формы, преобразуя их по духу Христовой истины. И христианская любовь, разрушающая эгоистические перегородки жизни, *ставит идеалом своим не отобрание чужого, но свободное отдавание своего на общую пользу*. С этой последней точки зрения, только тот истинно владеет своим имуществом, кто рассматривает его в качестве общего достояния и служит своим общей пользе, *согласно с волей Бога, верховного Владыки всего сущего*, и с законами *человеческой любви*, счастье и полнота которой не в приобретении и обладании, но в дарении и жертве. Ясно само по себе, что при таком отношении к началу личной собственности идеалом устройства материальной стороны жизни членов христианской Церкви должно явиться *общение имуществ на основе свободной братской любви* по примеру жизни первохристианской общины.

II

*Жизнь человека не зависит от
изобилия его имения*
Лк. XII, 15

*Кто любит ближнего, как самого себя,
тот ничего не имеет у себя излишнего перед ближним...
Поэтому, чем больше у тебя богатства,
тем меньше в тебе любви*
св. Василий Великий

В живой неразрывной связи с ответом на вопрос об отношении христианства к праву собственности находится и решение вопроса о христианском взгляде на богатство и бедность. Второй вопрос представляет собой по существу лишь более частную, *конкретную постановку* первого или основного вопроса об отношении христианина к собственности вообще. Поэтому уже раскрытое нами учение древней Церкви о праве собственности и об отношении к этому праву со стороны христиан дает нам достаточно данных и для характеристики христианского отношения к богатству и бедности. Так, например, если из откровенного и святоотеческого учения с несомненностью вытекает, что началом истинно христианского отношения к собственности является долг делиться своим с другими, то ясно, что на всякое богатство, как на скопление в руках одного лица гораздо большего числа предметов первой необходимости, чем сколько нужно для удовлетворения его личных потребностей, христианство не может смотреть иначе, как на уклонение от начала братской любви, то есть, иными словами, неодобрительно. Равным образом, с точки зрения этого же долга делиться своим с другими, несомненно, выступает в ореоле христианской добродетели добровольная бедность. Так, говорим мы, то или иное решение вопроса об отношении к праву собственности предreshает необходимо тот или иной взгляд на богатство и бедность. Но нам нет нужды и побуждений ограничиваться попытками приложить добытые нами общие начала к уяснению частных сторон предмета нашего исследования и, напротив, очень много побуждений по вопросу о христианском отношении к богатству и бедности изложить в возможной полноте учение древней Вселенской Церкви. Во-первых, идя таким путем, мы получим возможность более разносторонне выяснить церковную точку зрения на предмет. Вместо того, чтобы заниматься выводами из уже представленного церковного учения о собственности, мы, излагая откровенное и святоотеческое учение о богатстве и бедности, этим самым констатируем уже совершенное согласие и строжайшее *единство церковных воззрений на устройство материального быта* верующих. А вместе с этим полным

принципиальным согласием в церковном учении по вопросу о богатстве и бедности выступят перед нами такие *новые детали*, такие частные черты, которые сообщают христианскому учению характер особой конкретности и жизненной наглядности. Это одна сторона дела.

С другой стороны, расчленив вопрос о христианском отношении к собственности и отдельно остановиться на уяснении христианского взгляда на богатство и бедность побуждает нас та неправильная постановка в опытах уяснения этого последнего вопроса, какая существует и, даже более того, господствует в нашем современном богословии. *Основная тенденция современного русского богословия* в отношении к поставленному нами вопросу выражается в том, что всеми возможными путями стремятся доказать, будто в христианской жизни «богатство есть путь истинный и достойный уважения»¹. Наше богословие потратило много усилий для того, чтобы доказать, будто служение Богу может быть совмещено со служением маммоне, и на пути к достижению этой грустной цели не останавливалось даже перед унижением христианского учения. Так, было уже упомянуто о перетолковании Иак. I, 17–18. Множество по существу даже непонятных усилий было приложено к тому, чтобы смягчить определенное суждение Христа Спасителя о богатстве в Его учении, особенно как это учение передано в Евангелии св. Луки и в притчах Господа. Самое святоотеческое учение о богатстве и бедности излагается и очень кратко, и крайне одно-сторонне, и совершенно неправильно, когда святые отцы выставляются как бы покровителями богатых в деле «охранения и умножения» ими своего богатства. Со спокойной убежденностью утверждаем, что подобное представление совершенно не отвечает действительности, и после изучения святоотеческой литературы мы готовы скорее признать чрезмерную остроту в суждениях о богатстве некоторых святых отцов, чем в ком бы то ни было из них видеть защитника возможности для христианина собирать себе богатство на земле и беспечно им наслаждаться. Впрочем, оставим полемику в стороне, так как прямая задача нашего труда — положительное раскрытие учения древней Вселенской Церкви. Согласно принятому нами плану работы, изложению собственно церковного учения мы должны предпослать краткий обзор по интересующему нас вопросу *учения ветхозаветного*. Этот обзор особенно необходим в данном случае. Прежде всего, он поможет нам лучше понять в отдельных случаях евангельское учение, так как оно было обращено, прежде всего, к иудеям, воспитанным на ветхозаветном кодексе морали. Затем, ветхозаветный взгляд на интересующий нас предмет в значительной степени утверждается на характеристике душевного настроения богатого и бедного, какая точка зрения имеет известное приложение для этической оценки богатств-

¹ Слова пресвященного Гавриила в его «Православном нравственном богословии», стр. 686.

ва и бедности в любой системе морали. Наконец, мы не вправе игнорировать и того замечательного явления, что наше современное богословие при уяснении христианского отношения к богатству и бедности очень любит утверждаться на Ветхом Завете. Делается это очень просто. Высказывается известное положение, всегда утверждающее в той или иной форме совместимость служения Богу и маммоне, затем приводится текст из ветхозаветного откровения, преимущественно из учительных книг, и вопрос считается решенным с христианской точки зрения. При этом как бы совершенно забывается, что в Евангелии Матфея имеется целая глава (пятая), говорящая о том, что христианское учение далеко не совпадает с ветхозаветным. Об этом широко распространенном и глубоко ошибочном методе раскрывать христианское учение мы уже имели случай высказаться в печати² и здесь не станем повторяться. Но тем с большей внимательностью отнесемся к тому, чтобы изложить ветхозаветное учение и оттенить его существенное отличие во взгляде на богатство и бедность сравнительно с учением христианства.

Обычный взгляд, что в Ветхом Завете богатство считалось благом, а бедность — злом. Этот взгляд высказывался еще святыми отцами³ и, действительно, находит подтверждение в Откровении. Имущество богатого, по словам книги Притчей, крепкий город его⁴. Богатство — венец мудрых⁵. Оно возвышает сердце⁶; оно — благо, если в нем нет греха⁷, и богач счастлив, если он оказался безукоризненным и не гонялся за золотом⁸. Вообще богатство рассматривается как благо и как проявление милости Божией к человеку⁹.

Но и ветхозаветный взгляд на богатство, как на благо и на благословение Божие, не является безусловным, но обуславливается такими *этическими требованиями*, которые приближают ветхозаветное учение к христианскому. Первое требование подобного рода то, чтобы богатство было *приобретаемо честным путем*. Мы выделили уже, что такой богач называется счастливым¹⁰. Наоборот, богатство, приобретенное неправедным путем, сурово осуждается. «Лучше малое со справедливостью, — читаем в книге Товита, — нежели многое с неправдой; лучше творить милосты-

² «Несколько мыслей по поводу защиты смертной казни в русской богословской литературе последнего времени», Киев, 1907, стр. 15–22.

³ Например, св. Иоанн Златоуст в беседе XVIII на послание к Евреям, т. XII, стр. 160.

⁴ Притч. X, 15.

⁵ Притч. XIV, 24.

⁶ Сир. XL, 26.

⁷ Сир. XIII, 30.

⁸ Сир. XXXI, 8.

⁹ Например, 1 Цар. II, 7; Сир. XI, 21; Еккл. V, 18 и др.

¹⁰ Сир. XXXI, 8.

ню, нежели собирать золото»¹¹. Лучше небольшое при страхе Господнем, нежели большое сокровище и при нем тревога; лучше блюдо зелени и при нем любовь, чем откормленный бык и при нем ненависть¹². Лучше бедный, ходящий в своей непорочности, нежели богатый со лживыми устами¹³. Еще сильнее и выразительнее говорит о греховности несправедливого богатства книга Иисуса, сына Сирахова, когда считает преступлением самые жертвы Богу из несправедливо приобретенного. Что заколающий на жертву сына пред отцом его, то приносящий жертву из имущества бедных; хлеб нуждающихся есть жизнь бедных: отнимающий его есть кровопийца. Убивает ближнего, кто отнимает у него пропитание, и проливает кровь, кто лишает наемника платы¹⁴. В книге Псалмов и в книге пророка Амоса мы встречаем редкие по силе выразительности места, рисующие и осуждающие неправые пути обогащения. «По гордости своей, — повествуется в первой книге, — нечестивый преследует бедного... Ибо нечестивый хвалится похотью души своей, корыстолюбец ублажает себя... Глаза его подсматривают за бедным, подстерегают в потаенном месте, как лев в логовище; подстерегает в засаде, чтобы схватить бедного, увлекая в сети свои; сгибается, прилегает, и бедные падают в сильные когти его; говорит в сердце своем: забыл Бог, закрыл Лицо Свое, не увидит никогда. Восстань, Господи Боже, вознеси руку Твою, не забудь униженных Твоих до конца»¹⁵. Подобное же описывает и пророк Амос: «Выслушайте это, — говорит он, — алчущее поглотить бедных и погубить нищих; вы, которые говорите: когда-то пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота, чтобы открыть житницы, уменьшить меру, увеличит цену сикля и обманывать неверными весами: чтобы покупать неимущих за серебро и бедных за пару обуви, а высеки из хлеба продавать. Клялся Господь славою Иакова: поистине во веки не забуду ни одного из дел их»¹⁶. И не только осуждается такая крайняя жадность в деле приобретения богатства, но мы встречаем в Ветхом Завете и целый ряд законов, *ограничивающих пути обогащения даже на основе юридического права*, и высокий взгляд на долг богатого соблюдать внутреннюю независимость от богатства и не смотреть на него, как на орудие личного только благополучия. Что касается относящихся сюда *законов*, то они уже отчасти были ранее названы нами. Так, запрещалось притеснять ближних, особенно вдов и сирот¹⁷; запрещалось отдавать деньги в рост единоплеменникам¹⁸, брать в залог дольше вечера предметы

¹¹ Тов. XII, 8.

¹² Притч. XV, 16–17.

¹³ Притч. XIX, 1.

¹⁴ Сир. XXXIV, 20–22; сравни: Притч. XXVIII, 6; Исх. X, 2–3.

¹⁵ Пс. IX, 23–33.

¹⁶ VIII, 4–7.

¹⁷ Исх. XXII, 21–24.

¹⁸ Исх. XXII, 24; Лев. XXV, 36.

первой необходимости¹⁹. Напротив, предписывается давать взаймы бедному²⁰, прощать долги в седьмой год²¹ и т. д. Что касается собственно *этической оценки богатства*, то идеалом в отношении его даже в Ветхом Завете ставилось не «охранение и умножение», но милосердие, готовое делиться своим с другими. Добрый человек с этой точки зрения не тот, что приумножил свое достояние, но тот, который расточил, раздал нищим, правда его пребывает во век²². И обратно: кто закрывает глаза свои от неимущего, на том много проклятий²³. Несомненно, что действительность в жизни израильского народа глубоко расходилась с таким идеалом, и картины, переданные нами из книги Псалмов и пророка Амоса, были взяты из жизни. Поэтому, чем дальше шла история, тем яснее мы слышим предостерегающий голос учителей народа от обольщения богатством и готовности в нем видеть свою опору. Напротив, с силой подчеркивается суетность богатства и звучит призыв сохранять *внутреннюю независимость* от него. «Не заботься о том, — советует книга Притчей, — чтобы нажить богатство: оставь такие мысли твои. Устремите глаза свои на него и — его уже нет, потому что оно сделало себе крылья и, как орел, улетело к небу»²⁴. Не поможет богатство в день гнева... Надеющийся на богатство свое упадет²⁵. Вообще выразительно оттеняются, как характерные черты богатства, его *непостоянство и кратковременность*, благодаря чему оно всегда оставляет человека при смерти. В этом — утешение бедному и урок богатому не полагаться на свое достояние. Не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается; ибо умирая не возьмет ничего, не пойдет за ним слава его²⁶. «Есть мучительный недуг, — рассказывает Екклесиаст, — который видел я под солнцем: богатство, сберегаемое владельцем, во вред ему. И гибнет богатство это от несчастных случаев... Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего... И это тяжкий недуг»²⁷. Поэтому богатый не должен хвалиться богатством своим²⁸, но сохранять внутреннюю независимость от него, подобно праведному Иову: «полагал ли я, — спрашивал этот праведник, — в золоте опору мою и говорил ли сокровищу: ты надежда моя. Радовался ли я, что богатство мое было велико, и что рука моя приобрела много?»²⁹. Существенно ту

¹⁹ Втор. XXIV, 6; Исх. XXII, 26–27.

²⁰ Втор. XV, 7–11 и др.

²¹ Втор. XV, 1–4.

²² Пс. CXI, 9.

²³ Притч. XXVIII, 27.

²⁴ Притч. XXIII, 4–5.

²⁵ Притч. XI, 4, 28.

²⁶ Пс. XLVIII, 17–18.

²⁷ Еккл. V, 12–15.

²⁸ Иер. IX, 23.

²⁹ Иов. XXXI, 24–25.

же мысль исповедует и псалмопевец, давая совет: «Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца»³⁰. Если к сказанному присоединить, что для сознания ветхозаветного верующего были ясны отрицательные стороны богатства и в отношении *настроения владеющих им*, как-то: тревога³¹, пресыщение³², утомительная бдительность³³ и т. д., то понятна будет молитва древнего праведника: «прошу у Тебя... нищеты и богатства не давай мне, — питай меня насущным хлебом. Дабы, пресытившись, я не отрекся от Тебя и не сказал: кто Господь; и чтобы, обеднев, не стал красть и употреблять имя Бога моего всеу»³⁴. Таким образом, хотя, бесспорно, в ветхозаветном мировоззрении богатство оценивалось как жизненное благо, но как низшее, сравнительно с другими, не только с таким безусловным благом, как, например, страх Божий³⁵, но и по сравнению с такими условными благами, как добрая слава у людей: доброе имя лучше большого богатства, и добрая слава лучше серебра и золота³⁶.

После сделанных указаний на отношение к богатству в миросозерцании ветхозаветного верующего нам нетрудно установить и взгляд ветхозаветного Откровения *на бедность*. Как богатство есть в условном смысле жизненное благо, так бедность есть несчастье. Ветхозаветные писания полны изображениями страданий бедняков и всюду дышат горячей, сострадательной любовью к последним. Бедный ненавидим бывает даже близкими своими³⁷. С мольбой говорит нищий, а богатый отвечает грубо³⁸. Богатый господствует над бедным, и должник делается рабом заимодавца³⁹. Мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают⁴⁰. Богач обидел — и сам же грозит; бедняк обижен — и сам же упрашивает... Отвратительно для гордого смирение, так отвратителен для богатого бедный⁴¹. Вообще жизнь нищего тяжела для сердца⁴², настолько тяжела, что, по взгляду ветхозаветного мудреца, лучше умереть, нежели просить милостыню⁴³.

Но это житейское злополучие бедняка в сознании ветхозаветного человечества не совпадало с нравственным достоинством неимущего. Хотя

³⁰ Пс. LXI, 11.

³¹ Притч. XV, 16.

³² Еккл. V, 11.

³³ Сир. XXXI, 1.

³⁴ Притч. XXX, 7–9.

³⁵ Притч. XV, 16, 33 и др.

³⁶ Притч. XXII, 1.

³⁷ Притч. XIV, 20.

³⁸ Притч. XVIII, 24.

³⁹ Притч. XXII, 7–9.

⁴⁰ Еккл. IX, 16.

⁴¹ Сир. XII, 4, 24.

⁴² Сир. XXXVIII, 19.

⁴³ Сир. XL, 29.

указывается, что бедность иногда является результатом беспечности и лености⁴⁴, но вообще бедность не только не рассматривается в качестве возмездия за неблагочестивую и недобрую жизнь, но, скорее, напротив: *бедные поставляются в особенно близкие отношения к Богу*. Мы уже говорили, что великий Законодатель дал народу Израильскому целый ряд гуманных законов в виду того горестного предвидения, что всегда будут нищие среди земли⁴⁵. И постоянным сильным покровителем последних выступает в сознании верующего сам Господь. Он, именно, спасает бедного от беды его⁴⁶. «Тебе, — говорит Господу псалмопевец, — предает себя бедный; сироте Ты помощник... Открой ухо Твое, чтобы дать суд сироте и угнетенному»⁴⁷. Ради страдания нищих и воздыхания бедных ныне восстану, говорит Господь, поставлю в безопасность того, кого уловить хотят⁴⁸. Нищий взывает, и Господь слышит его и избавляет от всех бед⁴⁹. Господь внемлет нищим⁵⁰. Он извлекает бедного из несчастий⁵¹. Он — отец сирот и судья вдов во святом своем жилище. Господь не уважит лица перед бедным и молитву обиженного услышит; Он не презрит молений сироты, ни вдовы, когда они будут изливать прошение свое⁵². Господь всегда пребывает убежищем бедных, убежищем нищего в тесное для него время⁵³. Именно эта особенная близость бедняков к Богу, их Покровителю, Отцу сирот, делает то, что *милосердие к бедным* рассматривается в Ветхом Завете как *религиозный долг* верующего: кто теснит бедного, тот хулит Творца его; имущий же Его благодворит нуждающемуся⁵⁴. Кто ругается над имущим, хулит Творца его⁵⁵. И обратно: благодворящий бедному взаимно дает Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его⁵⁶. Но подробнее об этом ниже. Здесь скажем вообще, что долг благодворения бедным поставляется в ветхозаветном нравоучении на самое видное место⁵⁷, а угнетение бедняка оценивается как тяжкий грех⁵⁸.

⁴⁴ Притч. XIII, 24; XX, 4; XXIV, 30–34 и др.

⁴⁵ Втор. XV, 11.

⁴⁶ Иов. XXXVI, 15.

⁴⁷ Пс. IX, 35, 39.

⁴⁸ Пс. XI, 6.

⁴⁹ Пс. XXXIII, 7.

⁵⁰ Пс. LXVIII, 34.

⁵¹ Пс. CVI, 41.

⁵² Сир. XXXV, 13–15.

⁵³ Ис. XXV, 4.

⁵⁴ Притч. XIV, 31.

⁵⁵ Притч. XVII, 5.

⁵⁶ Притч. XIX, 17.

⁵⁷ Например, Лев. XXV, 35–36; Втор. XV, 7–11; Пс. LXXXI, 2–4; Сир. IV, 1–10; XXIX, 11–13; Ис. LVIII, 6–10; Иер. XXII, 3; Иез. XVIII, 7–8 и мн. др.

⁵⁸ Исх. XXII, 26–27; Пс. IX, 23–34; Притч. XXI, 13; Ис. III, 14–15; V, 8; X, 1–3; Иер. XXII, 13; Иез. XVIII, 12–13 и мн. др.

Мы не находим в Ветхом Завете определенных указаний на то, чтобы бедность рассматривалась с *этической точки зрения* в качестве более удобного пути богоугождения, чем жизнь в достатке и согласно с заповедями закона. Однако и в период ветхозаветного домостроительства идея произвольной бедности рассматривается как нравственный подвиг. Вдохновенные образы пророков наглядно проповедовали народу, что ради служения Богу нужно иногда отречься от всего. И величайший из пророков Ветхого Завета — Предтеча Небесного Учителя — явился именно в таком образе совершенного небрежения о земном ради правды Божией.

Нетрудно нам сделать *общие выводы* из кратко изложенного ветхозаветного взгляда на богатство и бедность. И то, и другое рассматривается как состояние, имеющее лишь условное значение: первое — жизненного блага, а второе — такого же зла. И то, и другое были ничто в отношении безусловного блага — веры в Бога и страха Божия⁵⁹; и определенно указывается, что в очах Божиих нет различия между богатым и бедным⁶⁰. Скорее, напротив: суровые обличения богатых за притеснения бедных и постоянная речь о близости бедных к Иегове, что мы уже раскрыли достаточно подробно, дают косвенное основание думать, что и в древности были ясны соблазны богатства на пути истинно богоугодной жизни⁶¹. Поэтому нравственной нормой в отношении богатства поставляется внутренняя независимость от него: не желать богатства⁶²; когда оно течет, не прилагать к нему сердца⁶³; не надеяться на богатство⁶⁴ и не бояться потерять его⁶⁵.

Что касается, наконец, связанных с вопросом о богатстве и бедности грехов и добродетелей, то в ветхозаветном Откровении мы встречаем ясные суждения об этом: *сребролюбие* и *корыстолюбие*, как мы видели, равно как и *скупость*⁶⁶, всегда осуждаются. Обратное: щедрая благотворительность признается высокой добродетелью.

Изложение ветхозаветного учения о богатстве и бедности, несомненно, показало, что в основе этого учения лежит *начало любви к ближнему*. Этим только могут объясняться настойчивые указания на долг помогать нуждающимся и суровые обличения за скупость и желание увеличивать богатство, пользуясь нуждой ближних. Но как в вопросе об отношении к собственности вообще принцип любви не нашел в Ветхом Завете совершенного выражения, так точно не выразился он всецело и в оценке жизненных явлений, связанных с вопросом об отношении к богатству

⁵⁹ Притч. XV, 16; Пс. СХVIII, 72.

⁶⁰ Притч. XXII, 1–2.

⁶¹ Например, Притч. XXX, 8.

⁶² Например, Притч. XXIII, 4.

⁶³ Пс. LXI, 11.

⁶⁴ Например, Притч. XI, 4, 28.

⁶⁵ Например, Еккл. V, 13.

⁶⁶ Например, Притч. XXI, 13.

и бедности. Только в *новозаветном* Откровении Божиим миру мы встречаем *совершенное учение о любви*, как едином верховном начале жизни, и в лучах этого новозаветного солнца нам представляются ясными все христианские отношения к миру и его благам. И прежде чем перейти к более подробному изложению новозаветного взгляда на богатство и бедность, мы должны *определенно отграничить* то решение вопроса, какое предлагалось в Ветхом Завете, от того, какое дано миру Христом Спасителем. Разница между этими решениями, конечно, очень существенная, соответственно различию основного начала нравственной жизни дохристианской и христианской. Как мы уже сказали, Евангелие вывело закон любви из ограничения его числом и местом и поставило перед верующими идеал бесконечного нравственного совершенствования в единении с Богом. Эта абсолютность христианской морали не могла не отразиться и на оценке частных явлений и отношений человеческой жизни, и теперь мы кратко отметим то существенное различие, какое выступает между ветхозаветной и новозаветной оценкой богатства и бедности.

Прежде всего, если в Ветхом Завете богатство рассматривалось как благо само по себе, хоть и условное, а бедность — как зло, хотя и не нравственного порядка, то в христианстве не могло быть и речи о такой оценке богатства и бедности самих по себе. И первое, и второе являлись чем-то *несущественным* по сравнению с верховным благом — Царством Божиим: жизнь человека не зависит от изобилия его имениа⁶⁷. Эти слова Христа Спасителя являются прямым выражением абсолютной христианской точки зрения, высота которой, сравнительно с ветхозаветным взглядом, определенно отмечены и святыми отцами. *Св. Иоанн Златоуст*, например, говорит, что «так как многие слабы душой, то Бог даровал им и чувственные блага. Таким образом, он руководил народ иудейский: у них и богатство текло, и жизнь продолжалась до старости... Но когда пришел Господь наш Иисус Христос, призывающий нас на небо, убеждающий презирать блага здешние, внушающий любовь к благам тамошним и отторгающий нас от всего житейского, то справедливо... все богатство заключено в благах будущих, так как мы сделали совершенными»⁶⁸. *Св. Златоуст* утверждает поэтому, что, если в Ветхом Завете и сказано было, что богатство и нищета от Господа⁶⁹, то сказано лишь иудеям, «не знавшим ничего, кроме предметов чувственных», сказано «подобно тому, как и мы не одинаково говорим с детьми и людьми взрослыми»⁷⁰. И разница между ветхозаветной и новозаветной точкой зрения в данном вопросе так велика, что оценка богатства и бедности прямо противоположна, по

⁶⁷ Лк. XII, 15.

⁶⁸ Беседа на Пс. IV, т. V, стр. 30.

⁶⁹ Сир. XI, 14.

⁷⁰ Беседа XXXIV на 1 Кор., т. X, стр. 350.

взгляду св. Иоанна, в Ветхом и Новом Завете. В Ветхом Завете «богатство считалось весьма важным, а бедность была презираема; одно было проклятием, а другое — благословением. А теперь не так... даже надобно искать бедности, если ее нет. Такое она составляет благо... Христос назвал ее совершенством добродетели⁷¹. Это Он выразил словами, показал и делами, преподал и через учеников»⁷². Иными словами, сознание новозаветного верующего навсегда вынуждено расстаться с теми ожиданиями, которым даже невольно отдавался ветхозаветный верующий: что внешнее благополучие и богатство суть блага, которые следуют за праведником, а бедность есть зло, которое составляет законный удел нечестивого. Много волнений доставляло уму и сердцу ветхозаветного верующего то, что не видел он такого соответствия в действительности. Вся книга Иова — живой свидетель этих тревожений и попыток выяснить трудный жизненный вопрос. Но для христианского сознания самый вопрос отпадает; *жизнь человека не зависит от изобилия его имени*. Перед лицом истинной жизни в общении с Богом ничтожны и самый мир с его благами⁷³, и временные страдания в этой жизни⁷⁴, и самая земная жизнь человека есть лишь начало лучшей будущей жизни»⁷⁵. Поэтому св. апостол не смущается выразить ту поражающую ум наш мысль, что все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы. Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле⁷⁶.

Такая абсолютная точка зрения обуславливает то, что первая заповедь христианину в отношении его к миру и благам мира — не собирать себе здесь сокровищ, имея в виду сокровище лучшее, небесное⁷⁷, не заботиться о пище и одежде⁷⁸, даже не заботиться о завтрашнем дне⁷⁹. Христианство не может, таким образом, видеть в богатстве самом по себе блага, а в бедности самой по себе зла, потому что это лишь внешние условия временной жизни, даже для нее не имеющие существенного значения. В христианском непонимании и богатство, и бедность, говоря словами св. Иоанна Златоуста, не истина, но лишь «приятные и благозвучные названия»⁸⁰; это лишь «картины», «тень действительности»⁸¹ и обманчивый театр⁸².

⁷¹ Мф. XXI, 19.

⁷² Беседа XVIII на послание к Евреям, т. XII, стр. 160–161.

⁷³ 1 Ин. II, 16–17.

⁷⁴ Рим. VIII, 18.

⁷⁵ Мф. X, 28; Лк. XII, 4 и мн. др.

⁷⁶ 2 Тим. III, 13.

⁷⁷ Мф. VI, 20; 1 Тим. VI, 19 и др.

⁷⁸ Мф. VI, 31.

⁷⁹ Мф. VI, 36.

⁸⁰ Беседа на Пс. XLIII, V, 5, стр. 168.

⁸¹ «О Лазаре», слово IV, т. I, стр. 819.

⁸² «О Лазаре», слово VI, т. I, стр. 877.

Ввиду такого отношения христианства к богатству и бедности *самим по себе ясно*, что оценка этих явлений жизни должна иметь своим исходным пунктом не отношение их к земному благополучию человека, но *к делу его спасения*, процессу постепенного совершенствования. Иными словами, мы вправе ожидать найти в новозаветном Откровении ту *собственно этическую оценку* богатства и бедности, какая осталась далеко не раскрытой в ветхозаветном Откровении. И мы, действительно, встречаем такую именно оценку, и притом выраженную столь определенно, что перетолкование новозаветного учения невозможно без извращения его прямого смысла или же без замалчивания прямо относящихся к данному вопросу мест. Мы не можем не поражаться, читая Евангелие и послание святых апостолов, как *много и выразительно* говорит Новый Завет об отношении человека к богатству и бедности, несмотря на то, что, согласно сказанному, сами по себе они *ничто* в христианском мировоззрении. Неизмеримая высота евангельского учения о предметах духовных высочайшей ценности не помешала уделить много внимания и вопросам нашей обыденной жизни и осветить их, а в том числе и вопрос о богатстве и бедности, своим новым светом. Для раздельности изложим взгляд новозаветного Откровения на богатство и бедность отдельно, хотя, конечно, в идейной связи, так как евангельское учение о бедности и нельзя было бы правильно понять без предварительного уяснения его отношения к богатству.

Итак, прежде всего, как смотрит Евангелие на богатство?

Согласно только что сказанному нами, христианство не может рассматривать богатства изолированно, вне его отношения к личности обладателя; и в этом последнем случае отношение новозаветного Откровения *к богатству безусловно отрицательное*. Уже в Ветхом Завете сознанию верующих ясно была видна та темная сторона богатства, что оно по природе своей *тленно и скоропреходяще*. Эта сторона выпукло обозначена и в Новом Завете. «Не собирайте себе сокровищ на земле, — учил Господь, — где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут»⁸³. Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро проржавело, и ржавчина их будет свидетельствовать против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни»⁸⁴. Подобное пишет и св. апостол Павел Тимофею: «богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живого»⁸⁵. Притча Христа Спасителя о неразумном богаче с образной выразительностью противопоставляет полное ничтожество всех надежд на богатство перед лицом одного несомненного

⁸³ Мф. VI, 19.

⁸⁴ Мф. V, 1–3.

⁸⁵ I Тим. VI, 17.

для человека факта — неизбежности смерти⁸⁶. Как увидим, притча эта постоянно напоминает и изъясняется святыми отцами в их поучениях. Это, бесспорно, потому, что ничтожество богатства ввиду неизбежности смерти наиболее доступно сознанию каждого, и эта сторона дела была ясна и ветхозаветному человечеству. Но в новозаветной характеристике богатства мы встречаем еще черту, какой не видели в Ветхом Завете, и которая усваивает богатству неизбежно осуждающий приговор именно с этической точки зрения. Это та характеристика богатства, когда оно называется по самому своему существу «неправедным». «Приобретайте себе друзей, — учил Христос Спаситель, — богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители. Верный в малом и во многом верен, а неверный в малом, неверен и во многом. Итак, если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?»⁸⁷. Ниже, когда мы будем излагать святоотеческое учение о богатстве, то встретим обстоятельное раскрытие мысли о неправедности всякого богатства. Теперь же мы должны отметить неразрывную связь этой евангельской характеристики всякого богатства как неправедного с раскрытым уже нами христианским взглядом на право личной собственности.

Если, как мы видели, в отношении своего имущества человек, с христианской точки зрения, есть лишь «приставник» и «управитель» в «чужом достоянии», обязанный управлять этим достоянием согласно с волей Божией; если верность этой воле Божией состоит в том, чтобы не был обижен никто из детей одного небесного Отца, то само собой несомненно, что *всякое богатство*, как скопление в одних руках излишков, *есть и неверность Богу, и обида ближнего*, а потому всякое богатство по самой своей природе является «неправедным». Эта важная в христианском мировоззрении черта, характеризующая богатство, подробно выясняется святыми отцами, и поэтому теперь мы не будем долго останавливаться на детальном выяснении этой черты, но перейдем к дальнейшему раскрытию того отношения к богатству, какое составляет долг христианина.

Если, как мы отметили, в отношении наших ближних богатство характеризуется в Евангелии как «неправедное», то в отношении конечной цели христианской жизни, в отношении Божиего Царства, *богатство признается тяжелым бременем*, затрудняющим для богатого путь в Царство Божие; Иисус сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное: и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие⁸⁸. И в Евангелии мы находим прямой ответ, почему это так,

⁸⁶ Лк. XII, 16–20.

⁸⁷ Лк. XVI, 9–12.

⁸⁸ Мф. XIX, 23–24.

то есть почему богатство всегда оказывается неудобноносимым бременем на пути в Царство Небесное: «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше»⁸⁹, — говорит Христос Спаситель. «Никто не может служить двум господам, ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне (богатству). Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить; ни для тела вашего, во что одеться... Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам»⁹⁰. И на эту же, по существу, сторону дела обращает внимание св. апостол, когда утверждает, что желающие обогатиться впадают в искушение и в сеть, и во многие безрассудные и вредные похоти⁹¹. И поэтому апостол с силой говорит, что сребролюбие есть корень всех зол и приводит к потере веры в истинного Бога⁹², вследствие чего св. апостол не усомнился любостяжание назвать идолослужением⁹³, разумея здесь, несомненно, того же самого бога — маммону, служение которому несовместимо со служением истинному Богу.

Нас не может поэтому удивлять, что в Евангелии и апостольских посланиях мы встречаем в отношении богатых и богатства определенно *осуждающий приговор*. «Горе вам, богатые! — возвещает Сам Спаситель. — Потому что вы уже получили свое утешение; горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете»⁹⁴. Св. апостол Иаков, обличая богатых, обращает внимание на обычное угнетение ими ближних: «не богатые ли, — пишет он, — притесняют вас, и не они ли влекут вас в суды? не они ли бесславят доброе имя, которым вы называетесь?»⁹⁵. И самим богатым говорит: «вы собрали себе сокровище на последние дни. Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и стоны жнецов дошли до слуха Господа Саваофа. Вы роскошествовали на земле и наслаждались; питали сердца ваши, как бы на день заклания»⁹⁶. Предупреждает и св. апостол Павел богатых об опасности сделаться рабами богатства вместо служения Богу⁹⁷.

И если так, если богатство в отношении к ближним всегда соединяется с неправдой, а в отношении Царства Божия есть бремя, затрудняющее шествование в это Царство путем узким, то нам понятно это отрицательное отношение новозаветного Откровения к богатству, и понятно также то,

⁸⁹ Мф. VI, 21.

⁹⁰ Мф. VI, 24–25, 33.

⁹¹ 1 Тим. VI, 9.

⁹² 1 Тим. VI, 10.

⁹³ Кол. III, 5.

⁹⁴ Лк. VI, 24–25.

⁹⁵ II, 6–7.

⁹⁶ V, 3–5.

⁹⁷ 1 Тим. VI, 6–10.

что единственный путь сделать богатство свободным от этого осудительного приговора есть *путь раздачи* его нуждающимся. В таком только отношении к богатству найдет удовлетворение и правда Божия, требующая «верности» в «управителе» при распределении благ мира; и чувство любви к ближним, не позволяющее «утешаться» богатством, когда брат страдает от нищеты; и, наконец, будет снято тяжкое бремя с плеч «странника» на пути его к истинному отечеству.

И, действительно, в Евангелии мы находим прямые советы *раздавать свои имущества*. Богатому юноше Христос Спаситель определенно указал, что для достижения нравственного совершенства необходимо продать все, что юноша имел, и отдать нищим⁹⁸. И общая заповедь Христа Спасителя говорит: «продавайте имущества ваши и дайте милостыню»⁹⁹; «приобретайте друзей богатством неправедным»¹⁰⁰. И мы уже видели, что на заре христианства так именно верующие и поступали¹⁰¹.

Являлось ли это требование раздавать свое богатство «евангельским советом», обязательным лишь для «совершенных», или же такое отношение к богатству есть норма общехристианской жизни? Мы ставим вопрос так, как он обычно ставится в наших богословских системах. Ответ последних, в общем, известен: это совет для «совершенных» или же вообще для отдельных лиц, стремящихся к совершенству, но отказ от богатства ни в коем случае не может быть рассматриваем в качестве общехристианского долга. Но мы думаем, что сама постановка вопроса в корне неправильна. Все евангельское нравоучение предлагает ряд норм идеальных, то есть таких, следование которым ведет человека к нравственному совершенству. Дело нашей свободы — принять христианское учение или отвергнуть; дело нашей совести — исполнять евангельские заповеди или же нарушать их. Одного только права мы не имеем: называясь христианами, изменять учение Того, Кого зовем своим Учителем. Верно, что заповедь раздавать имущества свои обращена Господом к желающим совершенства; но ведь христианин и *обязан его желать*¹⁰². И разве заповеди о полной негневливости¹⁰³, чистоте помыслов¹⁰⁴, совершенной кротости¹⁰⁵, любви к врагам¹⁰⁶ и другие — разве эти заповеди не имеют в виду совершенства христианской жизни? Все христианское учение проповедует идеал высочайший, святой, совершенный. И если заповедь раздавать богатство свое

⁹⁸ Мф. XIX, 21–29; Мк. X, 21–31; Лк. XVIII, 22–30.

⁹⁹ Лк. XII, 33.

¹⁰⁰ Лк. XVI, 9.

¹⁰¹ Деян. II, 44–46; IV, 32–35.

¹⁰² Мф. V, 48; Иак. I, 4; Еф. IV, 13; Кол. I, 28; IV, 12; Евр. XI, 40 и др.

¹⁰³ Мф. V, 22.

¹⁰⁴ Мф. V, 28.

¹⁰⁵ Мф. V, 39.

¹⁰⁶ Мф. V, 44.

имеет в виду лишь совершенных или вообще не всех, то как же все могут исполнять безусловно уже общую заповедь: всякому просящему у тебя давай¹⁰⁷? Исполняйте эту только заповедь, имеющую значение элементарного выражения братской любви, исполняйте ее, не думая о совершенстве, и неминуемо произойдет то, что требуется будто бы только от совершенных: именине будет роздано. «Если брат или сестра наги, — учит святой апостол Иаков, — и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: идите с миром, грейтесь и питайтесь, но не даст им потребного для тела, что пользы?»¹⁰⁸. Едва ли кто-нибудь искренне станет отрицать, что единственный способ сохранить богатство, это именно говорить ближним то, что предвидел св. Иаков, или же и вовсе «замыкать сердце свое от вопля бедных».

Таким образом, мы думаем, что заповедь раздавать богатство свое есть иное словесное выражение той же заповеди давать просящим. Это не идеал недостижимый, а одно из условий того христианского совершенства, которого все мы должны желать и искать, пока считаем себя учениками Христовыми. И мы уже говорили, что такое отношение к своей собственности есть необходимое выражение любви, как общение с любимым во всем. И до тех пор, пока началом христианской нравственной жизни признается любовь, то есть, иными словами, пока Евангелие будет для нас верховным авторитетом, до тех пор невозможно будет найти основания для защиты с христианской точки зрения права «хранить и умножать» богатство. *Хранить* — это значит замыкать свое сердце для любви, не слышать молящего голоса нуждающегося брата или отвечать отказом на просьбу; *умножать* — это значит собирать себе сокровище здесь и притом неправедное: не только не давать своего, но и брать чужое. Поэтому, между прочим, христианство не может не отнестись *отрицательно и ко всякого рода роскоши*; оно не может считать добродетелью ту *бережливость*, которая является путем собирания богатства; оно строго и беспощадно должно осудить *корыстолюбие* и *любостяжание*. Все эти мысли нашли определенное раскрытие и всестороннее обоснование в святоотеческой письменности. Но мы думаем, что и помимо этого ясно для каждого согласие их с духом Евангелия. Так, например, *роскошь*. Мы уже говорили, что Христос Спаситель и апостолы жили в бедности. Если св. апостол Павел говорит о себе, что он умеет жить и в скудости, и в изобилии¹⁰⁹, то нужно знать, что он понимает под изобилием: «имея пропитание и одежду, будем довольны тем», — заповедует он¹¹⁰. И, по нашему убеждению, может произвести только тяжелое впечатление попытка

¹⁰⁷ Лк. VI, 30.

¹⁰⁸ II, 15–16.

¹⁰⁹ Фил. IV, 12.

¹¹⁰ I Тим. VI, 8.

утверждать законность роскоши в христианской жизни вообще, а на основании жизни Христа Спасителя — в особенности. Эти последние удивительные попытки заслуживают того, чтобы о них сказать несколько слов, особенно потому, что они иногда принадлежат серьезным ученым, труды которых пользуются большим уважением и широким распространением у нас в России. Для примера назовем *два евангельских повествования* из жизни Христа Спасителя, которые рассматриваются в качестве оснований для оправдания и даже утверждения законности роскоши в жизни христианина. Первый рассказ — *о помазании миром ног Христа Спасителя*. Епископ Мартенсен¹¹¹ и профессор Пибоди¹¹² видят в этом рассказе доказательство «нравственного права роскоши» в жизни христианина. Известна эта трогательная и глубоко поучительная история: здесь, действительно, налицо противопоставление милостыни и другого доброго дела¹¹³. Но какого? Очевидно, предполагается, роскоши, если этим фактом стремятся оправдать законность избытка в жизни христианина. Не будем говорить, как не подходит к образу Христа Спасителя такая мысль о Его любви к умащиванию. Приведем Его подлинные слова: «возливши миро сие на Тело Мое, она приготовила Меня к погребению». Гроб и роскошь! Любящее снисхождение к доброму порыву сердца, вопреки *лицемерной* заботе о нищих¹¹⁴, и законность для христианина роскоши, законность «носить на себе целые состояния сирот», говоря образом св. Златоуста¹¹⁵.

Еще удивительнее защита роскоши в христианской жизни на основании того, что Иисус Христос имел хитон, не сшитый, а тканый весь сверху¹¹⁶. Торжественно указывается, что Христос Спаситель имел дорогую одежду, говорится *о законности роскоши* и в жизни Его учеников и даже *о долге* одеваться богато для лиц высокопоставленных¹¹⁷. Спросим сначала, говорит ли что-нибудь о роскоши этот факт, даже если допустить, вопреки святоотеческому пониманию, что хитон, действительно, имел значительную ценность? Ведь возможно, что здесь также мы встречаемся с делом любви, не отвергнутой милосердным Господом. Не сшитый, а сотканный хитон есть, во всяком случае, не та роскошь, которая зиждется на обеде сирот, а результат труда любящих рук. Таким образом, нас не может смутить и хорошая одежда на Христе. Но еще очень большой

¹¹¹ Г. Мартенсен, еп. Зеландский, доктор богословия. «Христианское учение о нравственности», т. II, стр. 373.

¹¹² «Иисус Христос и социальный вопрос», 2-е изд., — М.: Т-во типо-лит. И. М. Машистова, 1907, стр. 186.

¹¹³ Мф. XXVI, 8–12.

¹¹⁴ Ин. XII, 6.

¹¹⁵ Беседа на Пс. CL, т. V, стр. 576–577.

¹¹⁶ Ин. XIX, 23.

¹¹⁷ Например: Мартенсен, «Христианское учение о нравственности». 1890, т. II, стр. 373 и 374.

вопрос, была ли действительно богатая одежда этот хитон. Весь мир христианский признает в лице св. Иоанна Златоуста великого знатока Св. Писания и его истолкователя. И вот, что говорит этот св. отец о хитоне Христовом: «так как в Палестине ткнут одежды, сложив вместе два куса материи, то Иоанн, чтобы показать, что таков именно был хитон, говорит: «свыше исткан». А говорит он об этом, мне кажется, для того, чтобы указать *на бедность одежд* и на то, что Христос как во всем прочем, так и в одежде наблюдал *простоту*»¹¹⁸. Итак, исчезает даже призрак роскоши. По взгляду св. Иоанна, тот самый хитон, который дает богословам право от лица Христова разрешать христианам роскошь, говорит как раз об обратном — о любви Христа Спасителя к простоте! Думаем, что сказанное нами о хитоне Христовом дает нам право на такое заключение: этот хитон нимало не говорит в защиту роскоши в христианской жизни. Это важно было и отмечено евангелистом потому, что в этом факте (то есть, что хитон оказался не сшитым) исполнилось пророчество относительно деления одежд Христа¹¹⁹. И ниже мы увидим, как горячо и негодующе говорят св. отцы о всяком виде роскоши.

Далее, мы сказали, что христианство дает новое освещение *бережливости*: как добродетели. Эта добродетель также красуется в языческом освещении на столбцах наших богословских систем. Но, думается, нет и нужды доказывать, что бережливость, как путь собирания и умножения богатства, как способность дрожать над тем, что тлеет и ржавеет, как умение сделать свое сердце глухим к голосу вести, что такая бережливость есть тяжкое преступление завета Христова, а не добродетель. Знает и христианство бережливость и ценит ее как добродетель. Но бережливость эта другого порядка: отказ себе даже в необходимом, чтобы иметь возможность помочь ближнему. «Кто крал, — пишет апостол ефесянам, — впредь не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся»¹²⁰. Вот куда, а не в ящик под замком, направляются христианские сбережения, и вот истинная природа бережливости как добродетели.

О том, что христианству глубоко противны *сребролюбие* и *корыстолюбие*, излишне говорить подробно. Даже наше богословие, разрешающее христианину отдавать деньги на проценты, все же не берет сребролюбия под *прямую* защиту. Говорим: «под прямую», потому что косвенная защита само собой предполагается, когда христианину разрешается «хранить и умножать» богатство. Надо поистине больше любить серебро, чем души человеческие, чтобы собирать и охранять первое и не пожалеть вторые. В новозаветном же Откровении всюду сурово осуждается любостяжание

¹¹⁸ Беседа LXXXV на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 874–875.

¹¹⁹ Ин. XIX, 24.

¹²⁰ Еф. IV, 28.

и сребролюбие¹²¹. Апостол Павел с силой говорит, что сребролюбие есть корень всех зол¹²², а любостяжатель есть тот же идолопоклонник¹²³, и говорит это, конечно, в совершенном согласии с учением Господа¹²⁴.

Теперь нам нужно охарактеризовать *отношение христианства к бедности* по данным новозаветного Откровения. Это мы можем сделать в нескольких словах после того, как уяснили христианский взгляд на богатство. Уже то, что было сказано по вопросу о богатстве, говорит с несомненностью, что христианство должно было отнестись к бедности иначе, чем ветхозаветное нравоучение, и видеть в ней не зло, но условное добро, именно — благоприятное условие для вступления в Царство Божие. Мы видели две стороны в богатстве, которые отмечены новозаветным Откровением как отрицательные. Это — несправедливость богатства и то его свойство, что оно затрудняет свободное следование за Христом. Оба эти отрицательные свойства чужды бедности. В ней нет «неправды» в отношении имущественного благосостояния ближних, и она не является тем бременем, тем мнимым «сокровищем», которое могло бы отвлекать сердце человека от служения Богу. Это именно и делает бедность наиболее способной к восприятию евангельского учения, проповедующего любовь к ближним и совершенное самоотречение. И если мы видели определенно отрицательное отношение новозаветного Откровения к богатству, то видим такое же *определенно положительное отношение к бедности*. «Блаженны нищие, — читаем мы в Евангелии от Луки¹²⁵, — ибо ваше есть Царствие Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь». Точно так же бесспорно, что и образ «нищих духом» в заповедях блаженства, как они переданы св. евангелистом Матфеем, заимствован от нищих в собственном смысле слова, только этому образу усвоен духовный, высший смысл¹²⁶. И апостол свидетельствует, что именно бедных мира избрал Бог быть богатыми верой и наследниками Царствия, которое Он обещал любящим Его¹²⁷. Это самое утверждает и св. апостол Павел с фактической стороны, когда говорит, что среди христиан его времени было не много

¹²¹ Например, Мф. VI, 19–34; XXIII, 15; Лк. XII, 15; Иак. V, 1–5 и мн. др.

¹²² 1 Тим. VI, 10.

¹²³ Еф. V, 5.

¹²⁴ Мф. VI, 24–34.

¹²⁵ Лк. VI, 20–21. В нашем славянском и русском переводах прибавлено к слову «нищие» слово «духом», соответственно передаче заповеди блаженства у св. евангелиста Матфея. Но в греческом подлиннике стоит: « μ π μ $\acute{\iota}$ », — то есть без прибавления слова «духом». Такая прибавка не отвечает и контексту речи, так как далее говорится о богатых: «напротив, горе вам, богатые!» — ст. 24.

¹²⁶ Мф. V, 3. «Нищие духом» здесь переданы « π π μ », то есть также образ заимствован от нищих в собственном смысле слова.

¹²⁷ Иак. II, 5.

мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных¹²⁸. А об апостолах св. Павел прямо говорит: «мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем»¹²⁹. Не считаем нужным даже приводить полностью те многочисленные места новозаветного Откровения, которые со всей силой и определенностью говорят об исключительной милосердной любви Христа Спасителя к нищим¹³⁰ и о той трогательной заботе, какую имели о бедных св. апостолы и первые христиане вообще¹³¹. Все это совершенно несомненно и хорошо известно каждому, знакомому с евангельской историей и с историей первенствующей Церкви. Мы считаем нужным поставить лишь один центральный вопрос о том, *что понимает Евангелие под бедностью*, как условием истинно христианской жизни.

Мы видели, что Евангелие убожает «нищих», но думаем, что здесь взят предел страдания в известном направлении, но что та «бедность», которую восхваляет Евангелие и которая является нормой христианской жизни, это есть не нищета непременно в собственном смысле слова, но, как противоположность богатству — отсутствие его или отказ от него, а вместе с тем и *отсутствие заботы о завтрашнем дне*. Нигде, конечно, Евангелие не говорит, что человек призван голодать или зябнуть от холода. Напротив, призыв евангельской любви требует, чтобы не было этого, чтобы не было нищих, лишенных хлеба и крова. Христианская бедность это не нищета в собственном смысле слова, но, прежде всего, путь к искоренению нищеты в человеческом обществе. Трудящийся достоин пропитания¹³² — таков закон христианской жизни. И естественный порядок в Церкви тот, чтобы не было ни богатых, ни нищих в собственном смысле слова, но чтобы была «равномерность», как пишет, например, апостол Павел церкви Коринфской: «ныне ваш избыток в восполнение их недостатка, а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность, как написано: кто собрал много, не имел лишнего; а кто — мало, не имел недостатка»¹³³. *Нищета перед лицом христианской любви так же ненормальна, как и богатство*. Могут быть обстоятельства, когда трудящийся живет жертвованиями других, каков был подвиг самого Христа Спасителя¹³⁴ и Его учеников во время их первой проповеди¹³⁵. Могут быть стесненные обстоятельства жизни не только у отдельных лиц, но и у целой церкви поместной, как это было

¹²⁸ 1 Кор. I, 26.

¹²⁹ 2 Кор. VI, 10.

¹³⁰ Лк. IV, 18; Мф. XIX, 21; Лк. XVIII, 22; XIV, 13, 21 и др.

¹³¹ Иак. II, 2–6; Гал. II, 10; Деян. VI, 34 и др.

¹³² Мф. X, 10.

¹³³ 2 Кор. VIII, 12–15.

¹³⁴ Лк. VIII, 13.

¹³⁵ Мф. X, 9–10.

с церковь Иерусалимскую в дни св. апостола Павла¹³⁶, когда к помощи ей призывались другие церкви. Но это лишь состояния временные, и здесь место милостыне. Общая же норма та, чтобы каждый трудился, делая своими руками, и отдавал избыток нуждающимся. Таково и было идеальное устройство жизни первенствующей Церкви: не было между ними никого нуждающегося¹³⁷.

Таким образом, мы думаем, что нормальное христианское общежитие не может и не должно знать нищих в собственном смысле слова¹³⁸, и евангельскую бедность мы должны понимать именно, и прежде всего, в смысле отрицательного отношения к богатству и как *довольство необходимым* при отсутствии заботы о завтрашнем дне; хотя, конечно, вполне понятна забота Евангелия и христианской Церкви о нищих в собственном смысле слова, как страдающих от недостатка братской любви и потому прежде всего ее требующих.

Переходя после изложения откровенного учения о богатстве и бедности к учению по этим вопросам *святых учителей древней Церкви*, мы без тени колебания можем констатировать, прежде всего, совершенное согласие святоотеческого учения с основами евангельских воззрений. Менялись внешние условия церковной жизни; ослабевала первая любовь, и на видное место выдвигались эгоистические стремления; языческий мир, принявший христианство, но не усвоивший его чистую душу, делал незаметные, но страшные усилия «омирщить» небесную религию, низвести абсолютный идеал нравственного совершенства на уровень гражданского права и житейских обычаев, и такие усилия имели большой, грозный успех... Но среди всех испытаний, как во время гонений на Церковь, так и во время еще больших соблазнов ее видимого «торжества», *святые отцы* непоколебимо стояли на страже чистого небесного учения, и их верность Христу Спасителю была верностью до конца. Так было вообще в отношении евангельского учения, так было и в частности

¹³⁶ Например, 1 Кор. XII, 1–3.

¹³⁷ Деян. IV, 34.

¹³⁸ Если Христос Спаситель говорит: «нищих всегда имеете с собой» (Мф. XXVI, 11; Мк. XIV, 7; Ин. XII, 8), то, разумеется, не узаконивает этими словами нищенства в своем Царстве на земле, но ближайшим образом имеет в виду тот порядок, какой был на земле в дни Его жизни и, естественно, не мог не продолжаться и при жизни Его слушателей. Вполне несомненно, конечно, что Сердцеведец знал, что и с распространением Его Царства на земле нищета не исчезнет, так как даже к концу времен по причине умножения беззаконий вовсе охладет любовь (Мф. XXIV, 12). Но, во всяком случае, видеть в этих словах Господа оправдание деления людей даже в Церкви на богатых и бедных, как очень часто делают наши богословы-апологеты неправды нашей христианской жизни, нет никаких оснований. Сравни толкование этих слов св. Иоанном Златоустом: беседа L на Ев. Матфея, т. VII, стр. 523.

в отношении вопроса о богатстве и бедности. И мы даже можем здесь же отметить одну интересную черту в святоотеческом учении по этому вопросу, черту, всецело объясняющуюся верностью святых отцов основам учения своего Учителя. Пока жила первая любовь, пока богатые и бедные составляли действительно братскую общину, до тех пор увещания святых руководителей церковной жизни дышали кротостью и спокойствием. Они говорили о суетности богатства и преимуществах бедности в христианской жизни; призывали делиться своим достатком с другими, не заботиться о завтрашнем дне и т. д., но говорили все это без гнева и раздражения, без призывания небесного грома на богатых. *Но тон святоотеческих научений резко меняется* тогда именно, когда Церковь явилась уже большим, внешне организованным обществом, когда христианство для значительной части верующих являлось религией наследственной, как, например, в половине III века, и особенно, когда в Церковь хлынули вслед за равноапостольным императором знатные мира, богатые и сильные властью. В это время в святоотеческих поучениях мы встречаемся уже не со спокойными рассуждениями и добрыми отеческими увещаниями, но речь святых отцов нередко дышит огненной ревностью о попираемой правде, горячим гневом в отношении богатых, замыкающих сердце свое от вопля бедноты, и трогательной ласковостью и заботливой думой в отношении всех нищих и обездоленных в этом мире. Так, например, если до половины III века мы не видим резко отрицательного отношения к богатству и даже имеем интересный, хотя и одиноко стоящий памятник в виде сочинения Климента Александрийского «Кто из богатых спасется», говорящий о том, что не всегда богатство закрывает путь в Царство Божие; то, начиная с писаний св. Киприана Карфагенского, мы слышим непримиримые речи в отношении богатства. Опыт церковной жизни, видимо, убедил ее руководителей, что справедливая сама по себе мысль о первенствующем значении отрешения сердца от привязанности к богатству, сравнительно с внешним отказом от него (утверждение Климента), что такая мысль является мечтательной теорией. И святые отцы уже с силой оттеняют, что дело христианского спасения требует вырывать зло с корнем, устранять из своей жизни самый соблазн прилепиться душой к богатству, что было возможно лишь при совершенной нестяжательности и раздаче своего имущества. Так поступали и сами святые отцы, к этому же призывали они и всех, желавших быть верными своему Учителю. Конечно, отмеченная нами *разница в характере наставлений* учителей Церкви разных эпох ее жизни имеет *относительное значение* и касается более характера выражения мыслей, чем различия последних, как ясно увидим далее. Но все же считаем не лишним отметить это различие, чтобы более понятной сделать различную постановку вопроса об отношении к богатству в первые дни христианства и несколько позднее, когда жизнь Церкви пришла в более широкое столкновение с жизнью мира.

Если мы начнем обзор святоотеческого учения по вопросу об отношении христианина к богатству и бедности с писаний *мужей апостольских*, то в этих писаниях встретим взгляды, согласные с высказанными в апостольских писаниях, согласные иногда и по словесному выражению. Так, в *послании св. Поликарпа* мы находим предостережение против сребролюбия, причем св. Поликарп повторяет слова апостола Павла: «Начало всех бед, — пишет святитель, — есть сребролюбие. Итак, зная, что мы ничего не принесли в мир и ничего не вынесем из него, вооружимся оружием правды... Умоляю вас, берегитесь любостяжания... Кто предается любостяжанию, тот оскверняется идолослужением и достоин считаться в ряду язычников»¹³⁹. Бедных же св. отец называет, согласно с учением Господа, блаженными¹⁴⁰. Самый обычный призыв мужей апостольских к богатым есть призыв делиться своим имуществом с бедными. «Богатый, — пишет, например, *св. Климент Римский*, — подавай бедному, а бедный благодари Бога, что Он даровал ему, через кого может быть восполнена его скудость»¹⁴¹. Как мы видели, *св. апостол Варнава* указывал норму христианских отношений в общении имуществ¹⁴². А в «Пастыре» *Ерма* встречаем уже довольно подробное изложение взгляда его на богатство. Последнее, по воззрениям Ерма, есть *препятствие на пути к спасению*. В третьем видении, где рассказывается о строении башни (Церкви), называются, между прочим, «круглые и белые» камни, которые не могли войти в здание башни. «Это те, которые имеют веру, но имеют и богатство века сего; и когда придет гонение, то ради богатств своих и попечений отрицаются Господа... Когда обсечены будут богатства их, которые их утешают, тогда они будут полезны Господу для здания. Ибо как круглый камень, если не будет обсечен и не откинет от себя кое-чего, не может быть квадратным; так и богатые в нынешнем веке, если не будут обсечены их богатства, не могут быть угодными Господу... Вы, которые превосходите других богатством, отыскивайте алчущих, пока еще не окончена башня... Смотрите вы, гордящиеся своими богатствами, чтобы не восстали терпящие нужду, и стон их взойдет к Господу, и исключены будете со своими сокровищами за двери башни»¹⁴³. Ерм определенно указывает на то, что забота о здешнем богатстве несовместима с думой о горнем отечестве, и поэтому восстает, как мы видели¹⁴⁴, против приобретения земными «странниками» какой-либо недвижимой собственности. Признавал Ерм богатство несовместимым и с началом братской любви

¹³⁹ Гл. 4 и 11 послания к Филиппийцам. Рус. перевод протоиерея П. Преображенского, стр. 443 и 448.

¹⁴⁰ Гл. 2, стр. 443.

¹⁴¹ Первое послание к Коринфянам, гл. 38, стр. 139 рус. перевода.

¹⁴² «Послание», гл. 19, стр. 73 рус. перевода.

¹⁴³ Видение III, гл. 6 и 9, стр. 240–241, 244 рус. перевода.

¹⁴⁴ Стр. 228 настоящего сочинения.

верующих и поэтому решительно восставал *против роскоши* и настаивал на долге каждого довольствоваться необходимым. «Некоторые, — по его словам, — от многих яств причиняют слабость своей плоти и истощают плоть свою. А у других, не имеющих пропитания, тоже истощается плоть от того, что не имеют достаточной пищи, и гибнут тела их. Такое невздержание вредно для вас, которые имеете и не делитесь с нуждающимися. Подумайте о грядущем суде»¹⁴⁵. «Злая похоть состоит в том... чтобы желать великого богатства, множества роскошных яств, и питий, и других наслаждений: ибо всякое наслаждение бессмысленно и суетно для рабов Божиих. Таковы пожелания злые, умерщвляющие рабов Божиих»¹⁴⁶. Верующие, подобно странникам на чужой стороне, не должны «приготавливать себе ничего, как сколько необходимо для жизни». Они не должны «желать богатства язычников, ибо не свойственны они рабам Божиим», но «богатство и все состояния свои употребляет на такого рода дела, на которые и получили их от Господа»¹⁴⁷. И при таком отношении к богатству *и богатые, и бедные в Церкви будут взаимно служить друг другу*: богатый помогать неимущему, а последний молиться за помогающего ему. В этом случае Ерм сравнивает отношения богатого и бедного с отношением вяза и виноградной лозы. Первый бесплоден, но виноградная лоза, опираясь на него, приносит больше плода: как бы и за себя, и за вяз. Так и бедные в своих молитвах за богатых помогают их духовной бедности; а богатые, в свою очередь помогая бедным, «ободряют их души»¹⁴⁸. Общий взгляд на богатство Ерма, как видим, нетрудно сформулировать: «таким людям (богатым) трудно войти в Царство Божие», говоря словами «Пастыря»¹⁴⁹. «Богатым с трудом вступают в общение с рабами Божиими... Как разутыми ногами трудно ходить по колючим растениям, так и людям этого рода трудно войти в Царство Божие. Но и им есть покаяние... Покаявшись и делая добрые дела, они будут потом с Богом»¹⁵⁰.

В *христианских апологиях* мы встречаем сравнительно с последующей церковной письменностью не много рассуждений на тему о богатстве и бедности. Эти творения имели свое определенное назначение и лишь мимоходом касались частных вопросов христианского нравоучения, в том числе и вопросов о богатстве и бедности. Мы видели уже подобное, как бы случайное, замечание в апологиях *св. Иустина Философа*, где он утверждает, что среди христиан его времени не было резкой грани между богатыми и бедными, но существовало общение имуществ. Подобные же ценные указания по интересующему нас вопросу мы встречаем в аполо-

¹⁴⁵ Видение 3, гл. 9, стр. 244.

¹⁴⁶ Заповедь 12, гл. 2, стр. 277.

¹⁴⁷ Подобие 1, стр. 282–283.

¹⁴⁸ Подобие 2, стр. 284.

¹⁴⁹ Подобие 9, гл. 20, стр. 334.

¹⁵⁰ Там же.

гиях *Татиана* и *Минуция Феликса*. Первый говорит в своей апологии о преимуществах бедности перед богатством с этической точки зрения и о безразличии их перед лицом смерти. «Я вижу, — пишет Татиан, — что одно и то же солнце для всех, что одна смерть постигает всех, живет ли кто в удовольствии или в бедности... Богачи умирают, такой же исход жизни имеют и нищие. Богатые нуждаются в очень многом, хотя пользуются доверенностью и честью; а бедный и умеренный легче достигает того, чего он желает для себя. Что за судьба такая, что ты не спишь ночей ради сребролюбия?... Умри для мира, отвергнув его безумие; живи же для Бога»¹⁵¹.

Минуций Феликс говорит в своем «*Октавии*» о том, что христиан считали бедняками и ставили им это в упрек. «Мы, — говорит он о христианах, — по большей части слышем бедными; это не порок для нас, а слава, потому что душа как расслабляется от роскоши, так укрепляется от умеренности. Да и как может быть беден тот, кто не имеет недостатка, не жаждет чужого, кто богат в Боге? Скорее беден тот, кто, имея многое, домогается еще большего. Я скажу, как думаю: никто не может быть так беден, как он родился... Мы владеем всем, коль скоро ничего не желаем. Как путешественнику тем удобнее идти, чем меньше он имеет с собой груза, так точно на этом жизненном пути блаженнее человек, который облегчает себя посредством бедности и не задыхается от тяжести богатства... Мы лучше хотим презирать богатство, нежели владеть им... более стараемся быть добрыми, чем расточительными... Но, может быть, вас обольщает то, что, и не зная Бога, многие изобилуют богатством, пользуются почестями, обладают могуществом? Несчастные! Они возвышаются для того, чтобы глубже пасть... Царь ли ты? сам столько же боишься, сколько тебя боятся... Богат ли ты? опасно полагаться на фортуна; большие запасы для краткого пути жизни составляют не подспорье, но тяжелое бремя»¹⁵².

В век христианских же апологетов мы встречаем и более подробное раскрытие христианского взгляда на богатство и бедность в сочинениях *Тертуллиана* и *Климента Александрийского*.

Тертуллиан высказал свой взгляд на богатство и бедность, главным образом, в своем трактате «*О терпении*». Мы уже приводили выдержки из этого сочинения, характеризующие взгляд Тертуллиана на отношение христианина к своему праву собственности. В полном согласии с этим смотрит Тертуллиан и на *христианское отношение к богатству*. «Господь, — говорит Тертуллиан, — тысячекратно повелевает тебе презирать мир или, лучше сказать, поучает тебя, как презирать временные блага, потому что нигде сам он не оказывает к ним ни малейшего уважения. Повсюду оправдывает он бедных, повсюду осуждает богатство... Надобно

¹⁵¹ «Речь против эллинов», гл. 11, стр. 20 рус. перевода протоиерея Преображенского.

¹⁵² Гл. 36 и 37, стр. 267–269.

нам отвлекать сердце свое от привязанности к богатству... ни во что ставить потерю оною. Мы обязаны спокойно смотреть, когда кто лишает нас части или даже и всего имущества, как такой вещи, которую запрещено нам любить. Дух Святой объявил нам устами апостола, что сребролюбие есть корень всех зол. Но мы не должны полагать, чтобы сребролюбие состояло только в желании овладеть благами ближнего нашего. Нет! Даже и то, что мы считаем своим, не есть наше... все принадлежит Богу... Итак, когда случится нам что потерять, и мы переносим то с нетерпением, то через сие показываем, что мы не свободны еще от сребролюбия, потому что жалеем о том, что нам не принадлежит... Из любви к временным вещам он угнетает душу свою, сотворенную единственно для благ небесных... *Кто не жалеет терять, тот не жалеет и давать.* Как хотите вы, чтобы человек, имеющий две ризы, отдал одну из них бедному, когда он не расположен уступить срачицы тому, кто отнял у него ризу?¹⁵³ Как можем мы приобрести друзей своими богатствами, когда сердце наше так к ним привязано, что потеря их делает нас неутешными? Мы столько несчастны, что в состоянии погибнуть вместе с их лишением... Что касается нас, христиан, то мы... должны жертвовать не душой деньгам, но деньгами душе, охотно давая и теряя безропотно»¹⁵⁴.

В бедности Тертуллиан видел состояние, особенно благоприятное для вступления в Божие Царство. «В нашей Церкви, — свидетельствует он, — не много богатых... Если Царство Божие не принадлежит богатым, то бедные неминуемо должны иметь его своим уделом»¹⁵⁵. Вообще христиане времени Тертуллиана, по словам последнего, обращались с бедными, «как с такими людьми, на которых Божество обращает взоры свои с наибольшим благоволением»¹⁵⁶.

Клименту Александрийскому принадлежит целое сочинение, посвященное вопросу об отношении богатства к делу христианского спасения. Это известное его рассуждение «*Кто из богатых спасется*», то рассуждение, на которое у нас обращают особенно благосклонные взоры... Действительно, это — оригинальное произведение, стоящее особняком среди всех творений древних церковных писателей, относящихся к вопросу о богатстве и бедности. Следуя крайнему аллегорическому методу в истолковании Священного Писания, Климент стремится доказать в этом рассуждении, что совет Христа Спасителя богатому юноше пойти продать все свое имение и раздать нищим имел не буквальный смысл, а иносказательный и касался не богатства его в собственном смысле слова, но страстей душевных. Толкование это, конечно, ошибочно по существу, так

¹⁵³ Лк. VI, 29.

¹⁵⁴ Гл. 7, т. II, стр. 63–65 рус. перевода Карнеева.

¹⁵⁵ «Послание к жене», т. II, стр. 222–223 рус. перевода.

¹⁵⁶ «Апология», гл. 39, стр. 82–83, т. I, рус. перевода.

как оно совершенно расходится со всеми данными евангельского повествования. Насколько неоснователен был аллегоризм Климента в толковании данного места, видно уже из того одного, что это толкование не удержалось даже в александрийской школе дольше самого Климента, так что уже Ориген толковал это место Евангелия в буквальном смысле. Но если оставить в стороне эту ошибочность толкования Климентом евангельского текста, повлекшую за собой и ряд дальнейших ошибочных доказательств, то в названном сочинении мы находим *очень много ценных данных* для выяснения собственно христианского взгляда на богатство. Общий ход рассуждений в этом интересном памятнике древней письменности по вопросу об отношении к богатству можно передать в таком виде.

Климент думает, что совет Господа богатому юноше имел в виду не раздачу имущества, но указывал на долг «выкинуть» из души ложные мнения о богатстве своем. Почему именно так думает Климент? «Потому, — отвечает он, — что вовсе не представляет собой чего-либо великого и достойного подражания в чем-нибудь недостаток иметь без отношения к (вечной) жизни. Если бы это было так, то вовсе ничего не имеющие, но, хотя обнаженными, выпрашивающие, что необходимо на день, по дорогам располагающиеся нищие, Бога же и праведности Божией не знающие, единственно из-за этой крайней нищеты своей, из-за этой беспомощности жизни, из-за этого неимения вещей ничтожнейших должны были бы быть считаемы за людей счастливейших и богоугоднейших и за наследников жизни вечной. И это не новое что-либо — от богатства отречься и оно нищим или бедным раздавать; многие это делали и до пришествия Спасителя... Итак, что же это за *новое повеление дает Спаситель*?... Он заповедует большее, Божественнейшее и совершеннейшее, а именно *самую душу и ее образ мыслей* и расположений *обнажать* от того, что *страстями порождается*, и с корнем инородное из сердца вырывать и выбрасывать... Отрекшийся от своего богатства, тем не менее, мог бы твердо удерживать в себе жажду и стремление к нему и жить с ними. Он расстался бы со своим имением; но, терпя недостатки и желая розданное возвратить, он мог бы вдвойне опечаленным оставаться... Поистине, богатство и собственность существуют и подчинены нам некоторым образом так же, как материал и орудие, знающему доброе употребление их... *Богатство есть орудие*. Ты можешь правым образом им пользоваться, тогда оно служит к твоему оправданию; если же кто не умеет пользоваться им так, как следует, тогда оно становится орудием неправедности... Оттого отрешаться должно не столько от богатства, сколько *душу от страстей освобождать*... Повелевающий отказываться от имений, вряд ли от того повелевает отказываться, по отречении от чего страсти еще остаются... Только душа, чистая от страстей, то есть бедная и обнаженная, может и при богатстве прислушиваться к слову Спасителя: «приходи и следуй за Мной»... *И бедность достойна прославления, конечно, духовная...*

Нищий в духе есть в собственном смысле бедняк; бедный же с точки зрения мира не есть в собственном смысле бедняк». Установив, таким образом, «высший» смысл совета Господа, Климент подробно говорит о том, как должно с христианской точки зрения относиться к богатству, чтобы оно не служило препятствием к спасению. «Возможно, — утверждает Климент, — и при богатстве получить спасение, если кто от богатства видимого будет обращаться к духовному... если богатством, к коему он остается равнодушным, будет располагать он хорошо... Если кто, живя среди своих владений, может предохранить себя от роскоши, быть умеренным... если кто Бога лишь ищет, к Богу страстью воспаряет и перед Ним ходит, тот бедняк, тот исполняет заповеди, тот свободен, богатством не побежден... Приобретайте себе друзей богатством неправедным... Дает сим знать Господь, что по природе своей хоть и всякое богатство, каким бы кто ни владел, не составляет прямой собственности того, но что возможно из сей неправоты создавать дело правое и спасительное. Вот прекраснейшая торговля! Вот Божественный товар! Деньгами приобретать вечность и, раздавая миру преходящее, получать за это вечное жилище на небесах! О, плыви к этому рынку, богач!... Почему так радуют тебя блестящие камни, смарагды и палаты — это пища огня, игра времени... Открой сердце для всех... не отвращая презрительно взоров своих... Собирай для себя войско, войско безоружное, к войне неспособное, от пролития крови отвращающееся, незлобивое, непорочное, состоящее из богобоязливых старцев, Богу любезных сирот, кротостью отличающихся вдов, любовью украшенных мужей. Вот, каких стражей набирай для охранения твоего богатства, твоих тела и души; предводителем этого войска состоит Бог Сам... Вот это истинные воины и стражи верные... Если мы обязаны жизнь свою слагать за братьев и желаем войти в этот союз со Спасителем, то стоит ли нам скряжнически удерживать то, что принадлежит этому миру, что собой представляет нечто нищенское, чуждое нашему существу и брэнное? К чему мы друг от друга запираем то, что вскоре огонь пожрет?»¹⁵⁷.

Мы передали словами Климента наиболее существенные мысли из его сочинения «Кто из богатых спасется». Нетрудно заметить, что в этом сочинении Климент *глухо борется с каким-то направлением христианской мысли* в отношении богатства. И мы думаем, что не будет натяжкой предположить, что в данном случае Климент имел в виду тот крайний буквализм в понимании слов Христовых богатому юноше, который мог представлять дело так, что раздача имения сама по себе служила признаком нравственного совершенства и как бы оправдывала другие грехи, с каким ложным представлением боролся и блаженный Августин¹⁵⁸. Рассуждение Климента со стороны его основной идеи и направлено, как нам думает-

¹⁵⁷ Выдержки приведены по переводу Н. Корсунского, Ярославль, 1888.

¹⁵⁸ «О граде Божиим», кн. 21, гл. 27, т. VI, стр. 331–332 рус. перевода.

ся, к раскрытию ложности такого понимания христианского идеала; и в данном случае Климент *внес ценную черту в уяснение христианского отношения к богатству*, когда приложим к нему общий христианский принцип, что возвышает и оскверняет человека не внешнее, но то, что исходит из нашего сердца. Что же касается той мысли Климента, будто в понятии христианского совершенства не входит признак и внешнего отречения от богатства, то здесь он стоит *совершенно одинок* в ряду древнецерковных писателей. И эта мысль Климента не только не согласна с учением отцов и учителей Церкви, но в действительности не мирится и со взглядами самого Климента на этот вопрос в его других сочинениях, и даже в значительной мере с советами этого же сочинения — «Кто из богатых спасется». Как только Климент заговорил о должном отношении к богатству, так заговорил общецерковным языком. Он утверждает, что надо давать всякому просящему, *вовсе без разбора*¹⁵⁹, что подробнее мы раскроем в следующей главе нашего труда; а для защиты и охраны богатства, как мы видели, приглашает собрать такое войско, которое «сохранит» богатство только в истинно христианском смысле, то есть оно немедленно утечет к нуждающимся. Вообще, Климент настойчиво проводит ту идею, что владеть богатством нужно не ради себя, а более «из-за собратий»¹⁶⁰, и в направлении к осуществлению этого принципа последовательно приходит к выводу, что идеалом христианского общежития должно быть общение имуществ и отсутствие деления на богатых и бедных, как мы уже видели это раньше¹⁶¹; а в отношении каждого к богатству он признает «лучшим и славнейшим учением» именно то, которое *рекомендует раздачу богатства*, именно то, против чего так односторонне восставал сам Климент в своем труде «Кто из богатых спасется». «Лучшим и славнейшим учением, — говорит он, — постоянно должно быть считаемо это: муж добрый, мудрый и праведный собирает себе сокровища на небе. Он обращает свое земное имущество в деньги и раздает оные бедным, получая за то непреходящее сокровище там, где нет ни моли, ни воров. Такой, поистине, блажен, хотя бы он малозначителен был, слаб и бесславен: он становится собственником богатства величайшего и нетленного. Не тот богат, кто владеет имуществом и оное бережет, а тот, кто им делится: *давание, а не обладание* нас осчастлиливляет. Но щедролюбие есть плод душевной настроенности; истинное богатство заключается, значит, в душе. Только люди добрые могут быть считаемы за истинно богатых»¹⁶². Ясно само собой, что при таком взгляде на богатство и при убеждении в желательности общения имуществ и равномерности в обладании благами мира

¹⁵⁹ Гл. 31.

¹⁶⁰ «Кто из богатых спасется», гл. 16, стр. 16 рус. перевода.

¹⁶¹ Стр. 31 настоящего сочинения.

¹⁶² «Педагог», кн. 3, гл. 6, стр. 278–280 рус. перевода.

в среде христиан Климент был горячим *противником роскоши* в христианской жизни. «Знаю, — рассуждает он, — что Бог дал нам право наслаждаться, но только в пределах необходимого, и по Его воле наслаждение должно быть общим. Это не в порядке вещей, чтобы один в изобилии жил, тогда как многие терпят нужду. Как много славнее благодетелями многих быть, нежели в великолепном доме жить! Как много умнее свое имущество на людей издерживать, чем на золото и драгоценные камни!... Кому расширенное поместье столько пользы принесет, как расточение благодеяния!... *Простота есть предвестница святости*: она сглаживает неравенство имуществ, она помогает от своих излишков нужде»¹⁶³. И как на пример простоты и в качестве доказательства греха роскоши в христианской жизни Климент указывает на *пример Христа Спасителя*. «Следуй за Господом, — поучает Климент, — освободившись от суетности, от блеска скоропреходящего... Наблюдайте: Господь ел из обыкновенного блюда и повелел своим ученикам возлечь на земле, на траве; их ноги Он омыл, подпоясавшись льняным полотенцем. Бог и Господь Вселенной, Он смиренно, без серебряного умывальника сошел с неба; у самарянки, черпавшей из колодца глиняным сосудом, просил Он пить; и не из царского золота утолял Он жажду... Вообще пища, одежда, домашняя утварь, короче — все в дому должно быть согласовано с законом христианской жизни... Что не тяжело приобрести, то с легким сердцем и употребляется, то беречь легко, расставаться с тем легко... дешевое, следовательно, лучше, чем дорогое. Вообще богатство, дурно управляемое, есть целая гора греха и злодеяния»¹⁶⁴.

Таким образом, тот взгляд Климента Александрийского, по которому он аллегорически объясняет совет Христа Спасителя богатому юноше, не мешая св. отцу вообще смотреть на богатство согласно с Церковью и видеть его богоугодное назначение в раздаянии бедным, а не в услаждении роскошью. И должно сказать, что все же Климент остался единственным представителем в церковной письменности упомянутого аллегорического истолкования слов Христовых и защитником снисходительного взгляда на богатство, по которому возможно, не раздавая его, исполнять волю Божию. Ничего равного суждениям Климента по этим вопросам мы не находим, и даже Ориген, этот преемник Климента и носитель традиций александрийской школы, совершенно буквально толкует совет Господа богатому юноше¹⁶⁵ и видит истинно христианское отношение к богатству в совершенной раздаче бедным, когда человек всецело отдается Богу и не ищет уже земного¹⁶⁶.

¹⁶³ «Педагог», кн. 2, гл. 12, стр. 235–240 рус. перевода.

¹⁶⁴ «Педагог», кн. III, гл. 3, стр. 147–150 рус.

¹⁶⁵ «Origenis commentaria in Matthaeum», tomus decimus quintus, pp. 381 ete, ed. Rothomagi, a. M. DCLXVIII.

¹⁶⁶ «Origenis commentaria in Levit», XI, 1. Сравни: Ульгорн, цит. соч., стр. 197.

Чтобы представить изложение взглядов на богатство и бедность в древней Церкви до торжества христианства в сравнительной полноте, нам нужно изложить воззрения по интересующему нас вопросу *св. Киприана Карфагенского*. Этот великий епископ в своих сочинениях уделяет довольно много внимания вопросу о христианском отношении к богатству и бедности и по выражению христианских взглядов на этот предмет близко примыкает к отцам и учителям IV века. Св. Киприан уже не развивает той бесспорной мысли, что главное в отношении христианина к богатству — полное отсутствие сердечной привязанности к нему, что так усердно раскрывал Климент Александрийский. Св. Киприан, видимо, уже не верил в самую возможность того, чтобы обладающий богатством и не отказывающийся от него оставался внутренне равнодушным к богатству и видел в нем, прежде всего, орудие для служения ближним. Св. Киприан горячо осуждает и богатство само по себе, видя в нем непосильное бремя на пути к спасению, и *богатых*, как непременно представителей языческого пристрастия к миру и чуждых христианской любви.

В «Книге о падших» святитель в очень ярких чертах изображает то отрицательное значение, какое имеет в христианской жизни обладание богатством, и не щадит ярких образов для того, чтобы заклеить богатство печатью его противохристианского влияния. Поводом к такому обличению послужило отпадение богатых христиан от веры во время гонения. «Многих, — говорит св. отец, — обманула слепая любовь к наследственному их достоянию: не были готовы и не могли отступить те, которых, подобно путам, связывали их богатства. Это для остающихся были *узы*, это были *цепи*, которые задержали их доблесть, подавили веру, победили ум, оковали душу; и привязанные к земному сделались добычей и пищей змия. Вот, почему Господь, наставляя нас добру и предостерегая на будущее время, сказал: «аще хощеша совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждь нищим, и имети имаши сокровище на небесех, и гряди в след Мене». Если бы так поступали богатые, то они не погибали бы через свое богатство; если бы слагали свое сокровище на небе, то у них не было бы теперь домашнего врага... Отрешенный и *свободный*, он следовал бы за Господом, как это делали апостолы и многие при апостолах, как это часто делали и другие, которые, оставив свое имущество и родных, неразрывным союзом прилепились к Христу. А то, как могут следовать за Христом те, коих удерживают узы наследства? Как достигнуть неба, взойти на высоту и в горня тем, кои отягчены земными пожеланиями? Ради своего богатства они почитают себя обладателями, тогда как, на самом деле, они обладаемы; нет, они не господа, а невольники своих денег... не должно ни беречь, ни любить наследство, которым кто-либо был обманут и побежден. Надобно *удаляться от имущества, как неприятеля*; убежать от него, как от *разбойника*, бояться, как *меча* и *яда* для обладающих им... Все наше богатство и имущество пусть будет отдано для приращения

Господу, Который будет судить нас. Так процветала вера при апостолах! Так первые христиане исполняли веления Христовы! Они с готовностью и щедростью отдавали все апостолам для раздела и тем искупали не такие грехи»¹⁶⁷.

В «Книге о благотворениях и милостыне» св. Киприан преимущественно характеризует вторую отрицательную сторону богатства: он рассматривает его как *выражение жестокосердия в отношении ближних*. В этом сочинении подробно раскрыто св. отцом христианское учение о милостыне, но об этом — в следующей главе. Что же касается богатства и отношения к нему христиан, то святитель в этом сочинении указывает, как на идеал христианского отношения к богатству, на совершенное и безбоязненное его *разделение нуждающимся*, и решительно отклоняет все возражения против такого отношения к своему имуществу, и действительное основание этих возражений видит в жестокосердии и неверии. «Ты опасешься, — говорит св. отец, — чтобы, начавши много благодетельствовать и иждивши все свое достояние *через щедрость, самому не впасть в нищету*. Будь спокоен с этой стороны: откуда производится трата для Христа, чем стяжается небесное богатство, там оскудения быть не может... Сам Господь... говорит, что ищущим Царства Божия и правды Божией все будет приложено и дано, так как, по слову Господа, в последний день суда они наследуют Царство, которые благодетельствовали в Церкви Его. Боишься, чтоб не оскудело имение твое, если будешь щедро благодетельствовать из него; а не знаешь, несчастный, что вследствие боязни, чтобы не оскудело твое богатство, оскудевает жизнь твоя и здоровье... так что в то самое время, когда опасешься за гибель своего богатства, вместо него погибаешь сам. Посему справедливо объявляет и говорит апостол: «нечто же внесохом...» (1 Тим. VI, 7–10)... Бог питает птиц и воробьям доставляет дневную пищу; таким образом, и у тех, которые не имеют никакого понятия о вещах Божественных, нет недостатка ни в пище, ни в питии. А ты думаешь, что христианину, рабу Божию, который любезен своему Господу, неостанет чего-либо? Откуда такой маловерный помысел? Откуда такое нечестивое и богохульное рассуждение?... *Зачем считается и называется христианином тот, кто вовсе не верует во Христа?* Тебе более прилично название фарисея. Ибо когда Господь в Евангелии рассуждал о милостыне и давал верные и спасительные наставления о том, чтобы мы предусмотрительным благотворением от земных прибытков соделывали себе друзей, которые впоследствии приняли бы нас в небесные кривы, то Божественное Писание присоединяет к этому следующие слова: «*слышаху сия вся фарисеи, сребролюбцы суще, и ругахуся Ему*». Видим и ныне в Церкви подобных людей, у которых загражден слух, и у которых омраченные сердца не попускают в себя света

¹⁶⁷ Т. II, стр. 150–152, 168 рус. перевода.

духовных и спасительных наставлений... Что ты находишь для себя хорошего и спасительного в этих нелепых и глупых рассуждениях, когда опасением и беспокойством за будущее отвлекаешься от благодетельных? Зачем ты выставляешь какие-то призраки и обманы в напрасное извинение? Исповедуй лучше истину и, так как ты не можешь обмануть знающих, открой сокровенные тайны помыслов своих. Обложила твою душу тьма немилосердия, и по исшествии из нее света истины глубочайший мрак скупости совершенно ослепил грубое твое сердце. Ты пленник и раб денег; ты опутан сетями и узами жадности; ты, которого разрешил уже Христос, снова связан. Ты бережешь деньги, которые, будучи сбережены, не сэкономят тебе; ты умножаешь имущество, которое тем более обременяет тебя своей тяжестью, и не помнишь ты, что ответил Господь богатому, который в безумном восторге величался изобильным урожаем плодов земных. «Безумне, — сказал Он ему, — в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовил еси, кому будут?». Зачем в осуждение свое увеличиваешь тяжесть имущества своего, чтобы, становясь более и более богатым в этой жизни, тем беднейшим явиться перед Богом?». Далее св. отец предвидит новые возражения против щедрого раздаяния имущества: *заботу о детях и домоладцах*. Святитель решительно отклоняет и эти отговорки. «Если мы любим, — говорит он, — Бога всем сердцем; то ни родителей, ни детей не должны предпочитать Богу... Грешит в Церкви тот, кто, предпочитая себя и детей своих Христу, бережет свои богатства... Чем больше у тебя семейство, тем более ты должен быть щедродательным. Ты за многих должен молиться Богу, прегрешения многих должны быть искуплены... чем больше будет число домоладцев, тем больше должно быть совершаемо и добрых дел... Итак, если ты истинно любишь детей своих... то тем более должен благотворить, чтобы через благодеяния сделать детей своих угодными Богу. И не того почитай отцом детей своих, кто сам временен и слаб; но приобрети для них Отца чад духовных, Который вечен и могущ. Ему назначь богатства свои, которые блюдеши для наследников; пусть для детей твоих Он будет покровителем, попечителем и... заступником их во всех временных обидах. Имущества, порученного Богу, ни государство не отнимет, ни казна не захватит, ни общественное какое-либо бедствие не расстроит. В совершенной безопасности находится то наследство, которое хранит сам Бог... Заботясь о земном наследии более, чем о небесном, ты делаешь детей своих угодными диаволу, а не Христу, и гресишь сугубо, делаешь два преступления: во-первых, что не предусматриваешь для детей своих помощи Отца-Бога; во-вторых, что учишь детей своих любить имущество больше, чем Христа»¹⁶⁸.

Вообще *противопоставление благ духовных и чувственных* так же обычно у св. Киприана, как ярко оно проведено и в самом Откровении.

¹⁶⁸ Т. II, стр. 263–271.

«Богатые, — рассуждает, например, св. отец в *«Книге об одежде девственников»*, — говорят, что они должны же пользоваться своими благами. Таковые пусть знают, что та собственно богата, которая богата в Боге... пусть знают, что блага истинные суть блага духовные, общественные, небесные, которые приводят нас к Богу и у Бога составляют иное вечное стяжание. Затем все земное, приобретаемое в сем мире и в нем же оставляемое, должно быть презираемо... Твердишь, что тебе следует пользоваться этими благами, коими Господь наделил тебя. Пользуйся ими, употребляй, но на дела спасительные... на то, на что Бог заповедал... Пусть чувствуют твое богатство бедные, пусть ощущают твой недостаток неимущие. Отдай твое имущество для приращения Богу, напитай Христа... Скрывай сокровища свои там, где никакой тать не подкапывает, куда никакой злобный хищник не проникает. Приобретай себе стяжания, но более небесные, там, где приобретения твои не подвержены никаким случайностям и от всех вражеских неправд века сего свободны, где их ни ржа не истребит, ни град не избьет; ни солнце не сожжет, ни дождь не повредит»¹⁶⁹.

Св. Киприан рассматривает *богатство* одновременно и как прямую *противоположность христианской любви к братьям по вере и даже личному сознанию простого житейского благополучия*. В послании *«К Донату о благодати Божией»* св. отец изображает настроение богатого с отмеченной стороны в таких чертах, которые были обычны в творениях отцов IV века. «Богатые, — пишет св. Киприан Донату, — проводящие жизнь в беспрестанных забавах; которые, не терпя того, чтобы с ними в соседстве жили бедные, расширяют на бесконечное пространство свои поместья; у которых множество серебра и золота, у которых насыпаны или зарыты в земле огромные груды денег — и они трепещут со всеми своими сокровищами, мучатся опасениями, чтобы не разграбил их тать, не разорил разбойник или какой-нибудь более богатый враг из зависти не потревожил их несправедливыми тяжбами. Богач не ест, не спит. Вздыхает на пиршествах, хотя бы пил из сосудов, осыпанных драгоценными камнями; и хотя иссохшее тело его покоится на самом великолепном ложе, однако, он и в пуху не засыпает... О, ужасное ослепление сердца! О глубокое омрачение неистовой страсти! Вместо того чтобы свергнуть с себя тяжкое бремя, человек продолжает гоняться за мучительным счастьем... Он не оказывает никакой щедрости... нисколько не уделяет неимущим: деньги называет он своей собственностью и, как чужое имущество... стережет с беспокойной заботливостью»¹⁷⁰.

И св. Киприан определенно учил, что *в понятие христианского совершенства входит* в качестве необходимого признака совершенное *отречение от богатства* и готовность жить без заботы о завтрашнем

¹⁶⁹ Т. II, стр. 129, 132.

¹⁷⁰ Т. I, стр. 17–18.

дне. «Отрекшись от века сего, — пишет он, в *«Книге о молитве Господней»*, — и отказавшись от его богатств и почестей, памятуя наставление Господа, Который говорит: «иже не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик», — мы просим одной только пищи и пропитания... Ученик Христов, которому воспрещается заботиться о завтрашнем дне, праведно спрашивает себе дневной пищи: было бы противоречие и несообразность, если бы мы искали в сем веке продовольствие на долгое время, когда просим о скором пришествии Царства Божия. Блаженный апостол... учит¹⁷¹, что не только надобно презирать богатства, но что они и опасны: в них корень лъстивых зол, обольщающих слепоту человеческого ума скрытым коварством... Напротив, Господь учит, что тот вполне совершен, кто, продав все свое имение и раздав в пользу нищих, заготовляет себе сокровище на небе. Тот, по словам Господа, может следовать за Ним и подражать славе страдания Господня, кто в готовности и охоте своей не задерживается никакими сетями домашнего хозяйства, но, предпослав свое имущество к Богу, отрешенный и свободный и сам идет туда же»¹⁷².

В лице св. Киприана мы, таким образом, встречаем сурового обличителя богатых и защитника евангельской простоты жизни. Самый обличительный тон поучений святителя ясно говорит, что в Церкви его времени уже не было того полного братского общения, какое царило ранее, и какое св. отец, согласно сказанному нами в первой главе, признавал нормой христианских отношений. Очевидно, напротив, то разделение на богатых и бедных, которое так ярко выступало на фоне языческой жизни, проникло и в среду христиан, хотя все же отсутствие жалоб на невозможность питать всех нищих и уверенность св. Киприана, что в его Церкви всегда найдется помощь неимущему¹⁷³, как будто бы дает право сделать заключение, что Церковь обладала еще достаточными благотворительными суммами.

Но, как мы сказали, и как это предполагается само собой, с настоящим великим соблазном принять выработанные многовековой языческой культурой нормы общественных отношений Церковь должна была встретиться тогда, когда христианство было объявлено государственной религией. Это был решительный момент, когда внешняя борьба с христианством была оставлена, но необходимо более горячо разгорелась внутренняя борьба двух жизнепониманий. Эта борьба касалась многих сторон церковной жизни и в числе их — вопроса об отношении к богатству и бедности. Насколько противоположно было отношение к этим состояниям христианства и язычества, думается, не нужно и говорить. Как велика была противоположность между христианской и языческой оценкой

¹⁷¹ 1 Тим. VI, 7–10.

¹⁷² Г. II, стр. 205–206.

¹⁷³ Например, «Письмо к Евкратию о комедианте», т. I, стр. 19–20.

богатства и бедности, лучше всего раскрывается в картине той горячей борьбы святых защитников Христовой истины, какую они вели в целях выяснить высоту христианского воззрения на предмет и указать на совершенную несовместимость для христиан служить двум господам... Картина этой борьбы особенно ярко и жизненно выступает в творениях святых отцов первого века торжества христианства в пределах Римской империи, и этим веком ограничим наше изложение древнецерковного учения, так как позднее мы встретили только повторение сказанного в этот именно золотой век церковной письменности. Да и горячность между началами культуры христианской и языческой постепенно слабеала; почему? не будем говорить здесь.

Из отцов Церкви Восточной мы остановимся на учении св. великих каппадокийцев — этих несравнимых поборников Христовой истины — и св. Иоанна Златоуста, у которого учение о богатстве и бедности изложено с исчерпывающей полнотой. А из западных авторитетов изложим мнения по интересующему нас вопросу св. Амвросия, св. Астерия, блаженного Августина и блаженного Иеронима.

Св. Василий Великий принадлежал к числу тех епископов Церкви, которые совершенно отказывались от личной собственности и проводили жизнь в добровольной бедности¹⁷⁴. Если таков был личный практический идеал св. отца в отношении имущества, то ясно, что он не считал богатство таким даром Божиим, который должно «хранить и умножать», но, напротив, в добровольной бедности видел большие преимущества на пути к достижению Божиего Царства. В сочинениях св. Василия мы, правда, не встречаем таких беспощадно резких осуждений богатства, как, например, у св. Иоанна Златоуста; но, несмотря на это, отрицательное отношение св. Василия к богатству выступает с не меньшей определенностью.

Как все почти св. отцы, Василий Великий, прежде всего, ярко подчеркивает, что *богатство не есть истинное благо*, каким нередко его считают, но по существу — *обманчивый призрак блага* и нечто, совершенно ничтожное по сравнению с истинной жизнью. «Если видишь, — говорит святитель, — что иной через меру богат, не почитай жизни его блажен-

¹⁷⁴ Св. Григорий Богослов, близко знавший жизнь св. Василия, говорит в своем надгробном слове, что у св. Василия не было ничего «кроме тела и необходимых покровов для плоти. Его богатство — ничего у себя не иметь и жить с единым крестом, который почитал он для себя дороже многих стяжаний... Пока был жив, поддерживал жизнь самым необходимым и одну знал роскошь — не иметь и вида роскоши, но взирать на крины и на птиц... У св. Василия один был хитон, одна была верхняя ветхая риза; а сон на голой земле, бдение, неупотребление омовений составляли его украшение. Самой вкусной вечерей и снедью служили хлеб и соль — нового рода приправа; и трезвенное неоскудевающее питье, какое и нетрудящимся приносит источники». Творения Григория Богослова в русском переводе, т. IV, стр. 94–95.

ной... Свойство богатства — текучесть. Быстрее потока протекает оно мимо владеющих им... Не пристращайся к нему душой своей... не люби его через меру и как одному из благ не дивись ему, но употребляй его в служение, как орудие»¹⁷⁵. «Не убойся егда разбогатеет человек. Когда видишь, говорит пророк, что неправедный богат, а праведный беден, не убойся сам в себе, не смущайся мыслью, будто уже вовсе нет Божия Промысла, надзирающего дела человеческие... Богатому нет никакой пользы в богатстве, когда он умирает, потому что не может взять его с собой... Счастлив он, если получит в удел немного земли, которую из жалости дадут ему погребавшие... Посему не малодушествуй, смотря на настоящее, но ожидай той блаженной и нескончаемой жизни; ибо тогда увидишь, что праведнику служит во благо и нищета, и бесславие, и лишение наслаждений. И не смущайся, видя, что ныне мнимые блага разделяются как бы неправедно. Ибо услышишь, как будет сказано богатому: «восприял еси благая твоя в животе твоём»; а бедному — что он принял злая в жизни своей. Посему справедливо один утешается, а другой страждет»¹⁷⁶. Вообще, изображение совершенного *ничтожества богатства перед лицом будущей жизни* — очень обычная тема рассуждений св. Василия. «Есть у тебя, — говорит, например, о богатом святитель, — такое-то число десятин обработанной земли и еще такое же число заросшей лесом, горы, равнины, овраги, реки, луга. Что ж после сего? Не всего ли три локтя земли ожидают тебя?... Для чего трудишься?... Для чего собираешь своими руками бесплодное? и, о если еще только бесплодное, а не пишу для вечного огня! Отрезвишься ли когда-нибудь от сего упоения?... Придешь ли в себя самого... Щадила ли кого смерть ради богатства? Миновала ли кого болезнь ради денег»¹⁷⁷. «Богатство остается здесь, золото расхищается, серебро идет в разделе, поместья продаются, слава забывается,ладычество прекращается, страх угасает... Богач предстает там нагим. Если имеет добродетели, и там он богат. А если обнажен от них, то вечный нищий»¹⁷⁸. Там нет витий, нет убедительного красноречия, которое бы могло скрыть истину перед Судией. Туда не сопровождают ни льстецы, ни деньги, ни величие сана. Предстанешь один: без друзей, без помощников, не защищаемый, не оправдываемый, постыженный, печальный, унылый, всеми оставленный, не смеющий отверсть уст»¹⁷⁹.

Таким образом, по взгляду св. Василия Великого, богатство — не благо само по себе, но лишь его обманчивый призрак. Какова же *этическая оценка* этого призрачного блага у св. отца? На этот наиболее важный для

¹⁷⁵ Беседа на Пс. LXI, т. I, стр. 394–395 рус. перевода.

¹⁷⁶ Беседа на Пс. XLVIII, т. I, стр. 371–373.

¹⁷⁷ Беседа VII «К обогащающимся», т. IV, стр. 112–114.

¹⁷⁸ Беседа XXVI «Утешение больному», т. IV, стр. 402–403.

¹⁷⁹ Беседа VII «К обогащающимся», т. IV, стр. 113.

нас вопрос есть ответ у св. Василия, ответ совершенно определенный. По воззрению св. отца, на пути к истинному нашему отечеству, где и сокровище наше истинное, *богатство есть тяжелое бремя*. Он сравнивает жизнь нашу с плаванием корабля по бурному морю, когда необходимо бывает выбрасывать все лишнее для облегчения плавания кораблю. Подобно этому предлагает св. Василий смотреть и на богатство в настоящей жизни и поступать с ним, подражая мореплавателям. «Они без пощады выкидывают товар в море... чтобы самим, если можно, хоть душу и тело спасти от опасности. А нам, конечно, гораздо больше их надо подумать об этом и делать это. Они, если что сбросят, теряют это в ту же минуту, и их окружают уже невзгоды нищеты. А мы, чем больше уменьшаем лукавое бремя, тем большее и лучшее копим богатство для душ... Имущества, прекрасно изринутые, не погибают для тех, которые их низринули и бросили, но, как будто переложенные в какие-то другие надежные корабли, то есть в утробы бедных, спасаются и достигают пристаней... Итак, возлюбленные, положим сами о себе человеколюбивое определение, и бремя богатства, если хотим обратить его в свою прибыль, разделим многим таким, которые с радостью понесут его и положат на сохранение в недрах Владыки — в этих безопасных сокровищницах»¹⁸⁰.

И в творениях св. Василия мы находим достаточное объяснение того, почему богатство является таким тяжелым бременем на пути нашем в Царство Небесное: основание для этого св. отец видит в *настроении богатого*, равно далекого и от сознания личного удовлетворения, и от мысли о горнем отечестве, и от братской любви к своим ближним. Св. отец ярко и не раз изображает те *тревоги богатого*, его постоянные опасения и неудовлетворенность, которые, вопреки естественному предположению, лишают богатых даже простого житейского благополучия. Вот, например, как характеризует настроение бедного св. Василий в своей превосходной беседе на евангельскую притчу о безумном богаче¹⁸¹. «Что сотворю?» — рассуждал богач. «Кто не пожалеет о человеке, — спрашивает св. Василий, — который в таком стеснительном положении. Жалким делает его урожай, жалким делают настоящие блага, а еще более жалким делает ожидаемое. Земля ему приносит не дары, но произращает воздыхания; не урожай плодов доставляет она, но заботы, и скорби, и страшное затруднение. Он сетует, подобно беднякам... мучится в сердце, снедаемый заботой... Не радует его, что все в доме у него наполнено; но текущее к нему и льющееся через края хранилищ богатство уязвляет душу его опасением, чтоб не перепало чего-нибудь посторонним»¹⁸². «Богатый, по

¹⁸⁰ Беседа XXI «О том, что не должно прилепляться к житейскому», т. IV, стр. 333.

¹⁸¹ Лк. XII, 18.

¹⁸² Т. IV, стр. 86–87.

наблюдениям св. отца, высказанным в другой беседе, всего боится: боится дней, как времени судопроизводства; боится вечеров, как удобных воров; боится ночей, как мучений от забот; боится утреннего времени, как доступа к нему льстецов; боится не только времени, но и места. Его приводят в ужас нападения разбойников, злоумышления воров, клеветы притеснителей, расхищения сильных, злодеяния домашних, любопытство доносчиков... рассуждения соседей, гнилость стен, падение домов, нашествие варваров, коварство сограждан, приговоры судей, потеря того, что имеет, отнятие того, чем владел. О, человек, если такова зима обладания, то где же весна наслаждения? Есть снискание велие благочестие с довольством. Оно не заключается вместе с настоящей жизнью... Это стяжание бессмертное»¹⁸³.

Уже из того, как св. Василий изображает настроение богатого, ясно видно, что, по взгляду св. отца, в сердце такого человека не может быть истинной любви к ближним и искренней думы о будущей жизни. И в творениях св. Василия мы встречаем совершенно определенное выражение той мысли, что самое *обладание богатством есть признак холодности сердца* в отношении ближних. Остановиваясь, например, на истории евангельского богатого юноши, св. отец прямо заключает, что этот юноша и не мог иметь любви к ближним, заповедь о которой считал уже исполненной, так как в противном случае юноша этот не был бы обладателем большого имения. «Видно, — говорит св. Василий, как бы обращаясь к юноше, — что далек ты от заповеди и ложно засвидетельствовал о себе, что возлюбил ближнего, как самого себя. Ибо вот, повелеваемое Господом вполне изобличает тебя, что нет в тебе истинной любви. Если бы справедливо было утверждаемое тобой, что от юности сохранил ты заповедь любви и столько же воздавал каждому, сколько и себе, то откуда у тебя такое огромное имение? Попечение о нуждающихся расточительно для богатства. Хотя каждый на необходимое содержание берет немного, однако же, поелику все вместе получают часть из имения, то издерживают его на себя. Поэтому, *кто любит ближнего, как самого себя, тот ничего не имеет у себя излишнего перед ближними*. Но ты оказываешься имеющим стяжания много. Откуда же это у тебя? Не ясно ли из этого видно, что собственное свое удовольствие предпочитаешь ты облегчению участи многих? Поэтому *чем больше у тебя богатства, тем меньше в тебе любви*. Давно бы ты позаботился расстаться с деньгами, если бы любил ближнего... Если бы одевал ты нагого, если бы отдавал хлеб свой алчущему, если бы дверь твоя открыта была всякому страннику, если бы ты был отцом сирот, если бы сострадал ты всякому немощному, то о каком имении ты стал бы скорбеть теперь?... Сверх того, никто не скорбит, когда отдает свою собственность на торжище и взамен приобретает, что

¹⁸³ Беседа XXVI «Утешение больному», т. IV, стр. 401.

для него нужно... А ты скорбишь, отдавая золото, серебро и стяжания, то есть уступая камни и прах, чтобы приобрести на них блаженную жизнь... Страшное безумие — копаться в земле, пока золото еще в рудокопне, а когда оттуда вынута, опять прятать в земле... Думаю, бывает то, что, *зарывая богатство, зарываешь с ним вместе и сердце*... Знаю многих, которые постятся, молятся, вздыхают, оказывают всякое неубыточное благоговение, но не дают ни одного обола тесным нуждой. Какая же для них польза от прочих добродетелей? Их не приемлет Царство Божие»¹⁸⁴. В упомянутой уже беседе на слова евангелиста Луки «разорю житницы моя, и большая созижду», св. Василий особенно ярко изображает жестокосердие богатого, который «стараясь о настоящем, презирает чаемое»¹⁸⁵. Не приводим здесь этих слов, оставляя это ближайшему будущему. Вообще же, по взгляду св. Василия Великого, хотя «душе благочестивой» богатство может служить средством делать добро, но вообще *всякое собиране богатства грешно*. «Если думает кто, — говорит в этом случае св. отец, — что обогащающийся по какому-либо предлогу, почитаемому благовидным, не грешит, тот пусть вспомнит евангельскую заповедь, которая ясно воспрещает собирать себе сокровища на земле»¹⁸⁶.

Если мы сопоставим то, что сейчас было сказано о взгляде св. Василия Великого на богатство в его отношении к делу христианского спасения, с тем, что ранее отметили мы в его воззрениях на право частной собственности вообще, то для нас совершенно ясно выступит, почему св. отец такими отрицательными чертами характеризует всякое богатство, а также понятно будет и то, почему единственно достойным со стороны христианина отношением к богатству должно явиться не «сохранение и умножение» его, но раздача, всегдашняя готовность всем своим поделиться с ближними. *Идеальным отношением к имуществу в этом случае будет совершенная раздача своего богатства*; общим же минимальным требованием является, по взгляду святителя, владеть своим имуществом сообща с другими. «Желающему следовать за Господом, — говорит св. отец, — дал Он совет продать все имение на благотворение нищим и потом уже следовать за Ним. Но как последователям Своим и достигшим совершенства повелевает вдруг и совершенно исполнить дело милостыни, чтобы, совершив служение своим имением, приступили они к служению словом и духом; так прочим предписывает всегдашние подаяния и всегдашнее общение того, что имеют, чтобы через это, став жалостливыми, общительными и милостивыми, оказались подражателями Божию человеколюбию»¹⁸⁷.

¹⁸⁴ Беседа VII «К обогащающимся», т. IV, стр. 101–105.

¹⁸⁵ Т. IV, стр. 89–92.

¹⁸⁶ Мф. VI, 19. Толкование на пророка Исайю, гл. 2, т. II, стр. 107.

¹⁸⁷ Беседа XXV «О милости и о суде», т. IV, стр. 396.

И св. Василий предусматривает обычные *предлоги*, какими во все времена пытаются оправдать нарушение прямого требования христианской любви раздавать свое богатство нуждающимся. Так, например, св. Василий с силой опровергает *ссылку на детей*, как на основание к тому, чтобы хранить свое имущество. По словам святителя, «это благовидный предлог любостяжательности: ссылается на детей, а удовлетворяете собственному сердцу... Разве не для вступающих в браки написаны Евангелия? Ужели когда у Господа просил ты благочадия, когда молился, чтобы быть тебе отцом детей, присовокуплял в молитвах это: дай мне детей, чтобы преслушать заповеди Твои; дай мне детей, чтобы не достигнуть Небесного Царства? Кто же будет поручителем за произволение сына, что употребит данное, как должно?... Смотри, чтобы тебе... не приготовить для других удобства к грехам и потом не понести двойного наказания: и за то, что сам делал неправду, и за то, что другого снабдил к тому средствами... Доселе сказанное, — продолжает св. отец, — говорено было отцам. Бездетные же какую представят нам благовидную причину бережливости? «Не продаю имение, не даю нищим по причине необходимых нужд в жизни!». Следовательно, не Господь — твой Учитель; не Евангелие служит правилами для твоей жизни, но сам ты даешь себе законы. Смотри же, в какую опасность впадаешь, рассуждая так! Если Господь предписал нам сие, как необходимое, а ты отвергаешь, как невозможное, то не иное утверждаешь, а то, что ты разумнее Законодателя... Или поверим Ему, как мудрому и знающему, что для нас полезно; или потерпим Его, как возлюбившего нас, и воздадим Ему должное, как своему Благодетелю. Непременно же исполним повеленное нам, чтобы стать наследниками вечной жизни!»¹⁸⁸. «Но хотя приговор так ясен, — говорит св. отец, — Изрекший не лжив, однако же убежденных немного». Говорят: «как же будем жить, оставив все? Какой вид примет жизнь, если все станут продавать, все отказываться от имений?». Св. Василий здесь ставит такое возражение против принципа раздачи своего имущества, какие, увы, делаются теперь не скупыми, но самыми современными богословами в их любопытной полемике в защиту богатства. И св. Василий Великий отвечает указанием *безусловной авторитетности велений Господа для каждого, называющего себя Его учеником*. «Не спрашивай, — говорит он, — у меня разумения Владычских заповедей: Законодатель знает, как и невозможное согласить с законом. Испытывается же твое сердце, как бы на весах, куда оно наклонно: к истинной ли жизни или к настоящим наслаждениям»¹⁸⁹.

Насколько далеко простирает св. Василий требование делиться своим имуществом с другими, мы уже видели, когда отметили в первой главе нашего очерка, что, по взгляду св. Василия, отказ в помощи нуждающимся

¹⁸⁸ Беседа VII «К обогащающимся», т. IV, стр. 115–116, 119–120.

¹⁸⁹ Беседа VII «К обогащающимся», т. IV, стр. 106.

есть совершенно такой же грех, как и прямая обида ближнего¹⁹⁰. И ясно само по себе, что при таких взглядах на отношение христианина к богатству св. отец беспощадно *строго осуждает скупость и любостязательность*, объединяемые в понятии *сребролюбия*, равно как находит вовсе несовместимой с христианским построением *роскошь* в жизненной обстановке. Нам не кажется нужным подробно раскрывать взгляд св. Василия на греховность сребролюбия. Много поразительных по силе мыслей и христианского чувства страниц мы встречаем в беседах св. Василия, посвященных изображению всей несовместимости сребролюбия с христианским братолюбием, причем любостязательность и скупость поставляются на одной ступени греховности с убийством ближнего. «У тебя в виду золото, а на брата не обращаешь внимания, — говорит св. отец, обращаясь к скупому богачу, — знаешь чекан монеты, и различаешь настоящую монету от поддельной, но вовсе не узнаешь брата в нужде. Тебя крайне веселит доброцветность золота, но не считаешь, сколько вздохов бедного сопровождает тебя». Далее св. отец рисует потрясающую картину горя многосемейного бедняка, который крайней нуждой и боязнью гибели всех детей вынуждается продавать одного из своих сыновей, равно ему дорогих и незаменимых. «А тебя, — продолжает св. отец, — не трогает страдание; ты не хочешь взойти в чувствования природы! Этого несчастного угнетает голод, а ты медлишь и смеешься, способствуя тому, чтобы продлилось его бедствие... Ни слезы не возбуждают в тебе жалости, ни вздыхания не смягчают сердца... Во всем видишь золото; везде представляешь золото; о нем грезишь и во сне, о нем думаешь и во время бодрствования. Как сумасшедшие в припадке бешенства не действительные видят вещи, но представляют, что производит в них болезнь, так и у тебя душа, одержимая сребролюбием, во всем видит золото, во всем видит серебро... Говорит богатый: «душе, имаша многа блага лежаща: яждь, пей, веселися ежедневно». Какое безумие! Если бы у тебя была душа свиньи, чем иным, кроме этого, порадовал бы ты ее? Столько ты скотоподобен, до того несведущ в духовных благах, что предлагаешь душе плотские снеди... Мыслишь ты земное, чрево у тебя богом, весь ты стал плотским, поработился страстями... У тебя одно натвержено слово: «нет у меня, не дам, потому, что сам беден». Действительно, ты беден и скуден всяким добром, беден ты любовью, беден человеколюбием, беден верой в Бога, беден вечным упованием... Ты любостязателен... ты хищник. Кто обнажает одетого, того назовут грабителем; а кто не одевает другого, хотя может это сделать, тот достоин ли другого какого названия»¹⁹¹. «Каких достоин наказаний, — спрашивает св. отец, — кто проходит мимо человека с изможденным телом?... Не стоит ли

¹⁹⁰ Стр. 37 настоящего сочинения.

¹⁹¹ Беседа VI «На слова Ев. Луки, XII, 18», т. IV, стр. 89–97.

он того, чтобы причислить его к лютым зверям, признать злодеем и человекоубийцей. Кто имеет возможность уврачевать зло, но добровольно и по любостыжательности откладывать сие, того, по справедливости, можно осудить наравне с убийцами»¹⁹².

Не умножаем выдержек из творений св. Василия, говорящих о греховности любостыжания. Позволим себе остановиться лишь на одной частности в осуждении св. Василием греха сребролюбия; это — взгляд св. отца на тот путь обогащения, когда дают деньги в *рост*. Хорошо сознаем, конечно, что процентные операции во многом различаются теперь сравнительно с тем характером, какой они имели в век Василия Великого. Но все же считаем нелишним отметить взгляд святых отцов на этот вопрос, как полную противоположность миролюбивым речам современных богословов о согласии с христианскими началами жизни давать деньги займы под проценты. «Крайне бесчеловечно, — рассуждает св. отец, — когда один, имея нужду в необходимом, просит заем, чтобы поддержать жизнь, другому не довольствоваться возвращением данного заем, но придумывать, как извлечь для себя из несчастий убогого доход и обогащение. Посему Господь дал нам ясную заповедь, сказав: «и хотящему от тебе зайти не отврати». Но сребролюбец... не думает о единстве природы, не склоняется на просьбы, но стоит непреклонен и неумолим, не уступает мольбам, не трогается слезами... А как скоро просящий займы помянет о росте и поименует залого, тотчас, понизив брови, улыбается, иногда припомнит и о дружбе своей с отцом его, назовет его своим знакомым и приятелем... Обольщая и заманивая бедного, берет с него письменное обязательство и, при обременительном убожестве отняв у него даже и свободу, оставляет его... Скажи мне: денег ли и прибыли ищешь ты у бедного? Если бы он мог обогатить тебя, то чего бы стал просить у дверей твоих? Он пришел за помощью, а нашел врага... Надлежало облегчить убожество человека, а ты увеличиваешь нужду. Как если бы врач, пришедший к больным, вместо того, чтобы возвратить им здоровье, отнял у них и малый остаток сил; так и ты несчастья бедных обращаешь в случай к своему обогащению... Послушайте богатые... какой совет дает Господь: взаим дадите от них же не чаете воспринять. Скажешь, какой же это заем, с которым не сопряжена надежда возвращения?... Когда будешь давать бедному ради Господа, это будет и дар, и заем: дар — по безнадежности получить обратно, заем — по великодаровитости Владыки, Который Сам за него заплатит... Отдай серебро, которое лежит у тебя напрасно, не отягощая бедного приращеннями, и будет хорошо обоим: тебе — потому, что серебро сбережется в безопасности, и взявшему у тебя — потому, что он через употребление извлечет из него пользу... Если берешь с бедного, то сие — верх человеконенавистничества. Ты из чужих несчастий извлекаешь прибыль;

¹⁹² Беседа VIII, «говоренная во время голода и засухи», т. IV, стр. 136.

со слез собираешь деньги; душишь нагого, бьешь голодного... И ты называешь человеколюбивыми получаемые таким образом прибыли! Горе глаголющим горькое сладкое и сладкое горькое, и называющим бесчеловечие человеколюбием»¹⁹³.

Чтобы закончить изложение воззрений св. Василия Великого на богатство, нам нужно только отметить еще строгое *осуждение св. отцом всякого вида роскоши* в жизни христиан. Если, по взгляду св. Василия, любящий ближнего не должен иметь ничего лишнего¹⁹⁴, то ясно, что *всякая роскошь есть признак недостатка любви* к ближнему и даже *бесчеловечна*, когда она существует рядом с нищетой. «Ты, — говорит св. Василий, — отдавая золото и приобретая коня, не унываешь, а уступая тленное и получая взамен небесное, проливаешь слезы, отказываешь просящему... Что будешь отвечать Судии ты, который одеваешь тканями стены, а не оденешь человека; убираешь коней, а равнодушно смотришь на брата, одетого гнусно... А если и сожительница твоя — женщина богатолобивая, то двойная болезнь. Ни на минуту не дает вздохнуть мужу, муча его непрерывными своими приказами... Золото, служа оправой драгоценным камням, составляет у них убор то на челе, то на шее, то на поясах или оковывает собой руки и ноги. Ибо златолюбивым женщинам приятно носить на руках оковы, только бы оковывало их золото... Богатство, расточаемое на столько предметов и мужем, и женой, естественным образом, не имеет уже никакого случая перейти к посторонним... Не видишь ли этих стен, разрушенных временем, и которых остатки, подобно каким-то курганам, возвышаются по всему городу? Когда воздвигали их, сколько было в городе бедных, которых тогдашние богачи презрели, заботясь об этих зданиях? Где же эти пышные постройки? Где возбуждавший соревнование таким великолепием? Не обращено ли все в кучу и не истреблено ли, подобно тому, что дети для забавы вылепливают из песка; а строитель не в аду ли раскаивается, что заботился о суетном? *Старайся иметь великую душу*, а стены, малы ли или велики, той же удовлетворяют нужде. Когда вхожу в дом человека глупого и некстати богатого и вижу, что дом испещрен всякого рода цветами, тогда узнаю, что у этого человека нет других драгоценностей, кроме виденных, что он украшает бездушные вещи, а душа у него не украшена. Скажи мне, к какому выгоднейшему употреблению служат серебряные лежа и серебряные столы, постели и седалища из слоновой кости, между тем, как ради них богатство не переходит к бедным, хотя они тысячами стоят у дверей и оглашают их всякими жалобными стонами? Но ты отказываешь в подаянии, говоря, что невозможно удовлетворить просящих. Твой язык подтверждает это клятвой, но рука обличает в противном, она

¹⁹³ Беседа «По окончании XIV псалма», т. I, стр. 213–224.

¹⁹⁴ Беседа VII «К обогащающимся», т. IV, стр. 101.

безмолвно разглашает твою ложь, сияя дорогим камнем в перстне. Один твой перстень сколько человек может освободить от долгов? Сколько поправить падающих домов? Один твой сундук с одеждами может одеть целый народ, цепенеющий от холода. Но ты с ожесточением отсылаешь бедного ни с чем, не страшись праведного воздаяния от Судии. Ты не помиловал и не будешь помилован; не отворил дома и не будешь допущен в Царствие; не дал хлеба и не получишь жизни вечной»¹⁹⁵.

О подвижнических уставах и монашеских правилах св. Василия Великого не говорим в данном месте. Ясно само по себе, что, если св. отец в основу монашеского общежития полагал отказ от собственности, то всякое имущество, сохраняемое монахами, свидетельствовало о нарушении устава и являлось, по существу, изменой монашеским обетам¹⁹⁶.

Взгляд св. Василия Великого на *бедность*, конечно, находится в прямой связи с его отношением к богатству. Уже одни суровые нападки св. отца на богатых за их нежелание делиться своим с нуждающимися и суровое осуждение роскоши, существующей рядом с нуждой, определенно говорят, что в бедности св. Василий видел такое *тяжелое жизненное положение*, которое должно привлекать к себе все внимание христианского любящего сердца. И эти страдания и невзгоды бедняка изображались не раз св. отцом с потрясающей картинностью и горячим сочувствием, которые должны были тронуть даже холодное сердце¹⁹⁷.

Но перед лицом великой нравственной задачи — воспитания духа для вечной жизни — св. Василий с большой силой оттенял *благоприятное влияние бедности* вообще и добровольной в частности на развитие христианского характера. И здесь, прежде всего, если богатство является бременем для его обладателя, доставляя душевные тревоги и волнения, препятствуя думе о высшем сокровище — небесной жизни, то *бедный, по преимуществу, есть свободный и независимый* в духовно-религиозном отношении. «Мы, бедные, — говорит святитель, справедливо относя и себя к числу бедняков, — отличаемся от богатых одним — свободой от забот; наслаждаясь сном, смеемся над их бессонными ночами; не зная беспокойств и будучи свободны, смеемся над тем, что они всегда связаны и озабочены»¹⁹⁸. Св. Василий с силой христианского убеждения изображает те истинные блага, какими обладает всякий бедняк и его преимущества в отношении верховного блага истинной вечной жизни. «Ты человек, — говорит св. отец, обращаясь к беднякам, — низкого рода, не славный, ты бедняк из бедняков, нет у тебя ни дома, ни отечества, ты немощен, не имеешь насущного пропитания, трепещешь людей сильных, всех боишься

¹⁹⁵ Беседа VII «К обогащающимся», т. IV, стр. 106–109.

¹⁹⁶ Например, т. V, стр. 49, 75, 123, 125 и мн. др.

¹⁹⁷ Например, беседа VI, т. IV, стр. 90–91; беседа VIII, т. IV, стр. 135–136 и др.

¹⁹⁸ Беседа «По окончании XIV псалма», т. I, стр. 218–219.

по причине низкого своего состояния? Не отчаивайся в себе и не теряй вовсе доброй надежды от того, что в настоящем нет для тебя ничего завидного, но возводи душу свою к благам, какие даны уже тебе от Бога и какие по обетованию уготованы впоследствии. Итак, во-первых, ты — человек, один из земных тварей богосоздан... Ты получил разумную душу, которой уразумеваешь Бога... Почему малодушествуешь от того, что у тебя нет среброуздого коня? Но есть у тебя солнце, которое в самом быстром своем течении в продолжение всего дня несет перед тобой светильник. У тебя нет блещущего золота и серебра, но есть луна, которая озаряет тебя своим в тысячу раз большим светом... Не спишь ты на ложе из слоновой кости, но имеешь у себя землю, которая дороже многих слонов, имеешь сладкое на ней упокоение, скорый и беззаботный сон. Не лежишь ты под золотой кровлей, но имеешь над собой небо, сияющее неизреченными красотами звезд. Но это еще человеческое, а есть другое — более важное. Для тебя Бог между людьми, для тебя раздаяние даров Св. Духа, разрушение смерти, надежда воскресения... уготованное Царство Небесное, венцы правды»¹⁹⁹. И перед лицом этой высшей правды и высшего блага *нищета есть истинное богатство*, каким обладали и св. апостолы, и Сам Спаситель во время Своей земной жизни. «Ничто не богаче добродетельной нищеты. Петр нищ, но взял добычу со смерти. Иоанн нищ, но исправил ноги хромоту. Филипп нищ, но в Сыне видел Отца. Матфей нищ, потому что оставил богатство вместе с хищением. Фома нищ, но открыл некрадмое сокровище — ребро Владыки. Павел нищ, но стал наследником рая. Владыка нищ по плоти, потому что безмерно богат по Божеству»²⁰⁰. Вообще, по воззрению св. Василия, «нищета — наставница блаженности»²⁰¹, и поэтому, несомненно, так строго требовал св. отец совершенного отказа от собственности со стороны каждого, ищущего совершенной жизни в ее монашеской форме²⁰². При этом, с нравственной точки зрения, вполне естественно, св. отец на особую высоту ставит добровольную нищету, хотя считает высоким подвигом и смиренное несение невольного жизненного креста в бедности. «Нищие духом, — говорит св. Василий, — суть те, которые обнищали не ради другой причины, но по учению Господа, сказавшего: «иди, продаждь, вся елика имаши, и даждь нищим». Но если кто, приняв и как ни есть приключившуюся ему нищету, управит собой по воле Божией, как Лазарь, то сей не чужд блаженства»²⁰³.

Совершенно согласно со св. Василием Великим раскрывает христианский взгляд на богатство и бедность св. Григорий Нисский. Как уже было

¹⁹⁹ Беседа V на слова «внемли себе», Втор. XV, 9; т. IV, стр. 41–42

²⁰⁰ Беседа XXVI «Утешение больному», т. IV, стр. 403.

²⁰¹ Толкование на пророка Исайю, гл. 2, т. II, стр. 107.

²⁰² Например, «Правила, кратко изложенные в вопросах и ответах», т. V, стр. 257; сравни: стр. 75, 464–465 и мн. др.

²⁰³ Там же, стр. 312.

нами указано, св. Григорий Нисский идеальное распределение имущества видел в том, чтобы все имели поровну²⁰⁴. С такой точки зрения всякое *богатство*, как соединение в руках одного человека больших избытков, в сравнении с другими, должно было представляться св. Григорию явлением *ненормальным* в христианской жизни; и прямой путь к искоренению этой ненормальности мог явиться только в виде отказа богатого от своего богатства, готовности раздавать его каждому нуждающемуся. «Страх Божий, — наставляет св. Григорий, — да будет справедливым уравниателем. Благоразумный воздержанием уврачу́й два противоположных страдания: свое пресыщение и голод брата... Мы же, каждой буквой Писания наставляемые соревновать Господу и Зиждителю... все обращаем к собственному наслаждению: одно отделяем для собственной жизни, другое сберегаем наследникам; о несчастных же — ни слова, о нищенствующих — никакого благого попечения. О, немилосердное сердце! Человек видит человека, нуждающегося в хлебе, не имеющего необходимой живительной пищи, но не помогает ему с готовностью и не подает ему спасения, а оставляет без внимания, как какое-то зеленеющее растение, несчастно засыхающее от недостатка воды; и это делает человек, обладая через край текущим богатством и имея возможность на многих излить утешение от имущества! Ибо как разлив одного источника утучняет много пространных равнин, так и богатство одного дома достаточно для спасения множества бедных, если только скупое и необщительное сердце, как камень, попавший при выходе, не задержит разлива»²⁰⁵. И св. отец *в отказе от богатства* в пользу неимущих видит *путь к совершенной христианской жизни* через облегчение пути в Царство Небесное. «Не отринь, брат, — говорит св. Григорий, — урока нищеты, как служащего к приобретению небесного богатства. Господь говорит: «продажь все имение твое и дажь нищим, и гряди во след Мене: и имети имаши сокровище на небеси... Блаженни нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное». Хочешь ли уразуметь, кто — обнищавший духом? Кто душевное богатство выменял на телесное изобилие, кто земное богатство отряс от себя, как легкую тяжесть, став выпреним и воздухоносным — взойди горе вместе с Богом, как говорит апостол, воспарив на облаке. Золото есть тяжелое некое достояние, тяжело и всякое вещество, вождеемое как богатство; но легкая и горе несущаяся вещь — добродетель. А тяжесть и легкость между собой противоположны. Посему невозможно кому-либо стать легким, пригвоздив себя к тяжести вещества. Поэтому, если надлежит нам взойти в горнее, то обнищаем влекущим долу, чтобы стать в горнем. Какой же к тому способ? Указывает его псалмопение: расточи, даде убогим; правда его пребывает во век века. Кто вступил в общение с нищим, тот поставил

²⁰⁴ «О нищелюбии и благотворительности», слово I, т. VII, стр. 407.

²⁰⁵ «О нищелюбии и благотворительности», слово I, т. VII, стр. 405–406.

себя в единую часть с обнищавшим ради нас»²⁰⁶. И естественно при таком взгляде на предмет св. Григория, что *скупость*, нежелание расстаться со своим богатством, равно как *любостяжание*, стремление все больше и больше умножать свое имущество сурово осуждается св. отцом. «Скажи мне ты, — обращается св. отец к скупому, — неодушевленное вещество имуществом предпочитающий будущему блаженству: что за убранство такое у золота? что за сияние такое у дорогих камней? что за убранство такое от одежд в сравнении с оным благом, предлагаемым упованию?... А кто богатство свое тщательно скрывал под печатями, запорами, за железными дверьми, в безопасных тайных местах и стекающееся у него вещество прятать и хранить у себя предпочитал великой заповеди; того, если повлечется в вечный огонь, все, в этой жизни испытавшие его жестокость и немилосердие, станут укорять и скажут ему: «помяни, яко восприял еси благая в животе твоём; в твердых с богатством твоим заключил ты милость и на земле оставил милосердие; не принес в эту жизнь человеколюбия и не имеешь, чего не имел... ни на кого не смотрел сострадательно, и на тебя никто не посмотрит с сожалением; презирал ты скорбящего, презрят и тебя гибнущего; бегал ты случаев оказать милость, и от тебя побежит милость; гнушался ты нищего, возгнушается и тобой, кто от тебя был в нищете». Если сказано будет это и подобное этому, то где окажется золото? где блестящие сосуды... где писанные в книгах предметы? Что они значат против плача и скрежета зубов?»²⁰⁷ Так св. отец восстает против «добродетели бережливости», насколько она простирается на отказ просящим и нуждающимся. Подобно этому же св. Григорий восстает и против стремления не только «хранить», но и «умножать» свое имущество. Особенно горячо восстает св. Григорий, подобно своему брату Василию, против того пути умножения имущества, какой представляет собой отдача денег *в рост* на проценты.

В особом слове «против ростовщиков»²⁰⁸ св. отец изображает образно и страдание бедных, вынужденных по нужде еще более связывать свою жизнь тяжелым оброком, и недоброе настроение сердца того, кто ищет прибыли от бедности и страданий другого и даже прикрывается видами человеколюбия, и убежденный призыв миловать нуждающихся и доверчиво относиться к каждому просящему. Сущность воззрений св. отца выражена в заключительных словах названной беседы его: «я, прежде всего, проповедую и увещаю дарить, затем приглашаю и давать займы (ибо даяние займы есть второй вид дарения), но делать это без лихвы и приращений, но как повелело нам слово Божие. Ибо одинаково повинен наказанию и не дающий займы и дающий с лихвой, поскольку первый осуждается в нече-

²⁰⁶ «О блаженствах», слово I, т. II, стр. 373–374.

²⁰⁷ «О блаженствах», слово V, т. II, стр. 433–435.

²⁰⁸ Т. VII, стр. 457–473.

ловеколюбии, а последний — в барышничестве»²⁰⁹. Св. Григорий не усомнился поставить с точки зрения этической оценки рост на одну линию с разбоем и убийством. Св. отец думает, что если кто назовет «лукавое примышление ростов... новым разбоем и убийством, не погрешит против истины. Ибо какая разность иметь у себя чужое, что тайно награблено из подкопанной стены, и, убив прохожего, сделаться обладателем его собственности или вынужденным ростом приобрести себе непринадлежащее? Какое худое проименование: рост служит именем разбою!... Если кто насильно отнимет или тайно украдет у другого путевой запас, называют его грабителем, вором и тому подобными именами; а кто причиняет засвидетельствованную обиду и жестокость, договорами подтверждает беззаконие, того называют човеколюбивым, благодетелем, спасителем и всеми добрыми именами. Приобретенное грабежом называют кражей, а кто при такой нужде обнажает Христа, того жестокость величается човеколюбием, ибо так называют наносимый ущерб беднякам»²¹⁰.

Св. Григорий выступал также ревностным противником *роскоши* в христианской жизни, как несовместимой и с христианским настроением в отношении будущих небесных благ, и с отношением к бедствующей братии. Если, как мы уже упомянули, по взгляду св. Григория, первым долгом для каждого имущего является то, чтобы делиться своим достатком с неимущим, то ясно, что как бережливость есть тяжкий грех, служащий выражением жестокосердия, что было уже нами указано, так и роскошь свидетельствует об этом же эгоизме, не имеющим ничего общего с христианским настроением. И ветхозаветный прообраз манны²¹¹, и особенно прошение молитвы господней «хлеб наш насущный даждь нам днесь» поучают нас, по взгляду св. Григория, что необходимо в жизни ограничиваться только необходимым. В ярких образах рисует св. Григорий контраст роскоши и параллельно с ней существующей нищеты, чтобы показать всю несовместимость роскоши и всякого рода излишества в жизни христианина, пока в мире существует бедность и недостаток в насущно необходимом. «Вы, сотворенные разумными и имеющие ум, который служит истолкователем и учителем Божественных повелений, не обольщайтесь преходящим... — убеждает св. Григорий. — Определите меру жизни... Что же влечет за собой роскошь? Где ни появится это зло, оно, как болезнь, необходимо влечет за собой и свои бурные последствия. Решившиеся иметь роскошный и изнеженный стол необходимо вовлекаются в постройку великолепных зданий и издерживают много богатства на обширные дома и изысканное украшение их; при этом заботятся о красоте

²⁰⁹ Стр. 472–473.

²¹⁰ «Точное истолкование Екклесиаста Соломонова», беседа IV, т. II, стр. 265–267.

²¹¹ «О жизни Моисея Законодателя», т. I, стр. 307.

одров, убирая их цветными и всячески испещренными коврами; делают очень дорогие серебряные столы... Обрати со мной внимание и на другое: чаши, треножники, кружки, ручной посуд, блюда, бесчисленные ряды стаканов; шутов, актеров, музыкантов, певчих... В то время, как все это совершается внутри дома, у ворот просидят бесчисленные Лазари: одни покрыты тяжкими язвами, другие — с выбитыми глазами, иные оплакивают потерю ног, а некоторые из них совершенно ползают, потеряв лишение всех членов. Но, взывая, они не бывают услышаны, ибо мешает шум труб, песни певцов и грохот сильного смеха. Если же бедные как-нибудь посильнее постучат в двери, дерзкий привратник немилостивого господина, выскочив откуда-нибудь, отгоняет их палками, зовет беспощадных собак и бичами растревляет их раны. И отходят други Христовы, о которых прежде всего говорят заповеди, не получив ни куска хлеба, ни кушанья, с одним прибитком обид и ударов... Двойной грех обитает в этом доме: один — пресыщение упивающихся, другой — изгнание голодающих нищих. Если Господь видит это (а Он, конечно, видит), то что, по вашему мнению, последует за такую жизнь? Не будем мертвы для веры и бессмертны для наслаждений. А такого образа мыслей держимся мы, когда желаем всем жертвовать плотскому обольщению, как домовладыки, имеющие наследников, как постоянные господа на земле... Помыслим, как существа разумные, что жизнь наша преходяща, что время текуче, непостоянно и неудержимо, как какой-нибудь речной поток, который все, что ни попадет в него, несет к конечной гибели»²¹².

Как видим, св. Григорий Нисский на богатство смотрел сходно со св. Василием Великим, хотя взглядов своих не выразил с такой определенностью и силой выражения, как св. Василий. Сходно смотрели святые братья и на бедность, причем св. Григорий Нисский особенно картинно и в то же время сердечно изображал страдания бедняков, которые должны были привлечь любящее внимание христиан. О произвольной бедности св. Григорий говорил мало, хотя, несомненно, ставил такую нищету на высоту нравственной добродетели, так как под «нищими духом», убажаемыми Евангелием, видел и тех христиан, которые добровольно отказывались от своего богатства для следования за Господом²¹³. Но с особенно живым чувством св. Григорий изображает бедствия нищих в собственном смысле слова, и эти изображения говорят с несомненностью о тех сердечных переживаниях страданий бедняков, какими делился св. Григорий со своими пасомыми. Мы позволим себе привести одно из изображений св. Григорием страданий бедняков, чтобы видна была вся *теплота того чувства*, какое изливалось на нищих в древней Церкви со стороны архипастырей ее. «Почему, — спрашивает св. Григорий, — никто из тех (ни-

²¹² «О нищелюбии и благотворительности», слово I, т. VII, стр. 406–411.

²¹³ «О блаженствах», слово I, т. II, стр. 373–374.

щих больных), кого ты видишь, не возбуждает в тебе сожаления? Видишь скитающихся людей: подобно животным рассеялись они для отыскания пищи. Рубища, коими владеют — их одежда; палки в руках — это оружие, это и опора... Дырявая котомка и кусок хлеба, испорченный плесенью и гнилью; эта котомка составляет для них очаг, дом, подстилку, кровать, кладовую, стол и все, что требуется для жизни... Одни нищие с одними собой только общаются... составляя предмет отвращения для других, они по необходимости не гнушаются друг другом. Отовсюду изгоняемые, они, стекаясь друг к другу, составляют особый народ. Видишь ли нерадостных певцов, этот печальный и плачевный хор? Как они делают зрелище из своего безобразного тела, как бы какие показыватели редкостей... Поэты печальных песней, певцы горьких песнопений, слагатели новой и жалкой трагедии, пользующиеся не чужими трагическими рассказами для изображения страданий, но своими собственными бедами пополняющие театральное представление. Какие изображения! Какие повествования! Какие рассказы от них слышим! Слышим, как они были отринуты родителями без всякой вины; как отгоняют их от общественных собраний, праздников и торжеств, как бы каких человекоубийц... Поэтому-то по необходимости бросаются эти жалкие к ногам людей, умоляя каждого встречного. Часто плакал я при этом печальном зрелище... Видел я зрелище, полное слез. Вечно в жизни бедствуя, они имеют постоянный повод для плача... По причине болезни имеют нужду в других, которые вели бы их; а по причине скудости опираются друг на друга... Будучи и каждый сам по себе жалок, они, чтобы более возбудить сострадание людей, слагают вместе взаимные страдания... привлекая милосердие каждый особым каким-либо видом страдания», — и далее св. отец призывает не только к милосердию в отношении таких несчастных, но и к братскому общению в них²¹⁴.

В творениях *св. Григория Богослова* по вопросу об отношении христианина к богатству и бедности встречаются, по существу, те же мысли, что и у двух других «великих каппадокийцев», только св. Григорий Богослов с особенной любовью останавливается на преимуществах в нравственном отношении бедности и отмечает в ней целый ряд таких сторон, благоприятствующих делу духовного возрастания, которые ранее не были отмечаемы, а позднее нашли еще более яркое развитие в творениях Иоанна Златоуста.

Во взгляде *на богатство* св. Григорий оттенял те же стороны его, какие отмечали и другие отцы: *призрачность* и *суетность* богатства по существу его, недоброе влияние на настроение обладающего богатством, несовместимость приобретения богатства и обладания им с истинно братской любовью к ближним. «Здесьние блага, — говорит св. Григорий, — быстро протекают, даются на час и, подобно как камешки в игре,

²¹⁴ «О нищелюбии и благотворительности», т. VII, стр. 418–423.

перекидываются с места на место и переходят то к тем, то к другим; ничего здесь нельзя назвать своим: все или время отнимет, или зависть переведет в чужие руки. Но и это самое, что ни одно из здешних благ не верно людям и не прочно, мне кажется прекрасным: как и все прочее, устроено предусмотрительным Художником... направлено к тому, чтобы мы, усмотрев их непостоянство и переменчивость, скорее устремились к пристанищу будущей жизни»²¹⁵.

«Кто ты, — спрашивает св. отец человека, мысли которого устремлены к приобретению богатства, — отваживающийся на такие дела? Почему так поступаешь? И на что надеешься? Может быть, настоящая ночь застигнет тебя уже мертвым, похитив из среды всего тобой вожделеемого. Как это ужасно! Другие все — и тело, и имущество — приносят в дар Богу, от Которого все; а ты всего домогаешься, все тебе надобно иметь. Что же приобретаешь, какие страшные сокровища? У тебя на столе груды снедей, это отрада узкой гортани, о которой все твои заботы... у тебя огромные дома, в которых большая часть стоит пустой, с золотыми потолками и блещущими картинами; у тебя слуги, наряженные наподобие женщин... у тебя пьянство, лики поющих, дружные рукоплескания, при которых растлевается красота образа Божия... Что же еще у тебя драгоценного? Может быть, хочешь оставить детей богатыми... Это значило бы еще что-нибудь, если бы сбылись твои надежды. А теперь никто не знает, где сотлеет твой прах... Ты трудишься и по дому, быть может, не спишь, и ночи наравне с днями проходят у тебя в заботах; от того больше имеешь горестей, нежели наслаждений... Но это сберегается не для тебя и не для кого ты надеешься, а достанется кому-нибудь, может быть, человеку для тебя стороннему... Так суетны мечты человеческие! Для этого, если можешь что выдумать, присовокупляй к приобретенному, мучь себя, делай насилия, не оставляй без испытания никаких худых мер... Еще немного и богатство... потечет, как излишнее бремя из пресыщенного чрева. Еще немного подождать и наступит суд: или еще здесь, что гораздо лучше, или если не здесь, то в будущей жизни... Примешь ли это или не примешь, но напомним тебе гроб. Это — предел всех худых дел, и у тебя будет такой же конец, как и у всякого»²¹⁶. И всякое богатство, это золото и серебро, искони и прозрачные камни, это «вещество земное, преходящее и на земле остающееся, которого всегда больше имеют злые — рабы дольного, рабы миродержителя»²¹⁷ — всякое богатство не столько доставляет отрады его владельцу, сколько скорбей и греха, делая богатого в одно и то же время *жалким и неправедным*. «Для чего изнурять себя? — говорит святой отец. — Простое дело — доволь-

²¹⁵ «Слово о любви к бедным», т. II, стр. 20.

²¹⁶ «На богатолюбцев», т. V, стр. 183–185, 190.

²¹⁷ Слово I «на Пасху», т. I, стр. 4.

ствоваться тем, что имеешь. А при неумеренном приобретении велик и труд: ссоры, тяжбы, обманы, ложные клятвы; кроме же всего прочего, забота, как мгла, всегда приносит им что-нибудь чуждое... Жадность везде отвратительна, но не такой представляется тебе, у которого разум подавлен. Одним уже владеешь, другого желаешь, третьего надеешься... Ты чтишь золото; снесь моли — одежды — похоронены у тебя в сундуках; всегда окружен ты скупщиками хлеба, торгуешь самым безвременьем. Одни плачут, другие питаются надеждой, потому что надежда есть легкая греза наяву. А ты на одни житницы кладешь печать, а другие предусмотрительно открываешь... Увы! Увы! Ты берешь подать с несчастья бедных, собираешь плоды с чужого невзгодья; затруднительное положение других для тебя своего рода жатва... Не отдать ли тебе одному всю землю? Но если отдадим это, не останется ли еще чего? Что будешь ты делать? Не употребишь ли усилий приобрести и то? Непрестанно будешь трудиться, потому что ты — нищий, пока не получишь остального... Как не утоляет жажды морская вода и любви — продолжительное смотрение на любимый предмет, напротив того, любовь воспламеняется вдвое; так для ненасытных приобретаемое ими делается отравой, которая непрестанно возбуждает в них пожелание еще большего... Многое именуется грехом и действительно грех, но идолослужителем (а это есть самый тяжкий грех в мире) называется тот, кто ничего не знает и не ставит выше денег»²¹⁸. Как видим, св. Григорий в своей речи о любящих богатство ставил *приобретение его в очень тесную связь с обидой ближнего*. Горячий призыв св. отца поэтому — не дозволяй себе «обогатиться нищетой других». «Не отступим, — говорит он, — так далеко от Божией правдивости; не смешаем богатства своего с чужими слезами»²¹⁹. Но и вообще во взгляде *на происхождение богатства*, на начало того порядка жизни, когда люди начали делиться на богатых и бедных, св. Григорий видит *нарушение основного Божественного закона жизни*, как это уже отчасти было отмечено нами в первой главе. «Последуем, — говорит святитель, — высочайшему и первому закону Самого Бога... Который всем человекам даровал в изобилии первые потребности жизни, кои ни власти не подлежат, ни законом не ограничиваются, ни пределами государств не преграждаются, но предложены всем и каждому в богатой мере и, между тем, нисколько от того не оскудевают... А люди, зарыв в землю золото и серебро, дорогие и лишние одежды, самоцветные камни и другие подобные драгоценности — сии свидетельства брани, междоусобия и древнего насилия восхитителей верховной власти — после того, безумные, поднимают еще брови и бедствующим сродникам своим по естеству отказывают в милосердии, не

²¹⁸ «На богатолюбцев», т. V, стр. 183, 186, 191.

²¹⁹ Слово XXIX, т. II, стр. 127.

желая даже излишками своими помочь им в нуждах их. Какое невежество! Какая глупость! Не говорю уже о другом, по крайней мере, то представили бы они, что бедность и богатство, свободное, в обыкновенном смысле понимаемое состояние... в последствии времени появились в роде человеческом и, как некоторые недуги, вторглись вместе с неправдой, которая и изобрела их»²²⁰. По-видимому, уже в дни св. Григория были именующие себя христианами, которые *лицемерно оправдывали пресыщение богатством* наряду со страданиями бедности ссылкой на то, что богатство — дар Божий. Св. Богослов решительно отклоняет такое оправдание. «Когда мы слышим, — говорит он, — слова «нищ и богат сретоста друг друга: обоих же Господь сотвори»; то не думай, будто Господь сотворил одного нищим, а другого богатым для того, чтобы ты еще больше мог нападать на нищего, ибо неизвестно, от Бога ли произошло такое разделение. В сих словах Писания показывается только то, что и нищий, и богатый равно созданы Богом, хотя и неодинакова их внешняя участь»²²¹. По вопросу об отношении к богатству ввиду окружающей нужды св. Григорий, конечно, смотрел согласно со всеми истинными учителями Церкви и видел долг верующего не в том, чтобы хранить и умножать имущество, но *раздавать* его, и поэтому горячо *осуждал всякую роскошь* в жизни христиан. Идеалом в этом случае для св. Григория являлось *совершенное отречение* от имущества, а наименьшей мерой христианской справедливости — поделиться своим богатством с бедными. «Нам должно, — говорит он, — или все оставить для Христа, дабы, взяв крест, истинно следовать за Ним, и сделавшись легкими, развязанными и ничем не увлекаемыми вниз, как на крыльях лететь к горнему миру, и, возвысившись смирением, обогатившись убожеством, в замену всего приобрести Христа; или разделить свое имущество с Христом, дабы и самое обладание имуществом освятилось через то, что мы будем обладать им как должно, и соучастниками в нем будут неимущие. Если же буду я сеять только для одного себя, то скажу словами Иова: пусть я посею, а инии да поядят; вместо пшеницы да взыдет ми крапива; а вместо ячменя — терние»²²². Пусть жгучий ветер убьет и вихрь развеет мой посев так, чтобы все труды мои остались напрасными. Если я стану строить житницы, собирая сокровища от маммоны и для маммоны, то пусть в сию же ночь истяжут душу мою для истребования отчета в злом стяжании богатства»²²³. «Не люби богатства, — увещевает св. отец, — если оно не помогает бедным»²²⁴. «Откажись от всего и стяжи одного Бога...

²²⁰ «Слово о любви к бедным», т. II, стр. 25–26.

²²¹ Там же, стр. 36–37.

²²² Иов. XXXI, 8, 40.

²²³ «Слово о любви к бедным», т. II, стр. 18.

²²⁴ Слово XLIV «На неделю новую», т. IV, стр. 119.

А если не хочешь оставить все, отдай большую часть. Если же и того не хочешь, по крайней мере, излишки употребляй благочестиво»²²⁵. Излишки, то есть все то, что превосходит меру необходимого. Вот, в каких чертах св. Григорий описывает эту *простоту христианской жизни*. «Мы невысоко думаем о богатстве, к которому, аще течет, закон нам повелевает не прилагать сердца; не высчитываем у себя годовых и ежегодных доходов; не тщеславимся грузом стола и приправами для бесчувственного чрева... но живем просто, не запасаясь на завтрашний день, мало чем различаясь от зверей, у которых нет ни сосудов, ни запасов»²²⁶. Вообще св. Григорий горячо восставал *против роскоши*, отмечая с выразительностью ее совершенное несогласие с началом христианской братской любви. Нарисовав потрясающую картину бедствий нищих прокаженных, сонаследников наших перед лицом будущей жизни, св. отец обращается к своим пасомым с призывом к милосердию и отказу от роскоши в жизни. «Что же мы, — спрашивает он, — наследовавшие сие великое и новое имя, чтобы называться по Христе народом святым... учениками крепкого и человеколюбивого Христа... что сделаем? Презрив мы их (нищих прокаженных)? Пробежим мимо?... Нет, братья. Не тому учит нас — овец Своих — добрый Пастырь Христос... не то внушает и природа человеческая... Ужели они будут томиться под открытым небом, а мы станем жить в великолепных домах, расцвеченных всякого рода камнями, блестящих золотом и серебром, где узорчатая мозаика и разнообразная живопись прельщают и приманивают взор? Да еще в одних будем жить, а другие строить?... Они будут трястись от стужи в разорванных рубищах, а может, еще и тех иметь не будут, а мы будем нежить себя, покрываясь мягкой и пышной одеждой, воздушными тканями из тонкого льна и шелка, и между тем как одними уборами будем не столько украшать себя, сколько обезображивать (ибо все излишнее и щегольское я почитаю безобразием), другие наряды... будут лежать у нас в кладовых. Они будут нуждаться — о, пагубная моя роскошь! о, бедственное их томление! — будут нуждаться и в необходимой пище; будут в изнеможении голодные валяться у ворот наших, не имея даже столько сил, чтобы просить, не имея голоса, чтобы рыдать, рук, чтобы протянуть их для приведения нас в жалость, ног, чтобы подойти к богатым... Таково их состояние! А мы, роскошно одетые, будем с важностью возлежать на роскошных и пышных ложах... Нам нужно, чтобы все стихии — и воздух, и земля, и вода — в обилии доставляли нам дары свои, и стол наш весь был уставлен и обременен мясными яствами и прочими хитрыми выдумками поваров и пекарей... Для них много значит утолить жажду и водой, а у нас пенится в чашах вино: пей до упоения, даже до

²²⁵ «Мысли, писанные четверостишиями», т. V, стр. 173.

²²⁶ Слово XXXIII «Против ариан», т. III, стр. 140–141.

бесчувствия, если кто невоздержан. Да еще одно из вин отошлем назад, другое похвалим за его запах и цвет, о третьем начнем с важностью рассуждать... Что это такое, други и братья?... Для чего не спешим, пока еще есть время, помогать сродникам нашим по естеству? Для чего, будучи сами — плоть, не покрываем безобразия плоти? Для чего предаем ся неге, видя бедствие наших братьев? Не дай мне Бог ни жить богато, когда они нуждаются; ни наслаждаться здоровьем, когда не подам помощи к уврачеванию их ран; ни иметь достаточно пищи, ни одежды, ни покойного крова, когда не разделю с ними хлеба, не снабжу их, по возможности, одеждой и не успокою под моим кровом»²²⁷.

Если после изложения взглядов св. Григория Богослова на богатство и должное отношение к нему христиан обратимся к изложению воззрений этого св. отца *на бедность*, то, согласно сказанному, найдем в творениях святителя очень определенное выяснение того отношения, в каком находится имущественная бедность, и особенно добровольная, к делу христианского спасения. Уже одно то, что св. Григорий видел идеальное отношение к имуществу в том, чтобы совершенно раздать его и «стяжать одного Бога», уже это ясно говорит, что, несмотря на ясное сознание неизбежных страданий, связанных с бедностью, св. отец в последней видит *высокие преимущества* в отношении нравственного совершенствования личности. Много раз мы встречаем в его творениях прямые указания на *личную добровольную бедность*²²⁸. И это могло служить естественным побуждением для святителя выяснить перед своими слушателями высокие преимущества бедности, сравнительно с попечением о богатстве и вообще земном благополучии.

Мы не будем приводить отдельных довольно многочисленных выдержек из сочинений св. Григория, где он говорит о преимуществах бедности с этико-христианской точки зрения, так как в общем все, высказанное в отдельных местах по этому поводу, приведено св. отцом к единству в его диалоге «*Сравнение жизни духовной и жизни мирской*». Вот, существенные места этого диалога, имеющие отношение к интересующему нас вопросу. «Жизнь мирская» похваляется богатством и указывает на его преимущества. «Жизнь духовная» похваляется нищетой и говорит о благах, доставляемых ей. Ж. М.: «У меня есть богатство; оно низлагает врагов, снедает завистью злых, приобретает лишь друзей, дает престолы и право величаться в обществе». Ж. Д.: «А у меня есть нищета; она доставляет мне то, что не имею врагов. Безопаснее же возбуждать сострадание, чем зависть. И престолы шатки, и друзья, по большей части, бывают только при времени». (...) Ж. М.: «Но чем нищему обезопасить жизнь? Где у него

²²⁷ «О любви к бедным», т. II, стр. 15–18.

²²⁸ Например: «На богатолюбцев», т. V, стр. 189; слово XXXIII «Против ариан», т. III, стр. 140–141; «Слово о себе самом», т. II, стр. 249 и др.

стрелы, двери, боевые орудия, оруженосцы?». Ж. Д.: «Нужные лишь для того, чтоб не украли тела! Оно одно и небольшое рубище составляют все мое имущество. Разбойник или притеснитель пусть идет к другим... У меня одно богатство — Бог. Если Он приобретен мной, никто Его не похитит, хотя возьмет все прочее... Никто не живет в такой безопасности, как человек бедный. Богач приносит жертвы своей мрежи²²⁹, сам у себя лобзает руку²³⁰, как друга, а не славословит Бога, Подателя благ. И, наконец, собранное им перейдет в руки чужому... Но у меня, если умру, со мной пойдет все, личножитое, ничего не останется ни зависти, ни превратному счастью». Ж. М.: «Как хорошо не смотреть в руки соседям, тогда как другие, может быть, и благочестивые, смотрят мне в руки!». Ж. Д.: «Как хорошо смотреть в руки одному Богу... не делать ничего постыдного из желания приобрести... не искать удовольствия в пресыщении и в удовлетворении чрева... Мое лакомство — хлеб; для меня самая вкусная приправа — соль, имея их, презираю затеи роскошных, как горечь». Ж. М.: «Мое наслаждение — благовоние мазей, песни, рукоплескания, мерные перегибы ног под лад многозвучных органов». Ж. Д.: «А по мне, за сие-то самое и худо богатство, как учитель пороков. Для нас лучше твоих органов псалмопение, которое настраивает душу для мысленного мира. Всякого же мира благоуханнее Христос... Я рукоплещу, когда вижу падение моего убийцы, внушившего мне какое-нибудь худое слово или дело. У меня есть и пляска — это восторжение к Богу». Ж. М.: «Ты, может быть, скажешь еще, что нищета помогает в болезнях, служит лучшим врачеванием для раба». Ж. Д.: «Этого не скажу, потому что неправда. Лучше пусть будет сказано, что справедливо. Бедный гораздо крепче силами, нежели достаточный... Он терпит голод и стужу, в полдень опалится солнцем, утомляется ходьбой, обременяется ношами, мокнет на дожде... Что еще сказать о презорстве, о гневе, об исступлении, о дерзости, о пьянстве, о необузданном смехе, о срамном смехе, о пренебрежении Бога, родства, дружбы? Все это не в той мере бывает в бедных, как в богатых, потому что богатство приносит с собой... погибель... Ты презираешь нищих, как будто у них другой Бог; но я знаю одну тварь, знаю, что все явимся на один суд... Ты превозносишься удобствами жизни, а меня уцеломудривает страх. Ничто не кажется тебе страшным, ты не боишься и самых великих пороков, потому что роскошная жизнь препятствует тебе судить здраво. А мне и малые проступки кажутся достойными слез. Как же могу стерпеть, когда утрачиваю Бога? У тебя спокойный сон, удобно лежит ребро с ребром, для тебя приятны сновидения... Меня пугают видения жестокой ночи: суд, Судия неподкупный, трепетное предстояние судилищу... И Бог тебе в Бога, когда только подает во всем успех; а для меня Он

²²⁹ Ав. I, 16.

²³⁰ Иов. XXXI, 27.

досточтим, хотя посылает и противное... Чем сильнее меня угнетают, тем более приближаюсь к Богу; страдания теснее соединяют меня с Богом... Мне и в голоде, и в холоде, и в скорби опора и отрада — Бог. Обижай меня, бей, укоряй в подлости рода и нищете, попирай, притесняй... я все терплю для Бога, к Нему обращаю взоры, простираюсь мыслью в жизнь последующую, тем успокаиваюсь, но не знаю ничего другого... Для меня достаточно Бога, хотя бы все прочее присвоил себе другой»²³¹. При этом св. Григорий с определенностью оттенял, что истинную силу и нравственное величие бедности придает *добровольность подвига* ради высших целей духовного совершенствования. «Но что же, — слышит св. отец искушающий голос, — разве и у тебя (бедного) нет болезней и бедствий? Не скудна ли и не бездомна ли твоя жизнь?» «Опять, — отвечает святитель, — ты хватаешься за чужие бедствия. Что тебе до этого? Это мои несчастья... Но послушай еще: у нас с тобой и страдания неравны. Из этого иное сам я избрал, а не поневоле стражду. Добровольно хочу быть нищим и скитальцем, чтобы освободиться от уз и не на земле иметь свое постоянное жилище. Для тебя все это дорого, а для меня напротив... Ты считаешь это бедствием? Оно, и действительно, для тебя бедствие. А для меня хоть и болезненно, потому что и я, как человек (не отрекусь от этого), имею перстный состав, ношу в себе следы древа и доставленного им удовольствия, однако же я переносу это и даже терплю с любовью. Мое страдание лучше твоей крепости»²³². «Охотно бы совлек я с себя и сии рубища, чтобы без них идти по терниям жизни! Охотно, как можно скорее сложил бы с себя и этот тяжелый хитон, чтобы получить более легкий»²³³. «Всего безопаснее человек неимуший. Он обращен к Богу и на него одного взирает»²³⁴.

Таково согласное в основах учение о богатстве и бедности великих каппадокийцев, и мы вправе рассматривать их учение как выражение мыслей всего православного Востока этого периода. Но с наибольшей полнотой, редкой выразительностью и горячей убежденностью воззрения православно-церковной мысли на древнем христианском Востоке по интересующему нас предмету выражены величайшим из учителей Церкви *св. Иоанном Златоустом*. Св. Иоанн стоит всецело на той же почве при разъяснении интересующего нас вопроса, на какой утверждались и предшествовавшие отцы Церкви. Но в беседах св. Иоанна вопрос рассматривается так *всесторонне*, а церковные воззрения выражены так *выразительно* и резко определено, что эти беседы должны быть признаны *совершеннейшим выражением христианского церковного сознания* по вопросу об отношении к богатству и бедности. Поэтому мы и попытаемся изложить взгляд св. Иоанна в воз-

²³¹ Т. V, стр. 159–165.

²³² «На богатолюбцев», т. V, стр. 189.

²³³ «Слово о себе самом», т. II, стр. 249.

²³⁴ Т. V, стр. 173.

можно стройной системе, по возможности не опуская ничего существенно важного, с одной стороны, и соблюдая соразмерность в раскрытии частных сторон предмета — с другой. Наша задача — проникнуть в самый дух учения святителя, не утверждаться на отдельных его выражениях, но стремиться постигнуть основы святоотеческих воззрений и притом дать возможность самому читателю проверить правильность наших обобщений через приведение или указание целого ряда мест в творениях св. Иоанна, относящихся к уяснению известного вопроса. Дать такую возможность мы считаем своим долгом, особенно в отношении св. Иоанна Златоуста. Достаточно, конечно, известно, что в религиозно-этической и исторической литературе были попытки *характеризовать до противоположности различно* отношение великого учителя Церкви к имущественному вопросу. Одни готовы были видеть в нем озлобленного врага привилегированных классов и богатых, своего рода вождя демократии, а другие — защитника тех взглядов на богатство, какие так усердно развиваются в нашей современной литературе. Первые суждения высказывались еще многими современниками святителя и повторяются до наших дней в известных кругах религиозно-общественной мысли. По этому поводу мы ничего не можем сказать больше того, что было сказано *в отношении своего учения самим Иоанном Златоустом*. Так как эта сторона дела имеет принципиальное значение для выяснения основной идеи, лежащей в центре воззрений св. отца, то мы позволим себе привести некоторые места из бесед св. Иоанна, где он касается *неправильного понимания его учительства в смысле ненависти к богатым*. «Опять, скажут мне, ты против богатых? — говорит в одной из своих бесед святитель, очевидно слышавший такие упреки. «А вы, — отвечает святитель, — опять против бедных?... Вы не насыщаетесь, пожирая и терзая бедных, а я не насыщаюсь, исправляя вас... Я не против богатых, но за богатых... Скажешь: ты ненавидишь меня. Нет, я люблю тебя. Я имею заповедь Господа моего: любите враги ваша. Я не перестану врачевать тебя... Разве тебя я преследую? Я преследую страсть твою. Разве с тобой я сражаюсь? С пороком твоим. И ты не считаешь меня благодетелем, не считаешь меня покровителем, не считаешь меня твоим защитником больше всех? Кто же другой скажет тебе об этом?... Все боятся тебя, а я не смотрю на тебя... не боюсь тебя... презираю страсть твою. Я делаю разрез, ты кричишь, но я не боюсь крика твоего, а желаю твоего спасения, потому что я — врач»²³⁵. Стоя на такой именно духовно-пастырской точке зрения, св. Иоанн положительно утверждает, что в своих призывах на защиту бедных и обличениях богатых он больше заботится о душах последних, чем о бедных, которые получают свое утешение²³⁶. «Я об одном только забочусь — о преуспевании слушателей. И бедные — мои дети, и богатые — мои дети; одна и та же утроба болела обоими, в одних и тех же

²³⁵ Беседа на Пс. CL, т. V, стр. 565–566.

²³⁶ Беседа XXVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 177.

муках родились и те, и другие. Пусть убивает, кто хочет, пусть ненавидит, кто хочет, пусть злоумышляет, кто хочет»²³⁷.

И действительно, каждый, кто знаком с беседами св. Иоанна Златоуста, не может не почувствовать, что его гневные речи против богатых это не речи страстного агитатора, призывающего к борьбе одних против других, но речи *любящего отца*, только не льстивые, не искательные, а дышащие огненной ревностью о правде Божией на земле и о спасении душ человеческих. Св. Иоанн не мог говорить иначе, как любящий отец, он не мог ненавидеть богатых по тому одному, что в богатстве он видел обманчивый призрак, а не благо и жалел бедных, страдал за них пастырским сердцем, как за людей в христианском смысле больных душевно, идущих по опасному жизненному пути.

Что касается попыток представить св. Иоанна принципиальным защитником того взгляда, будто богатство есть всегда дар Божий, что оно вполне совместимо со званием христианина, и последний может «хранить и умножать» свое богатство под рыдания и стоны нищеты, то ясно, откуда могут исходить такие попытки: оттуда, где хотят и Христовым именем оправдать все неправды нашей жизни. Понятно желание таких лиц и целых учреждений и св. Иоанна Златоуста нарядить в свои одеяния. Но поверит этим речам только тот разве, кто поленится прочитать хотя бы один том творений св. отца. Сомнений нет, например, что когда Златоуст рассматривает богатство само по себе, как собрание предметов внешнего мира, следовательно — творение Бога, то он решительно заявляет, что не богатство — зло, а худое его употребление. И весь вопрос именно в том, какое употребление богатства св. отец считает добрым: то ли, какое проповедует современными богословами и пастырями, или же то, какое заповедано Христом Спасителем. Изложение воззрений св. Иоанна выяснит для нас этот вопрос, и начать такое изложение нам кажется всего удобнее с выяснения взглядов св. отца на самую природу богатства, почитаемого за благо в нашей жизни.

Рассматривая *богатство само по себе*, св. Иоанн Златоуст с особенной силой оттеняет то положение, что в отношении к жизни богатство есть *нечто несущественное* и само по себе не может быть ни почитаемо за благо, ни называемо злом. И богатство, и бедность в настоящей жизни это как бы *театральные маски*. «Посему, — говорит святитель, — как ты, сидя в театре и увидев кого-либо из играющих внизу представляющим лицо царя, не называешь его счастливым и не считаешь за царя... не считаешь его счастливым за маску и одежду и не по ним судишь о его жизни... так и здесь, в мире, как бы сидя в театре и смотря на играющих

²³⁷ «О богатстве и бедности», т. XII, стр. 357–358; сравни: беседа «когда Евтропий был схвачен», т. III, стр. 412; беседа «когда Сатурнин и Аврелиан были отправлены в ссылку», т. III, стр. 431.

на сцене, когда увидишь многих богатеющими, не почитай их истинно богатыми, но только представляющими мнимые лица богатых... Если снимаешь с него маску, раскроешь совесть и вникнешь в душу, то найдешь там великую бедность в добродетели и его — самым бесчестным из всех людей... Ибо как в театре по наступлении вечера... эти представлявшиеся всем царями и военачальниками... являются уже тем, что они на самом деле; так и теперь, когда приходит смерть и зрелище закрывается, все отходит туда, сложив с себя мнимые виды богатства и бедности и только судя по делам оказывается, кто из них истинно богатые и кто бедные»²³⁸. Богатство в жизни — это лишь «обольстительное название» и нисколько не лучше *сновидения*. Как те, которые грезят во сне, будто они обладают богатством, хотя бы казались обладателями царских сокровищ, с наступлением дня бывают беднее всех, так и тот, кто из настоящей жизни ничего не может принести туда, будет беднее всех, хотя бы здесь обладал всем, потому что он богат только во сне»²³⁹. Поэтому именно с христианской точки зрения «и богатство — ничто, и бедность — ничто, и бесчестье — ничто, и честь — ничто... и различается одно от другого одним только названием»²⁴⁰. Поэтому «и богатство не есть добро, и бедность не есть зло, но и то, и другое сами по себе безразличны»²⁴¹. «Богатство — не зло, но зло — худое употребление богатства; ни бедность — не добро, но доброе пользование бедностью — добро... Из предметов одни хороши по своему свойству, другие — напротив, а иные ни хороши, ни худы, но занимают среднее место. Благодетель хорошо по своему свойству, нечестие худо; добродетель хороша, порок худ; *а богатство и бедность сами по себе — ни то, ни другое*, но по воле пользующихся ими становятся или тем, или другим... сами по себе они вещи безразличные»²⁴², и на небо ведет не богатство и не бедность, но «добрая воля»²⁴³. Отношением последней к богатству и бедности и определяется их моральная ценность. И как только проповедник становится на эту именно *этическую точку зрения* — естественную для него, как имеющего в виду воспитать добрую волю у своих пасомых — то он с силой и горячностью, с удивительным постоянством и настойчивостью оттеняет ту мысль, что *богатство является великим соблазном* в жизни христианина, опасным подводным камнем на пути нашего плавания по житейскому морю и, будучи само

²³⁸ «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 794.

²³⁹ Беседа на Пс. XLIII, т. V, стр. 168.

²⁴⁰ Беседа XXXVIII на 1 Кор., т. X, стр. 396.

²⁴¹ Беседа II на 2 Фес., т. XI, стр. 587.

²⁴² «Беседа о том, что не должно разглашать грехов братий», т. III, стр. 366–367; сравни: беседа на слова пророка: «Аз Господь Бог, сотворих свет и тьму», т. VI, стр. 436 и др.

²⁴³ Беседа X на послание к Филиппийцам, т. XI, стр. 313.

по себе (богатство) чем-то несущественным, как призрак, сон, может приносить страшные плоды²⁴⁴. Ввиду такой возможности св. Иоанн Златоуст оттеняет *отрицательные стороны богатства* в отношении истинной цели нашей жизни с поражающей полнотой и яркостью. Он, прежде всего, со всей выразительностью опровергает то естественное заблуждение, что *богатство является жизненным благом*, и указывает как на его *ничтожество* перед лицом вечной жизни, так и на постоянные *страдания*, специально присущие богатым, неразрывно связанные с обладанием богатством. А затем картинами страданий бедных и рядом доказательств, что обладание богатством без помощи бедным само по себе есть *величайшее преступление*, побуждает видеть истинное обогащение в *раздаче* имущества. Сам св. отец говорит о необходимости соблюдать известную *постепенность* в наставлении богатому: не нужно «тотчас говорить, что богатство есть зло», но постепенно приводить мысль к этому сознанию указанием сначала на «богатство истинное, доставляющее радости вечные» и на то, что не нужно обогащаться путем корыстолюбия и насилия. «Расположив их (богатых) к себе такими словами, не будем еще говорить им о геенне, потому что больной сначала не может переносить этих напоминаний, а будем в рассуждениях своих касаться более предметов настоящих»; и далее св. отец рисует, о чем именно рассказывать: о страданиях и скудости бедных, благодаря чему даже зверь будет поражен и почувствует сострадание. Дальше говорить о превратности судьбы и «другими страшными событиями трогать их душу»... «Когда же увидим, что они тронуты этими рассказами, тогда, наконец, будем говорить с ними и о геенне... Вразумляя их такими рассказами, мы исправим и их, и себя самих, скоро исцелим их от болезни»²⁴⁵.

Таким именно путем и идет сам проповедник, останавливая мысль своих слушателей, прежде всего, на *призрачности богатства*, почитаемого за благо. Множество мест в его беседах рисуют ничтожество благ, доставляемых богатством, перед лицом одного неизбежного факта человеческой жизни — перед лицом смерти. Это любимая мысль проповедника, когда он говорит о богатстве и стремится отвлечь от забот о нем своих пасомых. «Доколе ты богат, а тот беден? — спрашивает св. отец. — До вечера, не долее. Жизнь так коротка, и все уже при дверях, так что на все нужно смотреть, как на короткий час»²⁴⁶. «Не убойся, егда разбогатеет человек... Если богатый обольщает тебя при жизни, то посмотри на него во время его кончины. Отходя отсюда, берет ли он что-нибудь с собой из своего богатства? Он умирает, и лежит нагим тот,

²⁴⁴ Беседа XXXVI на 1 Кор., т. X, стр. 376.

²⁴⁵ Беседа XI на 1 Кор., т. X, стр. 106–108.

²⁴⁶ Беседа LXXVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 518–519.

который облакался шелковыми одеждами... лежит нагим в яме, и раб отходит и приходит, и никто из них не заботится о нем... Он отошел, и ничто не осталось после него... Отходя отсюда, он не может взять ничего... выносятся один. Его превозносят похвалами, но что от этого ему?... Отходит в гроб тот, кто расхищал все, помещается на трех аршинах земли, и больше ничего; перед лицом его — земля и крышка гроба... Где же богатство? где слуги? где великолепие? где пространный и прекрасный дом? Все оставляет его... И этим оканчивается все? Да, потому что он отошел, не имея при себе ничего собственного»²⁴⁷. И перед таковой совершенной беспомощностью богатого при смерти горькой иронией является пышность при его погребении. «Умре же богатый и погребоша его... Не оставляй, — говорит св. отец по поводу этих слов в евангельской притче, — без внимания, возлюбленный, слов «погребоша его», но представь здесь посеребренные столы, постели, ковры, покрывала, все прочие домашние вещи, масти, ароматы, множество вина, разнообразные яства, сласти, поваров, льстецов, оруженосцев, рабов и всю прочую роскошь померкшей и исчезнувшей... Все — пепел, все — прах и пыль, слезы и вопли; никто уже не может ни помочь, ни возвратить отошедшую душу. Тогда обличилась сила золота и великого богатства... Он отводим был нагим и одиноким, бессильным унести отсюда что-нибудь из такого богатства, оставленным всеми, беспомощным... Пришла смерть и все истребила»²⁴⁸. *Смерть*, таким образом, является *уравнительницей людей* и перед ее призраком теряется всякое утешение богатством. И последнее не имеет благодаря этому *истинной ценности* и — *ничто* по сравнению с безмерной ценностью будущей жизни, нашего истинного блага. Господь учит нас, по словам св. Иоанна, «презирать блага здешние», а все богатство наше заключено в благах будущих²⁴⁹. Богатство — тень и дым сравнительно с безмерной ценностью нашей вечной души²⁵⁰, для которой истинное богатство — в блаженной будущей жизни²⁵¹. Но и в земной жизни ошибочно считать богатство за благо и в нем полагать опору счастья. Богатый человек — «богатый только до вечера» и в этой кратковременной жизни не может наслаждаться покоем, но всегда полон тревог за свое богатство; и справедливо, так как это — не надежное убежище в жизни. «Истинное богатство, — говорит св. отец, — состоит в благах совершенных и не подверженных никакой перемене. Но... нет ничего столь ненадежного, как богатство: это беглец неблагодарный, раб неверный;

²⁴⁷ Беседа на Пс. CL, т. V, стр. 573.

²⁴⁸ «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 793–794.

²⁴⁹ Беседа на Пс. IV, т. V, стр. 30.

²⁵⁰ Беседа на Пс. XLVIII, т. V, стр. 239.

²⁵¹ Например, Беседа XXXIX на I Кор., т. X, стр. 396.

наложи на него тысячу цепей — он уйдет и с цепями... Что может быть ненадежнее богатства? Что жальче тех, которые так заботятся о нем? Они всеми силами стараются собрать то, что так скоро гибнет и исчезает»²⁵². А между тем, соби́рание и охранение богатства — это не радость и утешение для человека, но всегда *труд и забота*, а нередко и своего рода подвижничество. «Те, которые надеются на блага житейские, не лучше птицы, которая, надеясь на пустыню, делается легко уловимой для всех. Таков надеющийся на богатство. Как птица уловляется и детьми и сетями, и силками, и другими бесчисленными средствами, так и богатый уловляется и друзьями, и врагами. Он живет даже в большей опасности, нежели птица, имея множество людей, которые ловят его... Он боится и гнева царя, и коварства от льстецов, и обмана от друзей. Когда восстают на него враги, он трепещет больше всех; и когда бывает мир, он опасается козней, потому что не имеет богатства прочного и неотъемлемого»²⁵³. «Кратковременно богатство... и, что еще хуже, оно не только подвергает человека опасностям тогда, когда оставляет его, но еще прежде, нежели оставить, тревожит и смущает его. Не смотри на то, что он одет в шелковые одежды, умащен благовониями, окружен слугами; но посмотри в его совесть, обнажи его душу, когда он еще богат, и ты увидишь внутри него бури и смятения... не убойся, егда разбогатеет человек... Почему боишься человека, который сам всегда находится в страхе? Почему боишься человека, который всегда находится в постоянном трепете? Раб твой не боится тебя, когда ты в отсутствии; а богатый носит своего господина внутри себя: куда бы он ни пошел, любостыжание следует за ним и делает врагами всех: и родных, и домашних, и друзей, и завистников, и благодетелей»²⁵⁴. Пристрастный к богатству «и родства не знает, ни знакомства не помнит... никого не имеет другом, но ко всем проявляет враждебное расположение; больше же всех — к самому себе, не потому только, что губит душу свою, но и потому, что обременяет себя бесчисленными заботами, трудами, печальями»²⁵⁵. «Ты завидуешь, что такой-то богат? Между тем, *онто и достоин сожаления и слез*. Но ты скажешь тотчас с усмешкой: я достоин слез, а не он. И ты достоин слез: не потому, что беден, а потому, что считаешь себя жалким... Почему ты завидуешь богачу? Потому ли, что он подвергает себя большим беспокойствам и тягчайшему рабству? Что он своими стяжаниями связан, как бы какой пес, бесчисленными цепями? Пришел вечер, настала ночь, но для него и это время

²⁵² Беседа II о статуях, т. II, стр. 32–33; сравни: беседа «когда Евтропий был схвачен», т. II, стр. 411; беседа IX на I Кор., т. X, стр. 106 и мн. др.

²⁵³ Беседа на Пс. X, т. V, стр. 137.

²⁵⁴ Беседа на Пс. CL, т. V, стр. 562–563.

²⁵⁵ Беседа LXXXVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 597.

есть время смятения, неудовольствия, печали и заботы. Послышался шум? Он тотчас вскочил. Кого-нибудь ограбили? Он, не лишившись ничего, беспокоится более того, кто лишился... Он озабочен непрестанно, даже когда настает ночь, предел наших бед... Угрожает смерть? Он более смерти поражается тем, что его стяжания достанутся другим. Имеет дитя? Хочется ему быть богаче, и все-то ему кажется, что он беден. Не имеет детей? Еще больше скорбит. Ужели же ты считаешь счастливым того, кого ничто не может порадовать? Тому ли, кого обуревают волны, завидуешь ты, находящийся в тихой пристани — бедности?»²⁵⁶. Уже одна *ненасытность* богатого делает его несчастным и не владыкой своего достояния, но жалким трепещущим рабом его. «Не столько имеют препятствий, — говорит св. отец, — на пути к спасению те, которые владеют немногим, сколько те, которые погружены в бездну богатства, потому что страсть их к богатству тогда бывает сильнее. И я никогда не перестану повторять, что приращение богатства все более и более возжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего, возбуждая в них беспрестанно новые пожелания, заставляет через то сознать всю свою нищету»²⁵⁷. «Научимся богатых не называть блаженными, а бедных — несчастными... *Богат не тот, кто имеет многое*, но тот, кто не нуждается во многом... Итак, если ты увидишь кого желающим многого, то считай его беднее всех, хотя бы он владел именьями всех... Мы обыкновенно судим о богатстве и бедности по расположению души, а не по мере имущества... непрестанно желающих и жаждущих чужого никогда не будем считать здоровыми и наслаждающимися здоровьем»²⁵⁸. «Кто владеет многим, становится рабом многого»²⁵⁹. Нет ничего неразумнее раба денег: будучи обладаем, он думает, что обладает; будучи рабом, он думает, что господствует; наложив на себя цепи, он величается, как будто властвует над всеми... Итак, не думай, что от обладания богатством для тебя происходит какое-либо удовольствие... Если ты желаешь быть богатым, то никогда не перестанешь мучиться, потому что любовь к богатству бесконечна, и чем дальше ты будешь идти, тем дальше будешь отстоять от конца, и чем больше будешь желать чужого, тем сильнее будут увеличиваться мучения... Подобно тому, как узника ты считаешь особенно несчастным, когда видишь его с цепями на спине и на руках, а часто и на ногах; так точно и богатого, когда увидишь его владеющим бесчисленными именьями, считай по тому-то самому несчастным. Вместе с другими *узами* он имеет и *жестокоего тюремщика* — несчастную любовь к деньгам, который не позволяет ему переступить за

²⁵⁶ Беседа II на послание к Филиппийцам, т. XI, стр. 238–239.

²⁵⁷ Беседа LXIII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 645.

²⁵⁸ «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 790.

²⁵⁹ Беседа на слова: «целуйте Прискиллу и Акилу», т. III, стр. 197.

порог этой темницы... ввергая его во внутреннюю темницу, убеждает и услаждается этими узами, чтобы он не нашел даже какой-нибудь надежды на освобождение от угнетающих ран»²⁶⁰.

Вообще св. Иоанн Златоуст постоянно утверждает, что *блага жизни, доставляемые богатством, по существу призрачны*. Не раз он сравнивает эти блага с теми страданиями, какие неразлучны с богатством, и приходит к выводу, что последние далеко перевешивают удовольствие. Так, если богатство как будто бы гарантирует защиту от голода, то зато оно представляет много других случаев быть убитым и погибнуть²⁶¹. Самая роскошь богатых — не условие счастья для них. Самые трапезы богатых, при всем их изобилии, доставляют богатым много вреда от пресыщения и менее утешения, чем скудное пропитание бедняка²⁶². Если богатый имеет много, то он лишь страж своего имущества и услаждается лишь одним представлением: что это мое²⁶³. Если богатый думает, что он страшен для других, то гораздо более сам всех должен бояться. Если богатый услаждается тем, что ему завидуют, то ошибочно: это должно быть не предметом гордости, но скорби. Богатого не веселит ни небо, потому что оно не приносит ему золота, ни солнце, потому что оно не испускает золотых лучей. А если богатые не скупы, но делают громадные издержки на удовлетворение прихотей и страстей, то они вдвойне несчастны, «потому что, кроме той страсти (к деньгам), поработаются еще множеству других: служат каждый день, как лютым владыкам, чреву, сладострастию, пьянству и другим видам невоздержания»²⁶⁴. Все удовольствия, какие только может доставить богатство, и честь, какая оказывается богатому, и та власть, какой обладает богатый — все это, по воззрению святителя, пыль, и стыд, и зло. *Удовольствия* быстротечны и «проходят, скорее пыли». «Если *честь* приобретена не усилием воли, не доблестью душевной, то не ты пользуешься честью, а богатство: такая честь делает богача бесчестнее всех... Лучше умереть, чем пользоваться такой честью»²⁶⁵. *Та слава*, которой гордятся богатые, это высший позор их, так как эта слава не им принадлежит. «Не убойся, егда разбогатеет человек, или егда умножится слава дому его, — приводит святитель слова псалма и продолжает. — Когда ты войдешь в дом какого-нибудь богача, и увидишь огромные колонны, золотые карнизы, обложенные мрамором стены, фонтаны... множество слуг, устланный коврами пол... то все это — слава дома, а не слава

²⁶⁰ «О богатстве и бедности», т. XII, стр. 564.

²⁶¹ Беседа X на Ев. Матфея, т. VII, стр. 98.

²⁶² «Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может», т. III, стр. 484.

²⁶³ Беседа LXXXIII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 833.

²⁶⁴ Беседа LXXXIII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 833–834.

²⁶⁵ Беседа VII на послание к Колоссянам, т. XI, стр. 414–415.

человека. Славу человека составляют благочестие, скромность, милосердие, кротость, смиренномудрие, мир, правда, нелицемерная любовь ко всем; все это — слава человека. Богатство... только украшение дома. Стены обложены мрамором — какое же отношение к человеку, живущему в них? Потолки в золоте — какое отношение к их владельцу? Главы колонн золотые — какое отношение к голове хозяина, оскверненной грехами? Пол чист? Но совесть не чиста. Одежды шелковые? Но душа покрыта рубищем. Дом богат? Но хозяин дома — нищий... Всегда ты говоришь о стенах, всегда о мраморах, всегда о фонтанах... Сам хозяин остается не увенчанным, а вещи, находящиеся около него, удостаиваются похвал»²⁶⁶. Наконец, что касается *власти*, принадлежащей богатому, то она может выразиться лишь в мести врагам, что свойственно только диким и свирепым зверям. И «по этому самому нужно избегать богатства... Мщение есть столь великое зло, что и Божие человеколюбие прекращалось от него»²⁶⁷. Вообще, таким образом, радость богатых призрачна, и если сумеешь отрешиться от этой призрачности, то могло бы легко стать ясным, что богатые нередко суть нищие, душа которых одета в рубище, и одинока, и беззащитна»²⁶⁸.

Таким образом, мы видим, что св. Иоанн Златоуст очень часто обращался к доказательству того, что богатство — не благо для владеющих им и приносит с собой далеко не одни радости. Но это лишь как бы подготовительная ступень к той собственно этической оценке богатства и характеристике богатых, какие делает св. отец с христианской точки зрения. *Собственно нравственная оценка* имеет всегда исходным пунктом то положение, в каком находится известное явление жизни, а в том числе, конечно, и богатство *к воле человека*. И с этой точки зрения отношение св. Иоанна к богатству, вообще говоря, *отрицательное*: св. отец находит несоединимым «хранение и умножение» богатства с доброй волей христианина и христианское отношение к богатству видит, прежде всего, в его раздаче, «разделении с неимущими». И в выражении этих своих убеждений св. отец оставался всегда строго последовательным, не останавливаясь ни перед какими возражениями в защиту возможности для христианина безраздельно владеть своим богатством. Если он в своих поучениях делал уступки и приглашал пожертвовать в пользу бедных хоть половину и даже десятую часть своего имущества, то лишь определенно указывая на факт общего сребролюбия, характеризуя настроение своих современников-христиан такими чертами, которые говорили об очень далеком расстоянии богатых пасомых святителя от идеала христианской любви.

²⁶⁶ Беседа на Пс. СЛ, т. V, стр. 572–573.

²⁶⁷ «Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может», т. III, стр. 486.

²⁶⁸ Беседа IV на послание к Римлянам, т. IX, стр. 522–523 и др.

Это мы раскроем ниже; теперь же переходим к изложению воззрений св. Иоанна Златоуста *на богатство в его отношении к воле человека*, то есть, частнее, к долгу любить ближних и к делу своего спасения. В обоих этих направлениях, неразрывно связанных между собой, св. Иоанн видит в богатстве явление ненормальное, не совместимое с истинно христианским настроением в отношении к ближним и Небесному Царству. Если богатство не раздают нуждающимся, то оно неизбежно, с точки зрения святителя, является «злом и коварством» уже по одному тому, что «один владеет тем, что принадлежит Господу, и что один пользуется общим достоянием... Если наши блага принадлежат общему Владыке, то они в равной степени составляют достояние и наших сорабов: что принадлежит Владыке, то принадлежит вообще всем»²⁶⁹. И если последовательно утверждаться на такой исходной точке зрения, то неизбежно логически прийти к такому заключению, что *всякое богатство*, хотя бы то и наследственно полученное, и приобретенное честным путем, есть по самому своему происхождению «*неправедное*», соединяемое всегда с большей или меньшей обидой ближнего. Такой взгляд и выражается св. Иоанном с совершенной определенностью. «Не с богатством приходит правда», по словам святителя²⁷⁰, но совершенно напротив: всякое богатство имеет в корне какую-либо неправду. «Невозможно, — рассуждает св. отец, — разбогатеть тому, кто не делает несправедливости. На это и Христос указывает, говоря: сотворите себе други от маммоны неправды. Но что, скажешь ты, если кто-нибудь от отца получил наследство? Он получил собранное неправдой. Ведь, без сомнения, не от Адама предок его был богат, но, конечно, многие другие прежде него являлись на свет и между многими мог найтись такой, который незаконно похитил и воспользовался тем, что принадлежало другим... Поэтому скажи мне: откуда ты приобрел богатство? От кого ты получил его? А другой откуда взял? От деда, скажешь ты, от отца. Но можешь ли ты, восходя через длинный ряд поколений, доказать таким образом, что имущество это законно приобретено. Никак не можешь этого сделать. Напротив, *начало и корень его непременно должны скрываться в какой-нибудь несправедливости*. Почему так? Потому, что сначала Бог не сделал одного богатым, а другого бедным»²⁷¹.

Поэтому, между прочим, св. Иоанн *восстает против того обычного словоупотребления, что богатство дается человеку Богом*. Доказывая бесполезность богатства, св. отец предвидит такое возражение: «Если, скажешь, богатство бесполезно, то для чего оно дано Богом? А откуда известно, что богатство — от Бога?... Откуда же, скажешь, богатые? Ведь сказано: богатство и нищета от Господа. Но спросим возражающих нам:

²⁶⁹ Беседа XII на 1 Тим., т. XI, стр. 704.

²⁷⁰ Беседа XIX на 2 Кор., т. X, стр. 642.

²⁷¹ Беседа XII на 1 Тим., т. XI, стр. 703–704.

всякое ли богатство и всякая ли бедность от Господа. Кто может сказать это? Мы видим, что многие собирают великое богатство хищением... и, владея им, даже недостойны жизни. Что же, отвечай мне, можно ли сказать, что это богатство от Бога? Нет. Откуда же? От грехов... Итак, Писание говорит ложь? Да не будет! Но заблуждаются те, которые не исследуют всего написанного с надлежащим тщанием. Ведь если известно, что Писание неложно, и если доказано, что не всякое богатство от Бога, то недоумение происходит от вины невнимательных читателей... Бог не одинаково беседует со всеми, подобно, как и мы не одинаково говорим с детьми и с людьми взрослыми. Когда же это сказано, кем и кому? Соломоном в Ветхом Завете иудеям, не знавшим ничего, кроме предметов чувственных и по ним судившим о силе Божией... Таким образом они судили о Боге, потому премудрый говорит им, что для Бога возможно и это — делать и богатыми, и бедными; не потому, будто Он непременно делает это, но может делать, когда хочет»²⁷². Поэтому, например, если богатеют люди злые, неправедные, преступные, хищники, лихоимцы, то «не Бог дарует им это, нет. Но как же Бог попускает? Как попускал некогда и богачу, соблюдая его для большого наказания»²⁷³. «*Бог попускает* таким людям делаться богатыми, потому что Он долготерпелив и хочет привести нас к покаянию; потому что Он уготовал геенну и назначил день, в который будет судить Вселенную... Он долго терпит, призывая всех к покаянию»²⁷⁴.

Таким образом, по взгляду св. Иоанна, *то разделение людей на богатых и бедных*, какое существовало в его время, существует теперь и, конечно, переживет века, что такое деление *в основе имеет начало неправды*, как это более подробно было выяснено в первой главе настоящего сочинения, и всякое богатство *в процессе приобретения* соединяется с известной, хотя бы и незаметной на первый взгляд, несправедливостью в отношении к ближним.

Но и независимо от процесса приобретения богатства, *самый факт обладания им*, хранение его и умножение говорит *о недостатке истинно христианской любви к ближнему*. Эту мысль свою св. Иоанн Златоуст поясняет, между прочим, на конкретном примере евангельского богатого юноши. По мысли св. отца, юноша очень ошибался, когда с уверенностью ответил Господу, что соблюдает заповедь о любви к ближнему, так как такое исполнение несовместимо с фактом обладания богатством. «Юноша, — говорит св. отец, рассказав евангельскую беседу, — сам себя обличил в пустом самодовольстве: ведь если он жил в таком изобилии, а других, находившихся в бедности, презирал, то как же он мог сказать, что возлюбил ближнего. Значит, и то (что исполнил заповеди) говорил

²⁷² Беседа XXXIV на 1 Кор., т. X, стр. 349–351.

²⁷³ Беседа XLIV на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 288.

²⁷⁴ Беседа XXXIV на 1 Кор., т. X, стр. 352.

несправедливо»²⁷⁵. И то, что казалось св. отцу несомненным относительно евангельского юноши, это самое казалось ему несомненным и вообще, то есть, что обладание богатством несовместимо с действительной любовью. Если, по воззрению св. Иоанна, «неимение денег служит признаком доброго человека»²⁷⁶, то наоборот — обладание большим богатством всегда наводит на мысль об известной доле жестокосердия. Спрашивая, каким образом имеющий богатство может быть добрым, св. отец рассуждает так: «он (богатый) становится благим, когда раздаст свое богатство... а до тех пор, пока удерживает его при себе, он не бывает благим... Если, имея случай получить его, не возьмешь, то опять ты сделаешься добрым. Поэтому, если, имея богатство, раздаем его другим или предложенного нам не берем, мы бываем добры; напротив, если берем или приобретаем его, то становимся недобрыми»²⁷⁷.

Именно золото, по взгляду св. отца, прежде всего другого «не позволяет людям быть людьми, но делает их зверями и демонами»²⁷⁸; и «деньги являются причиной всех зол»²⁷⁹. И всякое «хранение» богатства св. отец рассматривает как неизбежную причину и вместе проявление жестокосердия. «Богатство, по словам св. отца, — неблагодарный раб, неумолимый человекоубийца, неукротимый зверь, скала, обрывистая со всех сторон, подводный камень, обуреваемый волнами, море, вздымаемое бесчисленными ветрами, свирепый тиран, властелин, жесточе всякого варвара, враг непримиримый, неприятель неумолимый... Для чего же вы гоняетесь за тем, что враждебно, убийственно, злее всякого зверя?... Как львы, тигры и медведи, будучи заперты и заключены во мраке, приходят в ярость и сильно злятся, так и богатство, если его забирают и закапывают, бывает свирепее льва. А если ты выведешь его из мрака и посеешь в недра бедных, то этот зверь становится овцой, предатель — защитником, подводный камень — пристанью, кораблекрушение — тишиной»²⁸⁰. Вообще любовь к богатству «преодолела всякую другую любовь и изгнала вон из души»²⁸¹, так что, «кто любит богатство, тот не будет любить даже ближнего», в то время как «нам заповедано ради Царствия любить самих врагов»²⁸². В то самое время, как у богатого, хранящего свое богатство, «одежды ветшают, золото ржавеет, пшеницу изъедают черви»,

²⁷⁵ Беседа XXXIX на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 262.

²⁷⁶ Беседа XII на I Тим., т. XI, стр. 705.

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸ Беседа XXXIX на I Кор., т. X, стр. 409.

²⁷⁹ Беседа X на I Фес., т. XX, стр. 560.

²⁸⁰ Беседа «когда Сатурнин и Аврелиан были отправлены в ссылку», т. III, стр. 431–432.

²⁸¹ «Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может», т. III, стр. 483.

²⁸² Беседа LXXXVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 597.

в это самое время «душа обладающего всем этим больше всего ржавеет и сгнивает от забот»²⁸³.

*В каком же отношении находится обладание богатством к делу христианского спасения, по взгляду св. Иоанна Златоуста? Уже то, что было изложено нами из его воззрений, несомненно, говорит, что на поставленный нами теперь вопрос святитель мог отвечать только указанием на затруднение пути в Царство Небесное каждому, обладающему богатством. Если, как мы уже видели, богатство по существу не есть благо, по взгляду Иоанна Златоуста, но скорее, напротив, осложняет нашу жизнь многими тревогами и житейскими заботами, а в отношении к ближним всегда предрасполагает к равнодушию и даже к жестокосердию, то ясно, что на христианском пути в горнее отечество *богатство является тяжелым бременем*, которое христианину нужно сбросить, чтобы иметь возможность служить Богу так, как Он этого желает. Богатство, по слову св. отца, служит «препятствием для последования Христу»²⁸⁴. Поэтому богатство — бремя и тернии на пути к Христу. «Отвержение богатства, — говорит святитель, — приносит великую пользу... Как людей нагих, когда они бегут, не скоро может поймать кто-нибудь, а слишком одетых и влекущих за собой множество тяжестей легко может схватить всякий, так бывает и с богатым, и с бедным... первый задерживается своими собственными путями, тысячами забот, скорбей, волнений, раздражений. Все это обрушивается на душу и... эти трудности человек создает сам для себя: ему не заповедано собирать богатство, а напротив; он же сам себе приготовляет множество соблазнов и затруднений... Путь тесный принимает скорбящих, сетующих и не несущих с собой ничего, кроме того бремени, какое можно нести по нему, то есть милостыни, человеколюбия, честности, кротости... Далее, если самое богатство есть терние, то что же любостяжание? Для чего несешь ты его сюда? Для того, чтобы зажечь сильнейший пламень, подложив ношу под огонь?»²⁸⁵. И, по взгляду св. Иоанна, не раз им высказываемому, тяжесть бремени богатства, нераздельно с ним связанных забот и попечений так велика, что *заботящийся о богатстве и хранящий его не может уже как должно служить Богу, быть рабом Христовым*. Приведши слово Христа Спасителя о невозможности служить двум господам²⁸⁶, св. Иоанн так рассуждает по поводу этих слов: «что может быть поразительнее теперь произнесенных слов, если богатство в самом деле может отлучать нас от работания Христу? И что вместе вожделенное, если, презирая богатство, можем иметь истинное расположение и любовь к Христу... Не потому именно, говорит Христос, вредно для*

²⁸³ Беседа XLVII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 494.

²⁸⁴ Беседа VI на послание к Титу, т. XI, стр. 879.

²⁸⁵ Там же, стр. 880–881.

²⁸⁶ Мф. VI, 24.

вас богатство, что оно вооружает против вас разбойников и совершенно помрачает ум ваш, но преимущественно потому, что оно, делая вас пленниками бездушного богатства, удаляет вас от служения Богу и, таким образом, вредит вам и тем, что делает вас рабами вещей, над которыми вы должны господствовать; и тем, что не позволяет служить Богу, Которому всего более вы должны служить»²⁸⁷. И последнюю мысль о невозможности для христианина, оставаясь богатым, служить Богу св. Иоанн оттеняет с особой силой. Святитель в этом случае исходит из того принципиального соображения, что всякая дума о богатстве, стремление хранить и умножать его, по существу противоположны основам христианской жизни, заповедям нашего истинного Владыки. «Не можете Богу работать и маммоне, — приводит святитель слова Христовы и объясняет далее, почему так: потому что маммона требует совершенно противного Христу. Христос говорит: подай нуждающимся, а маммона: отними у нуждающихся; Христос говорит: прощай злоумышляющим на тебя и обидящим, а маммона — напротив... Христос говорит: будь человеколюбив и кроток, а маммона — напротив: будь жесток и бесчеловечен, считай ни за что слезы бедных!»²⁸⁸ «Итак, если мы будем работать маммоне, то не будем уже оставаться под владычеством Божиим»²⁸⁹. *«Бог однажды навсегда сказал, что служение Богу и маммоне не может быть соединено вместе.* Поэтому ты не говори, что может быть соединено. Когда маммона велит похищать чужое, а Бог повелевает отдавать и собственное... когда Бог повелевает презирать настоящие мирские блага, а маммона — прилепляться к ним; когда маммона заставляет удивляться мраморам, стенам и крышам, а Бог — все это презирать и почитать истинную мудрость, как же ты говоришь, что служение Богу и маммоне может быть соединено вместе?... Не только попечение о снискании богатств для вас вредно, но даже вредна излишняя заботливость о самонужнейших вещах... Показав величайший вред от пристрастия к богатству, Христос простирает далее Свое повеление. Он те только повелевает презирать богатство, но запрещает печься и о лучшей пище, говоря: не печетесь душою вашею, что ясте»²⁹⁰.

Св. отец, как мы говорили, множество раз обращался к мысли о несоединимости служения Богу и маммоне и энергично восставал против попыток доказать соединимость подобных служений. Очевидно, уже были известны святителю попытки хитрого человеческого ума перетолковать слова Спасителя, но со стороны св. Иоанна эти попытки встретили твердый протест, несмотря на то, что, по словам самого св. отца, недуг любо-

²⁸⁷ Беседа XXI на Ев. Матфея, т. VII, стр. 242.

²⁸⁸ Беседа XL на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 270.

²⁸⁹ Беседа LIX на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 391.

²⁹⁰ Беседа XXI на Ев. Матфея, т. VII, стр. 244–245; сравни: беседа VIII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 61–62.

стяжания «объял всю Вселенную, обладает душами всех, и, поистине, велика сила маммоны»; так велика, что «мы искуплены Христом, а служим золоту; проповедуем владычество одного, а покоряемся другому и, что бы он ни приказал, исполняем с усердием... Никто не обращает взоров на небо, никто не помышляет о будущем»²⁹¹. Св. Иоанн видел, что в его дни, как и в наше время, великое множество людей поклонялось золоту, а не Богу живому; св. Иоанн знал, что слово Христово — юродство для этого мира. Перед святителем стояла проблема: или преклониться перед действительностью и говорить по сердцу богатым, доказывая, что богатство — и «дар Божий», и «не препятствие на пути к спасению», почему должно «хранить его и умножать»; или же не постыдиться слов Христовых и учить о таком отношении к богатству, которое бы делало христианина не рабом его, но истинным владыкой. Едва ли надо и говорить, что св. Иоанн предпочел: служение Богу или злему недугу, объявшему Вселенную. Много раз он говорит о ненависти к нему богатых, ненависти, готовой умертвить его²⁹², но в слове святителя немолчно и горячо звучал призыв служить Богу, а не маммоне, владеть богатством, а не быть его рабом. И теперь, после того, как мы изложили основы воззрения св. Иоанна на богатство, мы можем яснее понять его учение *о должном или христианском отношении к богатству*. Отчасти мы уже видели, какое отношение к нему, как и к имуществу вообще, считается нормальным в представлении св. Иоанна. Здесь же полнее сформулируем ответ св. отца на интересующий нас вопрос.

Если богатство само по себе — не благо, но лишь его обманчивый признак, то единственно достойное христианина отношение к нему должно, прежде всего, выразиться в совершенной *внутренней независимости от богатства*. Это одна сторона дела — отрицательная. Но это еще не полнота ответа на вопрос о должном отношении к богатству. «Не довольно, — говоря словами самого св. Иоанна, — презирать богатство, а надобно еще напитать нищих, и, главное, последовать за Христом»²⁹³. Если богатство есть бремя на пути в Царство Божие и признак недостатка любви к ближним и к самому Богу, то надо, чтобы не было так, но *чтобы богатство являлось орудием к нашему спасению* через служение ближним и исполнение воли Божией. Это — положительная сторона в христианском учении об отношении к богатству. И обе эти стороны — как отрицательная, так и положительная — со всей выразительностью и полнотой отмечены св. Иоанном Златоустом.

Итак, прежде всего, в чем видел св. отец *внутреннюю независимость* человека от богатства, не рабское, а владычественное к нему отношение?

²⁹¹ Беседа LXXVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 509–510.

²⁹² Стр. 114–115 настоящего сочинения.

²⁹³ Например, беседа VIII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 61.

Сам Христос Спаситель, по взгляду св. отца, научает нас презирать имущество²⁹⁴. И поэтому христианин должен относиться к своему богатству без заботы о завтрашнем дне. Христианин не должен бояться возможной потери богатства²⁹⁵, но, напротив, потому что *истинное богатство состоит в презрении богатства*, и «не в том состоит богатство, чтобы иметь богатство, но в том, чтобы не заботиться о снискании его»²⁹⁶. С этой точки зрения «богат не тот, кто имеет многое, но тот, кто не нуждается во многом»²⁹⁷; и «богатство состоит не в том, чтобы богатеть, а в том, чтобы не желать богатства»²⁹⁸, быть не рабом богатства, но его действительным владыкой. «Презирай имеющееся богатство, — поучает святитель, — чтобы, если некогда оно и отойдет, тебе не предаваться скорби. Трать его на нужное... Для того оно и называется имуществом (*χρηματα*), чтобы мы употребляли его на нужное, а не зарывали бы его; для того называется стяжанием (*πτηματα*), чтобы мы владели им, а не были его владением... Будем пользоваться им на должное, чтобы нам, приобретши на непрочное богатство прочные блага, наследовать уготованное на небесах сокровище»²⁹⁹. «Кто желает Царства Небесного, тот смеется над корыстолюбием. Раб Христов не будет рабом богатства, но его властелином»³⁰⁰. И по мысли св. отца гораздо легче быть владыкой над богатством и над страстью к нему, чем над другими страстями. «*Любовь к богатству — страсть неестественная*. Естественные пожелания вложены в нас с самого начала; а о золоте и серебре долгое время это не было известно, существуют ли они... Из пожеланий одни — необходимы, другие — естественны, а иные — ни то, ни другое. Так, все те желания, от неудовлетворения которых гибнет животное, естественны и необходимы, как, например, желание пищи, питья и сна. Вожделение плотское естественно, но не необходимо, так как многие преодолели его, и, однако, не погибли. А желание богатства ни естественно, ни необходимо, а излишне: если мы захотим, то и не подчинимся ему»³⁰¹.

Такова в изображении св. Иоанна Златоуста первая или *отрицательная* сторона христианского отношения к богатству — внутренняя независимость от него. Но, как мы сказали, это еще не полнота ответа на вопрос об отношении христианина к богатству. Он должен соблюдать не только эту независимость от богатства, но и владеть им в случае, когда имеет

²⁹⁴ Беседа XX на Ев. Матфея, т. VII, стр. 235; сравни: беседа XX на кн. Бытия, т. IV, стр. 185.

²⁹⁵ Беседа «когда Сатурнин и Аврелиан были отправлены в ссылку», т. III, стр. 432–433.

²⁹⁶ Беседа XII на 2 Кор., т. X, стр. 590.

²⁹⁷ «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 790.

²⁹⁸ Беседа на Пс. CL, т. V, стр. 563.

²⁹⁹ Беседа «О мучениках», т. II, стр. 698.

³⁰⁰ Беседа X на Ев. Матфея, т. VII, стр. 98.

³⁰¹ Беседа LXXIV на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 496.

богатство, согласно с волей Божией. Как мы уже видели, по воззрениям св. Иоанна, повторять которые здесь излишне, богатый всегда владеет достоянием Божиим³⁰², которое также должно принадлежать и бедным³⁰³. Поэтому, как казнохранители и приставники при чужом имуществе, христиане, имеющие достаток, должны отдать отчет в должном употреблении своего богатства³⁰⁴. И в случае должного распоряжения богатством, последнее может явиться не бременем на пути в Царство Небесное, как бывает при рабстве богатству, но средством приобрести вечную правду³⁰⁵. И мы уже знаем, какое употребление богатства св. Иоанн считает должным или нормальным: это то, чтобы *раздавать его нуждающимся, которым оно, собственно, и принадлежит* по воле Божией³⁰⁶, а через это *и возвращать Богу*, верховному собственнику то, что Им дано нам заимообразно³⁰⁷. С этой точки зрения всякое «хранение» богатства есть не законное право, а тем более не долг христианина, но тяжкое *преступление*, так как, если наше богатство по праву принадлежит бедным, то не давать им из того, что есть у нас, значит похищать чужое³⁰⁸. Поэтому также только тот истинный владыка своего богатства, кто его щедро раздает, но не тот, кто не смеет к нему прикоснуться; кто сеет на небе, а не на земле: земная расточительность презренна, а для Бога — достойна³⁰⁹. Поэтому только те истинно владеют своим богатством, которые и «употреблением его не дорожат, и наслаждение им презируют... Итак, кто хочет и приобрести богатство, и пользоваться и владеть им, тот пусть откажется от всего имения»³¹⁰. Мы видим теперь, что значит с христианской точки зрения «хранить и умножать» имущество: это значит *раздавать его*. Единственно надежный способ «сохранить» богатство — это отдать его нуждающимся. «Хочешь ли сберечь богатство, — спрашивает св. отец, — хочешь ли удержать его? Не зарывай его, но отдай в руки бедных. Богатство, как дикий зверь: если удерживают его, оно убегает; если расточают — остается... Расточай, чтобы оно оставалось; не зарывай, чтобы не убежало»³¹¹.

³⁰² Например, беседа LV на кн. Бытия, т. IV, стр. 593; беседа LXXVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 518 и др.

³⁰³ Например, «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 796.

³⁰⁴ Там же. Сравни: беседа LXXVII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 779–780; слово XXIII «О милостыне и страннолюбии», т. XII, стр. 664–665; беседа XI на послание к Римлянам, т. IX, стр. 616–617 и др.

³⁰⁵ Беседа VII «О покаянии», т. II, стр. 374.

³⁰⁶ Например, беседа LXXVII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 780 и мн. др.

³⁰⁷ Например, Беседа LV на кн. Бытия, т. IV, стр. 593.

³⁰⁸ «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 796; сравни: слово «О корыстолюбии», т. XII, стр. 593; беседа LXIII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 645–646.

³⁰⁹ «К верующему отцу», слово III, т. I, стр. 110–111.

³¹⁰ Беседа II «О статуях», т. II, стр. 36–37.

³¹¹ Беседа, «когда Евтропий был схвачен», т. III, стр. 411.

И так поступать значит одновременно и сохранять, и *умножать* богатство. «Будем давать просящему Христу и откладывать в нерасхищаемую сокровищницу, чтобы нам быть уверенными и в сбережении, и в доходе. Он не только тщательно сохранит то, что взял, но и опять отдаст тебе это с очень многим прибавлением. Не будем думать, что у нас уменьшается имущество, когда мы подаем милостыню. Оно не уменьшается, но возрастает; не издерживается, но умножается»³¹². «Кто трудится для неба, тот... может быть уверен в целостности и капитала, и имущества, если только можно назвать процентами приращение, которое гораздо больше самого капитала. Здесь капитал — имущество, а приращение — Царство Небесное... Это ты получишь... не изнуряясь заботой о настоящем, но окрыляясь надеждой будущего»³¹³. «Полагая сокровище на небе... ты не закапываешь, а насаждаешь свое золото. Тогда оно вместе бывает тебе и сокровищем, и семенем или и того, и другого лучше»³¹⁴. «Итак, зачем ты отдаешь деньги на хранение людям? Перед тобой стоит Христос, готовый принять, и сохранить, и не только сохранить, но и умножить... Для того Бог и велит тебе давать деньги другому, чтобы ты сам владел ими, потому что пока ты один только будешь иметь их — и сам не будешь владеть ими; а когда дашь другому, тогда и сам получишь... Дай их, говорит (Бог) нуждающимся... Если дашь их мне в лице бедных, то Я тщательно сохраню тебе их во всей целостности... Отдай то, что ты получил, и стяжи прибыль из пользования. Довольно для тебя, что ты поставлен давать, а не получать»³¹⁵.

Необходимо иметь в виду основную точку зрения св. Иоанна Златоуста в этической оценке им богатства, чтобы понять не раз повторяемую им мысль, что *имущество делается наиболее нашим, когда мы даем его другим* и через это возвращаем Богу обратно данное Им, чтобы получить от Него истинное богатство в будущей жизни³¹⁶. Мы уже видели, что в таком отношении к богатству и вообще к собственности проявляется верность наша в малом — доверенном нам на земле управлению имуществом. Поэтому очень нередкие и выразительные слова св. Иоанна в его беседах о *«покупке неба»*³¹⁷ нужно понимать именно в таком моральном освеще-

³¹² Беседа «О вдовицах», т. III, стр. 348; сравни: беседа на Пс. XLIII, т. V, стр. 167–168.

³¹³ Беседа на Пс. CXI, т. V, стр. 319.

³¹⁴ Беседа XX на Ев. Матфея, т. VII, стр. 240–241.

³¹⁵ Слово XXIII «О милостыне и страннолюбии», т. XII, стр. 664; сравни: стр. 657.

³¹⁶ Беседа LV на кн. Бытия, т. IV, стр. 593.

³¹⁷ Например: «Есть у тебя обол (самая мелкая монета) — купи небо, не потому, что небо дешево, но потому, что Господь человеколюбив. Нет у тебя оболы? Подай чашу холодной воды... Дай хлеб и возьми рай; дай малое и возьми великое; дай смертное и возьми бессмертное; дай тленное и возьми нетленное». Беседа III «О покаянии», т. II, стр. 324.

нии, а не с грубой материалистической окраской. Сам святитель определенно выразил это. «Не за деньги продаются, — говорит он, — блага небесные, не деньгами покупают их, а свободным решением дающего деньги, любомудрием, возвышением над вещами житейскими, человеколюбием и милостыней... Итак, не деньги нужны, а решение. Имея это последнее, ты можешь и за две лепты купить небо; а без него и за тысячу золотых талантов не купишь того, что можешь купить за две лепты»³¹⁸. Впрочем, подробная речь об этом более уместна будет далее, в речи о значении милостыни в деле нашего христианского спасения, а пока мы ограничимся сделанным небольшим замечанием.

Итак, по взгляду св. Иоанна Златоуста, единственно достойное христианина отношение к богатству есть то, когда не берегут и не умножают богатства на земле, но раздают его нуждающимся. И св. отец в этом направлении был *последователен* до конца, так что, с точки зрения святителя, богатый только тогда мог достигнуть полного мира со своей совестью, когда он все свое имущество отдаст неимущим. «Тогда только ты оправдаешься, когда ничего не будешь иметь, когда ничем не будешь владеть; а пока ты что-нибудь имеешь, то хотя бы дал тысячам людей, а остаются еще другие алчущие, нет тебе никакого оправдания»³¹⁹. В этих словах, уже однажды приведенных нами, выражена, по нашему убеждению, сущность воззрений св. Иоанна Златоуста на христианское употребление богатства. *Всякие границы в деле его раздаяния отпадают*, согласно с духом евангельского учения. Правда, св. отец признавал, что совет евангельскому юноше был обращен непосредственно к нему и является советом для ищущих совершенства³²⁰. Не раз также святитель призывал своих пасомых жертвовать, если не все свое имущество³²¹, то хоть половину или третью часть, сделать Христа своим сонаследником³²². В частности, относительно Антиохии Иоанн думал, что если все жители дадут хоть половину, даже десятую часть своего имущества, то их город мог бы пропитать десять городов³²³. Слишком ясно было для св. отца, что сребролюбие овладело всеми, и бесполезно призывать к отдаче всего, когда не хотят дать и малой части³²⁴. Но как только взор святителя обращался от печальной действительности к созерцанию чистого христианского идеала жизни, то св. Иоанн с горячим убеждением доказывал, что должно всегда давать просящему³²⁵ и теперь иждивать все на Христа так же, как

³¹⁸ Беседа XV на послание к Филиппийцам, т. XI, стр. 348.

³¹⁹ «О милостыне и страннолюбии», т. XII, стр. 664–665.

³²⁰ Слово II «об Акилле и Прискилле», т. III, стр. 192.

³²¹ Например, беседа XX на книгу Бытия, т. IV, стр. 186.

³²² Беседа XLV на Ев. Матфея, т. VII, стр. 478–479.

³²³ Беседа LXVI на Ев. Матфея, т. VII, стр. 678.

³²⁴ Беседа LXXVI на Ев. Иоанна Ю т. VIII, стр. 509.

³²⁵ Беседа XI на послание к Евреям, т. XII, стр. 108–109.

это делали первые христиане³²⁶. В частности св. Иоанн нередко *борется* со ссылками на законность *заботы о детях*, как на препятствие к раздаче всего имущества. «Раздай (богатство) в бесчисленное множество рук, в руки вдов и сирот, убогих, заключенных в темницы... Но скажешь: что же я оставляю детям? Я не заставляю тебя раздавать все; а если и все раздашь, то тем более богатыми сделаешь детей своих, оставив им вместо денег милостивого Бога»³²⁷. «Если желаешь, — говорит в другой беседе святитель, — оставить детей истинно богатыми, то оставь должником их Бога»³²⁸. Вообще, ссылку на детей св. отец называет просто нечестивой, так как Бог дает детей по человеколюбию и нельзя обращать их в повод к бесчеловечию³²⁹. Очевидно, часто забывал св. Иоанн о том сребролюбии, в котором так горячо обличал он своих духовных детей; часто призывал их «иждивать все на Христа», если его прямо обвиняли в том, что он всех призывал делаться нищими. И интересно отметить, как св. Иоанн отвечал на подобные обвинения: не позволением сохранять имущество, но противоположением небесного сокровища земному и призывом приобретать богатство на небесах³³⁰.

Достаточно сказанного о взглядах св. Иоанна Златоуста на богатство и на христианское отношение к нему, чтобы можно было заранее предположить, как смотрит св. отец на *роскошь* — это самое обычное употребление богатства. Несомненно, что отношение к роскоши у св. Иоанна не могло быть иное, как *отрицательное*, и на этом вопросе можно было бы и вовсе не останавливаться, если бы не особенная *выразительность суждений св. отца*, а еще более — совершенная противоположность этих суждений сравнительно с тем, что проповедуется в наших системах нравственного богословия. Св. Иоанн Златоуст не только осуждал роскошь, но ставил ее даже в число самых тяжких преступлений против христианской любви.

Руководящая точка зрения св. Иоанна при этическом осуждении им роскоши та, что в христианской жизни необходима полная *умеренность*³³¹; нужно быть довольным, имея одеяние и пищу, а остальное раздавать. «Христос, — говорит св. отец, — отменив прежний закон, не заповедал иметь ни домов, ни рабов, ни лож, ни серебряных сосудов и ничего другого подобного... Павел так увещевал: имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем. А то, что превышает нужду, надо издерживать на нуждающихся»³³². В словах молитвы Господней «хлеб наш

³²⁶ Беседа LXXXVIII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 870–871.

³²⁷ Беседа на Пс. CL, т. V, стр. 578.

³²⁸ Беседа VII на послание к Римлянам, т. IX, стр. 565.

³²⁹ Беседа III «о покаянии», т. II, стр. 327.

³³⁰ Беседа XXX на I Кор., т. X, стр. 304.

³³¹ Например, «О Лазаре», слово I, т. I, стр. 782.

³³² Слово II «об Акилле и Прискилле», т. III, стр. 196.

насушный даждь нам днесь» св. отец видит закон христианской жизни, по которому мы всегда должны были бы быть «препоясаны и окрылены верой и не более уступать природе, чем сколько требует от нас необходимая нужда»³³³; «не будем же, — увещевает св. отец, — желать лишнего, будем довольны малым, и мы всегда будем богаты. Будем печься только об одежде и пище»³³⁴. «Не для того даем мы эти наставления, чтобы доводить людей до смерти или расстраивать их здоровье, но чтобы отсечь излишество; а излишне все то, что сверх необходимости... Так будем рассуждать и об одеждах, и о столе, и о жилище, и обо всем прочем; везде будем искать только нужного, а излишнее не нужно»³³⁵. И такая умеренность в жизни является необходимым долгом для христианина потому, что *всякое излишество и роскошь несовместимы с христианской любовью к ближним*, а в их лице и к Христу, Который и донныне алчет и жаждет в лице каждого нуждающегося. «Что может быть, — спрашивает, например, св. отец, — хуже этой изнеженности, как спать на ложах из слоновой кости? Ибо, если ты представишь, что, когда ты спишь на ложе из слоновой кости, другой не может и хлеба вкушать свободно, то не осудит ли тебя совесть и не восстанет ли с обвинением против такой несообразности? Когда ты представишь, что в крайнюю стужу, среди ночи, когда ты спишь на ложе, бедняк лежит на соломе... дрожа, корчась от холода и терзаясь голодом, то хотя бы ты был каменным больше всех, я уверен, что осудишь себя за то, что сам нежишься сверх нужды, а ему не даешь пользоваться необходимым»³³⁶. Уже один «дом, более обширный, чем нужно, препятствует идти к небу... Стыдно украшать мрамором стены без нужды и без пользы и допускать, чтобы Христос ходил среди нас без одежды... Ты хочешь строить великолепные, обширные дома? Не запрещаю, только строй не на земле, построй обители на небесах»³³⁷. Вообще, для христианского сознания нет более разительного контраста, как роскошь христиан и нищета Христова. «Для чего, скажи мне, — спрашивает богатых св. отец, — ты носишь шелковые одежды, едешь на золотосбруйных конях... а бедный, томимый голодом, сидит при дверях твоих, и Христос мучится голодом. О, крайнее безумие! Какое оправдание, какое прощение получишь ты?»³³⁸. «О колонне тщательно заботишься, а человек, или лучше — Христос, ради этой колонны и всех вышеуказанных вещей обрекается на самый крайний голод. Если нужно сделать кресло или подножие, все делается

³³³ Беседа XIX на Ев. Матфея, т. VII, стр. 224.

³³⁴ Беседа XVI на 1 Кор., т. X, стр. 161 и др.

³³⁵ Беседа XIX на 2 Кор., т. X, стр. 641.

³³⁶ «О Лазаре» слово I, т. I, стр. 779–780.

³³⁷ Беседа II «О статуях», т. II, стр. 35, 34; сравни: беседа на Пс. CL, т. V, стр. 579.

³³⁸ Беседа на Пс. CL, т. V, стр. 569.

из золота и серебра; между тем, член Христа, тот, ради кого Он пришел с неба, не имеет даже и необходимой пищи, Христос стал для тебя всех презреннее! И что может быть тягче такого беззакония?»³³⁹. А между тем, роскошь пленила и христиан и даже проникла в храмы. «Ты вступишь в церковь, — говорит о христианах св. отец, — украшенная золотом на руках и на шее... Язычник соблазняется и говорит: я входил в христианскую церковь, слышал Павла, говорившего: жены да украшают себя ни золотом, или бисером; и видел женщину, показывающую делами совершенно противное»³⁴⁰. Благодарность наша к Христу требовала бы ничего не жалеть для Него, не исключая души, так что, если бы мы имели в себе по тысяче душ, то должны были бы положить все души за Него. А «мы до такой степени неблагодарны, что рабов, и мулов, и коней облакаем в золотые уборы, а Господа, скитающегося в наготе, переходящего от дверей к дверям, стоящего на распутьях, простирающего к нам руки, презираем... Ваши одежды или съедаются молью, или составляют тяжесть для сундуков... а Кто даровал это и все прочее, Тот скитается нагим. Но вы говорите, что не складываете свои одежды в сундуки, но сами одеваетесь в них и украшаетесь? Скажите же мне, какая вам от того польза?»³⁴¹. «Доколе будет так владеть нами любовь к настоящим вещам, излишним и бесполезным... Но не приятно ли, скажешь, строить великолепные дома, иметь множество рабов и, покоясь на ложе, смотреть на золотой свод? Да, это излишне и бесполезно... Хочешь ли видеть прекраснейший свод? Когда настанет вечер, смотри на небо, усеянное звездами... Этот свод может принести величайшую пользу, потому что своей красотой возводит к Создателю; а тот, причиняет тебе величайший вред, сделавшись в день суда твоим грозным повелителем, потому что он был облечен золотом, когда Христос не имел и необходимой одежды»³⁴².

Св. Иоанн Златоуст много говорит о вреде роскоши для самих богатых³⁴³ и о ее бессмысленности по существу³⁴⁴. Но основной грех роскоши в том, что она находится в прямом противоречии с голосом христианской любви. В полном согласии со своим учением об отношении христианина к собственности, св. Иоанн ставит *в прямую связь роскошь и обиду ближнего*. По взгляду св. отца, когда украшаются золотом кони и рабы, когда надевают на себя украшения из золота, тогда «ты обнажаешь сирот, обижаешь вдов и являешься общим врагом всех». Обширные и великолепные дома говорят о том же: «каждый прохожий при взгляде на высоту

³³⁹ Слово «о корыстолюбии», т. XII, стр. 598.

³⁴⁰ Беседа на Пс. CL, т. V, стр. 569; сравни: стр. 576–577.

³⁴¹ Беседа XXVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 177.

³⁴² Беседа XLVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 315.

³⁴³ Например, беседа XXXIX на I Кор., т. X, стр. 411–412.

³⁴⁴ Например, беседа VII на послание к Колоссянам, т. XI, стр. 415–419.

и величие обширного и великолепного дома скажет себе или ближнему: скольких слез стоило построение этого дома? Сколько ограблено сирот? Сколько обижено вдов? Сколько людей лишено платы?»³⁴⁵. Живущий в роскоши, по убеждениям св. Иоанна, уже одним тем грешит против ближних, что страдания неимущих возрастают от одного вида той роскоши, в какой живут богатые³⁴⁶.

Насколько вид всякой роскоши казался св. Иоанну несовместимым с христианским настроением, видно из того, что его не очаровывало *и роскошное убранство самых храмов христианских*. Он не видит для себя в этом ничего утешительного, пока за дверьми храма великое множество людей страдает от недостатка. «Церковь, — рассуждает св. отец, — не на то, чтобы в ней плавить золото, ковать серебро; она есть торжественное собрание ангелов; поэтому мы требуем в дар ваши души, ведь ради душ принимает Бог и прочие дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не из золотого сосуда Христос давал пить кровь свою ученикам. Однако же там все было драгоценно, все возбуждало благоговение, потому что все исполнено было Духа. Хочешь почтить Тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод, и наготу... Для этого таинственного Тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся же... почитать Христа, как Сам Он того хочет... Почитай Его той честью, какую Сам Он заповедал, то есть истощай богатство твое на бедных. Говоря это, не запрещаю делать богатые вклады; требую только, чтобы вы вместе с вкладами и даже прежде них творили милостыню... Что пользы, если Христова трапеза полна золотых сосудов, а Сам Христос томится голодом. Сперва напитай Его лучшего... Ты делаешь золотую чашу, а не даешь чаши студеной воды. Что в том пользы? Делаешь для трапезы златотканые покровы, а Христу не даешь и нужного для прикрытия. Какой плод от этого? Скажи мне: если ты увидишь человека, не имеющего у себя необходимой пищи, и вместо того, чтобы утолить его голод, обложишь стол серебром, поблагодарит ли он тебя за это или, скорее, огорчится?... То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а ты, вместо того, чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лошадям серебряные цепи, а на Христа, связанного в темнице, и взглянуть не хочешь... Итак, *украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата: этот храм превосходнее первого*»³⁴⁷.

Чтобы закончить изложение взглядов св. Иоанна на богатство и на должное к нему отношение, нам остается лишь отметить суровое

³⁴⁵ Беседа на Пс. СЛ, т. V, стр. 577–579.

³⁴⁶ Например, «о Лазаре», слово I, т. I, стр. 783.

³⁴⁷ Беседа L на Ев. Матфея, т. VII, стр. 522–523.

осуждение св. отцом грубых злоупотреблений в деле умножения богатства. Если, как мы уже видели, по взгляду св. отца, уже одно только сохранение своего имущества в неприкосновенности есть по существу хищение³⁴⁸, то *сребролюбец и любостыжательный* не мог представляться святителю иначе, как в образе чудовища, вовсе лишённого богоподобного человеческого образа. Так именно рисует св. отец сребролюбца: «представим себе человека, — говорит св. Иоанн, — извергающего из очей своих огонь, черного, вместо рук имеющего на обоих плечах своих висящих драконов; представим у него такие уста, в которых вместо зубов вонзены острые мечи, а вместо языка находится источник, изливающий яд... Представим, что чрево его пожирает более всякой печи... а ноги — как бы крылатые и быстрее всякого пламени. Пусть лицо его будет составлено из собачьего и волчьего; пусть он не будет произносить ничего человеческого, но будет издавать из себя звуки нестройные, отвратительные и страшные; пусть также и в руках у него будет пламень. Может быть, вам представляется страшным сказанное мной, но я еще не изобразил его надлежащим образом. К сказанному надо присовокупить и еще нечто: пусть он поражает встречающихся с ним, пожирает и терзает плоть их. Но сребролюбец гораздо хуже и такого чудовища. Он нападает на всех, все поглощает, подобно аду, всюду ходит как общий враг рода человеческого»³⁴⁹. Вообще св. отец не находит достаточно выразительных слов и сравнений, чтобы представить весь ужас греха любостыжания. Сребролюбец хуже бесноватого для всего города и людей, так как на него не действует и слово Христа³⁵⁰. Корыстолюбец хуже вора³⁵¹, хуже пса и зверя, он — сам демон³⁵². Любостыжатель — истинный идолопоклонник, приносящий на алтаре любостыжания и тело, и души ближних³⁵³. Нет возможности и особенной нужды передавать все те суровые обличения греха корыстолюбия, какие встречаются во множестве бесед св. Иоанна. Можно только прибавить, что когда св. Иоанн говорит о тяжести греха корыстолюбия, то он понимает не каких-либо извергов, но очень обыкновенных с житейской точки зрения людей. Об этом говорит уже жалоба самого святителя, что сребролюбие овладело душами всех³⁵⁴, и нет нужды даже объяснять это диавольскими кознями, так как нашей злобы совершенно достаточно для объяснения этого факта³⁵⁵.

³⁴⁸ «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 796 и др.

³⁴⁹ Беседа XXVIII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 321.

³⁵⁰ Там же, стр. 320.

³⁵¹ Беседа X на 2 Фес., т. XI, стр. 562–563.

³⁵² Беседа IX на I Кор., т. X, стр. 89–90.

³⁵³ Беседа XVIII на послание к Ефесянам, т. XI, стр. 152 и др.

³⁵⁴ Например, Беседа LXXVI на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 509.

³⁵⁵ Беседа VII на кн. Деяний, т. IX, стр. 77.

Само собой понятно, что св. Иоанн, так же как и другие св. отцы, восставал *против отдачи денег в рост*. «Ничего, ничего нет постыднее и жестокосерднее, как брать рост... Ростовщик обогащается на счет чужих бедствий, тягости другого обращает себе в прибыль... под видом человеколюбия роет яму глубже, помогая теснить нищего»³⁵⁶.

Чтобы изложить взгляды св. Иоанна Златоуста на богатство, нам пришлось довольно долго останавливаться на творениях этого великого учителя Церкви, так часто касался он интересующего нас предмета и так разносторонне его рассматривал. Теперь, когда нам предстоит *выяснить взгляд св. отца на бедность*, задача наша значительно облегчается тем, что многие частные вопросы, связанные со взглядом на бедность, предрешаются уже тем или иным отношением к богатству. Мы уже видели, что с принципиальной точки зрения св. Иоанн признает только одну истинную бедность — недостаток добродетели и только одно истинное богатство — вечную жизнь. Поэтому от воли человека зависит быть истинно богатым или бедным, а теперешняя *бедность* — это такой же *призрак, маска, картина*, как и земное богатство. Истинная оценка бедности определяется тем отношением, в каком находится к ней наша воля. Все это в равной мере приложимо и к богатству, и к бедности, как мы сказали. Но есть в учении св. отца относительно бедности самой по себе такие черты, которые отличны от святоотеческой характеристики богатства. В то время, как св. Иоанн решительно утверждает, что и богатство — дым и призрак, и блага, им доставляемые, не лучше сновидения, относительно *страданий бедных* святой отец думает иначе и указывает в этих страданиях такую *реальность*, не видеть которой не в праве христианское сердце. Уже один тот факт, что св. Иоанн так горячо осуждал немилосердие богатых и возмущался видом роскоши их жизни рядом с нуждой бедняков, — один уже этот факт ясно говорит, что св. отец далек был от бесстрастной точки зрения в отношении страданий бедных и признавал эти страдания *тяжкими и незаслуженными* по существу. «Бедность, по словам св. отца, действительно есть бедствие; это знают испытывавшие ее; никакое слово не может изобразить всей скорби, какую терпят живущие в нищете»³⁵⁷. «Бедность, по мысли святителя, сильнее огня и, обыкновенно, сильнее опалает»; поэтому «кто с благодарением переносит нищету, тот равен трем отрокам»³⁵⁸. Даже более того: «невольная бедность хуже разожженной печи и зверей»³⁵⁹. И св. отец с горячим сочувствием изображал те многие скорби, какие переносили бедняки его времени, особенно нищие, с целью вызвать к ним

³⁵⁶ Беседа V на Ев. Матфея, т. VII, стр. 59 и др.

³⁵⁷ «О Лазаре», слово I, т. I, стр. 782.

³⁵⁸ Беседа IV на Ев. Матфея, т. VII, стр. 50.

³⁵⁹ Беседа LXXXI на Ев. Матфея, т. VII, стр. 815.

сострадание. «Лучше умереть, нежели просить», — повторяет св. отец мысль ветхозаветного мудреца³⁶⁰. И по взгляду св. Иоанна, бедность не только соединяется с тяжкими страданиями, но и по существу есть выражение несправедливой злобы в отношениях людей между собой, как и богато, согласно сказанному, всегда несправедливо. «Невозможно быть одному богатым без того, чтобы наперед другой не сделался бедным»³⁶¹. Основная причина существования нищеты в мире, таким образом, что мы уже подробно раскрыли ранее, в неравномерности распределения благ земных, принадлежащих общему нашему Отцу, не говоря о том уже, что святитель указывает целый ряд случайных причин бедности: кораблекрушения, судилища, воровства, несчастья, болезни...³⁶²

Таким образом, св. отец не закрывал глаз на страдания, неизбежно соединяемые с бедностью, и даже видел в последней повод к недоброму настроению. Так, св. отец признает, что бедные как бы естественно завистливы³⁶³, склонны к лжи³⁶⁴; вообще «непроизвольная бедность дурна тем, что бывает ненасытна, взыскательна и неблагодарна», так что в отношении бедняка, всегда раздраженного своей бедностью, нужна терпеливость и особенная кротость, чтобы «не прибавлять к скорби от бедности еще скорбь и от обиды»³⁶⁵.

Такой представляется в воззрении св. отца бедность вынужденная и чуждая христианского любомудрия. Такая бедность — великое бедствие. Но перед лицом христианского жизненного света бедность есть не только один призрак, нечто несущественное, но имеет великую силу, содействующую христианскому спасению. Такое именно значение принадлежит бедности тогда, когда она — или добровольная, или невольная, но принимаемая с благодарением Богу³⁶⁶. Св. Иоанн не находит достаточно слов, чтобы выразить истинную красоту добровольной бедности и особую пригодность ее для христианской жизни. И это понятно с точки зрения непонимания св. отца уже по тому одному, что говорил и советовал он богатому: он требовал того, чтобы отказаться от мысли о богатстве, раздать свое имущество бедным и заботиться только о настоящем дне, как бы забывая о будущем. Для этого, естественно, нужно совершенно погасить страсть к богатству и стать через это всех богаче³⁶⁷, к чему и ведет только добровольная бедность³⁶⁸.

³⁶⁰ Беседа XI на послание к Евреям, т. XII, стр. 109.

³⁶¹ Беседа LI на 1 Кор., т. X, стр. 419.

³⁶² Например, беседа XI на послание к Евреям, т. XII, стр. 108.

³⁶³ Беседа XX на 2 Кор., т. X, стр. 645.

³⁶⁴ Беседа XIII на 2 Кор., т. X, стр. 597.

³⁶⁵ «О священстве», слово III, т. I, стр. 432.

³⁶⁶ Например, беседа LXXVI на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 518.

³⁶⁷ Беседа IV на Ев. Матфея, т. VII, стр. 51.

³⁶⁸ Беседа XVIII на послание к Евреям, т. XII, стр. 161.

Нетрудно предвидеть, какие именно стороны в жизни бедного оттеняет св. Иоанн Златоуст, когда говорит о значении бедности для совершенной христианской жизни. Сам св. отец различает *два рода преимуществ бедности* сравнительно с богатством: низшие и высшие преимущества. Первые обнаруживаются в области естественной человеческой жизни; вторые — в жизни собственно христианской.

Если, как мы видели, св. Иоанн Златоуст с особенной силой оттеняет ту сторону призрачности в благах, получаемых от богатства, что богатый всегда есть раб своего имущества, дрожащий сторож его, лишенный покоя и мира душевного, *то и в бедности* святитель оттеняет то ее преимущество, сравнительно с богатством, что она — *залог мира душевного*. «Бедность, по образу св. отца, безопасное прибежище, тихая пристань, всегдашнее спокойствие, неомрачаемая опасностями радость, чистое удовольствие, жизнь невозмутимая и безмятежная, благополучие ненарушимое, источник мудрости, узда надменности, свобода от наказания, корень смирения»³⁶⁹. Множество раз сравнивает св. Иоанн значение богатства и бедности в их отношении к внутреннему самочувствию человека и везде находит, что даже в отношении к этой жизни бедный счастливее богатого. Добровольно бедный, по мысли святителя, всегда весел, не озабочен, не огорчается потерей. Он — собственник всей земли и моря; не боится и смерти, потому что его город — небо. Он и здоровьем крепче, а потому и счастливее богатого. Бедному даже при желании никто не может повредить, да и нет побуждений вредить: завидовать нечему, сердиться не за что³⁷⁰. «Бедный и спит, и ест, и пьет с большим удовольствием, нежели богатый»; при этом, бедный ни от кого не зависит, если у него бедность соединяется с любомудрием³⁷¹. И так как сила души — в ее свободе от забот³⁷², то эта *внутренняя независимость есть высокое преимущество бедности*³⁷³. Мы не будем приводить указанных нами мест, а лишь скажем кратко, что во всех этих местах св. Иоанн Златоуст энергично борется против того ложного, но широко распространенного взгляда на богатство, по которому оно — благо, а бедность — зло, и защищает, нередко в ярких образах, преимущества простоты бедности перед великолепием богатства.

Но все эти *преимущества бедности* и, следовательно, связанные с ними побуждения избегать богатства и избирать бедность сам св.

³⁶⁹ Беседа, «когда Сатурнин и Аврелиан были отправлены в ссылку», т. III, стр. 431–432.

³⁷⁰ «К неверующему отцу», т. I, стр. 63, 64, 69.

³⁷¹ Беседа II «О статуях», т. II, стр. 39–41.

³⁷² Беседа на Пс. СІХ, т. V, стр. 297.

³⁷³ Например, беседа XVIII на послание к Евреям, т. XII, стр. 160; слово V «Об Анне», т. IV, стр. 827–829; беседа XC на Ев. Матфея, т. VII, стр. 887; беседа XII на 2 Кор., т. X, стр. 587–590 и мн. др.

отец называешь *низшими*. Но есть еще, говоря его словами, «другое утешение, но только свойственное любознательным. Какое же? То что и богатство — ничто, и бедность — ничто... все это кратковременно и различается одно от другого одним только названием. Кроме того, есть еще иное, большее (утешение), состоящее в том, чтобы представлять себе будущие страдания и блага: страдания истинные и блага истинные»³⁷⁴. Только будущая жизнь есть наше истинное и вечное благо, и вот, перед лицом этого истинного богатства *бедность есть прямой путь для наследования вечной жизни*. Хотя св. Иоанн стоит на той точке зрения, что богатство и бедность, как мы уже видели, не добро и не зло сами по себе и являются лишь средством приготовить себе истинное сокровище на небе, но бедность особенно располагает к совершенной христианской жизни. Сам Христос Спаситель и Его апостолы жили в совершенной бедности и это высшая ей похвала³⁷⁵. И теперь «неимение денег служит признаком доброго человека»³⁷⁶, и «добрый христианин обнаруживается более в бедности, нежели в богатстве... потому что в бедности он становится негорделивым, целомудреннее, честнее, смиреннее, благоразумнее»³⁷⁷. И св. отец, с этой точки зрения, решительно утверждал, что «только малое число богатых спасется, а бедных гораздо больше»³⁷⁸. Это потому, конечно, что бедность особенно располагает к добродетели³⁷⁹ и в этом отношении может явиться источником множества благ³⁸⁰, надежным руководителем на пути в Царство Небесное³⁸¹. Поэтому, если в предверии царского чертога строго различают богатых и бедных³⁸², то в Церкви этого быть не должно: в ней все равны³⁸³, и бедный может явиться даже более ценным членом для Церкви, так как чужд опасений богатого и ничем не привязан к земле: ни имуществом, ни местом, ни самой жизнью³⁸⁴. Поэтому же в христианской Церкви иначе оценивается бедность, чем в Ветхом Завете, и «теперь ублажается бедность»³⁸⁵: в бедности скрывается Бог³⁸⁶, так как Христос приходит

³⁷⁴ Беседа XXXVIII на 1 Кор., т. X, стр. 395–396.

³⁷⁵ Беседа XVIII на послание к Евреям, т. XII, стр. 160.

³⁷⁶ Беседа XII на 1 Тим., т. XI, стр. 705.

³⁷⁷ Беседа II на послание к Евреям, т. XII, стр. 25.

³⁷⁸ Беседа XIII на 2 Кор., т. X, стр. 597–598.

³⁷⁹ Например, беседа на Пс. IX, т. V, стр. 124–125.

³⁸⁰ Беседа XC на Ев. Матфея, т. VII, стр. 887–888.

³⁸¹ Беседа XVIII на послание к Евреям, т. XII, стр. 161.

³⁸² Беседа IX на 1 Фес., т. XI, стр. 570–571.

³⁸³ Там же, стр. 571.

³⁸⁴ «Об Акилле и Прискилле», слово II, т. III, стр. 197–198.

³⁸⁵ Беседа XVIII на послание к Евреям, т. XII, стр. 160.

³⁸⁶ Слово XXIII «О милостыне и страннолюбии», т. XII, стр. 665.

к нам теперь не в образе богатых, но в образе нищих³⁸⁷, и апостолы называют именно бедных святыми³⁸⁸.

Таким в общих чертах представляется учение о богатстве и бедности св. Иоанна Златоуста. Наша задача состояла в том, чтобы указать те *принципы*, какие лежат в основе этической оценки св. отцом интересующих нас жизненных положений. Но мы должны сознаться, что в такой сжатой и отрывочной передаче воззрений св. отца, какая имеет место в систематическом труде, нет, думается, и возможности передать всю силу и поражающую выразительность мысли святого защитника бедноты. Слово св. Иоанна дышит такой огненной ревностью, льется таким стремительным потоком, что его невозможно заключить в рамки сухой передачи мыслей св. отца. И самая добросовестная передача этих мыслей не может дать даже понятия о том наслаждении, какое переживается при чтении живого слова великого учителя Вселенской Церкви.

В учении св. Иоанна, собственно говоря, христианский взгляд на богатство и бедность имеет совершенное выражение; в писаниях позднейших учителей Церкви мы лично не встретили ничего существенно дополняющего и выясняющего учение древней Церкви о богатстве и бедности. Поэтому и не будем останавливаться на изложении взглядов позднейших отцов и писателей церковных, но лишь, для полноты своего обзора учения древней Церкви по интересующему нас вопросу, изложим кратко взгляды на богатство и бедность представителей западной церковной мысли: св. Амвросия Медиоланского, св. Астерия Амасийского, блаженного Августина и блаженного Иеронима.

Св. Амвросий в учении о богатстве оттеняет все существенно важные стороны христианского взгляда на него. Указывая определенно на то, что в этой жизни вовсе *нет соответствия между добродетелью и богатством*, и нередко богатеют злые³⁸⁹, св. отец настойчиво доказывает, что *богатство и не* есть такое *благо*, какого мог бы желать христианин, но таким благом является единственно добродетель. «Для блаженной жизни, — говорит св. Амвросий, — богатства совершенно безразличны. Это ясно показал в Евангелии Господь, говоря: блаженны нищие, потому что ваше есть Царствие Божие... То, что кажется благом: богатство, достаток, радость, чуждая печали — является препятствием к получению блаженства, как это явствует из изречения Господа: «горе вам, богатым, ибо вы уже имеете свое утешение»... Отсюда Новуфей был блажен даже тогда, когда побивался камнями по (проискам) богато; он был беден и слаб по сравнению с богатством царя, но он был

³⁸⁷ Беседа XI на I Фес., т. XI, стр. 572.

³⁸⁸ Беседа «О милостыне», т. III, стр. 265.

³⁸⁹ Слово на текст «человеку некоему богату угобзися нива», слав.-русский перевод, 1853 г., стр. 15.

богат духом и богобоязненностью... Справедливо, что добродетель есть высшее и единственное благо, что одна только она может дать радости блаженной жизни, и что не внешними или телесными благами, но только добродетелью приобретенная блаженная жизнь — плод настоящего, а вечная — надежда будущего»³⁹⁰.

И не только перед лицом истинной блаженной жизни богатство оказывается не благом, но не составляет оно неперемennого условия и земного счастья. Св. отец обращает внимание на внутреннее самочувствие богатого и видит в нем залог не счастья и довольства, но терзаний совести³⁹¹ и постоянной тревожной думы³⁹². Как бы повторяя мысли св. Василия Великого, св. Амвросий ярко рисует жалкий образ богатого, думающего иметь в своем богатстве радость и утешение. Не зависти заслуживает такой богач, но сожаления, когда изобилие доставляет ему одни бедствия, и когда он собирает со своих полей не плоды, но печали и вздыхания³⁹³.

И не являясь, таким образом, условием счастья на земле, богатство с этической точки зрения оказывается всегда *противным началу христианской справедливости* и препятствием на пути к спасению. Как мы уже видели, идеалом пользования благами мира, по воззрению св. Амвросия, должно быть общение имуществ: насилие переделало общее право в частное³⁹⁴, и всякое богатство является несогласимым с высшей правдой. «Стремясь увеличить свои богатства, скопить денег, приобрести в собственности земли, превзойти (других) богатством, мы совлекаем с себя образ справедливости»³⁹⁵. «До каких границ вы, богатые, — говорит св. Амвросий, — будете устремлять свои неразумные пожелания? Неужели только вы одни населяете землю?.. Земля основана в общее владение всем, богатым и бедным, почему же вы, богатые, домогаетесь права собственности для себя одних? Природа не знает богатых, потому что всех рождает бедными, потому что рождаемся мы не в одеждах и без золота и серебра»³⁹⁶.

И такой взгляд святителя на происхождение богатства, как и вообще частной собственности, о чем была у нас речь ранее, обуславливает собой и учение св. отца об *истинно христианском отношении к богатству*. Если христианин есть лишь раздатель Божиих даров³⁹⁷, то он должен не

³⁹⁰ «Об обязанностях священнослужителей», перевод Г. Прохорова, кн. 2, стр. 215–217.

³⁹¹ Там же, кн. 1, гл. 12, стр. 63.

³⁹² Слово на текст: «человеку некоему...», стр. 20.

³⁹³ Там же, стр. 17.

³⁹⁴ «Об обязанностях», кн. 1, гл. 28, стр. 121.

³⁹⁵ «Об обязанностях», кн. 1, гл. 28, стр. 123.

³⁹⁶ De Nabuthe, cap. I, 549, Parisiis, 1615a.

³⁹⁷ Слово на текст: «человеку некоему...», стр. 18.

хранить богатства своего и этим служить маммоне, но раздавать свое золото бедным³⁹⁸. Лучшие житницы для хранения христианами своего имущества — это утробы нищих³⁹⁹, почему христианин, раздавая свое богатство, никогда не должен страшиться возможности обнищать. «Никто не должен стыдиться, — поучает св. отец, — если он, благотворя бедному, из богатого и сам делается бедным, потому что и Христос, будучи богатым, сделался бедным, дабы всех обогатить нищетой своей»⁴⁰⁰. Поэтому истинно блажен, по взгляду святителя, тот, кто сразу и совершенно отрывается от имущества, хотя св. Амвросий допускает и постепенность в раздавании своего богатства. «Блажен, кто раздает все и следует за Ним (Богом)... Впрочем, Бог и не хочет, чтобы мы сразу отдали наше имущество, но чтобы раздавали его по частям, если только кто-либо не поступит так, как Елисей, заколовший быков своих и напивавший бедных с тем, чтобы, забыв о домашних заботах и бросив все, он беспрепятственно мог отдаться пророческому служению»⁴⁰¹.

Напротив, если кто смотрит на свое богатство, как на личную собственность, хранит его и заботится об его умножении, то такой человек обременяет себя своим богатством, подобно обременению верблюда его горбом, *и не может войти в Царство Небесное*. В той шкатулке, в которой хранятся деньги, заключено и благополучие бедных, и в ней — в этой шкатулке — как бы в могиле, похоронена жизнь неимущих⁴⁰². Поэтому равного проклятия заслуживает и грабитель, и скупой, не уделяющий из своего имущества нуждающимся⁴⁰³. Богатство в этом случае оказывается для своего владельца тяжким бременем, подобным горбу верблюда⁴⁰⁴, настолько затрудняющим для богатого путь в Царство Божие, что войти в него не может даже богатый, избилующий другими добродетелями⁴⁰⁵. Истинную ценность бережливость имеет лишь тогда, когда она имеет в виду помощь неимущим⁴⁰⁶.

И насколько заслуживает осуждения в жизни христианина скупость, настолько же противоречит любви христианской *и роскошь*⁴⁰⁷, и вовсе несовместимо с любовью *сребролюбие и корыстолюбие*⁴⁰⁸.

Такого горячего прославления *бедности* в жизни христианина, какое мы встречали в творениях восточных учителей Церкви, мы не видим

³⁹⁸ Слово «О единстве любви», стр. 5.

³⁹⁹ Слово на текст: «человеку некоему...», стр. 31.

⁴⁰⁰ «Об обязанностях», кн. 1, гл. 30, стр. 134.

⁴⁰¹ Там же, стр. 132–133.

⁴⁰² Там же, кн. 2, гл. 16, стр. 251.

⁴⁰³ Слово на текст: «человеку некоему...», стр. 35–36.

⁴⁰⁴ Слово «О верблюде», стр. 156–158.

⁴⁰⁵ Слово о том, «кто болий есть в Царствии Небесном», стр. 110.

⁴⁰⁶ Слово «На Четыредесятницу», стр. 119–120.

⁴⁰⁷ Там же, стр. 117–119; «О должностях», кн. 2, гл. 21, стр. 269–270.

⁴⁰⁸ «Об обязанностях», кн. 2, гл. 26, стр. 181–283.

в писаниях св. Амвросия. Но все же он не только оттеняет ту мысль, что в Церкви Христовой нет повода бедняку стыдиться своей бедности⁴⁰⁹, но в творениях его встречаются и прямые указания на благотворное влияние последней в деле христианского спасения. «Мудрый, по слову св. Амвросия, ни в чем не имеет недостатка, потому что его богатство — это целый мир. Кто славнее того, кто не прельщается золотом, кто равнодушен к деньгам и, как бы с некоторой твердыни, с презрением смотрит на человеческие страсти... Разве не удивителен презревший богатства — те самые, которые многие предпочитают собственной жизни»⁴¹⁰. И, по взгляду св. отца, самая природа, когда человек нагим рождается, и Церковь, когда человек крещается, учит согласно, что путь в Царство Небесное открыт не обремененным думами о богатстве»⁴¹¹.

В числе немногих дошедших до нас бесед св. Астерия Амасийского мы находим две беседы, прямо касающиеся интересующего нас теперь вопроса: это беседа на притчу о богатом и Лазаре и «против корыстолюбия». В этих беседах мы, собственно, находим определенно выраженными мысли о ненормальности деления людей на богатых и бедных и, в особенности, о совершенном несоответствии роскоши началу христианской любви. Мимоходом говорится и о непрочности тех утешений, какими пользуются богатые, и об истинной ценности с христианской точки зрения бедности. Позволим себе отметить, что эти мысли, всецело согласные с взглядом восточных учителей Церкви, выражены св. Астерием, по-видимому, совершенно независимо по форме от писаний восточных отцов, чего нельзя сказать о творениях св. Амвросия и блаженного Иеронима.

Св. Астерий в беседе «*против корыстолюбия*» обращает внимание на чрезвычайно ненормальное распределение жизненных благ среди людей. В то время как «одни чувствуют тошноту от пресыщения избытком стяжаний... другие, удрученные голодом и нуждой, подвергаются опасности. Одни возлежат под золочеными крышами и обитают в домах, похожих на маленькие городки, украшенных ваннами, и чертогами разнообразными, и галереями, простирающимися на далекое расстояние, и всевозможной роскошью. Другие не имеют крова и из двух бревен... И это равностное живое существо — человек — имеет такое различие в образе жизни со своим однородным!... Не иное что, как именно *корыстолюбие вводит этот беспорядок и неравенство*. Один лишен приличного вида от нагих членов, а другой, кроме того, что имеет бесчисленное количество одежд, еще и стены покрывает пурпуровыми покровами. Бедняк ощущает недостаток в деревянном столе, чтобы разрезать хлеб, а роскошествующий широко раздвигает серебряный стол, услаждается блеском материала.

⁴⁰⁹ «Об обязанностях», кн. 1, гл. 30, стр. 134.

⁴¹⁰ «Об обязанностях», кн. 2, гл. 14, стр. 243–244.

⁴¹¹ Слово о том, «кто болий есть в Царствии Небесном», стр. 109.

А насколько было бы справедливее, чтобы этот последний угощался, насыщаясь всяким другим лакомством, стоимость же стола доставила бы пропитание неимущим?... Одному масла не хватает, чтобы зажечь светильник, а другой же по одним светильникам — богач. Один ложится на голой земле, а хвастающийся суетными богатствами блещет украшением своей кровати, снабженной серебряными шарами и цепями вместо веревок. Таковы следствия ненасытного корыстолюбия. Если бы оно не ввело в жизнь неравенства, не было бы этих несправедливых возвышений и принижений, и разнообразные несчастья не делали бы нашу жизнь неприятной и плачевной... А всего этого началом, причиной и корнем — желание большего, неправедная любовь к чужим имениям. Если же бы кто-нибудь эту страсть людскую истребил, то ничто не препятствовало бы, чтобы в жизни водворился глубокий мир... и все возвратились к естественной приязни и дружбе. Посему и Господь наш заботливо врачует эту болезнь своими увещаниями, то объявляя: «не можете служить Богу и маммоне»; то выставляя жалким богача того, имевшего на следующий день умереть, а воображавшего, что будет долго наслаждаться роскошью; то, в другом месте, поучая, что совершен тот, кто, предоставив нуждающимся все, что может, обратится добровольно к нестяжательному любомудрию — матери и сожительнице добродетели»⁴¹².

Таким образом, по мысли св. Астерия, *разделение людей на богатых и бедняков есть явление ненормальное* в нашей жизни, противное справедливости, утверждающейся на «равночестности» и «однородности» нашего естества. И св. отец определенно осуждает всякую *роскошь* в жизни христиан, как противную началу христианской любви. «Роскошь, — говорит святитель, — есть дело враждебное добродетельной жизни, соединенное с порабощением лени и развлечением, с неумеренным употреблением пищи и рабскими наклонностями. И хотя рассматриваемый предмет представляет собой единое нечто, но при частном раскрытии и исследовании он оказывается имеющим состав из разнообразной, весьма большой и многоглавой порочности: ибо то и не была бы роскошь, что не возвращалась бы многими средствами. А накопить богатые средства безгрешным образом трудно, разве только кому-либо не случится, что редкость, и богатеть обильно, и жить по правде точно. Так, живущему роскошно нужен, во-первых, драгоценный дом, украшенный по углублениям камешками, мрамором и золотом... Потом нужна драгоценная одежда для облачения сидений лож, постелей, дверей. Все у них заботливо одевается, даже бездушные вещи, между тем как бедняки раздетыми остаются в таком виде. Прибавь далее к этому и сосчитай серебро в сосудах, золото... все прочие средства роскоши, которые тщательно поименовать есть дело самих пользующихся ими... Затем прими во внимание множество прислуги

⁴¹² Стр. 14–18 рус. перевода.

столовой: трапезников, виночерпиев... весь этот сброд — спутник суетности. Чтобы приобрести это, сколько бедняков обижено! Сколько сирот поругано! Сколько вдов проливают слезы! Сколько от сильных мучений спешат к удушению!... Подлинно, кто не испытывает никакой жалости к голоду и болезни, тот есть зверь неразумный... и даже гораздо более самых зверей неосострадателен. И свиньи при заклании свиньи испытывают некоторое печальное ощущение и над только что пролитой кровью издают жалостные звуки; быки обступают убитого вола, выражая скорбь весьма печальным мычанием; стаи журавлей, когда один из принадлежащих к стаду попадет в силки, летают вокруг пойманного и наполняют воздух каким-то жалостным криком, ища сородича и товарища. А человек — существо разумное и нравственное, по подобию Божию наученное благодати — так мало беспокоится о ближних своих, находящихся в печальных и бедственных обстоятельствах!»⁴¹³.

Таким образом, св. Астерий признает имущественное неравенство людей результатом и выражением недостатка между людьми братской любви и *корень деления людей на богатых и бедных усматривает в любостязании и корыстолюбии*. И св. отец видит единственное утешение возмущенного несправедливостью нравственного чувства в том, что здешние утешения богатых *призрачны и скоропреходящи*, а *бедность* перед лицом истинного блага имеет *великую ценность* и найдет праведное воздаяние. «Если бы, — говорит святитель, — такова была бы природа вещей, чтобы неравенством этого земного жития ограничивалась жизнь наша, то я испустил бы громкие вопли негодования от того, что, созданные равночестно, мы столь не равную с единоплеменниками своими проводим жизнь»⁴¹⁴. Но есть *«верный суд Праведного Судии»*. «Углубись мыслью во время последующее, — советует святитель, — когда тебя не будет, когда небольшой клочок земли заключит твое мертвое и бесчувственное тело, и доска в несколько пядей скроет твои останки. Где тогда богатство и скопленные сокровища?... И тогда поймешь богача, противоположаемого Лазарю, о котором было читано нам из Евангелия: не басню, составленную для устрашения, а точно переданный образ будущего. Виссон сгнил, царство передано другому, роскошества миновали, а грех от них отправился вместе, как тень, следующая за идущим телом»⁴¹⁵. Напротив, за терпеливым несением своего жизненного креста в виде бедности следует великая радость и утешение. «Возблагодумствуй, бедняк, узнав блаженное наслаждение сотоварища твоего по нищенству (Лазаря). Обретешь ты верный суд Праведного Судии». При этом св. отец, продолжая свою речь, определенно оттеняет, какой бедняк в праве надеяться на милости-

⁴¹³ Беседа на притчу о богатом и Лазаре, стр. 7–10.

⁴¹⁴ Беседа на притчу о богатом и Лазаре, стр. 11.

⁴¹⁵ Беседа «Против корыстолюбия», стр. 10–11.

вое воздаяние Бога. «Двоякое значение, — говорит св. Астерий, — имеет имущество: оно указывает, во-первых, на недостаток необходимого и, во-вторых, на смиренномудрие и скромность нрава. Посему, имеющий недостаток в средствах, нуждающийся в деньгах, одетый в жалкое рубище да не присваивает себе похвалу добродетели и да не думает, что для спасения ему будет достаточно одной бедности. Бедный поневоле не заслуживает похвалы, но добровольно умеряющий свои помыслы вызывает удивление к себе... Писание убожает только ищущего, который несет нужды любомудрой душой, обнаруживая благородную твердость к обстоятельствам жизни и не совершая ничего дурного для того, чтобы доставить телу наслаждение роскошью»⁴¹⁶.

Св. Астерий очень горячо осуждает корыстолюбие и сребролюбие, указывая в них источник всех зол и корень их, и определяя корыстолюбие в его сущности как «желание во всяком деле иметь более должного и принадлежащего»⁴¹⁷.

Блаженный Августин противопоставляет богатство здешнее будущему истинному и при этом оттеняет ту мысль, что сущность дела — в *душевном настроении человека*, в его пристрастии к богатству. Истинно христианское к нему отношение то, чтобы не жалеть его, раздавая ближним и через это собирая неветшающее сокровище на небе, и не скорбеть, теряя свое имущество, свидетельствуя этим о своей свободе от пристрастия к видимым благам мира. «У кого во время разорения погибли земные богатства, — говорит блаженный отец, — те, если смотрели на эти богатства так, как учил тому этот бедный, а внутри богатый, могли сказать, как говорил оний, тяжело испытанный, но непобежденный: наг изыдох от чрева матери моей, наг и отъиду... Как добрый раб, он считал за великое для себя богатство волю своего Господа, следуя которой, богател умом и не огорчился, потеряв при жизни те вещи, которые должен был потерять скоро со смертью. Те же слабейшие, которые, хотя и не предпочитали этих земных благ Христу, были, однако же, хоть с некоторой страстностью привязаны к ним, те, теряя их, почувствовали, насколько, любя их, грешили... Апостол дает такое повеление: «богатым в нынешнем веке запрещай не высокоумствовати, ниже уповати на богатство погибающее, но на Бога жива, дающего нам вся обильно в наслаждение; благое делати, богатитися в делах добрых, благоподатливым быти, общительным, сокровищуя себе основание добро в будущее, да примут (истинную) жизнь». «Кто употреблял свое богатство так, те ничтожные убытки свои покрыли великими прибылями и были более оправданы те, что, охотно раздавая, вернее сохранили; чем опечаленные тем, что, боязливо сберегая, легче потеряли... Приняв совет Господа своего, говорящего: не скрывайте себе

⁴¹⁶ Беседа на притчу о богатом и Лазаре, стр. 11–14.

⁴¹⁷ Беседа «Против корыстолюбия», стр. 2, 3, 4–9, 12–16.

сокровищ на земле... они в годину бедствия на опыте убедились, как благоразумно поступили, что не пренебрегли правдивейшего Наставника и вернейшего и непобедимейшего стража их сокровища... Но некоторых и добрых христиан подвергли пыткам, чтобы они выдали врагам свое имущество? Но они не могли ни выдать, ни потерять добра, которое их самих делало добрыми. А если захотели лучше подвергнуться пыткам, чем выдать маммону неправды, то не были добрыми». Как видим, блаженный Августин говорит об отношении к богатству применительно к тяжелым обстоятельствам церковной жизни (разрушение Рима), но высказывает принципиальные суждения по интересующему нас вопросу, причем вообще стоит на той точке зрения, что осуждения достойно не столько имение богатства самого по себе, сколько пристрастие к нему⁴¹⁸.

Блаженный Иероним в своих воззрениях на богатство и бедность, равно как и в самом выражении этих воззрений, близко примыкает к св. Иоанну Златоусту. Так же, как и последний, блаженный Иероним рассматривает богатство в качестве результата той или иной неправды, обиды ближнего. «*Всякое богатство, по мысли блаженного, исходит от неправды, и если один не потеряет, другой не может приобрести. Отсюда и известное народное мнение кажется мне справедливым: богатый или сам неправеден, или — наследник неправедного*»⁴¹⁹; и всякое вообще «*богатство собирается неправдой*»⁴²⁰. Какое же должное отношение христианина к богатству? Прежде всего, христианин должен помнить, что всякое богатство, все «*груды золота и серебра для нас — чужие*»⁴²¹ и в то же время составляют *препятствие на пути к нашему спасению*; и «*христианину невозможно соединить служение Богу и маммоне, то есть богатству, — поясняет блаженный Иероним, — ибо на своем родном, сирском, языке «маммона» означает «богатство». Заботы о пропитании суть препятствия для веры*»⁴²². Блаженный, подобно св. Иоанну, очень подчеркивает трудность для богатого войти в Царство Небесное. «*Господь сказал, — говорит блаженный отец, — что неудобь имущии богатство в Царствие Божие внидут. Не сказал: «невозможно», но — «трудно», хотя употребил сравнение невозможности: удобнее есть велбуду сквозе иглыны уши проити, нежели богату в Царствие Божие внити. Это не столько трудно, сколько невозможно, потому что никогда не может быть, чтобы верблюд прошел сквозь игольные уши. Итак, богатый никогда не может войти в Царствие Божие. Верблюд горбат, тяжел и обременен ношей; и мы, когда... обременяемся богатством мира или тяжестью грехов, не можем войти в Царствие Божие*»⁴²³. Если за Господом пошли

⁴¹⁸ «О граде Божиим», кн. I, гл. X, т. 3, стр. 18–20.

⁴¹⁹ Письмо 96 к Гебидие, т. 3, стр. 134.

⁴²⁰ Письмо 97 к Алгазию, т. 3, стр. 189.

⁴²¹ Письмо 21 к Евстохии, т. 1, стр. 133.

⁴²² Там же.

⁴²³ Письмо 96 к Гебидие, т. 3, стр. 135.

и богатые люди, каковы Матфей и Закхей, то «здесь нужно обратить внимание на то, что, когда они вошли, то уже перестали быть богатыми. Таким образом, они до тех пор не входили, пока были богатыми»⁴²⁴.

Ясно само по себе, что при таких взглядах на отношение богатства к делу нашего спасения блаженный Иероним не мог указать иного идеала с христианской точки зрения в отношении к богатству, как путь *совершенного отречения от него*. Только при таком отречении христианин свободно может следовать за Господом. «С трудом, — говорит блаженный Иероним, — богатые входят в Царство Небесное, которое требует обитателей свободных, на легких крыльях воспаряющих к небу. «Иди, — говорит (Христос), — и продаждь не часть имения, а все, чем владеешь, и даждь нищим... ничего не оставляя для себя из-за опасения собственной бедности... Все дай нищим и сотвори себе друзей от маммоны неправды, чтобы они приняли тебя в вечные кривы, чтобы следовать за Мной и стяжанием своим иметь Господа мира...». И еще присовокупляю: продай и отдай имение, если хочешь быть совершенным, если желаешь достигнуть вершины апостольской славы, если хочешь, подняв крест, следовать Христу, взявшись за рало, не оглядываться назад»⁴²⁵. Такой совет давал блаженный отец Юлиану, и не раз он высказывает подобный взгляд на отношение к богатству. Так, он хвалит Павлина за то, что тот буквально исполнил совет Господа богатому юноше, раздав все свое имение и «за обнаженным крестом следуя обнаженным»⁴²⁶. Хвалит также блаженный и Павлу, которая не только не оставила дочери никакого имущества, но еще и долги, несмотря на то, что могла постоянно из своего состояния творить милостыню⁴²⁷. И не раз блаженный Иероним увещевает идти за неимущим Христом, свергши бремя богатства⁴²⁸. Блаженный определенно указывает, что такое совершенное отречение не есть приказание, но, как и все великое, предоставляется свободному избранию христианина, ищущему совершенства⁴²⁹. Однако вообще для христианина не должно существовать заботы о завтрашнем дне и нужно довольствоваться малым, имея одеяние и пищу. «Будем жить, — советует блаженный, — как ничего

⁴²⁴ «Четыре книги толкований на Евангелие Матфея», кн. 3, т. 16, стр. 193.

⁴²⁵ Письмо 94 к Юлиану, т. III, стр. 107.

⁴²⁶ Письмо 54 к Павлину, т. II, стр. 130.

⁴²⁷ Письмо 88 к Евстохии, т. III, стр. 36.

⁴²⁸ Например, 96 письмо к Гебидие, т. III, стр. 136: «следуй за Спасителем, за бедным и одиноким крестом иди бедной и одинокой»; «Если есть у тебя богатство, — пишет блаженный отец Рустику, — продай и раздай нищим, если нет, то ты освобожден от большой тяжести. За неимущим Христом иди неимущим. Тяжелое, великое, трудное дело, но зато велики и награды», т. III, стр. 288.

⁴²⁹ Письмо 62 к Памяхию, т. II, стр. 223–224. Сравни письмо 96 к Гебидие, т. III, стр. 136: «хочешь быть совершенной... продай все, что имеешь и отдай нищим... не хочешь быть совершенной, но хочешь удержать вторую степень добродетели — оставь все, что имеешь, отдай детям, отдай родственникам».

не имеющие и всем обладающие. Одежда и пища — вот богатства христианские! Если ты имеешь в своих руках какую-либо вещь — продай; если не имеешь — не заботься о приобретении. Отнимающему ризу нужно отдать и срачицу. Если ты, откладывая постоянно до завтра, волоча день за день, будешь осторожно и помалу продавать твои владеньища, то Христу не будет чем питать бедных Своих»⁴³⁰. Блаженный Иероним поясняет не раз, насколько не соответствует христианскому настроению беречь свое имущество⁴³¹, и особенно горячо осуждает *роскошь* в христианской жизни, приближаясь по суровости обличения в этом случае к св. Иоанну Златоусту. «Ныне увидишь очень многих, — говорит блаженный Иероним, — набивающих шкафы платьями, каждый день меняющих туники... Окрашен в пурпур пергамент, блестит в буквах золото, переплет обделан драгоценными камнями, а за дверьми умирает обнаженный Христос»⁴³². «О, позор! — говорит блаженный в другом своем письме. — Живем так, как будто собираемся на другой день умереть, а строим, как будто вечно будем жить в этом мире. Золотом блещут стены, золотом потолки, золотом капители колонн, а нагой и алчущий Христос в образе нищего умирает перед нашими дверьми»⁴³³. И в своем обличении роскоши блаженный Иероним не делал исключения даже *для украшения храмов*, поставляя на первом месте долг помогать нуждающимся. «Пусть другие, — пишет блаженный отец в одном письме, — строят храмы, украшают стены мрамором, подвозят глыбы для колонн, золотят их капители, не чувствующие драгоценного украшения, пусть разукрашивают двери слоновой костью и серебром и раззолоченные алтари — драгоценными камнями. Не упрекаю, не запрещаю... Лучше делать это, чем лежать на сложных сокровищах. Но тебе предназначено другое: одевать Христа в лице бедных, посещать — в больных, питать — в алчущих»⁴³⁴. «Многие, — более резко говорит блаженный Иероним в другом письме, — строят стены и ставят колонны церковные; белеет мрамор, потолки блестят золотом, алтарь украшен дорогими камнями... Не возражайте мне, что в Иудее был богатый храм... Все это имело прообразовательное значение... А ныне, когда обнищавший нас ради Господь освятил нищету дома Своего, будем помышлять о кресте Его и считать богатство грязью. Зачем дивиться тому, что Христос называет маммоной неправедной? Зачем принимать и любить то, в неимении чего открыто признается апостол Петр?... Или отвергнем золото вместе с прочими иудейскими предрассудками, или, если нравится золото, то пусть нравятся и иудеи, которых вместе с золотом мы необходимо

⁴³⁰ Письмо 50 к Павлину, т. II, стр. 87–83.

⁴³¹ Например, письмо 21 к Евстохии, т. I, стр. 133–134; письмо 54 к Павлину, т. II, стр. 136.

⁴³² Письмо 21 к Евстохии, т. I, стр. 134.

⁴³³ Письмо 104 к Гавденцию, т. III, стр. 308.

⁴³⁴ Письмо 106 к Деметриоде, т. III, стр. 339.

должны или одобрить, или осудить»⁴³⁵. «Храм Христа есть душа верующего; ее украшай, ее одевай, ей приноси дары, в ней воспринимай Христа. Какая польза, если стены наши блестят драгоценными камнями, а Христос терпит крайнюю нужду?»⁴³⁶.

Кратким изложением воззрений западных отцов Церкви мы закончим настоящую главу, посвященную раскрытию православно-христианского учения о богатстве и бедности⁴³⁷. Думаем, что, хотя святоотеческое учение изложено нами далеко не во всей полноте и выразительности, но все же мы в праве указать на поражающее *согласие* в отношении к *этической оценке богатства и бедности* представителей церковной мысли в первые четыре века жизни христианства. Нетрудно теперь в заключении главы сделать общие выводы о христианском взгляде на богатство и бедность.

Прежде всего, христианская Церковь непоколебимо верует слову своего Учителя, что «жизнь человека не зависит от изобилия его имения». И богатство, и бедность сами по себе не имеют *никакой ценности*, так как относятся лишь к области внешних условий человеческой жизни и не имеют необходимо определяющего влияния на нравственное достоинство человека. Но самый факт разделения людей на богатых и бедных *не есть Божеский закон, и богатство не есть Божий дар* человеку, но такое разделение есть *результат недостатка братской любви* среди людей и обиды слабейших более сильными. Поэтому богатство всегда по своей сущности является *«неправедным»*, так как предполагает обиду ближнего в процессе его собирания и холодность, граничащую с жестокосердием, в отношении к ближним его обладателя и охранителя. Если св. отцы и говорят, что богатство может явиться для человека даром Божиим и послужить к его спасению, так единственно лишь в смысле *долга или обязанности* достаточного человека *делиться своим с другими* и через это исполнить волю Божию, допустившую человека владеть достоянием

⁴³⁵ Письмо 49 к Непоциану, т. II, стр. 67, 68.

⁴³⁶ Письмо 54 к Павлину, т. II, стр. 136.

⁴³⁷ В постановлениях Вселенских Соборов мы не встретили прямых указаний на отношение Церкви к богатству и бедности, что и естественно, так как первым предметом соборных рассуждений было установление православного вероучения, а затем установление порядков внешней организации церковного управления. Лишь случайно соборные постановления касались некоторых сторон интересующего нас вопроса из области христианского нравоучения. Так, 16 правило седьмого Вселенского Собора говорит о том, что роскошь должна быть чужда «священнического чина и состояния». Точно так же определено запрещается взимать священнослужителям рост с даваемого взаем (апост. прав. 44; первый Всел. 17; шестой Всел. 10; Лаод. 4; Карф. 21). В 21 правиле Анкирского собора говорится о богатстве, что, если оно соединяется «с правдой и благотворением», то отцами «не уничижается». Но непосредственно далее определено говорится, что одобряется простота в одежде, а изнеженность отвергается.

других; но не о праве человека хранить и умножать свое богатство и пользоваться им для себя. Пока остается хоть один просящий и нуждающийся, до тех пор имеющий достаток в этом мире и не делящийся своим с нуждающимся братом не может иметь мира со своей совестью и считать себя правым перед лицом правды Божией. Поэтому, всякое *богатство*, пока оно не роздано нуждающимся, есть *бремя на пути к спасению*, бремя тяжелое и неудобноносимое, не сбросив которое трудно христианину войти в Царство Божие. Поэтому же *роскошь* не только непозволительна христианину, но напротив, находится в прямом противоречии с его христианским призванием и всегда говорит об опасном охлаждении жизни сердца человеческого, не замечающего окружающей нужды и страданий. Поэтому же, наконец, и *бережливость* является добродетелью в том единственном случае, если скромность в личной жизни имеет в виду помощь бедным. В противном случае, как путь сбережения и увеличения своего имущества, бережливость есть та же скупость и сребролюбие, которые в нравственной жизни являются выражением жестокосердия и по существу должны быть оцениваемы и осуждаемы наравне с хищением у ближних принадлежащего им.

Что касается *бедности* как недостатка необходимого в жизни, то христианство видит в ней не нормальное явление, но результат того же самого недостатка братской любви между людьми. Но насколько каждый христианин, согласно апостольскому слову, более должен желать быть обиженным, чем обидчиком; настолько бедность в отношении к нашему делу спасения *не является тяжелым бременем*, будучи лишена принципиально неправды и обиды ближнего. Напротив, своими характерными свойствами — отсутствием заботы о тленном и скоропреходящем — она *содействует совершенной свободе христианина* в его стремлении к нравственному совершенствованию. И если *вынужденная бедность* имеет право на братскую помощь и, будучи переносима с терпением, говорит о высоком нравственном состоянии такого терпеливого бедняка, то *бедность добровольная*, как совершенное отречение от своего имущества ради Христа и Его правды на земле, является одним из выражений истинно христианского совершенства и следования по стопам добровольно обнищавшего нас ради Господа Иисуса Христа.

III

Блаженнее давать, нежели принимать
Деян. XX, 3–5

*При раздаче милостыни и во всякой добродетели
помышляй не о суровости трудов, но о сладости наград;
а прежде всего, имей в виду Господа нашего Иисуса,
для Которого и предпринимаешь те или другие подвиги, —
и ты легко выйдешь на подвиги
и в радости проведешь все время жизни*
Св. Иоанн Златоуст

Нравственная жизнь христианина есть *жизнь во Христе*: Он — идеал христианского совершенства, перед лицом Которого должна протекать жизнь верующего, в непрестанном единении с Которым эта жизнь возрастает и утверждается. Жить, подражая Христу — таков первый христианский долг; преображаться в образ Христа, восходя от силы в силу — таков идеал христианской жизни. Богословие наше много говорит о *подражании Христу Спасителю*, рассуждает о долге такого подражания, о том, в чем оно должно состоять, как может христианин подражать Господу в обыденных условиях своей жизни и т. п. Вопрос о подражании Христу считается сложным и трудным в ряду других вопросов, решаемых в системе христианского нравоучения. Много различных теорий высказано по этому поводу, много указано и разрешено недоумений, много порождено споров и возникло разногласий... Но есть такие черты в образе Христа Спасителя, относительно подражания которым не может быть разногласий, не нужны научные теории, бесполезны споры. И первое место в ряду таких черт святого и дорогого каждому облика Христа Спасителя принадлежит, бесспорно, Его *милосердию*. Не раз повествует Евангелие о милосердии Господа, и в этих простых, трогательных повествованиях с наибольшей полнотой выражено преобладающее настроение Господа во время Его земной жизни. Не было ни одного вида человеческих страданий, не исключая страданий от угрызения совести, ожесточенной грехами, на которые не отозвалось бы любящее сердце Спасителя — и как отозвалось! Если нас глубоко поражает и вызывает благоговейное преклонение Его святая молитва за врагов на кресте, то, кажется, еще более умиляет и трогает всегдашнее любовное внимание к самым обыкновенным, привычным для нашего глаза страданиям и огорчениям людей. Как жил Сам Спаситель, тому же *и учил Он* Своих последователей. Едва ли кто-либо из читавших Евангелие не был поражен тем, что в причте о страшном суде — самом наглядном изображении тайны будущей жизни — Сердцеведец Господь, прежде всего, видит в сердцах людей их отношение к тому горю, какое

встречали они в жизни своих ближних на своем жизненном пути: если ты, как бы так говорил Господь, видел во время своей земной жизни голодного и жаждущего и не остался безучастным зрителем их страдания, но накормил и напоил их; если ты приютил в своем доме бесприютного странника; одел лишенного одежды; посетил больного и заключенного в темнице и этим доставил ему радость и утешение, то приди ко Мне; ты — Мой последователь, ты — член Моего Царства. Нет речи здесь о героизме, самопожертвовании и высшей святости, чему также учил Господь Своих учеников, но указано со всей ясностью, что *великое в христианской жизни выражается и в малом*, в тех делах, какие всем доступны и какие требуют только одного движения любящего сердца. И такова, прежде всего, *милостыня*, это наиболее простое и доступное проявление христианского милосердия. Нас не может поэтому удивлять, что и в откровенном, и в святоотеческом учении очень много и подробно говорится о милостыне, и христиане призываются к тому, чтобы в ней проявлять свою любовь к ближним и к Самому Христу Спасителю. И благодаря такому выдающемуся месту, какое занимает долг творить милостыню в христианском мирозерцании, для настоящей главы нашего труда мы находим необыкновенно *обильный материал в Слове Божиим и в учении Церкви*. Наша задача сведется, главным образом, лишь к тому, чтобы названный материал изложить в возможной раздельности частных черт и передать в соответствующих выдержках из древнеотеческих творений тот дух живой любви, какой составлял душу собственно христианской милостыни и какой нашел совершенное отражение в святоотеческих наставлениях. Конечно, этот же дух дышал и еще более наглядно выражался в жизни великих христианских подвижников; но так как задачей настоящей главы является выяснение христианского *учения* о милостыне, то мы вовсе не предполагаем касаться истории христианской благотворительности и деятельности отдельных представителей христианского милосердия.

Начиная изложение откровенного учения о милостыне с *книг ветхозаветных*, мы можем отметить, что в вопросе о милостыне ветхозаветное откровение оттенило в существенном все те стороны, какие с совершенной полнотой раскрыты в новозаветном учении. Это, конечно, потому, что милостыня есть такое элементарное выражение любви к ближнему, какое доступно было всегда сердцу верующего и независимо от определенных велений закона. Закон, правда, определял частные случаи и виды благотворения, так что не было совершенной *свободы* в деле милостыни; и в этом отношении, как и вообще, закон ничего не довел до совершенства¹. Но закон не полагал строго определенных границ для милостыни, и в сердце верующего всегда могло найтись больше, чем заключалось в букве закона. Недоставало ветхозаветному взгляду на милостыню и той *широты*, какая

¹ Евр. VII, 19.

присуща только проявлениям совершенной любви. Понятие «ближнего», которому нужно было благотворить, суживалось законом и в направлении национальности, и в направлении нравственной порядочности. Но все же высшее откровение богопросвещенного ветхозаветного сознания поднималось над этими отношениями, и в пророческих речах, равно как и в учительных книгах, мы встречаем такое возвышенное учение о милостыне, что его без преувеличения можно назвать зарей, возвещавшей восход в Израиле истинного солнца любви.

Мы видели уже, что, по взгляду ветхозаветного нравоучения, долг творить милостыню являлся первым и неотложным, таким элементарно добрым делом, отсутствие которого говорило о совершенной неразвитости или непорочности человека. Так как в речи нашей об отношении к праву собственности были достаточно полно указаны те постановления закона, которыми определялась, так сказать, обязательная милостыня со стороны богатых и вообще достаточных лиц в пользу неимущих, то теперь мы остановимся лишь на вопросах о том, имел ли долг милостыни в Ветхом Завете *всеобщее* значение, и какими *свойствами* должна была обладать истинная милостыня по ветхозаветному на нее взгляду, и какие *побуждения* по этому же взгляду лежали в основе долга творить милостыню.

На первый вопрос, о том именно, имел ли *долг этот всеобщее значение* для ветхозаветного верующего, трудно ответить со всей определенностью. Скорее можно предположительно высказать суждение, что такой *всеобщности не было*, так как мы встречаем ограничения и в направлении того, *кому* нужно оказывать милостыню, и в направлении того, *кто* должен быть благотворителем. В первом случае встречаем определенное разграничение единомышленников и чужеземцев, равно как праведных и грешных. Если на «земле своей» израильтянин должен был помогать всякому обедневшему² и не брать с него роста и прибыли за данное в рост³, то с иноземца мог и взыскивать долг после года прощения⁴, и брать с него рост и прибыль⁵. Подобные же отношения, хотя и не законодательного характера, и в позднейшее время, мы находим в разделении лиц благочестивых и грешных, причем не считается обязательным помогать последним. «Давай благочестивому, — советует книга Иисуса, сына Сирахова, — и не помогай грешнику. Делай добро смиренному и не давай нечестивому: запирай от него хлеб и не давай ему... ибо и Всевышний ненавидит грешников и нечестивым воздает отмщением. Давай доброму и не помогай грешнику»⁶.

² Втор. XV, 7–11.

³ Лев. XXV, 35–37.

⁴ Втор. XV, 1–4.

⁵ Втор. XXIII, 20.

⁶ XII, 4–7.

Но, несмотря на подобные ограничительные предписания, невозможно, сказали мы, с уверенностью утверждать, что долг милостыни не имел в Ветхом Завете всеобщего значения. Совесть верующего предстояла перед лицом такой совершенной святости, чистоты и любви, что в верующем сердце находился живой *источник правды высшей, сравнительно с правдой закона*. Если Иосиф Обручник был назван «праведным» за то, что его правда была выше правды закона⁷, то в известном смысле это же можно сказать и о милостыне. В то время как лицемерие книжников и фарисеев делало из закона преграду добру и, в частности, извратило в корне учение о милостыне⁸, совесть истинно верующего видела за оградой закона бесконечный горизонт на пути служения к ближнему. И мы слышим в учении ветхозаветного мудреца не только указание на границу милосердия, но и призыв возвышаться над этими преградами. «Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напои его водою... Господь воздаст тебе»⁹. Множество предписаний и советов подавать милостыню и вообще благотворить нуждающимся не содержит никаких указаний на ограничение лиц, которым должно благотворить¹⁰. Поэтому, думается, слово Христа Спасителя о помощи всякому нуждающемуся, с особенной ясностью высказанное в притче Господа о милосердном самарянине, не могло показаться слушателям призывом к нарушению закона.

Таким образом, *законные ограничения* долга творить милостыню в отношении лиц, требующих помощи, *не имели*, видимо, *абсолютного значения*. Точно так же не имело такого значения и то наставление ветхозаветной мудрости, по которому нужно было творить милостыню *от избытка, но не до скудости*: помогай человеку по силе твоей и берегись, чтобы тебе не впасть в то же¹¹. Пример вдовы из Сарепты Сидонской¹² наглядно говорит, что для нравственного сознания не было такого недостатка, который бы делал ненужной милостыню; и, бесспорно, имело жизненное значение наставление книги Товита: когда у тебя будет много, твори из того милостыню; и когда у тебя будет мало, не бойся творить милостыню и понемногу¹³. И когда величайший ветхозаветный пророк обратился к народу с таким призывом, чтобы имеющий две одежды дал одну нищему, и имеющий пищу делал бы то же¹⁴, то этот призыв полнее выражал дух закона, чем самодовольное понимание его фарисеем, давав-

⁷ Мф. I, 19.

⁸ Например, Мф. XV, 5 и др.

⁹ Притч. XXV, 21–22.

¹⁰ Исх. XXIII, 10–11; Лев. XIX, 9–10; XXIII, 22; Втор. XXIV, 19–21; Притч. III, 27; Сир. IV, 1–10; VII, 26; Зах. VII, 10; Тов. IV, 14–17 и др.

¹¹ Сир. XXIX, 23.

¹² 3 Цар. XVII, 12–15.

¹³ Тов. IV, 8.

¹⁴ Лк. III, 11.

шим десятину бедным¹⁵. Вообще, если мы находим в законе указания на долг каждого давать «десятину» для бедных¹⁶, помимо десятины в пользу левитов, то никогда в законе мы не встречаем мысли о праве ограничиваться такой мерой, и никогда закон *не суживает возможной широты любящего сердца*.

Если после сказанного о всеобщности долга милостыни по ветхозаветному учению, мы обратимся к исследованию его взглядов на *побуждения к милостыне* и на те ее *свойства*, какие делают ее истинной добродетелью, то в этом случае встретим столь высокую характеристику должного настроения в лице оказывающего милостыню, что эта характеристика непосредственно примыкает к новозаветному учению о милостыне.

В ряду *побуждений* к милостыне мы на первом плане всюду на протяжении всей истории ветхозаветного домостроительства встречаем указание на *богоугодность милостыни*, как такое ее свойство, которое приближает милостыню к делам не-посредственного служения Богу и сообщает ей религиозное освящение. Для нас должно быть понятно основание для такого взгляда после сказанного в первой главе нашего труда. Если Господь есть верховный Владыка всего, и все, чем владеет человек, по учению ветхозаветного Откровения, принадлежит собственно Богу, то долг верующего — относиться к своему имуществу согласно с волей Божией, которая определенно ставила перед человеком требование помогать нуждающимся. Исполняя волю Божию, верующий мог считать себя в праве ожидать милости и благоденный от Господа; напротив, не исполнив этого велеия воли Божией, он (верующий) не мог не страшиться гнева Божия и не тревожиться за безопасность того, чем он владел по воле Божией. «Берегись, — заповедует пророк Моисей, — чтобы глаз твой не сделался немилостив к нищему брату твоему, и ты не отказал ему; ибо он возопиет на тебя к Господу, и будет на тебе великий грех. Дай ему... ибо за то благословит тебя Господь Бог твой во всех делах твоих»¹⁷. Благотворение нищему прямо называется почитанием Творца¹⁸, даванием взаймы самому Богу, Который воздаст за благодеяния, оказываемые бедным¹⁹, воздаст даже в том случае, если получивший благодеяния не воздаст должного²⁰. В книге Товита с особенной определенностью отмечена та мысль, что подаяние милостыни есть *служение Богу* и является надежным залогом на получение от Него милости. «Из имения твоего подавай милостыню, и да не жалует глаз твой, когда будешь творить милостыню. Ни от какого нищего

¹⁵ Мф. XVIII, 12.

¹⁶ Втор. XII, 17–18; XIV, 28–29; XVI, 11, 16–17; XXVI, 12–13.

¹⁷ Втор. XVI, 9–10.

¹⁸ Притч. XIV, 31.

¹⁹ Притч. XIX, 31.

²⁰ Сир. XII, 2.

не отвращай лица твоего, тогда и от тебя не отвертится лицо Божие! Когда у тебя будет много, твори из того милостыню, и когда у тебя будет мало, не бойся творить милостыню и понемногу, ты запасешь себе богатое сокровище на день нужды, ибо милостыня избавляет от смерти и не попускает сойти во тьму. Милостыня есть богатый дар для всех, кто творит ее перед Всевышним»²¹. Милостыня в этой же книге поставляется наряду с молитвой и постом, и вообще ей усваивается великое религиозное значение. Доброе дело — молитва с постом, и милостыней, и справедливостью... Лучше творить милостыню, нежели собирать золото, ибо милостыня от смерти избавляет и может очищать всякий грех²². И такой взгляд на значение милостыни в жизни верующего нашел выражение во многих ветхозаветных книгах. Мы уже видели раньше, что служение бедным являлось угождением Богу и делало человека особенно достойным Его милости²³. И насколько высокий взгляд на милостыню был присущ сознанию лучших из сынов избранного народа, видно из того, что милостыня поставляется не только рядом с молитвой, как в отмеченном месте из книги Товита, но и *наряду с жертвой и постом*, причем самое священное в жизни верующих — храмовое богослужение — признается угодным Богу только при сопутствующем ему милосердном настроении сердца. «Вот пост, — говорит великий пророк от лица Божия, — какой Я избрал... Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его и от единокровного твоего не укрывайся... Когда отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца — тогда свет твой взойдет во тьме»²⁴. Этот же великий пророк прямо *противополагает внешнее богослужение* — жертвоприношения и праздничные собрания — *добрым делам*, причем на первом месте стоят дела милосердия: научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову²⁵; и только под условием такого живого сердечного отклика на чужое горе признается нужным и богоугодным молитвенное служение Богу. И такая точка зрения обычна у пророков. Пророк Михей прямо *противополагает* в возвышенной и необыкновенно сильной речи дела внешнего богослужения и дела милосердия, поставляя последние на несравнимую высоту²⁶. А слова пророкак Осии от лица Божия (Я милости хочу, а не жертвы²⁷), повторял Сам Спаситель мира, как выражение истинного духа закона²⁸.

²¹ Тов. IV, 7–11.

²² XII, 8–9.

²³ Пс. XL, 2; Притч. III, 9; XI, 25–26; XIX, 17; XXII, 7–9; Сир. XVI, 15 и мн. др.

²⁴ Ис. LVIII, 6–10.

²⁵ Ис. I, 11–17.

²⁶ VI, 6–8.

²⁷ VI, 6.

²⁸ Мф. IX, 13; XII, 7.

И таким значением, усваиваемым милосердию вообще, а милостыне, как его первому проявлению, в частности, объясняется и то, что милостыня в глазах ветхозаветных верующих имела не только высокую нравственную ценность, но и значение *очистительное*, подобное тому, какое усваивалось жертвам и вообще богослужебным обрядам. Не только в приведенном уже нами месте книги Товита²⁹ утверждается, что милостыня может очищать грехи, но это же самое верование мы встречаем и у пророков. Пророк Исая, призывая израильтян возлюбить дела милосердия, обещает им от лица Господа в случае обращения их к совершению таких дел совершенное прощение грехов: «если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю»³⁰. Пророк Даниил прямо указывает в своем совете царю Навуходоносору на очистительное значение милостыни: «Царь!... Испу-пи грехи твои правдой и беззакония твои милосердием к бедным»³¹. В книге Притчей исповедуется вера, что милосердием и правдой очищается грех³²; такая же вера исповедуется и в позднейшем произведении ветхозаветной мудрости: вода угасит пламя огня, и милостыня очистит грехи³³. В этой же книге милостыня поставляется наряду с обязанностями религиозного характера³⁴.

Как открывается из сказанного, долг милостыни в Ветхом Завете утверждался, прежде всего, на *религиозном основании*. Творить милостыню считалось потому долгом, что это — заповедь Божия, и Сам Господь, являясь защитником всех нуждающихся, требовал служения им, как Самому Себе. Иными словами, милостыня потому составляет нравственный долг для верующего, что она богоугодна. Сознание того, что милостыня и может явиться залогом земного благополучия милосердного³⁵, и имеет силу очищать грехи, всецело покоилось на этой религиозной основе. Другие побуждения к милостыне, сравнительно с религиозными, стояли на втором плане. Истинно *гуманные основы* милостыни выступают со всей ясностью не в качестве обоснования долга благотворить нуждающемуся, но в указаниях на свойства истинной милостыни, какие свойства определяются как тем, что милостыня совершается ради Господа, так и тем, что она имеет дело с чутким человеческим сердцем. И эти свойства истинной милостыни указаны

²⁹ Тов. XII, 9.

³⁰ Ис. I, 18.

³¹ Дан. IV, 24.

³² Притч. XVI, 6.

³³ Сир. III, 30.

³⁴ VII, 31–36.

³⁵ Например, Тов. IV, 7–10; Притч. XI, 24–28; XIX, 17; XXII, 7–9; Сир. XII, 2–7; XXIX, 14–16 и мн. др.

с большой выразительностью и полнотой. Это щедрость, свобода и любящая настроенность.

Первое свойство истинно богоугодной милостыни — *щедрость*. Нужно давать всегда нуждающемуся, когда только есть возможность³⁶, давать и из многого, и из малого так, чтобы не жалел глаз творящего милостыню³⁷; сыпать щедро, а не быть сверх меры бережливым³⁸. *Свобода* творящего милостыню должна выражаться в том, чтобы милостыня была радостью для души благотворящего³⁹. Не должно скорбеть сердце человека, когда он дает бедному⁴⁰, потому что только добровольно дающего любит Бог⁴¹. Наконец, *любящая настроенность* при совершении милостыни сама собой вытекает из того чувства братского единства, какое требует не делать другим того, чего каждый не желал бы и для себя⁴². Прекрасные наставления по этому поводу мы находим в книге Иисуса, сына Сирахова. Здесь требуется от благотворящего такая высота благожелательного настроения, что советы этой книги по данному предмету могут быть признаны имеющими вечное значение. «Сын мой! — учит мудрец. — Не отказывая в пропитании нищему и не утомляй ожиданием очей нуждающихся; не опечаль души алчущей и не огорчай человека в его скудости, не смущай сердца, уже огорченного и не откладывай подавать нуждающемуся... Приклони ухо твое к нищему и отвечай ему ласково, с кротостью»⁴³. «Сын мой! при благотворениях не делай упреков и при всяком даре не оскорбляй словами. Роса не охлаждает ли зноя? Так слово — лучше, нежели даяние. Поэтому не выше ли даяния слово? А у человека доброжелательного и то, и другое. Глупый немилосердно укоряет, и подаяние неблагоприятного иссушает глаза»⁴⁴. «К бедному будь снисходителен, и милостыней ему не медли»⁴⁵. «Тяжел для человека с чувством упрек за приют в доме и порицание за одолжение»⁴⁶.

Чтобы заключить наш очерк ветхозаветных воззрений на милостыню, остается сказать лишь несколько слов относительно *видов благотворения*. В ветхозаветных книгах мы встречаем указания на все обычные виды милостыни: помощь нищему и вообще бедному⁴⁷; указания на

³⁶ Притч. III, 27–28; Сир. IV, 4–5.

³⁷ Тов. IV, 7–11.

³⁸ Притч. XI, 24–28.

³⁹ Притч. XIX, 22.

⁴⁰ Втор. XV, 10.

⁴¹ Притч. XXII, 8.

⁴² Тов. IV, 15.

⁴³ Сир. IV, 1–3, 8.

⁴⁴ XVIII, 15–18.

⁴⁵ XXIX, 11.

⁴⁶ XXIX, 31.

⁴⁷ Например, Иов. XXIX, 16; Лев. XXV, 35–36; Втор. XV, 7–11; Тов. IV, 7 и др.

долг накормить голодного⁴⁸ и напоить жаждущего⁴⁹, помочь больному и калеке⁵⁰, позаботиться об узниках⁵¹, поддержать вдову и сироту⁵², оказать гостеприимство бездомным⁵³, одеть нагого⁵⁴, приютить странника⁵⁵, согреть озябшего⁵⁶, совершать погребение умерших бедняков⁵⁷ и т. д.

Нам нетрудно теперь подвести итоги и сделать общую характеристику ветхозаветного учения о милостыне. Это учение является возвышенным и дышит такой религиозностью и гуманным чувством в отношении бедствующих, что в значительной степени может быть признано отвечающим глубочайшим требованиям нашей совести. Если призывы к милостыне носят иногда юридический характер, так что им не достаёт совершенной свободы, если побуждения творить милостыню указываются не только в благоговении перед заповедью Господа, но и в земном благополучии милосердного, как награде за его благотворительность, то все это было естественно в религии подзаконного человечества, и все это не мешало одухотворять букву закона и возводить ее к совершенству абсолютных требований любви и свободы, как это мы видим, особенно в пророческих созерцаниях. Но, конечно, такой совершенный путь в понимании духа закона мог быть и действительно был не единственным. Можно было букву закона не одухотворять и не расширять до высоты требований совершенной любви, но материализовать и суживать до совершенного извращения истины. Евангельские повествования дают нам возможность ясно видеть, до какой степени извращения можно было довести учение о милостыне ветхозаветного Откровения⁵⁸. На ветхозаветном учении о милостыне лежала та же печать ограниченности, какая характеризует и ветхозаветное учение о любви. Только учение о совершенной любви во Христе могло и взгляду на милостыню сообщить ту *абсолютность*, которая характеризует христианское учение вообще. В христианстве *спадают границы* национальных и всяких других *ограничений*, потому что в нем нет иудея и эллина, раба и свободного⁵⁹. Та *религиозность*, которая составляла душу ветхозаветного учения о милостыне, в новозаветном откровении

⁴⁸ Например, Тов. I, 17; Ис. LVIII, 7 и др.

⁴⁹ Например, Притч. XXV, 21 и др.

⁵⁰ Например, Иов. XXIX, 15; 2 Мак. VIII, 28 и др.

⁵¹ Например, Ис. LVIII, 6; LXI, ? и др.

⁵² Например, Иов. XXIX, 12–13; XXXI, 16–17; Притч. XXXI, 8–9; Сир. IV, 10 и др.

⁵³ Например, 2 Цар. XVII, 27–29; Ис. LVIII, 7 и др.

⁵⁴ Например, Иов. XXXI, 19–20; Тов. I, 17 и др.

⁵⁵ Например, Суд. XIX, 14–24 и мн. др.

⁵⁶ Например, Иов. XXXI, 20 и др.

⁵⁷ Например, Тов. I, 18; II, 7.

⁵⁸ Например, Мф. XXIII, 23; Лк. XI, 41–42; Мф. XV, 4–6; Мк. VII, 10 и др.

⁵⁹ Гал. III, 28.

получает высочайший духовный характер, чуждый всякого эгоистического элемента. Наконец, ограниченная свобода ветхозаветного благотворителя становится совершенной *свободой детей одного Небесного Отца* и утверждается на любви к Богу, как Отцу, и на братской любви верующих друг к другу.

Первое, что нужно, по нашему мнению, отметить в новозаветном учении о милостыне — это *абсолютность евангельской заповеди* творить милостыню. Как уже было и раньше отмечено, закон христианской благотворительности такой, чтобы давать всякому просящему⁶⁰. Все возможные *ограничения оказываются* вовсе *исключенными* этой *всеобщностью долга* благотворить нуждающемуся. Национальные различия бледнеют перед сознанием того, что голодный человек для христианина — его ближний, идея о чем так определенно и доступно выражена Господом в притче о милосердном самарянине⁶¹. Если христианство признавало законность естественных наших человеческих чувств и указывало на то, что прежде всего должна быть забота и попечение о ближних по вере⁶², то это не было ограничением христианской любви, а обуславливалось естественной ограниченностью сил благотворящего, подобно тому, как и особенная близость Христа Спасителя к Своему народу принципиально не помешала Его служению быть всемирным. Закон милостыни, ее принципиальное выражение всегда одно: дай всякому просящему, всякому брату или сестре, которые не имеют необходимой одежды и дневного пропитания⁶³. Христианство приветствовало милостыню со стороны язычников избранному народу, как, например, в лице сотника Корнилия⁶⁴, и, конечно, не христианство с его проповедью о братстве всех людей⁶⁵ могло полагать пределы движениям любящего сердца в виде различия национальности или даже нравственной добропорядочности просящего. Если ветхозаветный мудрец советовал давать доброму и не давать нечестивому⁶⁶, то христианство провозгласило принцип «не судите никак прежде времени»⁶⁷ и учило, соответственно этому, милосердию, подобному милосердию Небесного Отца, Который повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных⁶⁸. Благотворите ненавидящим вас⁶⁹ — в этом для христианина подобие любви Божественной. И такая всеобщность долга тво-

⁶⁰ Лк. VI, 30.

⁶¹ Лк. X, 30–37.

⁶² Гал. VI, 10.

⁶³ Иак. II, 14–16.

⁶⁴ Деян. X, 4.

⁶⁵ Мф. XXIII, 8–9.

⁶⁶ Сир. XII, 4–7.

⁶⁷ 1 Кор. IV, 5.

⁶⁸ Мф. V, 45.

⁶⁹ Мф. V, 44.

ритель милостыню нашла выражение не только в заповеди о благотворении каждому просящему, но и в указании на возможность *и обязанность* для *каждого творить милостыню*. Уже ветхозаветный праведник призывал творить милостыню не только из многого, но и из малого⁷⁰. Христианство бесконечно углубило эту мысль, определенно указав, что величина жертвы зависит не от количества жертвуемого, но от степени того лишения, какому добровольно подвергает себя благотворящий: если есть усердие, то оно принимается, смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет⁷¹, — так сформулировал св. апостол этот закон христианской милостыни. И в Евангелии мы встречаем трогательное конкретное выражение этого же закона милостыни, по которому ценность ее не зависит от количества. «Сел Иисус, — рассказывает св. евангелист Марк, — против сокровищницы и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много. Пришедши же одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу: ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое»⁷². Такая этическая оценка милостыни, совершенно выводящая ее ценность из ограничения числом и мерой, делает то, что каждый в христианстве и может, и должен являться жертвователем: у кого две одежды, тот дай неимущему, и у кого есть пища, делай то же⁷³. Даже кто напоит одного из малых сих только чашей холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей⁷⁴. Ясно, что закон милостыни выведен из границ большей или меньшей имущественной состоятельности, и этому закону усваивается значение *всеобщего долга*. Каждый в день Страшного Суда должен дать отчет в исполнении этого закона, такого общедоступного и в тоже время такого важного, что Судия неба и земли прежде всего видит в сердцах людей то или иное отношение их к долгу милостыни. И вполне понятно, что в системе христианского нравоучения делам милосердия усваивается такое громадное значение: милостыня — это первичное обнаружение той любви к ближним, которая составляет душу христианства. И насколько в нем неразрывно связана любовь к ближнему с любовью к Богу, настолько и милостыне, как проявлению христианской любви, усваивается значение служения Богу: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»⁷⁵. Так определенно, без возможности перетолкования, Христос Спаситель усваивает религиозное значение делам

⁷⁰ Тов. IV, 8.

⁷¹ 2 Кор. VIII, 12.

⁷² Мк. XII, 41–44.

⁷³ Лк. III, 11.

⁷⁴ Мф. X, 42.

⁷⁵ Мф. XXV, 40.

христианского милосердия. И такое освещение долга творить милостыню позволяет нам понять те *побуждения*, какие Евангелие и апостольские послания указывают для милостыни.

Мы видим уже, что в Ветхом Завете одним из побуждений творить милостыню была вера в то, что *Господь воздаст благотворящему Своей милостью*. Совершенно подобное этому мы встречаем и в евангельском учении, только, конечно, соответственно одухотворенности христианской религии, взоры верующего обращаются от земного к небесному и вечному. «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира»⁷⁶ — вот слова ответной Божественной любви милосердным. И всюду в Евангелии мы встречаем ясно выраженное *обещание награды* в Царстве Небесном, как сильнейшее побуждение творить милостыню. «Смотрите, — учил Христос Спаситель, — не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного»⁷⁷. «Если хочешь быть совершенным, — наставлял Господь богатого юношу, — пойдя, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах»⁷⁸. Подобный же характер имеет наставление Господа звать на обед к себе или на ужин нищих, увечных, хромым, слепых, потому что за это воздастся в воскресение праведных⁷⁹. Такой же, только более общий смысл имеет совет приобретать себе друзей богатством неправедным, чтобы они приняли благотворителя в вечные обители⁸⁰. На этой же точке зрения утверждались и св. апостолы, когда призывали верующих благотворить нуждающимся⁸¹, причем св. апостол Иаков не затрудился самое христианское благочестие определить как любящую заботу о неимущих: чистое и непорочное благочестие перед Богом и Отцом есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях⁸². Мы не предполагаем брать на себя задачу защищать христианское учение от обвинения его в утилитарном характере. Позволим себе указать только на то, что природа Божиего Царства одна и на земле, и на небе — это Царство любви. Любовь друг к другу в этом мире есть первый признак принадлежности людей к Царству Христову⁸³. И насколько дела милосердия, частнее — милостыня, есть выражение такой искренней братской любви, настолько она есть признак участия нашего в Царстве Христовом, показатель жизни по законам этого Царства и, следовательно, залог бу-

⁷⁶ Мф. XXV, 34.

⁷⁷ Мф. VI, 1.

⁷⁸ Мф. XIX, 21.

⁷⁹ Лк. XIV, 12–14.

⁸⁰ Лк. XVI, 9–13.

⁸¹ Например, 2 Кор. IX, 6 и др.

⁸² Иак. I, 27.

⁸³ Ин. XIII, 35.

душего блаженства. В христианской милостыне ценность усваивается, конечно, как мы уже видели, не количеству ее, но сердечной настроенности и, прежде всего, полноте любви. Поэтому и говорит с такой силой апостол Павел, что, если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы⁸⁴. Милостыня есть, таким образом, первое выражение той любви, которая является источником жизни Царства Христова, и первым условием принадлежности к этому Царству, и *выражением христианского благочестия*. «Если, — говорит поэтому св. апостол Иаков, — кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет, может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из нас скажет им: идите с миром, грейтесь и насыщайтесь, но не даст им потребного для тела, что пользы»⁸⁵. Побуждение благотворить ради небесной награды есть частное выражение того общего закона Царства Божия, по которому ради вечного должно жертвовать временным и ради любви к Христу любить Его меньших братьев.

Таким образом, и в Новом Завете милостыне усваивается самое высокое значение — служения Богу в лице нуждающихся. Такой ореол святости, каким окружается в христианстве дело милостыни, объясняет всецело и то, что милостыня в христианстве должна быть проникнута *духом совершенной любви и свободы*. Те свойства милостыни, какие нашли выражение и в Ветхом Завете — *щедрость, свобода и любящая настроенность* — всецело приложимы и к характеристике христианского милосердия.

Полнота любви делает, прежде всего, то, как мы уже говорили, что верующий не может смотреть на свое имущество, как на принадлежащее ему лично, но видит в нем достояние всех неимущих. Отсюда необходимым свойством христианской милостыни является *щедрость*, не знающая границ. Кто сеет щедро, тот щедро и пожнет⁸⁶. И как мы уже видели, идеальная евангельская точка зрения в отношении милостыни та, что необходима готовность к совершенному отречению от своего имущества. Имеющий две одежды должен дать одну неимущему, поступая так же и в отношении пищи; высшая ценность принадлежит милостыне вдовы, пожертвовавшей все свое дневное пропитание и т. д. Если св. апостол пишет коринфянам: «не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тягость, но чтобы была равномерность. Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность»⁸⁷, — то такое наставление делается понятным для нас, если мы вспомним, что апостол считал избытком: «имея пропитание

⁸⁴ 1 Кор. XIII, 3.

⁸⁵ Иак. II, 14–16.

⁸⁶ 2 Кор. IX, 6.

⁸⁷ 2 Кор. VIII, 13–14.

и одежду, — говорит он, — будем довольны этим»⁸⁸. И если коринфян св. апостол побуждает к милостыне советом соблюдать равномерность, то радуется полноте любви македонян, которые были доброхотны по силам и сверх сил⁸⁹. Щедрость в христианской милостыне может иметь одну лишь границу: в удовлетворении нужды ближних. И как бесконечны нужда и горе людей, так не имеет границ и долг творить милостыню.

Таким образом, совершенная любовь в деле милостыни выражается, прежде всего, в щедрости, в готовности всем пожертвовать ради ближнего, и в этом случае критерием ценности милостыни служит та мера самоотречения любви, какая проявляется в милостыне, что уже было отмечено нами раньше, и о чем так наглядно говорит евангельский рассказ о вдове с ее двумя лептами.

Но если щедрость, таким образом, должна являться внешним выражением совершенной любви, то истинную душу милостыни составляет ее *совершенная свобода*, вытекающая и неразрывно связанная с *любящей настроенностью сердца*. В новозаветном Откровении мы не находим и следа какого бы то ни было внешнего юридического принуждения к милостыне; напротив, здесь все предоставлено свободе человека. Поэтому нет в Евангелии и утверждения тех гуманных законов Моисея, по которым каждому можно было насыщать свой голод на ниве и в винограднике ближнего, пользоваться остатками после сбора плодов и всякими произведениями земли в год седьмой. Законы эти были прекрасны, ими руководился в Своей земной жизни Сам Христос Спаситель и Его апостолы; законы эти и теперь, при наличном уровне действительной жизни христиан, могли бы составить лучшее украшение кодексов наших гражданских законов. Но перед лицом идеальных задач развития Божьего Царства всякое определение законом начала братской помощи явилось бы ограничением богодарованной свободы детей Божиих. И такое определение не нашло места в новозаветном Откровении. В нем с силой оттеняется известный и ветхозаветному жизнепониманию принцип *добровольности даяния, радости его*. «Блаженнее давать, нежели принимать»⁹⁰ — таков девиз христианской свободы в благотворении. Апостол Павел выдвигает это свойство на самое видное место. Он отмечает в жертве македонян, прежде всего, то, что глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия⁹¹. Убедая коринфян щедро жертвовать на помощь страждущим братьям, св. апостол настаивает, чтобы благословение их было готово, как благословение, а не как побор... Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего

⁸⁸ 1 Тим. VI, 7.

⁸⁹ 2 Кор. VIII, 3.

⁹⁰ Деян. XX, 35.

⁹¹ 2 Кор. VIII, 2.

любит Бог⁹². Этот же характер добровольности и радушия апостол отмечает и в приношениях церкви Филиппийской⁹³, Македонской и Ахайийской⁹⁴. Эта же свобода приношений ясно выражалась и в жизни первенствующей Церкви⁹⁵, и в словах апостола Петра Ананий⁹⁶.

Таким образом, христианская милостыня должна служить свободным проявлением любви к ближнему, и насколько несовместима со всяким видом неискренности и лицемерия, настолько и христианская милостыня должна быть искренна и бескорыстна, как имеющая основу в любви к ближнему. Из истории Анании и Сапфиры ясно видно, каким тяжким нарушением законов Божиего Царства были их ложь и неискренность⁹⁷. И Сам Христос Спаситель со всей определенностью учил о необходимости совершенной чистоты побуждений в деле милостыни. «Смотрите, — учил Господь, — не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собой, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была в тайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»⁹⁸.

Наконец, сказали мы, необходимым свойством христианской милостыни должна быть *любящая настроенность сердца* благотворителя, благодаря которой милостыня христианина не только совершенно чиста от посторонних побуждений, совершенно бескорыстна⁹⁹, но и соединяется с живым сочувствием к чужому горю, более того — с переживанием чужой нужды. Мы уже имели случай привести слова св. апостола Павла, где он утверждает, что и совершенная раздача имущества не имеет никакой ценности, если не сопровождается любовью. И в послании к Евреям на конкретном примере выражен ясно закон христианской благотворительности. «Помните узников, — заповедует апостол, — как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле»¹⁰⁰. Такое именно отношение к горю и является выражением искренней любви, сущность которой, по ее психологической природе, и составляет единение с любимым. И не только в учении Христа Спасителя освящена милостыня, как

⁹² 2 Кор. IX, 5–8.

⁹³ Фил. IV, 10–18.

⁹⁴ Рим. XV, 26–27; сравни: Евр. X, 34.

⁹⁵ Деян. IV, 32.

⁹⁶ Деян. V, 4.

⁹⁷ Деян. V, 4.

⁹⁸ Мф. VI, 1–4.

⁹⁹ Мф. VI, 1–4; V, 44; Лк. VI, 35; XIV, 12–14; Рим. XII, 20 и др.

¹⁰⁰ Евр. XIII, 3.

проявление христианской любви, но и явлен миру совершенный образец любящего участия Господа в людском горе¹⁰¹.

Что касается, наконец, различных *видов христианской благотворительности*, то они указаны самим Христом Спасителем в Его притче о страшном суде, еще более — в делах Его милосердия к людям; и, наконец, в новозаветном Откровении мы встречаем описание самой совершенной организации общецерковной милостыни. В идеальной чистоте принцип такой милостыни осуществился в устроении жизни первохристианской общины, где был дар Богу со стороны одних и дар от Бога другим — нуждающимся¹⁰². Указания на организацию церковной благотворительности встречаем мы и в дальнейших повествованиях книги Деяний¹⁰³, и в посланиях св. апостола Павла¹⁰⁴. Наконец, и совершение вечереи любви, где все верующие имели братское общение в пище, являлись для бедняков своего рода милостыней от лица Церкви¹⁰⁵.

Таким образом, в новозаветном Откровении оттенены все существенные стороны в учении о милостыне, и все это учение утверждается на христианском понимании любви, как основы жизни. Мы не останавливались на подробном анализе данных, представляемых Новым Заветом для уяснения христианского взгляда на милостыню, так как такой всесторонний анализ новозаветного библейского текста мы находим в авторитетных писаниях отцов и учителей Церкви, к изложению учения которых по интересующему нас вопросу мы теперь и обращаемся.

В святоотеческой письменности учению о милостыне принадлежит самое видное место, особенно же в творениях св. Иоанна Златоуста, который раскрыл христианское учение о милостыне в исчерпывающей полноте. Нужно заметить, что раскрытие учения о милостыне у святых отцов в значительной мере напоминает судьбу отношения святоотеческой мысли к богатству. Пока среди верующих царил одушевленная братская любовь, до тех пор у церковных учителей не было особенных побуждений останавливаться на частных вопросах, связанных с учением о милостыне, например, на вопросе о том, кому должно благотворить и как можно творить милостыню самому малоимущему человеку. Но когда в Церкви обострился процесс борьбы царства любви и царства эгоизма, духа и плоти, Божиего и кесарева, что, как мы уже отметили, довольно ярко выразилось с половины III века, и в писаниях отцов этого периода, и позднее мы встречаем вместе с настойчивыми предостережениями против обольщения богатством и горячие призывы к милостыне

¹⁰¹ Например, Мф. IX, 36; Мк. VI, 34; Мф. XIV, 14; Лк. VII, 13 и мн. др.

¹⁰² Деян., главы II, IV, VI.

¹⁰³ Например, XI, 29–30.

¹⁰⁴ Рим. XV, 25–27; 1 Кор. XVI, 1–4; 2 Кор. VIII, 2–4, 12–15; IX, 5–7; Фил. IV, 15–16; 1 Тим. V, 16.

¹⁰⁵ Послание Иуды I, 12; 1 Кор. XI, 21 и дальше.

с самым ярким изображением ее значения в жизни христианина и побуждений к ней.

В писаниях *мужей апостольских* сравнительно подробно говорит о милостыне *апостол Ерм* в своем «*Пастыре*». В других же творениях этого периода святоотеческой письменности содержится лишь общие указания на долг христианина благотворить нуждающимся¹⁰⁶.

Ерм говорит о милостыне во всех трех отделах «*Пастыря*». В первом отделе *видений*, именно в видении третьем, Ерм говорит о мотивах или побуждениях к щедрой милостыне. Это место из «*Пастыря*» мы уже имели случай привести ранее¹⁰⁷. Здесь указываются побуждения творить милостыню двух порядков: с точки зрения естественно-гуманной и собственно религиозной. В первом случае обращается внимание на то, что в жизни должна быть *естественная справедливость* в распределении имущества, так как в противном случае одни вредят себе излишеством, а другие гибнут от неимения пищи. И прямой путь к восстановлению справедливости есть щедрая помощь нуждающимся со стороны имущих. С христианско-религиозной точки зрения Ерм указывает побуждение к милостыне в *идее будущей жизни и суда*, перед лицом которых человек может творить добро и благотворить лишь в течение краткой земной жизни, пока не окончено строение башни¹⁰⁸.

В отделе *заповедей* встречается очень интересное указание на то, что благотворить должно *без всякого разбора*, давать всякому просящему без опасения, что милостыня попадет в руки недостойных ее. «*Делай добро, — увещевает Пастырь во второй заповеди, — и от плода трудов твоих, который дает тебе Бог, давай всем бедным просто, ни мало не сомневаясь, кому даешь. Всем давай, потому, что Бог хочет, чтобы всем было даруемо от Его даров. Берущие отдадут отчет Богу, почему и на что брали. Берущие по нужде не будут осуждены, а берущие притворно подвергнутся суду. Дающий же не будет виноват; ибо он исполнил служение, какое он получил от Бога, не разбирая, кому дать и кому не давать, и исполнил с похвалой перед Богом*»¹⁰⁹. Можно отметить здесь же, что подобная мысль в таких же словах выражена и в упомянутом уже раньше нами древнем памятнике «*Учение двенадцати апостолов*». «*Всякому просящему, — читаем в первой же главе этого*

¹⁰⁶ Об этом долге говорит *св. Климент Римский* в своем первом послании к Коринфянам (гл. 38, стр. 139, рус. перевод прот. Преображенского, изд. 1862) и *св. Поликарп* в послании к Филиппийцам, причем последний дает практический совет не откладывать благотворения при возможности оказать его и указывает словами книги Товита на высокое значение милостыни: «милостыня избавляет от смерти» (гл. 10, стр. 447–448 рус. перевода).

¹⁰⁷ Стр. 75 наст. соч.

¹⁰⁸ Стр. 244 рус. перевода.

¹⁰⁹ Стр. 255.

памятника древне-церковной письменности, — у тебя дай и не требуй назад; ибо Отец желает, чтобы всем было даруемо от Его благодатных даров. Блажен дающий по заповеди, ибо он свободен от наказания; но горе принимающему: ибо если кто берет, имея нужду, то тот свободен от наказания; не имеющий же нужды даст отчет, почему и для чего брал и, подвергшись заключению, он будет испытан и относительно того, что он делал, и не выйдет оттуда, пока не уплатит последнего кодранта. Но и о сем также было сказано: пусть милостыня твоя преем в твоих руках, пока ты узнаешь, кому ты должен ее давать»¹¹⁰. Последнее замечание, как видим, не гармонирует с принципиальной точкой зрения, раскрытой в приведенных словах Ерма, и это замечание может служить намеком на существование в глубокой древности противоположного взгляда на способ давать милостыню, взгляда, несомненно, исходившего из сознания ограниченности тех средств, какими каждый в отдельности может располагать, помогая нуждающимся. Этот взгляд находил выражение не раз и позднее, но он всегда оставался в тени сравнительно с ярким исповеданием всех величайших учителей Церкви долга благотворить всякому просящему, согласно завету Господа.

Наконец, в последнем отделе «Пастыря», в подобиях, мы встречаем не только указание на долг милостыни¹¹¹ и призыв благотворить всем нуждающимся по мере сил своих¹¹², но и очень интересное указание на такой вид милостыни, который позднее вошел в обычай древнемонашеской жизни — это *пост ради милостыни бедным*. «Я научу тебя, — говорит в пятом подобии Пастырь, — какой пост есть совершенный и угодный Богу... Соблюдай его таким образом: прежде всего, воздерживайся от всякого дурного слова и злой похоти и очисти сердце твое от всех сует века сего. Если соблюдешь это, пост у тебя будет праведный. Поступай так: исполнив вышесказанное, в тот день, когда постишься, ничего не вкушай, кроме хлеба и воды; и, исчисливши издержки, которые ты сделал бы в этот день на пищу, по примеру прочих дней, остающееся от этого дня отложи и отдай вдове, сироте или бедному; таким образом, ты смиришь свою душу, и получивший от тебя насытит свою душу и будет за тебя молиться Господу. Если будешь совершать пост так, как я повелел тебе, то жертва твоя будет приятна Господу»¹¹³.

В век *христианских апологетов* также еще не наступила пора для всестороннего раскрытия учения о христианской милостыне. Собственно апологии имели определенное назначение, и здесь можно было ожидать лишь случайных указаний на благотворительную практику Церкви. Что

¹¹⁰ Стр. 26–27 рус. перевода проф. Попова.

¹¹¹ Подобие 1, стр. 282.

¹¹² Подобие 10, стр. 36.

¹¹³ Стр. 287, 290.

же касается других произведений церковной письменности этого периода, то продолжавшееся тесное общение гонимых христиан между собой делало проповедь о милостыне почти лишней. И если в творениях Климента Александрийского встречаются указания на известные свойства христианской милостыни, то только у св. Киприана мы слышим такие призывы к милостыне и указания на ее значение в христианской жизни, какие сделались обычными в IV и дальнейших веках церковной истории. Но св. Киприан, как уже было отмечено, стоял на рубеже двух периодов развития церковной мысли в отношении собственности.

Интересные для нас указания на благотворительную практику Церкви мы встретили в апологии св. Иустина-мученика и в сочинениях Тертуллиана. В приведенных уже словах *первой апологии св. Иустина*¹¹⁴ содержится очень ценное указание на ту необычайно привлекательную сторону древнецерковной милостыни, которая выражалась в посредстве Церкви и ее предстоятеля между благотворящим и нуждающимися. Здесь не только указывается на общие трапезы после богослужебного собрания, но и определенно говорится о том, что «достаточные и желающие, каждый по своему произволению, дают, что хотят, и собранное хранится у предстоятеля; а он имеет попечение... о всех, находящихся в нужде». Таким образом, в этом отрывке апологии св. Иустина мы встречаем указание на *особый вид церковной милостыни*, причем очень настойчиво подчеркивается полная *добровольность* жертвы («желающие», «по своему произволению», «что хотят»).

Совершенно сходное свидетельство мы находим и в *апологии Тертуллиана*, где более подробно указывается на организованную церковно-общественную милостыню совершенно добровольного характера. Говоря о том, что в христианской Церкви «на деньгах не основывается никакое Божие дело», Тертуллиан рассказывает далее об организации церковной помощи бедным. «Если и есть у нас некоторое подобие денежного ящика, то он набирается не из почетных сумм, как бы из сумм религии, взятой на откуп. В наш *ящик* каждый в первый день месяца или когда хочет, *если только хочет и если может*, делает небольшое подаяние. Ибо к этому никто не принуждается, но каждый приносит *добровольно*. Это есть как бы залог любви. Ибо деньги, собранные в этот ящик, тратятся не на пиры, не на попойки и не на неблагодарные харчевни, но на питание и погребение бедных, на мальчиков и девочек, лишившихся имущества и родителей, и на стариков... также на потерпевших кораблекрушение; и если кто-либо находится или в рудниках, или на островах, или под стражей, то и он делается воспитанником своего исповедания». И далее Тертуллиан указывает на *агапы* как вид церковного благотворения неимущим: «каких бы издержек, — пишет он, — наша вечеря ни стоила, но есть польза

¹¹⁴ Гл. 67, стр. 98–99 рус. перевода.

делать издержки во имя любви, так как мы на этой вечере помогаем всем бедным... потому, что Бог особенно печется о бедных»¹¹⁵.

В известном уже нам сочинении *Климента Александрийского* «*Кто из богатых спасется*» означены довольно выпукло те черты, которые характеризуют христианскую милостыню со стороны *настроения благодетельствующего*: полная, радостная готовность помочь каждому нуждающемуся без огорчения и разборчивости. Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители. Приводя эти слова Господа, Климент поясняет, как должен давать милостыню христианин. «Обращай внимание, — говорит он, — первее всего на то, что Он тебе повелевает. Не повелел Он требовать от тебя и не того от тебя ожидает, что ты будешь тяготиться, но что сам будешь отыскивать тех, которые имеют получить от тебя благодеяние... Прекрасны, без сомнения, и слова апостола: «радостного дателя любит Бог». А *радостный датель* есть тот, кто радуется, раздавая, и не скупится, подобно сеющему, чтобы богатство сеять; дает он без ворчливости, стона и печали, участливо; это истинная благотворительность. Но еще лучше тот, о ком Господь в другом месте говорит: «всякому просящему дай». Такая щедрость, поистине, Богу свойственна. Вот учение о совершеннейшем: не ожидать просьбы, а самому того отыскивать, кто достоин благодеяния... Ты *не суди* о сем, кто достоин и кто недостоин (твоей благотворительности). Может случиться, что, выбирая достойнейших, ты и ошибешься. Если же кто на этот счет сомневается, то лучшим пусть находит он недостойному добро оказать ради достойного, чем осторожность наблюдать по отношению к менее достойным и заподозрить старательного. Твоя разборчивость и взвешивание, кому по всей справедливости приличествует твое даяние и кто недостоин его, делают возможным, что ты и о некоторых из друзей Божиих вознерадишь. Но за это возмездием служит вечное наказание огнем. От того же, что подряд всем нуждающимся ты даешь, происходит с необходимостью, что и тех привлекаешь ты в круг своих благодеемых, которые могут исходатайствовать тебе спасение у Бога. Не суди, следовательно, чтобы самому тебе не быть судимым... Открой сердце твое для всех»¹¹⁶.

В творениях *св. Киприана Карфагенского*, как уже было упомянуто, мы встречаемся с несколько новой постановкой учения о милостыне. Св. Киприан, как было уже раскрыто ранее, являлся горячим обличителем богатства, видя в последнем, если оно сохраняется и умножается, один из великих соблазнов на пути христианского совершенствования. И прямой путь к борьбе с этим соблазном и к победе над ним святитель указывал

¹¹⁵ Гл. 39 рус. перевода И. Щеглова // «Труды Киевской Духовной Академии», октябрь 1909 г., стр. 172–173, 175.

¹¹⁶ Гл. 31 и 33, стр. 32–35 рус. перевода.

в раздаче богатства при посредстве милостыни. Это мы уже отметили и теперь должны остановиться на частностях в учении св. Киприана о милостыне, в особенности на впервые подробно им раскрытом *религиозно-бослужебном ее значении*.

Св. Киприан усваивает милостыне значение *всеобщего* христианского *долга*. По словам святителя, «всякому, наставляемому к чаянию Небесного Царства, по слову и убеждению Духа Святаго, вменяется в обязанность творить милостыни»¹¹⁷. И, по взгляду св. отца, самая крайняя бедность не может служить препятствием к милостыне, и притом самой великой, потому, что ценность милостыни зависит *от душевного расположения и от степени самоограничения*. Эти важные мысли св. Киприан раскрывает на основе евангельского рассказа о жертве бедной вдовы. «Посмотрите, — советует он богатым, — на евангельскую вдовицу; она, помня Божественные наставления, несмотря на крайнюю свою гложущую бедность, полагает в сокровищехранильницу две последние свои лепты. Господь, увидев ее и оценивая жертву ее не по стоимости, но по душевному расположению, принимая во внимание не то, сколько пожертвовала, но то, от какого достатка пожертвовала, сказал: «Воистину глаголю вам, яко вдовица сия множае вверже в дар Богу, вси бо сии от избытка своего ввергоша в дары Богови, сия же от лишения своего все житие, еже име, вверже». Преблаженна и достохвальна жена... вдова, и притом бедная вдова, является богатой в благотворительности; и так как все жертвуемое составляет принадлежность вдов и сирот, то она, которой следовало получить, жертвует сама, чтобы познали отсюда, какое наказание ожидает немилосердного богача, когда, по представленному примеру, должны приносить жертву и бедные»¹¹⁸.

В своем обосновании долга для христианина творить милостыню св. Киприан, преимущественно, указывает на *побуждения религиозного характера*, утверждающиеся на любви к Богу и на вере в Него, с чем неразрывно связывается и залог личного блаженства благотворящего. Заповедь творить милостыню не только дана Богом, но Им же указаны самые великие побуждения к ней. «Господь, по словам святителя, — руководитель нашей жизни и наставник вечного спасения, оживотворяя верующих и промышляя о вечном спасении оживотворенных, в Божественных Своих заповедях и небесных наставлениях, изложенных в Евангелии, ничего так часто не предписывал и не заповедовал как прилежать к подаению милостыни, не заботиться о земных стяжаниях, а скрывать себе сокровище на небе... кто, по заповеди Божией, творит милостыню, тот верит Богу и, имея истинную веру, хранит страх Божий, а кто хранит страх Божий, тот, милосердствуя о нищих, помышляет о Боге: он творит добрые дела,

¹¹⁷ «Книга о благотворении и милостыне», т. II, стр. 259 рус. перевода.

¹¹⁸ «Книга о благотворении и милостыне», т. II, стр. 267–268.

потому что верует, потому что сознает истину возвещенного в слове Божиим и непреложность Божественного Писания, в котором сказано, что бесплодные деревья, то есть люди немилосердные, посекаются и в огонь ввергаются, а милосердные призываются в Небесное Царство, и которое в другом месте милосердных и потому плодоносных называют верными, а бесплодным — немилосердным — отказывает в вере¹¹⁹. Неужели... не воздадим Христу хоть чем-нибудь за Его страдания и кровь? Он дал нам заповеди; Он указал, что нужно делать рабам Его; обещав награды благотворителям и пригрозив наказанием немилосердным, Он тем самым произнес Свой приговор. Он наперед сказал, за что намерен сотворить суд. Какое же после этого может быть извинение нерадивому? Какая защита немилосердному? Когда раб не делает того, что ему повелевается, Господь приведет в исполнение то, чем угрожает»¹²⁰.

Как видим, обязанность творить милостыню рассматривается св. Киприаном как утверждающаяся на прямой, многократно выраженной Божией воле. В этом случае сознание долга творить милостыню покоится на вере в Бога, как законодателя и мздовоздателя в христианской жизни, то есть утверждается на таком основании, какое лежит в основе всякой христианской добродетели, как единении нашей воли с волей Законодателя. Но св. отец указывает и более *глубокую подоснову милостыни* не только в вере в Бога и непреложности Его закона, но и в чувстве *любви к Нему*, когда милостыня, в воззрениях святителя, вполне согласных с данными Откровения, выступает как факт непосредственного служения Самому Богу, общения с Христом, то есть, иными словами, долг творить милостыню утверждается *на собственно религиозно-мистической основе*. «При духовных подавниях, — поучает св. Киприан, — надобно иметь в виду Христа, принимающего их, как в этом уверяет Он Сам...¹²¹ Так, если милостыни, подаваемые бедным, отдаются как бы в рост Богу, и даваемое меньшим братьям дается самому Христу, то никто не должен предпочитать земное небесному, человеческое — Божественному... Больше этого что еще мог возвестить нам Христос? Каким иным образом мог Он лучше всего вызвать нас на дело правды и милосердия, как не тем, что сказал, что все, подаваемое нуждающемуся и бедному, подается Ему самому, и что Его самого оскорбляют, когда не подают бедному и нищему. Итак, кто не трогается в Церкви видом брата, пусть тронется созерцанием Христа, и кто не думает о подобном себе рабе, находящемся в несчастье и бедности, пусть помыслит о Господе, являющемся в лице того, кого он презирает»¹²².

¹¹⁹ Лк. XVI, 11.

¹²⁰ «Книга о благотворении и милостыне», т. II, стр. 262–263, 274.

¹²¹ Мф. XXV, 40.

¹²² «Книга о благотворениях и милостыне», т. II, стр. 268–269, 275.

Сказанное нами о религиозной санкции в отношении долга творить милостыню поможет нам понять речь св. Киприана о значении милостыни в христианской жизни. Значение, усваиваемое святителем милостыне, необыкновенно высоко, и он ее рассматривает не только как путь благоугождения Богу, награждаемый в будущей жизни, но как дело собственно религиозное, стоящее *наряду с подвигами молитвы и поста* и даже являющееся условием их богоугодности и имеющее таинственную очистительную силу, подобную силе благодати, сообщаемой *в таинстве крещения*. «Божественная любовь, по слову святителя, научила посредством милостыни омывать те скверны, которыми мы запятнали себя... Дух Святой говорит в Божественном Писании: «милостынями и верами очищаются греси», — не те, впрочем, которые были сделаны прежде крещения; те очищаются кровью Христовой и освящением. И в другом месте говорится: «огнь горящ угасит вода, и милостыня очистит грехи». Здесь показывается и утверждается, что, как водой спасительного крещения погашается огонь геенский, так милостыней, делами правды утушается пламя грехов. И как в крещении один раз даруется отпущение грехов, так и всегдашнее, непрестанное благотворение, подобно крещению, снова возвращает нам милость Божию¹²³. Об этом и в Евангелии учит Господь. Когда ученикам Его заметили с укором, что они ели, не умыв наперед рук, Он сказал в ответ: «иже сотвори внешне и внутреннее сотворил есть; обаче от сущих дадите милостыню, и се, вся чиста вам будут»... Милосердный учит и наставляет милосердию; и, желая сохранить искупленных дорогой ценой, Он предлагает способ, посредством которого осквернившие себя грехами после благодати крещения могут очиститься снова»¹²⁴. И далее св. отец свою мысль об очистительном значении милостыни подтверждает рядом свидетельств Ветхого Завета: Ис. LVIII, 1, 7, 8; Сир. XXIX, 15; Притч. XXI, 13; Пс. XL, 1; Дан. IV, 24; Тов. XII, 8–9. Мы не приводим этих мест, так как они уже были отмечены нами ранее. Святитель на основании такого учения книг Ветхого Завета делает общее заключение, что «молитвы наши и посты мало значат, если не будут воспомоществуемы милостыней; что одни мольбы немного будут иметь значения для испрошения милости, если не будут дополняться делами милосердия... Через милостыню молитвы наши делаются действительными... милостыня освобождает жизнь от опасности... милостыня избавляет душу от смерти»¹²⁵. И заканчивает

¹²³ Сродную мысль об очистительной силе милостыни мы встречаем и у Оригена. По взгляду последнего, первое прощение грехов человек получает через таинство крещения, второе — через мученичество и, наконец, третье — через милостыню, согласно словам Христа Спасителя: «давайте милостыню и вот все для вас будет чисто». *Hom. in Lev.* II, 4.

¹²⁴ «Книга о благотворениях и милостыне», т. II, стр. 258.

¹²⁵ Там же, стр. 259–261.

свой трактат св. Киприан восхвалением благотворительности: «прекрасное и божественное дело — спасительная благотворительность! Она составляет великое утешение верующих, спасительное охранение нашей безопасности, оплот надежды, защиту веры, врачевство от грехов; она есть дело, находящееся во власти творящего, дело, сколько великое, столько и мелкое, не подвергающее гонению... Истинный и величайший дар — дар Божий... при помощи которого христианин сохраняет духовную благодать, заслуживает милость у Христа Судии, делает Бога как бы должником»¹²⁶.

Св. Киприан, сказали мы, в учении по интересующим нас вопросам является прямым предшественником великих учителей Церкви золотого периода ее письменности. В писаниях святых отцов IV и начала V века мы находим всесторонне раскрытое учение о милостыне, причем в беседах св. Иоанна Златоуста это учение получает завершение и излагается с такой всеобъемлющей полнотой, с какой не были освещены весьма многие стороны христианской жизни за рассматриваемый период церковной письменности. И при этом нельзя не отметить прямой связи между учением отцов Церкви о милостыне с решением ими проблемы об отношении христианина к богатству и бедности. Чем ярче выступал контраст богатства и бедности в области христианской жизни, например, в условиях жизни больших городов и в години общественных бедствий, тем горячее и сильнее было слово христианских пастырей, призывающее творить милостыню и прославляющее милосердие.

В творениях св. *Афанасия Великого*, несмотря на преобладание в них вероучительного элемента, мы находим некоторые существенно интересные суждения и по поводу христианской милостыни. Выражая свою веру в то, что вообще род человеческий «нищелюбив и сострадателен»¹²⁷, св. отец оттеняет те *побуждения* к милостыне, какие утверждаются, прежде всего, на любви к Христу, сделавшемуся нищим ради нас. В своем толковании на XL псалом, св. Афанасий так говорит: «блажен разумевай на нища и убога. Нищим и убогим именует Христа, по сказанному: богат сый обнища нас ради. Псалмопевец предположил здесь нравственное учение пророчеству с тем намерением, чтобы псалом полезен был в том и другом. Кого же ублажает он? Разумевающего на нища и убога, то есть понимающего, что Христос, богат сый, для того собственно обнищал, чтобы и мы миловали нищих, как братьев нашего Создателя и Судии. Посему блажен, кто рассуждает об убогих как должно или кто разумеет нищету, какую воспринял на Себя за нас Христос. Какая же польза нищелюбия? В день лют избавит его Господь, указывает на день Суда... Воздаст им долг человеколюбием, как взявший у них заем милостыню и сказавший...

¹²⁶ Там же, стр. 277.

¹²⁷ Т. II, стр. 135–136 рус. перевода.

собственными Своими устами: понеже сотвористе единому сих меньших, Мне сотвористе»¹²⁸.

Во взгляде св. Афанасия на милостыню можно еще отметить его понимание завета Господа творить милостыню *тайно* и убеждение, что ценность милостыни зависит *не от ее величины*, но от настроения сердца благотворителя. Приведа слова Христа Спасителя (Мф. VI, 1), св. Афанасий так изъясняет их: «Едиnorodный дает нам совет не творить милостыни перед людьми не для того, чтобы мы при братьях стеснялись сделать добро нуждающимся, но чтобы не гонялись за настоящей славой, подобно тщеславным фарисеям, награду же за веру и радушную милостыню ожидали себе в будущем от Бога, Которому не столько приятен дар, сколько приятно щедрое и доброе произволение дающего, как можно удостовериться из примера бедной вдовицы, две лепты ввергнувшей в сокровищехранительницу»¹²⁹. При этом, в толковании дальнейших слов Господа: «тебе же творящу милостыню, да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя», — св. Афанасий прибегает к аллегорическому толкованию этих слов, обычному методу истолкования Откровения у представителей александрийской школы, по какому толкованию правая рука есть образ голоса Духа Святаго, зовущего к спасению, а левая — образ плотских помышлений. «Возможно ли, — спрашивает святитель, — творящему милостыню сделать, чтобы шуйца его не споспешествовала в деле благотворения? Без сомнения, надобно, чтобы у всякого обе руки одна другой содействовали в благотворении. И когда левая рука держит деньги... тогда правая сеет прекрасное семя на ниве сердца нищих, чтобы пожать не колос, держащийся на соломенном стебле, но вечную и бессмертную жизнь, утвержденную на кресте. Единородный же хочет, чтобы плотские помыслы не знали, что творит десница Святаго Духа, и чтобы они не воспрепятствовали... благому преднамерению и щедрому произволению, сказав: на многие годы должно нам иметь для себя пищу, и деньги на расходы, и разные одежды, и убранные дома, и серебряный прибор для стола, и деревни, и поля для доходов. Ибо десная часть Святаго Духа вовсе не заботится обо всем этом и не вожделеет сего, веруя Владычному слову: ищите прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся вам»¹³⁰.

Св. Василий Великий принадлежит к числу тех святителей древней Церкви, слава которых в значительной степени зависела от их ревностного служения делам христианского милосердия как личным примером, так и пастырским научением. Слова св. Василия Великого «О любостыжательности», «К обогащающимся», «Во время голода и засухи» уже много

¹²⁸ Т. IV, стр. 159–160.

¹²⁹ Из бесед на Евангелие от Матфея, т. IV, стр. 479–480.

¹³⁰ Там же, стр. 480.

столетий являются высокими образцами христианского проповеднического призыва к братолюбию и милостыне; образцами, которые заучиваются в духовной школе, но которым не видно подражателей на современной церковной кафедре... Учение о милостыне — один из обычных предметов церковных поучений великого каппадокийского учителя, и в этих поучениях христианский взгляд на милостыню освещен со многих сторон, в некоторых случаях — с выдающейся выразительностью и яркой определенностью.

Мы уже изложили взгляд св. отца на собственность и видели, что, по этому взгляду, собственности в безусловном смысле слова нет у человека, и то, чем он владеет, вверено лишь ему для раздаяния неимущим. *Долг творить милостыню* утверждается, таким образом, на том основании, что Бог вверил человеку судьбу его собратий, ожидая верного домостроительства. «Не потому, что Сам не в силах пропитать нищих, оставил их нам; но нам же в благодеяние требует от нас правды и человеколюбивого плодоношения»¹³¹. Бог, «неравно разделяющий нам потребное для пищи», делает это именно для того, чтобы человек заслужил «свою мзду за доброту и верное домостроительство»¹³². Поэтому, если выражением христианского совершенства в отношении имущества служит, по взгляду св. Василия, полное отречение от собственности, то общехристианским долгом является щедрая милостыня¹³³. Даже *отрекшийся от собственности* не может считать себя свободным от исполнения этого долга. Такой человек должен заботиться о себе лишь на настоящий день, но трудиться не только для удовлетворения своих потребностей, но и для помощи бедным¹³⁴. Никакая *скудость средств* не может служить препятствием творить милостыню. Если иногда и отказывают просящим, ссылаясь на личную нужду, то в этом случае таким людям уже не Христос дает законы, но они сами себе. «Если Господь предписал нам сие (раздачу имения) как необходимое, а ты отвергаешь, как невозможное, то не иное утверждаешь, а то, что ты разумнее Законодателя»¹³⁵. Для последователя Христова никакая бедность не послужит препятствием благотворить. «Беден ты, — рассуждает святитель, — но, без сомнения, есть другой беднее тебя. У тебя хлеба на десять дней, а у него на один. Как человек добрый и благомыслящий, уступи свой излишек неимущему... Если у тебя в пищу остается один хлеб, но стоит у дверей просящий, то принеси из кладовой и этот один

¹³¹ Беседа «О милости и суде», т. IV, стр. 394.

¹³² Беседа «О любостыжательности» т. IV, стр. 96.

¹³³ Беседа «О милости и суде», т. IV, стр. 396.

¹³⁴ «Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах», ответ на 42 вопрос, т. V, стр. 187–188; сравни: «Правила, кратко изложенные в вопросах и ответах», ответ на 48 вопрос, т. V, стр. 237.

¹³⁵ Беседа VII «К обогащающимся», т. IV, стр. 116.

хлеб и, положив на руки, воздень к небу, скажи такое жалобное и вместе благопризвательное слово: «один у меня хлеб, который Ты видишь, Господи, и опасность очевидна; но заповедь Твою предпочитаю себе и из малого даю алчущему брату... Знаю Твою благодать, возлагаю упование на Твое могущество»... Скудный, дай взаем богатому Богу. Поверь Тому, Кто, вместо утесненного, Сам всегда берет на собственное Свое лицо и из Своего воздает *благодарность*¹³⁶. Такими сильными словами св. Василий утверждает *всеобщность долга творить милостыню*. По вопросу же о том, *кому должна быть она оказываема*, св. отец настаивал на долге благотворителя тщательно заботиться о возможно лучшем распределении подаваний. Так, например, св. отец дает такой совет человеку, решившему совершенно отказаться от собственности. «Оставляющий свою собственность должен... постараться, собрав все тщательно, как посвященное уже Богу, распорядиться со всем благоговением или сам, если имеет возможность и опытность, или через людей... на деле доказавших, что могут распорядиться верно и благоразумно»¹³⁷. Но эта тщательность не должна выражаться в недоброжелательстве. Вот, например, как образно и ярко св. Василий описывает и отвергает все доводы, какими пытаются оправдать скупость при подавании милостыни под предлогом разборчивости. «Мы, — говорит св. отец, — превосходим этого богача (евангельской притчи о богатом и Лазаре) лукавством... Если стал перед нами нищий, который едва может говорить от холода, отвращаемся... поспешно бежим прочь... Если он, стыдясь своего несчастья, потупляет взоры в землю — говорим, что промышляет лицемерием. Если, понуждаемый жестоким голодом, смотрит на нас смело — опять называем бесстыдным и наглым. Если, по случаю, покрыт твердой одеждой, которую кто-нибудь ему подал — гоним его от себя, как ненасытного, и клянемся, что нищета его притворная. А если прикрыт сгнившими рубищами — опять гоним прочь за зловоние и, хотя к просьбам своим присовокупляет имя Творца... никак не можем переменить своего безжалостного решения»¹³⁸.

Если мы обратим внимание на те побуждения к милостыне, которые выдвигаются св. Василием, то на первом плане у него стоят *побуждения характера гуманного*: картинами страданий и угнетения, переживаемых бедняками, св. отец стремится, прежде всего, тронуть сердце своих слушателей.

¹³⁶ Беседа, «говоренная во время голода и засухи», т. IV, стр. 134–135.

¹³⁷ «Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах», ответ на 9 вопрос, т. V, стр. 124; сравни: письмо «к Амфилохию от имени Ираклида», где передается мнение одного епископа о необходимости «различать истинно нуждающегося и просящего по любостыжательности».

¹³⁸ Беседа XXI «О том, что не должно прилепляться к житейскому», т. IV, стр. 334–335.

Некоторые картины подобного рода являются и до настоящего времени неподражаемыми образцами проповеднического искусства. Вот, наиболее известная из таких картин, изображенная проповедником в его беседе «О любостыжательности». «Как представляю взором твоим страдания бедного? Осмотрев внутренность дома, видит он, что золота у него нет и никогда не будет; домашние приборы и одежды точно таковы, как и у всякого нищего; все они стоят не многих оболов. Что же еще? Обращает, наконец, взор на детей, чтобы, отведя их на торг, в этом найти пособие против голодной смерти. Представь при этом борьбу неминуемого голода и отеческой любви. Голод угрожает самой бедственной смертью, а природа влечет к противоположному, убеждая умереть вместе с детьми. Много раз собирается он идти, много раз осматривается; наконец, препобежден, вынужденный необходимостью и неумолимой нуждой. И над чем еще задумывается этот отец? «Которого прежде продать мне? Пойти ли к самому старшему? Но уважаю его старшинство. Или к младшему? Но жаль его возраста, который не чувствует еще несчастий. Этот сохраняет в себе ясные черты родителей; а этот способен к учению. Увы, какое затруднение! Что со мной будет? На которого из них напасть мне? У какого зверя занять мне душу? Как забыть природу? Если всех удержу при себе, то увижу, как все будут истаивать от голода. Если продам одного, то какими глазами буду смотреть на остальных?... Как буду жить в доме, сам доведя себя до бесчадия? Как пойду за стол, на котором обилие произведено такими средствами?». И он после слез идет продавать любезнейшего сына. А тебя не трогает страдание, ты не хочешь взойти в чувствование природы! Этого несчастного угнетает голод, а ты медлишь... Ни слезы не возбуждают в тебе жалости, ни воздыхания не смягчают сердца... У тебя в виду золото, а на брата не обращаешь внимания. Знаешь чекан монеты... но вовсе не узнаешь брата в нужде. Тебя крайне веселит доброцветность золота, но не считаешь, сколько вздохов бедного сопровождает тебя»¹³⁹. Если эта картина как будто не вполне подходит к нашему времени, когда детей продают не на рынках, а более сложным путем, то следующая картина страданий голодающего должна быть знакома каждому русскому, переживавшему «голодные годы». «Болезнь алчущего, голод, есть страдание, возбуждающее жалость, — говорит св. Василий. — Верх всех человеческих бедствий — голод; всякой смерти мучительнее такой конец. В других опасностях или острое меча наносит скорую смерть, или стремительность огня мгновенно угашает жизнь, или звери, растерзав... не дают мучиться продолжительной болью. Но голод есть медленное зло, продолжительное мучение, кроющаяся и таящаяся внутри смерть, каждую минуту угрожающая и все еще замедляющая: ибо истощает естественную влагу, охлаждает теплоту, снимает телесный объем, мало-помалу иссушает силы. Плоть,

¹³⁹ Т. IV, стр. 89–91.

как паутина, прилегает к костям; кожа теряет цвет, потому что с оскудением крови пропадает румянец, не стает белизны, потому что поверхность тела чернеет от истощения; тело синее потому, что вследствие страдания слившиеся бледность и чернота производят жалкий вид; колена на себе не держат, но невольно сгибаются; голос делается тонок и слаб; глаза изнемогают в своих впадинах... желудок пуст, впал... прилег к хребтовым костям. Каких же достоин наказаний, кто проходит мимо человека с таким изможденным телом? Что еще можно прибавить к такой жестокости?»¹⁴⁰. Наряду с побуждениями к милостыне во имя братского сочувствия страдающего ближнего у св. Василия стоят и собственно *религиозные побуждения* щедро благотворить. Св. отец так же, как и другие церковные писатели, поставляет милостыню наряду с молитвой и постом и видит в ней как залог богоугодности последних, так и путь к истинному богатству в будущей жизни. «Знаю многих, — говорит святитель, — которые постятся, молятся, вздыхают, оказывают всякое неубыточное благоговение, но не дают ни одного обола тесным нуждой. Какая же для них польза от прочих добродетелей? Их не приемлет Царство Божие»¹⁴¹. Наоборот, милостыня — путь к милости Божией, это посев на земле, который приносит плод на небе. «Ты, если явишь плод благотворения, то соберешь его сам для себя, потому что благотворность добрых дел возвращается к дающим. Подал ты алчущему? И поданное тобой делается твоей собственностью, возвратившись к тебе с приращением. Как хлебное зерно, упав в землю, обращается в прибыль бросившего, так хлеб, поверженный алчущему, впоследствии принесит стократную пользу. Поэтому цель земледелия да будет для тебя началом небесного сеяния; ибо сказано: сейте себе в правду (Ос. X, 12)... Деньги, и не хотя, оставишь здесь, а славу добрых дел принесешь с собой к Господу, когда перед общим Судией обступит тебя целый народ, и будут именовать своим кормильцем, благодетелем и станут приписывать тебе все имена человеколюбия»¹⁴². «О, как драгоценно в день суда покажется тебе слово: приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира»¹⁴³. «Дай малое и приобрети многое... Смотри, чтобы, когда надобно будет тебе предстать к Христу и явиться перед лицом Судии, не оказалась слишком богатой здешняя жизнь, а обнаженной и одетой в рубище другая — жизнь добродетельная»¹⁴⁴. «Когда будешь давать бедному ради Господа, это будет и дар, и заем: дар — по безнадежности получить обратно; заем — по великодаровитости Владыки, Который Сам за него заплатит и, взяв малость через бедного, воздаст

¹⁴⁰ Беседа, «говоренная во время голода и засухи», т. IV, стр. 135–136.

¹⁴¹ Беседа «К обогащающимся», т. IV, 4, стр. 105.

¹⁴² Беседа «О любостыжательности», т. IV, стр. 88.

¹⁴³ Там же, стр. 97.

¹⁴⁴ Беседа, «говоренная во время голода и засухи», т. IV, стр. 137–139.

за то великим. Ибо милуяй нища, в заем дает Богови. Ужели не захочешь, чтобы общий всех Владыка принял на Себя ответственность заплатить тебе... Он за бедных заплатит и приращение»¹⁴⁵. «Ибо *усердие к святым есть благочестие перед Христом*, и усердный служитель бедному оказывается общником Христовым, не только если раздает, имея у себя что-либо великое, но если и малое приобрета отдает это, и если только чашей студеной воды напоит ученика во имя учителя... Небесный Царь не вынуждает, не требует податей, но приемлет усердствующих, чтобы подающие сами получили, оказывающие честь были почтены, допускающие других к общению временных благ, призваны были в общение благ вечных»¹⁴⁶.

Среди различных *видов* милостыни, о которых говорит св. Василий, особенно интересно отметить взгляд св. отца на *посмертную милостыню*, то есть по завещанию. Св. Василий, побуждавший вообще творить милостыню, не откладывая¹⁴⁷, совершенно отвергает мысль о богоугодности такой посмертной милостыни и с негодованием высмеивает надежды на пользу такой милостыни для спасения души завещателя. «Насладившись богатством в продолжение всей жизни, — говорит от лица богатого святитель, — по смерти сделаю бедных наследниками своего имени, письменно и в завещаниях объявив их владельцами всего моего». «Когда не будешь, — отвечает св. отец на такое размышление, — уже в кругу людей, тогда сделаешься человеколюбивым. Когда увижу тебя мертвецом, тогда назову братолюбцем. Великая тебе благодарность за щедролубие, что, лежа в гробнице и разрешившись в землю, стал ты не бережлив на расходы и великодушен! Скажи мне, за какое время потребуешь награды? За время ли жизни или за время смерти? Но пока был ты жив, тратил жизнь на удовольствия, погружался в роскошь; тебе несочно было и взглянуть на бедных; а у умершего, какая деятельность? На какую награду имеют право поступки его? Покажи дела и требуй воздаяния. Никто не торгует, когда срок торго кончился; никто не увенчивается, если пришел по окончании борьбы; никто не показывает своего мужества после драки. Поэтому, как очевидно, и после жизни невозможно стать благочестивым... Для чего же обманываешь сам себя? Во время жизни себя самого предпочитал ты заповеди, а по смерти и разрушении предпочел ты заповедь врагам; говоришь: чтобы не досталось такому-то, пусть возьмет Господь. Чем же назвать это: мщением ли врагам или любовью к ближним?... Благодарность смерти, а не тебе; если бы ты был бессмертен, то не вспомнил бы о заповедях. Мертвое не приводится к алтарю: принеси жертву живую. Кто приносит избытки, тот не приемлется; а ты, что осталось в избытке после целой жизни, то приносишь Благодетелю. Если остатками трапезы

¹⁴⁵ Беседа «по окончании XIV псалма», т. I, стр. 223.

¹⁴⁶ Беседа «О милости и суде», т. IV, стр. 396–397.

¹⁴⁷ Например, беседа «О любостыжательности», т. IV, стр. 95.

не смеешь угощать знаменитых людей, то как же осмеливаешься остатками умиловать Бога?»¹⁴⁸.

Из свидетельств истории мы узнаем, что св. Василий высоко ставил не только личную благотворительность, но и *общецерковную*, причем и в последней выдвигал на самое видное место *элемент личного служения бедному и духовного общения с ним*. Вот, как описывает деятельность в этом направлении св. Василия Великого св. Григорий Богослов в своем похвальном слове на смерть Василия. «Отойди несколько от города (Кесарии) и посмотри на новый город, на сие хранилище благочестия, на сию общую сокровищевлагательницу избыточествующих¹⁴⁹, в которую, по увещанию Василия, вносятся не только избытки богатого, но даже и последние достояния, и здесь ни моли до себя не допускают, ни татей не радуют, но спасаются и от нападений зависти, и от разрушительного времени. Здесь учится благумудрию болезнь, ублажается несчастье, испытывается сострадательность. В сравнении с этим заведением, что для меня и Семивратные, и Египетские Фивы, и Вавилонские стены и Карийские гробницы Мавзоля, и пирамиды или величие и простота храмов, уже не существующих... Для меня гораздо удивительнее сей краткий путь к спасению, сие самое удобное восхождение к небу. Теперь нет уже перед нашими взорами тяжкого и жалкого зрелища; не лежат перед нами люди, еще до смерти умершие и омертвевшие большей частью телесных своих членов, гонимые из городов, из домов, с торжищ, от вод, от людей, наиболее им любезных, узнаваемые только по именам, а не по телесным чертам... Но к чему описывать все наши злострадания, когда недостаточно к сему слову? Василий преимущественно перед всеми убеждал, чтобы мы, как люди, не презирали людей, бесчеловечием к страждущим не бесчестили Христа — единую всех Главу... Посему этот благородный муж не гнушался и лобзанием уст греть болезнь, обнимал недужных, как братьев... Это было и многовещное, и безмолвное увещание. И не город только пользовался сим благодеянием... Напротив, всем предстоятелям народа предложил он общий подвиг человеколюбия и великодушия к несчастным»¹⁵⁰.

Взгляд св. Григория Богослова на милостыню, естественно, так же близко примыкает к воззрениям св. Василия, как сходны их взгляды на христианское отношение к собственности, причем св. Григорий более подробно останавливается на *свойствах* истинной благотворительности и *бескорыстии* побуждений к ней.

Св. Григорий неоднократно указывает на *долг* каждого творить милостыню и даже поставляет эту обязанность в ряду важнейших. «Если, — говорит святитель, — по учению Павла и Самого Христа, первой и важнейшей

¹⁴⁸ Беседа «К обогащающимся», т. IV, стр. 116–119.

¹⁴⁹ Здесь говорится о странноприимном доме, построенном св. Василием.

¹⁵⁰ Т. IV, стр. 96–97.

заповедью должно почитать любовь... то превосходнейшую часть ее должна составлять, как я нахожу, любовь к бедным... Ибо никакое служение так не угодно Богу, как милосердие... и праведный Мздовоздаятель ни за что так не награждает Своим человеколюбием, как за человеколюбие... Итак, мы должны отверзать утробу милосердия всем бедным и по какой бы то ни было причине страждущим; должны, как человеки, приносить человеку дань благотворительности, какая бы ни заставляла их нужду искать помощи: вдовство ли, или сиротство, или изгнание из отечества, или жестокость властителей, или наглость начальствующих, или бесчеловечие собирателей подати, или убийственная рука разбойников... Все они одинаковое имеют право на сожаление и так же смотрят на руки наши, как мы на руки Божии, когда чего просим»¹⁵¹. Вообще, по мысли св. Григория, *долг благотворения* утверждается на заповеди Божией, и подавать милостыню есть общехристианская обязанность. «Всего более, — пишет он далее в этом же слове, — почтим заповедь и увещание слова Божия. Какая же это заповедь? Посмотрите, как постоянно внушают ее мужи боговдохновенные, и как она близка к их сердцу. Не так они возвещают ее, чтобы раз или два говорили что-нибудь о бедных и потом отступились; не так, чтобы одни упоминали о милостыне, а другие нет, или некоторые говорили о ней больше, а другие меньше... Нет, они все и каждый в особенности, почитая сию заповедь главной или одной из главных, с ревностью побуждают нас к исполнению ее то увещаниями, то угрозами, иногда упреками, а иногда и похвалами милосердным... Сказано: страсти ради нищих, и воздыхания убогих, ныне воскресну, глаголет Господь. Кто же не убоится восстающего Господа?»¹⁵². «Тебе оставлен нищий, как самому Богу... Тебе предлагается случай доказать свое человеколюбие»¹⁵³. И, по мысли св. отца, никакая бедность не может служить препятствием к благотворению. «Дай хоть самую малость бедному, — убеждает св. Григорий, — и то не будет малостью для того, кто во всем нуждается, и для самого Бога, если подавание будет по силе. Вместо великого дара принеси усердие. Ничего не имеешь? Утешь слезой. Великое врачество злополучному, когда кто от души пожалеет о нем; несчастье много облегчается искренним соболезнованием»¹⁵⁴. Как видим, *критерий ценности подаяния* св. Григорий здесь указывает не в величине жертвы, но в «усердии», в подаянии от скудости своей и в сердечном участии к горю ближнего. Эти мысли вообще с определенностью утверждаются святителем. «Всего прекраснее и человеколюбивее то, что Бог измеряет подаяние не достоинством подаваемого, но силами и расположением

¹⁵¹ «Слово о любви к бедным», т. II, стр. 6–7.

¹⁵² «Слово о любви к бедным», т. II, стр. 35–36.

¹⁵³ Стр. 28.

¹⁵⁴ Стр. 29.

плодоносящего»¹⁵⁵. И указывая, таким образом, на всеобщность долга благотворения, св. Григорий окончательно утверждает эту всеобщность, когда требует давать милостыню *каждому просящему*, без суда и разбора. «Гораздо лучше, — рассуждает святитель, — для достойных простирать руку и недостойным, нежели из опасения встретиться с недостойными лишать благодеяния и достойных. Сие, по моему мнению, и означает то, что надобно посылать хлеб свой даже на воду: он не рассыплется и не упадет перед праведным Судией, но достигнет туда, где положено, будет все наше, и где найдем его во время свое, хотя о том и не думаем»¹⁵⁶.

В ряду *побуждений* творить милостыню св. Григорий указывает и на будущую награду¹⁵⁷, и на естественность чувства сострадания¹⁵⁸, но с особенной силой выдвигает указание на милостыню, как на наше *благоговейное отношение к Христу и подражание Ему*. Указав на ряд побуждений к милостыне и, особенно, на ее очистительную силу¹⁵⁹, св. Григорий над всем этим поставляет чувство благоговейного почитания в отношении Христа Спасителя: «почти Того, Кто претерпел за нас язвы и болезни. Почтешь же Его тогда, когда явишься милостивым и человеколюбивым к члену Христову... Доколе еще есть время, посетим Христа, послужим Христу, напитаем Христа, оденем Христа, примем Христа, почтим Христа»¹⁶⁰. «Не отталкивай от себя бедного ты, который обогащен Божеством... не презирай странника, за которого Христос был странником (а у Христа все мы странники и пришельцы)»¹⁶¹. «У всех одна Глава — Христос, из Него же вся; и что члены — один для другого, то же и каждый из нас друг для друга и все для всех... Нам должно или все оставить для Христа... или разделить свое имущество с Христом, дабы и самое обладание имуществом освятилось через то, что... соучастниками в нем будут неимущие... Дай немногое Тому, от Которого получил несравненно более... Будь для несчастного богом, подражая милосердию Божию. Ибо ничто столько не уподобляет человека Богу, сколько благотворение»¹⁶². «Для нас Он стал человеком и принял зрак раба; за наши беззакония веден был на смерть...

¹⁵⁵ Слово «О словах своих Юлиану, производившему народную перепись», т. II, стр. 125.

¹⁵⁶ Слово «В похвалу отца и в утешение матери», т. II, стр. 97–98.

¹⁵⁷ Например, слово «О любви к бедным», т. II, стр. 7; 15–16; 19, 22, 39 и др.; слово «В похвалу отца и в утешение матери», т. II, стр. 98; слово «О словах своих Юлиану, производившему народную перепись», т. II, стр. 127 и мн. др.

¹⁵⁸ Например, слово XIX, т. II, стр. 127; слово «О любви к бедным», т. II, стр. 10, 28 и мн. др.

¹⁵⁹ Св. Григорий не раз оттенял такое значение милостыни, например, в слове «О любви в бедным», т. II, стр. 22, 37.

¹⁶⁰ Слово «О любви к бедным», т. II, стр. 37–39.

¹⁶¹ Слово «На неделю новую», т. ?, стр. 119.

¹⁶² Слово «О любви к бедным», т. IV, стр. 9, 18, 22, 27.

стал нам подобострастным и равночестным. Ужели же мы, ученики кроткого, человеколюбивого и столько для нас послужившего Христа, не будем подражать милосердию Владыки? Ужели не будем милостивы к подобным нам рабам»¹⁶³.

И неразрывно с таким мистико-религиозным побуждением к милостыне св. Григорием оттеняется совершенная *внутренняя свобода и бескорыстие* христианского благотворения. «Мне известны, — говорит он, — три степени в спасаемых: рабство, наемничество и сыновство. Если ты раб, то бойся побоев. Если наемник, одно имей в виду — получить. Если стоишь выше раба и наемника, даже сын, стыдись Бога, как отца; делай добро потому, что хорошо повиноваться отцу. Хотя бы ничего не надеялся ты получить, угодить отцу — само по себе награда. Да не окажемся пренебрегающими сие!... Если бы благо сие покупалось на деньги, ты не пожалел бы никаких сокровищ. А если предлагается из человеколюбия, пренебрегаешь готовность благотворения»¹⁶⁴.

В ряду других свойств христианской милостыни, оттеняемых св. Григорием, мы можем назвать: *неотложность* помощи нуждающимся, *щедрость* милостыни, *радостное* настроение благотворящего, зависящее от удовлетворения чувства любви к ближнему, и, наконец, то свойство богоугодной милостыни, по которому она должна быть подаваема *из честно приобретенного* имущества.

Неотложность долга благотворения св. Григорием подчеркивается не раз. «Не медли, — убеждает св. отец, — сделаться щедрым, но будь им теперь и по недостатку достойного не отказывая во всем. Напротив того: одно внеси, другое пожелай внести, а об ином молись, чтобы Бог даровал прощение немощи»¹⁶⁵. Не допускай ни малейшего промежутка между благим намерением и благотворением. *Вот, одно, что не терпит отсрочки — человеколюбие»*¹⁶⁶.

Долг благотворить щедро утверждается св. Григорием Богословом на щедрости благодеяний Божиих в отношении нас. «Дай немного Тому, от Кого получил несравненно более. Отдай и все, Даровавшему тебе все. Ты никогда не будешь щедрее Бога, хотя бы и пожертвовал всем, что имеешь, хотя бы отдал вместе с имуществом и самого себя... Как нельзя опередить своей тени... как нельзя телу вырасти выше головы, всегда над ним возвышающейся, так и нам невозможно превзойти дарами своими Бога. Ибо мы ничего не даем такого... что было бы вне круга Его щедрости»¹⁶⁷.

¹⁶³ Т. II, стр. 131.

¹⁶⁴ Слово «На святое крещение», т. III, стр. 283.

¹⁶⁵ Слово «О словах своих к Юлиану, производившему народную перепись, т. II, стр. 125.

¹⁶⁶ Слово «О любви к бедным», т. II, стр. 38.

¹⁶⁷ Там же, стр. 22–23.

И ясно само по себе, что всегдашним настроением благотворящего должно быть настроение, проникнутое любовью к нуждающемуся, и самый долг милостыни для христианина должен являться *радостным*. «Раздробляй алчущему хлеб твой, нищия бескровные введи в дом твой; и все сие делай *радушно*. Милуйай, сказано, с добрым изволением; таким образом, готовность твоя усугубит цену доброго твоего дела. Ибо что делается с печалью или по нужде, то не может быть приятным и изящным; оказывая благодеяние, должно радоваться, а не сетовать»¹⁶⁸. Говорит, наконец, св. Григорий о том, что милостыня должна быть подаваема лишь из *праведно приобретенного* имущества. «Подавай нищим, прекрасным твоим заступникам... Но если подаешь им, то подавай из своего, а чужим не накрывай ни Святой Трапезы, ни нищего... Не обманывай Бога, как недаленовидного Судию, чтобы Он еще более на тебя не прогневался»¹⁶⁹.

В заключение изложенного взгляда на милостыню св. Григория Божьего позволим себе привести одно место из его творений, где св. отец возмущается одним из мотивов к отказу бедным в помощи на основе лицемерно-религиозных соображений. «Вот что, — говорит святитель, — особенно достойно оплакивания: есть между нашими собратьями люди, которые так далеки от соболезнования и вспомоществования страждущим, что даже не стыдятся жестоко укорять их... придумывать пустые и ничтожные умствования... Они осмеливаются так судить: Бог послал им несчастье, а нам — счастье. И кто я, чтобы смел нарушать определение Божие и показывать себя милостивее Бога? Пусть их томятся, бедствуют, страдают! Богу так угодно. В сем только случае и показывают они себя богочинителями, где нужно им сберечь свои деньги и храбриться над несчастными. Но, на самом деле, они и не думают, что их благополучие происходит от Бога, как это ясно видно из слов их. Ибо станет ли рассуждать подобно им о бедных тот, кто признает Бога подателем всего, чем он владеет? Кто действительно имеет что-нибудь от Бога, тот употребляет, что имеет, согласно с волей Божией»¹⁷⁰. Эти слова св. Григория не лишены значения и для наших дней. Правда, такого наивного лицемерия теперь мы не встречаем: есть известный прогресс и в религиозном лицемерии. Но когда от имени Церкви говорят, что существование нищих на земле есть закон и для Царства Божия; что слова Христа Спасителя «нищих всегда имате с собою» выражают непреклонную волю Божию о существовании нищеты среди христиан; когда объявляют богатство даром Божиим, который должно хранить и умножать в то время, как братья умирают с голоду; когда благородных в идее стремления к более равномерному распределению благ земных клеймят названием противления воле Божией и говорят

¹⁶⁸ Там же, стр. 38.

¹⁶⁹ Слово «На богатолюбцев», т. V, стр. 190.

¹⁷⁰ Слово «О любви к бедным», т. II, стр. 30.

многое этому подобное, — то вспоминаются слова древней мудрости: «нет ничего нового под солнцем», и «это было уже в веках, бывших прежде нас»¹⁷¹.

Св. Григорий Нисский посвятил увещаниям к милостыне два слова «О нищелюбии» и в этих словах излагает взгляд свой на милостыню, всецело согласный с воззрениями других отцов Церкви. Св. Григорий Нисский ставит благотворительность в ряду самых высоких и *обязательных для каждого* добродетелей, причем долг благотворения выводит из общехристианского долга *подражать Господу*, Который является первым и величайшим благотворителем в жизни мира. Благотворительность, по мысли св. отца, «мать бедствующих, учительница богатых, благая детопитательница, попечительница о старцах, казнохранилище нуждающихся, всеобщее пристанище несчастных... Она выше всякого похвального дела, она приседит благому Богу, возлюблена Им и весьма близка Ему... Первым совершителем благих и человеколюбивых дел является Сам Бог. Ибо создание земли, и украшение неба, и благоустроенную перемену времен... и все в частности Бог постоянно производит не для Себя самого, Он не имеет в этом нужды, но для нас... Первый благотворитель есть Бог, питающий алчущего, поящий жаждущего и одевающий нагого... Бог есть первый изобретатель благотворительности, богатый и вместе сострадательный податель необходимого для нас. Мы же каждой буквой Писания (наставляемся) соревновать Господу и Зиждителю нашему, насколько доступно для смертного подражание Блаженному и Бессмертному... Милосердие и благотворительность суть дела, любезные Богу, и если обитают в каком человеке, то обожают его и образуют по подобию Всеблагаго, чтобы он был образом первого, и чистого, и всякий ум превосходящего существа»¹⁷². И этот долг милостыни имеет, по взгляду св. Григория, общеобязательное значение, так как и *бедность не препятствует* быть милосердным. «Скажешь: и я беден, — предусматривает св. отец возражение против всеобщности долга творить милостыню и отвечает. — Пусть так, давай. Давай, что имеешь, ибо Бог не требует сверх сил. Ты дашь хлеб, другой — чашу вина, иной — одежду, и, таким образом, общим сбором уничтожаются несчастья одного. И Моисей на издержки по скинии получил не от одного... но от всего народа. Один богач принес ему золото, другой — серебро; бедный — кожи, беднейший бедного — шерсть»¹⁷³. Видишь, как и кодрант вдовицы превзошел вклады богатых. Ибо она высыпала все, что имела, у тех же не многое выпало»¹⁷⁴.

¹⁷¹ Еккл. I, 9–10.

¹⁷² «О нищелюбии», слово I, т. VII, стр. 401, 403–406.

¹⁷³ Исх. XXV, 28–30.

¹⁷⁴ «О нищелюбии», слово I, т. VII, стр. 401.

Побуждения к милостыне указываются св. Григорием Нисским в общем те же, какие и другими отцами, и долг творить милостыню утверждается как на естественных *гуманных* чувствах, так и на предстоящей награде милосердным и страданиях безжалостных. «Не презирай лежащих, — убеждает святитель, — как ничего не стоящих. Подумай, кто они, и найдешь им цену. Они носят на себе образ Спасителя нашего. Ибо Человеколюбец дал им собственный образ, чтобы им устыдить несогладительных и нищененавистников»¹⁷⁵. «Для всех благоразумных милосердие есть прекрасный залог, который мы вверяем другим при их несчастьях. Поскольку одна природа управляет всем человечеством, и никто не имеет прочного какого-либо ручательства в постоянстве своего благополучия, то постоянно должно помнить евангельское увещание, которое советует: елика еще хотим да творят нам человецы, то творить и им. Итак, пока благополучно плаваешь, простирай руку потерпевшему крушение; одно для всех море, одни бури, одни мятущиеся волны, подводные камни, утесы, скалы и прочие опасности житейского мореплавания одинаково страшат плователей. Пока ты не страдаешь, пока безопасно переплываешь море жизни, не проходи немилосердно мимо потерпевшего крушение. Кто порукой тебе в постоянстве благополучного плавания? Ты не достиг еще пристани успокоения. Жизнь твоя еще не дошла до берега; еще ты носишься по морю жизни... Да будет присуще нам делание заповедей и кормило любви. Верно направляемые ими, мы достигнем земли обетованной, где находится великий град, которого художник и зиждитель есть Бог наш»¹⁷⁶.

И созерцание этой обетованной земли, *ожидание праведного* воздаяния в жизни загробной *должны* непрестанно побуждать христианина помнить о долге милостыни. «Не бойся, — убеждает св. Григорий Нисский, — плод милостыни произрастает обильно. Посевай, раздавая и исполнишь долг добрых приобретений... Они (нищие) сокровищехранители ожидаемых благ, привратники Царства, отверзающие двери для добрых и заключающие для жестоких и человеконенавистников... Ради них начертан нам и сей страшный суд вестниками Божиими, о котором вы часто слышали. Там я вижу Сына Человеческого, грядущего с небес... и все племена человеческие... разделенные на две части и предстоящие судилищу... Слышу там речи Судии к подсудимым и ответы судимых Царю. Каждому назначается в удел, что ему следует... И сие строгое судилище живо изображено словом не для иного чего, как для того, чтобы научить нас пользе благотворительности»¹⁷⁷. «Если хотим получить нечто полезное там, то предварительно доставим потребное им (нуждающимся) здесь; если желаем получить ослабу после сей жизни, упокоим их теперь;

¹⁷⁵ «О нищелюбии», слово I, т. VII, стр. 401.

¹⁷⁶ «О нищелюбии и благотворительности», слово II, т. VII, стр. 432–433.

¹⁷⁷ «О нищелюбии и благотворительности», слово I, т. VII, стр. 401–403.

если желаем, чтобы они приняли нас в вечные кровы, примем их в наши. Если желаем, чтобы они врачевали язвы наших грехов, то и мы сами должны сделать то же по отношению к телам, удрученным болезнью»¹⁷⁸. «Конец... такой ревности — здесь добрая надежда и радостное ожидание, а потом, когда оставим сию скоропреходящую плоть, преоблачимся в нетление — блаженная жизнь, непрестающая и негибнущая, где уготованы некие дивные и ныне неизвестные наслаждения»¹⁷⁹. Св. Григорий Нисский в ряду *свойств* истинно христианской милостыни оттеняет с особенной настойчивостью необходимость *доброто настроения* со стороны *благотворителя*, его *ласковости, радушия и уважения к человеческому достоинству* просителя. «Ласковым словом, — советует св. отец, — оплодотворяй употребление твоих стяжаний... Обними несчастного, как золото. Заклучи в объятия потерпевшего несчастье, как твое здравие»¹⁸⁰. И при этом св. отец настойчиво доказывает, что при благотворении нужно уважать человеческое достоинство бедняков. «Да не говорит кто-либо, что достаточно уделять пищу нищим, удалив их куда-нибудь далеко от нашего жительства, на какой-либо крайний предел оно; ибо такой образ мыслей не доказывает нимало милосердия и сочувствия; но есть только благовидный повод совершенно исключить этих людей из круга нашей жизни. Свиньям и собакам позволяем жить под одной с нами кровлей... Ужели признаем бесчестнее самых бессловесных однородного с нами ближнего? Нет, да не будет этого, братья. Да не падет такой приговор на людей. Должно вспомнить, кто мы и над кем произносим суд. Над людьми — мы, люди, не имеющие перед ними никакого особого преимущества относительно общей с ними природы. Един вход всем в житие, один для всех образ жизни, пища и питье; однообразна жизнедеятельность; одно устройство тела и один конец жизни»¹⁸¹.

Кратко изложенное нами учение святых отцов Церкви первых четырех веков о милостыне характеризует церковный взгляд достаточно точно и определенно. Но только в беседах *св. Иоанна Златоуста* церковное учение о милостыне изложено с такой выразительностью, которая позволяет считать сказанное св. Иоанном *завершительным словом церковного сознания в отношении нравственной оценки милостыни*. Св. Иоанн Златоуст со всей подробностью раскрыл все данные откровенного учения по поводу милостыни; он не только принял высказанное ранее церковными авторитетами по вопросу о милостыне, но обосновал все это на основе откровенного учения и общих принципов христианской жизни; сказанное ранее мимоходом или в виде намека он (св. Иоанн) ярко оттенил, вклады-

¹⁷⁸ «О нищелюбии и благотворительности», слово II, т. VII, стр. 429.

¹⁷⁹ «О нищелюбии и благотворительности», слово I, т. VII, стр. 406.

¹⁸⁰ Там же, стр. 400.

¹⁸¹ «О нищелюбии и благотворительности», слово II, т. VII, стр. 424.

вая полноту содержания в каждую мысль и иногда доводя некоторые нераскрытые раньше положения до такой резкой определенности, какую мог сообщить им только столь смелый и сильный духом церковный мыслитель, как св. Иоанн. Наконец, в творениях его встречаем и такие данные для изложения церковного учения о милостыне, каких не встречали ранее, например, о пользе для души посмертной милостыни со стороны близких.

Каждый, хотя бы то лишь бегло знакомый с писаниями св. Иоанна Златоуста, знает, какое громадное значение в христианской нравственно-религиозной жизни он придавал милостыне: призывам к ней и ее восхвалению он отдал всю силу того великого проповеднического дара, каким обладал. Изложение учения св. Иоанна о милостыне мы и начинаем с указаний на то значение, какое ей усваивал св. отец в христианской жизни. И если в первых строках такого изложения настроение св. отца может показаться чересчур повышенным и его образы — риторическими преувеличениями, то мы надеемся, что по мере дальнейшего изложения будет становиться все яснее и яснее, почему св. Иоанн так высоко ставил милостыню, в ней видел «царицу добродетелей»¹⁸² и изображал ее величие в самых ярких образах. Милостыня, по словам св. отца, «великое дело». «Велик полет у милостыни: она рассекает воздух, проходит луну, восходит выше лучей солнечных, достигает до самых небес!... И там она не останавливается; напротив, проходит небо, обтекает и сонмы ангелов, и лики архангелов, и все высшие силы, и предстает самому престолу царскому»¹⁸³. «Ничего нет лучше милостыни»¹⁸⁴; она «есть мать любви — любви, отличающей христианство, превосходящей все знамения, служащей признаком учеников Христовых... лестница, ведущая на небо»¹⁸⁵. «Она разрешает адские узы, разгоняет мрак, погашает пламень, умерщвляет червя, избавляет от скрежета зубов. Для нее беспрепятственно отверзаются врата небесные... Она поистине есть царица, делающая людей подобными Богу... Она легка и быстролетна; имеет золотые крылья и полет, услаждающий ангелов... Она летает, как голубь, одаренный нежным взглядом и кротким глазом. Нет ничего прекраснее этого глаза»¹⁸⁶. Св. Иоанн не усомнился усвоить милостыне и *собственно религиозное значение*, поставив ее наряду с постом и молитвой, указывая в ней условие их богоугодности и усваивая милостыне благодатную силу очищать грехи.

«Подлинно, — поучает святитель, — не так вода по природе своей оmyвает нечистоты тела, как *милостыня* силой своей *оmyвает нечистоту души*. Поэтому, как ты не осмеливаешься войти на молитву с неумытыми

¹⁸² Беседа III «О покаянии», т. II, стр. 323.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Беседа I на послание к Колососянам, т. XI, стр. 367.

¹⁸⁵ Беседа VI на послание к Титу, т. XI, стр. 880.

¹⁸⁶ Беседа XXII на послание к Евреям, т. XII, стр. 265.

руками, хотя и меньшая то вина, так не входи никогда на молитву и без милостыни... *Молитва есть огонь*, особенно когда она воссылается трезвенной и бодрствующей душой; но этот огонь нуждается и в елее, чтобы достигнуть до самых небесных сводов; *а елей для этого огня* есть не что иное, как *милостыня*. Подливай же этот елей щедро, чтобы, ободряясь правым делом, ты мог совершать молитвы с большим дерзновением»¹⁸⁷. «Милостыня... важнее жертв: Милости хочу, а не жертвы; она отверзает небеса: молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога»¹⁸⁸. *Милостыня лучше и поста, и лежания на земле*. Хотя эти подвиги тяжелее и труднее, но она — плодотворнее. Она просвещает душу, утучняет ее и делает благообразной и прекрасной. Не столько плод маслины оживляет силы борцов, сколько этот елей укрепляет подвижников благочестия»¹⁸⁹.

«Если ты просишь Его с милостыней, то Он благоволит к тебе; если просишь Его с милостыней, то даешь Ему заем и получишь прибыль. Так внушаю вам: не за воздеяние рук можно быть услышанным; *простирай руки свои не к небу, а к рукам бедных*. Если ты будешь простирать руки к рукам бедных, то достигнешь самой высоты неба; а если станешь, воздевать руки без плода, то не получишь никакой пользы. Скажи мне: если бы пришел к тебе царь в порфире и стал просить тебя, то не отдал ли бы ты ему охотно всего имущества? Ныне же просит тебя устами бедных Царь не земной, а Небесный, и ты стоишь, не обращая на Него внимания, и откладываешь подавание. Какого ты достоин за это наказания? Подлинно, не за воздеяние рук и не за множество слов, но за дела можно быть услышанным»¹⁹⁰. «Будем искать тех добродетелей, которые и для нас самих спасительны, и для ближнего полезны. Таковы *милостыня и молитва*; впрочем, молитва сама заимствует свою силу и воскрыляется от милостыни. Молитва твоя, сказано, и милостыни твои взыдоша на память пред Бога»¹⁹¹. И не только молитва, но и пост так же от милостыни заимствует свою твердость. Если ты постился без милостыни, то пост твой не есть пост, и такой человек хуже обжоры и пьяницы... Но что я говорю — пост? Хотя бы ты был непорочен, хотя бы соблюдал девственность, но *если не творишь милостыни, будешь вне брачного чертога*... Тот, кто не творит милостыни, непременно должен погибнуть»¹⁹². И милостыня не только является условием богоугодности наших молитв и обращений к Богу, но сама обладает *великой благодатной силой*, приближающей нас к Богу и очищающей грехи. «Будем, — увещает св. отец, — всячески стараться очистить себя от скверны. Очищается же она, во-первых, крещением, а потом

¹⁸⁷ Беседа на 1 Кор. IV. 13, т. III, стр. 308–309.

¹⁸⁸ Беседа I на Ев. Матфея, т. VII, стр. 523–524.

¹⁸⁹ Беседа LXXXI на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 547.

¹⁹⁰ Беседа I на 2 Тим., т. XI, стр. 763.

¹⁹¹ Деян. X, 4.

¹⁹² Беседа LXXVII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 783.

и другими многообразными средствами. Бог по своему человеколюбию даровал нам разнообразие средства к очищению и после крещения. Первое из этих всех средств — милостыня, так как сказано: милостынями и верой очищаются грехи»¹⁹³. И св. Иоанн Златоуст постоянно говорит своим слушателям о том, что милостыня «очищает грехи»¹⁹⁴, «уничтожает грехи наши»¹⁹⁵. «Достаточно отдать, — по учению св. отца, — серебро в руки бедных, и все грехи тотчас омоются без боли и труда... Ты даешь серебро, а получаешь отпущение грехов... Расход состоит в деньгах, а прибыль... и в отпущении грехов, в дерзновении перед Богом, в Царстве Небесном, и в наслаждении благами, ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша»¹⁹⁶. Св. Иоанн положительно утверждает, что благодатные средства спасения имеют *вечное значение для души* человека, очищая ее для будущей жизни; так, подобное же значение усваивает он и милостыне, считая ее необходимым условием вступления в Царство Небесное. «Будем прилагать великое усердие к милостыне, — поучает св. отец, — потому что иначе невозможно достигнуть Царства Небесного... Всей душой и всеми силами будем подливать елей в светильники, чтобы свет всегда был ясный и обильный»¹⁹⁷. Милостыня — это единственный путь приобрести себе друзей и заступников для будущей жизни: «будем творить милостыню, пока это в нашей власти; это и значит — творить други от маммоны; будем расточать богатство на бедных, чтобы погасить необъятный огонь, чтобы там иметь дерзновение»¹⁹⁸. «Милостыня создает вечные жилища на небесах, поучает почитателей своих избегать вечной смерти; она дарует тебе сокровища неистощимые, которые не могут потерпеть вреда ни от воров, ни от червей, ни от тления, ни от времени. Если бы кто-нибудь научил тебя сберегать только хлеб, то чего бы ты ни дал, чтобы научиться сохранять его без вреда в продолжение нескольких лет. Но вот, благотворительность научает тебя безвредно сберегать не только хлеб, но и все: и имущество, и душу, и тело. Но что подробно перечислять все выгоды, доставляемые этим искусством? Оно учит тебя тому, как можешь ты уподобиться Богу, а это есть первое из всех благ. Теперь видишь ли, что милосердие совершает не одно только действие, но многие? Не требуя помощи от других искусств, оно созидает дома, prepares одежду, доставляет неждиваемые сокровища, делает победителями смерти, одолевает диавола, уподобляет Богу. Итак, что может быть полезнее этого искусства? Кроме того, другие искусства оканчиваются вместе с настоящей жизнью, не действуют во время болезни художников и имеют

¹⁹³ Сир. III, 30; беседа LXXIII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 490.

¹⁹⁴ Например, беседа L на Ев. Матфея, т. VII, стр. 523–524.

¹⁹⁵ Например, беседа XXXIV на кн. Бытия, т. IV, стр. 367.

¹⁹⁶ Беседа на 2 Кор. IV, 13, т. III, стр. 284–285.

¹⁹⁷ Там же, стр. 283.

¹⁹⁸ Беседа I на послание к Евреям, т. XII, стр. 16.

действия преходящие, требуют труда и многого времени и других бесчисленных принадлежностей. А милостыня по окончании мира еще яснее открывается, по смерти человека наиболее просиявает и обнаруживает свои действия, и не требует ни времени, ни труда, ни чего-либо трудного. Она действует и во время болезни твоей, и в старости, сопутствует тебе в жизнь будущую и никогда тебя не оставляет. Она делает тебя сильнее мудрецов и ораторов; люди, знаменитые по своей мудрости и ораторству, имеют у себя многих завистников, а за тех, которые прославили себя милосердием, бесчисленное множество людей приносят молитвы. Те предстоят перед судом человеческим, защищая обиженных, а часто и обижающих; а милостыня предстоит перед судом Христа и не только защищает, но и самого Судию преклоняет защищать подсудимого и произнести милостивый приговор о нем. Хотя бы он был виновен в бесчисленных согрешениях, она венчает его и провозглашает его победителем; дадите, сказано, милостыню и вся чиста будут¹⁹⁹. И что я говорю о будущей жизни? И в настоящей спросите кого угодно из людей, чего они желают более: того ли, чтобы между ними было много мудрецов и ораторов или людей милосердных и человеколюбивых? И вы услышите, что они изберут последнее. И весьма справедливо. От уничтожения красноречия жизнь нисколько не потерпит вреда: она и до него долгое время существовала. Но если уничтожится милосердие, то все погибнет и истребится. Как на море нельзя плыть далее берегов, так и земная жизнь не может стоять без милосердия, снисхождения и человеколюбия»²⁰⁰.

Мы пока не приводили длинного ряда выдержек из бесед святителя, где он прославляет милостыню и усваивает ей значение величайшей добродетели, но отметили лишь в общих чертах его взгляд на значение милостыни в христианской жизни. Теперь же обращаемся к более детальному выяснению вопроса о том значении, какое усваивал св. Иоанн милостыне, и в этом случае главное внимание мы должны обратить на те основы, на которых святитель утверждает *религиозно-нравственную ценность милостыни*, делающую ее нравственным долгом для каждого христианина. И так как вопрос о таких основах в изложении самого св. отца нередко неразрывно сливается с речью *о побуждениях* к милостыне, то и мы не будем разрывать живого целого в учении святителя, но изложим его взгляд на основания долга творить милостыню и побуждения к ней во взаимной связи.

Когда нами излагалось учение св. Иоанна Златоуста о собственности и о христианском отношении к богатству, то был отмечен его основной взгляд на причины имущественного неравенства людей: причина эта — в недостатке взаимной братской любви; и путь к уничтожению нищеты

¹⁹⁹ Лк. XI, 41.

²⁰⁰ Беседа LII на Ев. Матфея, т. VII. стр. 540–541.

среди человечества — путь братского общения имуществ. Идеал отношения к своему имуществу — все сразу отдать; верх неправды — никому своего не давать, а срединный путь — щедрая милостыня, которая, впрочем, сама собой приведет человека к раздаче всего своего²⁰¹. Милостыня, таким образом, оказывается *общеобязательным путем к уврачеванию страданий человечества от имущественного неравенства*. Сам Бог, по мысли св. отца, допустил такое неравенство, именно ради милостыни, чтобы через нее люди могли «заслужить венцы и похвалы»²⁰². Бог, как верховный собственник всего, призывает человека быть Его доверенным распорядителем на земле и ожидает от нас верного управления вверенным нам достоянием. И такое верное управление осуществляется через уравнение людей в пользовании Божественными дарами, когда имущий разделяет то, чем владеет, между неимущими. Все это уже было подробно раскрыто нами ранее при изложении учения св. Иоанна, и это должно теперь сделать для нас ясным, на каких основаниях утверждает св. Иоанн *долг творить милостыню*. Первое такое основание — *воля Божия, Божественная заповедь* людям, которая поставляет милостыню и вообще дела милосердия на первое место среди наших добродетелей. Поэтому, когда человек творит милостыню, то он как бы непосредственно служит Богу, исполняет повеления своего Господина; давая деньги бедным, человек как бы возвращает Богу данное им и, являясь в этом случае «верным домоправителем», имеет дерзновение ожидать *награды от Бога и прощения своих грехов*. Данные для такого утверждения долга творить милостыню св. Иоанн находит в свидетельствах как новозаветного, так и ветхозаветного Откровения. Для христиан же эта Божественная заповедь получает новый смысл и освещение в лице и учении Христа Спасителя. Оказывая благодеяние неимущему, человек не только благоденствует ради Бога и по Его заповеди, но *оказывает милость и любовь Самому Христу*, Который в образе нищих приходит к нам, прося помощи и сострадания. Эта собственно христианская точка зрения занимает в уяснении св. Иоанном религиозной основы долга творить милостыню центральное положение и раскрывается св. отцом с поражающей яркостью образов и силой выражения.

Таковы *религиозные* основания долга для верующих творить милостыню. Неразрывно с ними мыслятся св. отцом и *гуманные основания*. Если любовь к Богу неотделима от любви к ближним, и воля Божия всегда есть высшее благо для человека, то несомненно, что и воля Божия относительно долга творить милостыню утверждается на любви Божественной к людям, имеет в виду их благо и спасение, отвечает запросам души и лучшим стремлениям нашей воли. И св. Иоанн дает всестороннее

²⁰¹ Беседа XXI на Ев. Матфея, т. VII, стр. 247–248.

²⁰² Беседа II «о статуях», т. II, стр. 37.

уяснение собственно гуманных основ долга творить милостыню. Первое основание такого рода — это естественное *чувство любви и сострадания* к себе подобному нуждающемуся брату. И этот голос сердца утверждается и голосом разума: разум говорит, что нет правды в том, когда один терпит скорбь от лишения, а другой живет в излишнем довольстве, и указывает *путь к правде* в щедрой милостыне, как избавлении от невзгод бедности.

Таковы, на наш взгляд, основания долга творить милостыню в системе этических воззрений св. Иоанна Златоуста. Теперь мы и переходим к уяснению этих оснований, начиная речь свою с оснований собственно религиозных.

Милостыня — долг христианина, прежде всего, потому, что она *заповедана Богом*. «Бог, — говорит св. Иоанн, — много печется об оказании милосердия... Он и в Ветхом и Новом Завете дает множество законов об этом, повелевая быть милосердным всячески: и словами, и деньгами, и делами. Моисей весьма часто говорит об этом в своих узаконениях; пророки от лица Божия вопиют: «милости хочу, а не жертвы»; и апостолы все, согласно с ними, и делают и говорят». «Сам Бог так печется об этом, что, когда Он пришел, и облекся плотью, и жил с бедными, то не отрекся и не почел за стыд Самому заботиться о бедных... но повелел ученикам Своим иметь ящик, носить, что туда опускали, и из этих денег помогать бедным»²⁰³. Благодворящий бедному поэтому уподобляется Самому Богу, «насколько возможно человеку сделаться подобным Богу»²⁰⁴. «Человеколюбивый Бог, — поучает святитель, — для того дал тебе много... чтобы, по апостольскому увещанию, твой избыток восполнил недостатки других»²⁰⁵. Какое будем иметь оправдание или извинение мы, которые не хотим ради данной от Бога заповеди, ради вечной и нескончаемой славы пожертвовать малейшую часть... Какими глазами мы будем смотреть на Судию, пренебрегая столь легкую заповедь?»²⁰⁶. Тяжкого ли или обременительного чего-нибудь требует от нас Господь? Он хочет, чтобы мы избыток сверх необходимого сделали для себя пригодным, чтобы мы сами хорошо распределили то, что понапрасну и без нужды лежит в наших кладовых, дабы это послужило для Него поводом к дарованию нам светлого венца. Он спешает Сам, и понуждает нас, и направляет к тому, чтобы удостоить нас обещанных Им Самим благ... Зная, что Ему угодно, что приятно, то и будем делать»²⁰⁷. Бог есть «первый Учитель милостыни» и Сам ее постоянно нам оказывает»²⁰⁸. Без милостыни... все нечисто, все

²⁰³ Беседа «О милостыне», т. III, стр. 273–274.

²⁰⁴ Беседа на 2 Кор. IV, 13, т. III, стр. 293.

²⁰⁵ 2 Кор. VIII, 14.

²⁰⁶ Беседа XX на кн. Бытия, т. IV, стр. 185–186.

²⁰⁷ Беседа LV на кн. Бытия, т. IV, стр. 593–595.

²⁰⁸ Беседа LXXI на Ев. Матфея, т. VII, стр. 724.

бесполезно; без нее теряется большая часть добродетели. Не любяй брата своего, говорит апостол, не позна Бога. Как же ты любишь его, если не хочешь поделиться с ним чем-нибудь из этих малых и ничтожных благ?... Милосердие и сострадательность — вот, чем мы можем *уподобиться Богу*, а когда мы не имеем этого, то не имеем ничего. Не сказал Господь: если будете постыться, то будете подобны Отцу вашему; не сказал: если станете соблюдать девство или если станете молиться, то будете подобны Отцу вашему... Но что: будите милосерди, говорит, якоже Отец ваш, иже на небесех! Это — дело Божие. Если же ты не имеешь этого, то что же имеешь?»²⁰⁹.

Итак, творить милостыню — долг христианина потому, что это — заповедь Божия, Его воля. Исполнять волю Божию само по себе есть величайшее благо для верующего, такой священный долг его, что, «если за такое дело (угодное Богу) надлежало впасть в геенну, то и тогда следовало бы... с великой готовностью приниматься за делание добра»²¹⁰. «Всякое доброе дело надо делать, имея в виду не Царство, а волю Божию, которая больше всякого Царства»²¹¹.

Таким образом, св. Иоанн Златоуст утверждает абсолютное обязывающее значение для совести верующих воли Божией. Но св. отец вообще никогда не останавливается только на такой принципиальной точке зрения, а всегда неразрывно с ней утверждает и на мысли *о великих благах милостыни для самого благотворящего*. И это как в виду немощи людей, так и в виду истинной природы самой воли Божией. «Сурова добродетель, но будем представлять ее облеченной в величие будущих обетований. Люди с душой возвышенной находят ее и без этого, саму по себе, прекрасной и потому стремятся к ней, живут добродетельно не из-за наград, а для угождения Богу... потому что так повелел Бог. Если же кто более немощен, тот пусть представляет себе и награды. Так будем поступать и по отношению к милостыне... Если приятной тебе покажется любостыжательность, подумай, что на это не соизволяет Христос, и она тотчас покажется тебе противной. Опять, если тебе тяжело будет подать нищему, то ты не останавливайся мыслью на издержке, а тотчас же представь себе жатву от этого сеяния»²¹². Поэтому, хотя мысль о награде есть свидетельство некоторого несовершенства духовного, но однако она не находится в противоречии с волей Божией, как имеющей в виду наше благо. Так вообще, так и частнее в отношении милостыни: «Бог предписал заповедь о милостыне не столько для бедных, сколько для самих подающих»²¹³. Вот

²⁰⁹ Беседа VI на 2 Тим. т. XI, стр. 799.

²¹⁰ «О сокрушении», т. I, стр. 159.

²¹¹ Беседа XLIII на 1 Кор., т. X, стр. 443.

²¹² Беседа LXXVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 516–517.

²¹³ Беседа XXI на 1 Кор., т. X, стр. 211.

эта именно мысль и оттеняется с особой силой проповедником и является в его учении как бы *вторым основанием долга творить милостыню и вместе побуждением* к ней. Жалуясь постоянно на жестокосердие своих слушателей, св. Иоанн самым душевным их настроением побуждаем был к тому, чтобы беседовать с ними как с «несовершенными» и особенно подчеркивать ту сторону долга творить милостыню, по которой исполнение этого долга ведет к великой *награде и небесным* венцам. Мы уже во второй главе имели случай сделать замечание по поводу той постановки речи о небесной награде за милостыню, которая может подать повод обвинять проповедь св. Иоанна Златоуста в утилитарном характере. Теперь мы яснее видим, что св. Иоанн сам ясно определил сравнительное достоинство побуждений творить милостыню и мысль о награде отнес к низшим. В его беседах речь о наградах за милостыню занимает хотя и не первое место — как нам кажется, с наибольшей силой выдвигает св. Иоанн мысль о Господе Иисусе Христе, как основании христианского долга творить милостыню — но, бесспорно, очень часто проповедник обращается к речи о «выгодности» милостыни, имея в виду настроение своих пасомых. Вот, например, как сам св. отец определяет побуждения творить милостыню, именно *четыре* побуждения: «достоинство просящего — потому что просящий есть Владыка; потребность нужды — потому что Он алчет; легкость подавания — потому что Он просит напитать Его и требует только хлеба, а не роскоши; и величия дара — потому что за эту малость Он обещает Царство. Ты бесчеловечен, жесток и немилостив? Постыдись, говорит он, достоинства Того, Кто просит. Но тебя не пристыжает Его достоинство? Тронься несчастьем. Но и несчастье не преклоняет тебя на милость? Подай по легкости прошения. Но ни достоинство, ни потребность нужного, ни удобство подавания не может убедить тебя? Подай же нуждающемуся ради величия обещанных за это *благ*»²¹⁴. Как видим, последнее побуждение есть именно мысль о небесной награде. «Не будем думать, — говорит св. отец ниже в этой же беседе, — что у нас уменьшается имущество, когда мы подаем милостыню. Оно не уменьшается, но возрастает; не издерживается, но умножается; происходящее есть некоторый оборот и сеяние, или — лучше — оно выгоднее и безопаснее того и другого. Торговля подвергается и ветрам, и морским волнам, и многим кораблекрушениям, а семена — и засухам, и проливным дождям, и другим неровностям воздуха. Деньги же, повергаемые в руки Христовы, выше всякого замысла. Никто не может исхитить из рук взявшего данное однажды; но оно там остается, производя многие и неизреченные плоды и принося нам в свое время богатую жатву»²¹⁵. И подобные мысли множество раз повторяются св. Иоанном. «Считай милостыню, — побуждает он, — *не за расход, а за*

²¹⁴ Беседа на 1 Тим., V, 9, т. III, стр. 347.

²¹⁵ Там же, стр. 340.

приход, не за ущерб, а за приобретение, потому что через нее ты больше получаешь, чем даешь. Ты даешь хлеб, а получаешь жизнь вечную; даешь одежду, а получаешь одеяние бессмертия; даешь пристанище под своим кровом, а получаешь Царство Небесное; даешь блага погибающие, а получаешь блага, постоянно пребывающие»²¹⁶. Жизнь, с этой точки зрения, представляется св. отцу как бы *торжищем*, на котором покупают блага будущей жизни. «Теперь, — говорит святитель, — отверзлось торжище милостыни: мы видим пленников и нищих... видим вопиющих, видим плачущих, видим стонущих; дивное торжище принадлежит нам... Прибери оправдание недорогой ценой, чтобы за дорогую продать его впоследствии, если только воздаяние можно назвать перепродажей. Здесь оправдание покупается недорогой ценой: ничего не стоящим куском хлеба, дешевой одеждой, чашей холодной воды... Итак, доколе будут лежать перед нами добродетели, которые можно приобрести недорогой ценой, возьмем их, восхитим, купим у Великощедрого!... Доколе предложит торг, купим милостыню, лучше же сказать — милостыней купим спасение... Милуяй нища, взаймы дает Богови. Дадим *взаймы Богу милостыню*, чтобы воспринять от Него милосердное воздаяние. О, сколь мудро это изречение... Знало Писание наше корыстолюбие, подметило, что алчность наша, питаемая любостыжанием, ищет излишества; для того и сказало оно не просто: «милуяй нищего дает Богу», дабы ты не подумал, что дело идет о простом воздаянии; но сказано: «милуяй нища взаймы дает Богови». Если Бог берет у нас займы, то Он уже наш должник. Итак, каким же хочешь ты иметь Его: судьей или должником? Должник чтит дающего взаймы... Так как Бог знал, что бедняк подвергается опасности по своей бедности, а имеющий деньги повергается опасности за свое жестокосердие, то сделал Себя посредником: для бедняка стал поручителем, а для заимодавца — залогом. «Не веришь ты, — говорит Он, — бедняку ради его скудости, поверь Мне ради Моего богатства... Будь, говорит, благонадежен: Мне взаймы даешь». Что же такое приобрету я, если даю Тебе взаймы? Поистине, преступнейшее дело — требовать отчета от Бога. Впрочем, следуя твоему беззаконию и желая милосердием победить твою жестокость, исследуем и это, какую пользу получаешь ты, когда даешь взаймы другим? Не на сто ли ищешь один, если ищешь законной лихвы?... Но Я награждаю большим твою страсть к любостыжанию... Ты ищешь в сто раз меньшего, а Я даю тебе в сто раз больше... Когда сядет Сын человеческий на престоле славы Своей и поставит овцы одесную Себе... и речет сущим одесную Его: придите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от sloжения мира. За что? За то, что взалкался, и дасте Ми ясти; возжадался — и напоисте Мя; наг был — и одеясте Мя; в темнице — придосте ко Мне; болен бых — посетисте Мене; странен был — и введосте Мене... И вот

²¹⁶ Беседа VIII «Против аномеев», т. I, стр. 561.

что, заметь, удивительно: ни о какой другой добродетели не упоминает Он, кроме дел милостыни... но умалчивает об этом не потому, чтобы недостойно было упоминания, а потому, что эти добродетели ниже милосердия... Итак, я поношу жестокосердие, как корень зла и всякого нечестия; хвалю милосердие, как корень всех благ; и одним угрожаю огнем вечным, а другим обещаю Царство Небесное. Хороши, Владыко, и обетования Твои, прекрасно и Твое ожидаемое Царство, равно полезна и геенна, которой Ты угрожаешь; одно — потому, что поощряет нас, другая — потому, что устрашает... Бог угрожает мщением, чтобы мы избежали действительного мщения; устрашает словом, чтобы не покарать самым делом»²¹⁷.

И сравнение милостыни с куплей небесных благ, равно как с займом Богу весьма обычно у св. Иоанна. Такой же смысл имеет сравнение милостыни с *сеянием*, также любимое св. Иоанном, с приобретением друзей на небе и т. п. — сравнения, имеющие первообраз в откровенном учении. «Потому милостыня называется сеянием, — говорит, например, святитель, — что она есть не расход, а прибыль; ты, когда приступаешь к сеянию, не обращаешь внимания на то, что издерживаешь запас прежних произведений, а имеешь в виду еще несуществующую жатву будущих произведений, притом не зная, что все будет в твою пользу... Итак, зная это, будем смотреть, подавая милостыню, не на расход, а на прибыль, и на будущие надежды, и даже настоящую выгоду, потому что милостыня доставляет не только Царство Небесное, но и в настоящей жизни безопасность и избыток. Кто сказал это? Сам Тот, Кто властен сделать это. Подающий из своего имени бедным, сказал Он, сторицей примет в этом веке и живот вечный наследит. Видишь ли воздаяния с великим избытком подаваемые в той и другой жизни? Не будем же медлить и уклоняться, но каждый день будем приносить плоды милостыни, чтобы у нас и настоящие дела текли благополучно, и достигнуть нам будущей жизни»²¹⁸. «Пока есть еще время, будем сеять, чтобы пожать. Когда наступит зима, когда по морю нельзя уже будет плавать, тогда и купля эта уже не будет в нашей власти. А когда наступит зима? Тогда, когда наступит тот великий и славный день... Теперь — время сеяния, а тогда — время жатвы и собирания. Если бы кто во время сеяния не бросал семян, а стал сеять во время жатвы, тот, кроме того, что не получил бы ничего, еще был бы осмеян. Если же настоящее время есть время сеяния, то теперь-то и должно не собирать, а расточать. Станем же расточать, чтобы собрать... Не упустим удобного времени, а сделаем обильный посев и не пощадим ничего своего, чтобы получить обратно с большим воздаянием»²¹⁹. «Сеяй скудостью, скудостью и пожнет. Итак, что ты скупись? Сеяние ужели есть трата,

²¹⁷ Беседа VII «О покаянии», т. II, стр. 370–373.

²¹⁸ Беседа на 2 Кор. IV, 13, т. III, стр. 296.

²¹⁹ Беседа XXV на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 166–167.

ужели убыток? Нет! это доход и прибыль. Где сеяние, там и жатва; где сеяние, там и приращение. Возделывая тучную и мягкую землю, которая может принять в себя много семян, ты засеваешь ее всеми своими семенами и берешь еще займы у других, потому что скупость в этом случае считаешь убытком. А когда надо возделывать небо, которое не подвержено никакой воздушной перемене, и все вверенное ему, несомненно, возрастет с большим приращением, ты ленишься, медлишь и не думаешь о том, что сберегая — теряешь, а расточая — приобретаешь. Итак, сей, чтобы не потерять; не береги, чтобы сберечь; рассыпай, чтобы сохранить; трать, чтобы приобрести. Хотя бы и нужно было что сберечь, ты не береги, потому, что непременно это погубишь, а поручи Богу, у Которого никто не похитит. Сам не торгуй, потому что не умеешь получать прибыли; но большую часть капитала отдай займы Тому, Кто дает рост, отдай займы туда, где нет ни зависти, ни клеветы, ни обмана, ни страха; отдай займы Тому, Кто сам ни в чем не нуждается... Отдай займы туда, откуда ты получишь не смерть, но жизнь вместо смерти. За такой только рост можешь приобрести себе Царство, а за всякий другой получишь геенну»²²⁰.

Таким образом, уже ясно выступают два основания долга творить милостыню: воля Божия, требующая от нас сострадательного отношения к бедным, и наше вечное благо, неразрывно связанное с исполнением этой Божеской воли. Но, как мы сказали, наиболее ярко и убедительно обосновывает св. Иоанн долг каждого христианина творить милостыню и побуждает к этому *на основе нашей любви к Христу Спасителю*. В Его лице, именно, святитель указывает тот духовный *центр христианской жизни*, от которого исходят все христианские добродетели, и в частности, милостыня: «не только при раздаче милостыни, но и во всякой добродетели, — говорит св. Иоанн, — помышляй не о суровости трудов, но о сладости наград, а прежде всего имей в виду Господа нашего Иисуса, для Которого предпринимаешь те или другие подвиги, и ты легко выйдешь на подвиги и в радости проведешь все время жизни»²²¹. При этом, как исполнение воли Божией неразрывно соединяется с истинным благом верующего, так и служение Христу приводит к вечному блаженству. Но уже центр тяжести не столько в награде за служение Христу, сколько в живом сознании *долга благодарной любви к Христу*, необходимо проявляющейся в милосердии к бедным. «Постараемся, — умоляет проповедник, — возлюбить Христа. Ничего другого Христос, по Его же изречению²²², и не требует от тебя, как любви к Нему от всего сердца и исполнения Его заповедей. Кто

²²⁰ Беседа на Ев. Матфея, т. VII, стр. 58–59; сравни: беседа XX на Ев. Матфея, т. VII, стр. 240–241; беседа на Пс. CL, т. V, стр. 564; Беседа «К верующему отцу», т. I, стр. 110; беседа XX на кн. Бытия, т. IV, стр. 186 и мн. др.

²²¹ Беседа XII на 2 Кор., т. X, стр. 586.

²²² Мф. XXII, 37.

любит Его так, как должно любить, тот, конечно, старается уже и заповеди Его соблюдать; потому, что, если кто искренне расположен к кому, то старается все делать, чем может привлечь к себе любовь возлюбленного. Таким образом, и мы, если истинно возлюбим Господа, будем и заповеди Его исполнять, и не станем делать ничего такого, что может раздражить Возлюбленного. Удостоиться *любить Его* искренне и как должно — это *Царство Небесное*, это вкушение богатства, в этом блага неисчислимы. А наша любовь к Нему будет искренняя тогда, когда, по любви к Нему, мы будем оказывать любовь и своим ближним... Кто любит Бога, тот не будет презирать брата своего, не будет предпочитать богатства своему сочлену, но будет делать ему всякое добро, вспоминая о том, Кто сказал: сотворивый единому сих братий Моих меньших, Мне сотвори. Помышляя, что услуги, оказанные ближнему, Сам Господь всяческих усваивает Себе, он будет делать все с великим усердием, покажет в милосердии всю свою щедрость, взирая не на убожество являющегося к нему человека, а на величие Того, Кто сделанное для убогих обещает усвоить Себе Самому»²²³. С особенной выразительностью и трогательностью звучит речь св. отца в том случае, когда он как бы *отождествляет нищих и их обычные речи с лицом и словами Господа Иисуса Христа*. «Павел терпел все подлинно для Христа, — говорит в одной беседе святитель, — не для Царства, не для чести, но из любви к Христу. А нас ни Христос, ни все Христово не отвлекает от житейских занятий, но как змеи, как ехидны, или свиньи, или как все это вместе, мы пресмыкаемся в грязи. Чем мы лучше этих животных, когда имея столь многие и великие примеры, все еще смотрим вниз и даже немного не можем посмотреть на небо? Бог за тебя предал Сына, а ты не даешь и хлеба Ему, за тебя преданному, за тебя убиенному. Отец для тебя не пощадил Его, не пощадил, притом, истинного Своего Сына, а ты не обращаешь и внимания на Него, когда Он томится голодом, и притом готовясь растратить Его собственность и растратить для себя. Что может быть хуже такого беззакония? Ради тебя предан, ради тебя умерщвлен, ради тебя странствует, терпя жажду, ты даешь из Его же собственности, чтобы получить от этого пользу, но ты, несмотря и на это, не даешь ничего. Не бесчувственнее ли всякого камня те, которые при стольких побуждающих обстоятельствах остаются в такой дьявольской жестокости. *Христос* не ограничился только смертью и крестом, но *благоизволил сделаться нищим, странником, бесприютным, нагим, быть заключенным в темницу, терпеть болезни*, чтобы хоть этим привлечь тебя к себе. «Если ты не воздаешь Мне за то, что Я страдал за тебя, — говорит Он, — то сжался надо Мной ради нищеты. Если не хочешь сжалиться над нищетой, тронься Моей болезнью, умилосердись ради уз; если же и это не склоняет тебя к человеколюбию, обрати внимание на легкость

²²³ Беседа LV на кн. Бытия, т. IV, стр. 59.

просьбы. Я не прошу ничего дорогого, но хлеба, приюта и утешительного слова. А если и после этого остаешься жестоким, то сделайся добрее хотя бы ради Царства, ради наград, которые Я обещал тебе. Но и они не имеют для тебя значения? Так склонись жалостью хотя бы к самому естеству, видя Меня нагим, и вспомни о той наготе, какую Я терпел за тебя на кресте. А если не хочешь вспомнить о ней, представь наготу, какую терплю в лице нищих. И тогда нуждался Я для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, чтобы ты, тронувшись тем или другим, захотел оказать какое-нибудь милосердие; для тебя Я постился и опять для тебя же терплю голод, жаждал, вися на кресте, жажду и в лице нищих, только бы тем или другим привлечь тебя к Себе и для твоего же спасения сделать тебя человеколюбивым. Потому, хотя ты и обязан Мне воздаянием за бесчисленные благодеяния, но Я не прошу у тебя, как у должника, а венчаю тебя, как за дар, и за это малое дарю тебе Царство. Я не говорю: избавь Меня от нищеты или дай Мне богатство, хотя именно для тебя Я обнищал; но прошу только хлеба, одежды, небольшого утишения в голоде. Когда нахожусь в темнице, Я не принуждаю снять с Меня узы и вывести из темницы, но ищу только одного: чтобы ты навестил связанного за тебя, и это принимаю за большую милость, и за это одно дарю тебе небо. Хотя Я избавил тебя от самых тяжких уз, но для Меня достаточно и того, если ты захочешь увидеть Меня связанного. Конечно, Я и без этого могу увенчать тебя, однако же, *хочу быть должником твоим*, чтобы венец принес тебе и некоторое дерзновение. И потому, имея возможность пропитать сам Себя, Я хожу и прошу, стою у дверей твоих и простираю руку. Я желаю от тебя именно получить пропитание, потому что сильно люблю тебя, Я стремлюсь к твоей трапезе, как это и бывает у друзей, и хвалюсь этим перед лицом целой Вселенной, возвещаю о тебе постоянно во услышание всех и показываю всем Своего кормильца. Мы, когда у кого-нибудь питаемся, стыдимся этого и обыкновенно скрываем, но сильно нас любящий Христос, хотя бы мы и молчали, всем рассказывает о случившемся со многими похвалами и не стыдится сказать, что мы одели Его, когда Он был наг, накормили, когда Он был голоден. Размыслив обо всем этом, не остановимся на одних только похвалах, но исполним слова наши на деле»²²⁴. «Не столько заимодавец радуется тому, что имеет должников, сколько веселится Христос, имея заимодавцев; кому Он ничего не должен, от тех бежит прочь, а кому должен, к тем притекает. Итак, станем делать все, чтобы иметь Его должником своим; теперь самое удобное время давать займы, теперь настает в этом нужда. Если не дашь Ему теперь, то после удаления отсюда Он не будет уже иметь в тебе нужды. Здесь Он жаждет, здесь алчет; жаждет же потому, что жаждет твоего спасения; вследствие этого Он и просит, вследствие этого Он и ходит наг, приготовляя тебе

²²⁴ Беседа XV на послание к Римлянам, т. 9, стр. 687–688.

бессмертную жизнь. Итак, не презри Его: не Сам напитаться Он хочет, но напитать тебя, не Сам одеться, но одеть тебя и приготовить тебе ту золотую ризу, царскую одежду. Не видел ли ты, что наиболее заботливые врачи, когда моют больных, и сами моются, хотя это для них и не нужно? Так и Христос все делает для тебя недужного. Поэтому Он и не насильно требует у тебя, чтобы дать тебе большое вознаграждение, чтобы ты понял, что Он требует не Своей нужде, а для исправления твоей нужды. Для того Он приходит к тебе в бедном одеянии, протягивая десницу, и не гнушается, если дашь самую мелкую монету, не отходит, если укоришь, но приступает к тебе снова, так как Он желает, *сильно желает нашего спасения*. Итак, станем презирать имущество, чтобы не быть и нам презренными от Христа; станем пренебрегать богатством, чтобы приобрести его. Если мы будем беречь его здесь, то, несомненно, погубим и здесь, и там, а если будем раздавать его со многой щедростью, то в той и другой жизни насладимся великим благополучием. Потому желающий сделаться богатым пусть делается нищим, чтобы быть богатым: пусть тратит, чтобы собрать, и расточает, чтобы соединить»²²⁵. Невнимание к нуждающемуся брату, отказ от помощи бедному это есть, с точки зрения св. Иоанна, выражение неблагодарности к Христу, отречение от Его любви. «Если, — говорит, например, святитель, — при входе Христа в Иерусалим одни покрывали одеждой своей ослицу, на которой Он сидел, а другие постилали одежды ей под ноги, то неужели мы, которым повелено не только снимать одежды с себя, но и истощать все свое ради других, не окажем никакой щедрости, видя Его обнаженным? Там народ впереди и позади сопровождал Его, зачем же мы отсылаем Его, даже прогоняем оскорблением, когда Он сам приходит к нам? Какого это достойно наказания, какого отмщения! Приходит к тебе нуждающийся Владыка, а ты не хочешь и выслушать его просьбы, но еще осуждаешь и поносишь Его, слыша такие слова Его»²²⁶. «Он охотно алчет, чтобы напитать тебя; странствует в нагоде, чтобы доставить тебе возможность получить одежду нетления. Но вы, несмотря и на это, не уделяете ничего из своего имения. Ваши одежды или снедаются молью, или составляют тяжесть для сундуков и лишнюю заботу для владельцев; а Кто даровал и это, и все прочее, Тот скитается нагим»²²⁷. «Оденем Его здесь, чтобы и Он не оставил нас обнаженными без своего покрова. Если мы напоим Его здесь, то не скажем, подобно богатым: послы Лазаря, да омочит конец перста и устудит язык наш опалаемый»²²⁸. Если и мы примем Его здесь в свои дома, то Он уготовит для нас там много обителей. Если придем к Нему в темницу, то и Он освободит

²²⁵ Беседа VII на послание к Римлянам, т. IX, стр. 565–566.

²²⁶ Беседа XXVII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 677.

²²⁷ Беседа XXVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 177.

²²⁸ Лк. XVI, 24.

нас от уз. Если введем Его к себе, как странника — и Он не оставит нас странствовать вне Царствия Небесного, но воздаст за то горний град. Если посетим Его в болезни, скоро и Он освободит нас от немощей наших. Итак, получая много, даже тогда, когда даем немного, будем давать, по крайней мере, немного, чтобы приобрести много»²²⁹. «Устыдимся же Его любви, устыдимся Его безмерного человеколюбия, — увещивает св. отец. — Он для нас не пощадил даже Единородного Сына, а мы бережем и деньги себе же на зло. Он предал за нас истинного Сына Своего; а мы ни ради Его, ни даже ради себя не хотим дать и серебра. Как можем за это получить прощение? Если мы видим человека, подвергающегося за нас опасностям и смерти, то предпочитаем его всем другим, причисляем его к первым своим друзьям, отдаем ему все свое; говорим, что это принадлежит ему более, чем нам, и при всем том не думаем, что мы воздали ему достойным образом. А к Христу мы не имеем благодарности даже и в этой мере. Он положил за нас душу Свою; Он пролил за нас драгоценную кровь Свою — за нас неблагодарных, недобрых; а мы не расточаем и денег для своей же пользы, но презираем Его в наготе и странничестве, Его, Который умер за нас. Кто же исхитит нас от будущей казни? Если бы не Бог, а мы сами наказывали себя, то не произнесли бы мы приговор на себя самих? Не осудили ли бы себя на гееннский огонь за то, что презираем Положившего за нас душу Свою, тогда как Он истаивает от голода? И что говорить о деньгах? Если бы мы имели в себе по тысяче душ, не должны ли были бы положить все души за Него? Впрочем, и таким образом мы не сделали бы еще ничего, достойного Его благодеяний. Кто прежде благодетельствует, тот обнаруживает в себе явную доброту, а кто получил благодетельствие, тот, как бы ни воздавал за него, воздаст только должное и не заслуживает благодарности, особенно, когда начавший благодетельствовать оказывает благодетельствие врагам... Но и это нас не трогает, мы до такой степени неблагодарны, что рабов, и мулов, и коней облакаем в золотые уборы, а Господа, скитающегося в наготе, переходящего от дверей к дверям, стоящего на распутьях и простирающего к нам руки, мы презираем, а часто смотрим на Него суровыми глазами»²³⁰. И в своем олицетворении отношения к нищим с отношением к Христу Спасителю св. Иоанн Златоуст доходит до высшего предела, когда *жестокосердие к бедствующим характеризует как предание Христа*²³¹, а *милостыню рассматривает в качестве величайшей жертвы*, приносимой на святейшем жертвеннике — Теле Христовом. «Хочешь ли видеть, — спрашивает св. отец, —

²²⁹ Беседа XXV на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 166.

²³⁰ Беседа XXVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 176–177.

²³¹ Например, беседа XLVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 314: «будем бояться, чтобы нам через сребролюбие не сделаться подражателями Иуде. Ты не предаешь Христа, но когда презираешь нищего, истаивающего от голода или гибнущего от холода, навлекаешь на себя то же осуждение».

жертвенник Милосердного? Не Веселеил соорудил его и не другой кто, но Сам Бог; не из камней, но из вещества, которое светлее самого неба — из разумных душ... Жертвенник этот создан из самых членов Христовых; *и Тело Самого Владыки служит тебе жертвенником*. Благоговей перед Ним: на Теле Владычнем ты совершаешь жертву. Этот жертвенник страшнее и нового, а не только древнего жертвенника. Однако ж не смущайтесь. Этот жертвенник чуден по причине предлагаемой на нем жертвы, а тот (жертвенник милосердного) удивителен и потому, что сооружается из той самой жертвы, которая его освящает. Чуден этот (жертвенник) потому, что, будучи по природе камнем, делается святым, так как принимает Тело Христово; а тот чуден потому, что сам есть Тело Христово. Таким образом, страшнее этого жертвенника тот, перед которым предстоишь ты, мирянин. Что в сравнении с этим будет для тебя Аарон? Что кидар? Что звонцы? Что святое святых? Да и нужно ли сравнивать (жертвенник милосердного) с древним жертвенником, когда он и в сравнении с этим (новозаветным) жертвенником оказывается столь блистательным? А ты, между тем, почитаешь этот жертвенник, потому что он принимает Тело Христово, и унижаешь тот жертвенник, который есть самое Тело Христово, и не обращаешь внимания, когда он разрушается. Такой жертвенник ты можешь видеть везде — и на улицах, и на площадях, ежечасно можешь приносить на нем жертву, потому что и здесь освящается жертва»²³².

До сих пор мы излагали взгляд св. Иоанна Златоуста на религиозные основания обязанности христиан творить милостыню. Эта сторона раскрыта св. отцом более подробно, чем основание долга творить милостыню собственно гуманного характера, и именно такой взгляд на милостыню обуславливает то великое значение, какое усваивает ей св. Иоанн, что уже было раньше отмечено. Но и собственно *гуманные побуждения* к милостыне, а вместе с тем и основания ее обязательности не остаются в тени в беседах святителя. Эти гуманные основания у святителя указаны двух главных родов: во-первых, милостыня является долгом для человека потому, что каждый имеющий и не дающий нуждающемуся есть хищник и обидчик, так как идеалом устройства человеческого общежития является имущественное равенство всех или, во всяком случае, удовлетворения насущных потребностей. Это первое основание есть *выражение начала правды*. Второе основание для долга творить милостыню заключается, по св. отцу, в природной *сострадательности человека*, благодаря которой ни один человек, не потерявший человеческого образа, не может безучастно отнестись к горю и нужде своих братьев, но побуждается любовью помочь им и в этом найти утешение своей скорби от вида страданий.

²³² Беседа XX на 2 Кор., т. X, стр. 647–648; сравни: речь св. Иоанна в беседе L на Ев. Матфея, т. VII, стр. 522–523.

Останавливаться подробно на раскрытии первого основания нам не кажется нужным, потому что при изложении учения св. Иоанна о собственности мы видели, что отказ от подачи милостыни он считал видом хищничества. «Не уделять из своего имущества, — рассуждал святитель, — есть то же похищение... Итак, когда мы не подаем милостыни, то будем наказаны наравне с похитителями»²³³. На мысли же св. отца о сострадании и естественном чувстве любви к себе подобным, как побуждению творить милостыню, нужно остановиться более подробно.

Св. Иоанн очень определенно указывает, что *заповедь Божия о милосердии* вообще и о милостыне в частности не является чем-то внешним и чуждым для человека, но *находит родной источник в нашем сердце*, питаясь которым, становится внутренним нашим достоянием, а исполнение заповеди — сердечной потребностью. «Бог не только разуму предоставил, — говорит, например, св. Иоанн, — побуждать нас к милосердию, но во многих случаях *самой природе нашей даровал власть преклонять нас к последнему*. Так отцы и матери оказывают милосердие детям, а дети — родителям; и то бывает не только у людей, но и у всех бессловесных. Так брат оказывает милосердие брату, родственник — родственнику, ближний — ближнему, человек — человеку. Мы по самой природе имеем некоторую *наклонность к милосердию*. Потому-то мы и скорбим об обиженных, болезнуем, смотря на убиваемых, плачем при взгляде на плачущих. Бог весьма желает, чтобы мы исполняли дела милосердия, потому и повелел природе сильнее побуждать нас к ним, показывая тем, что Ему весьма любезно милосердие. Итак, помышляя об этом, пойдём сами и поведем детей и ближних наших в училище милосердия. Человек всего более должен учиться милосердию, потому что оно-то и делает его человеком. Велика вещь человек и дорогая муж, творяй милость»²³⁴. Кто не имеет милосердия, тот перестает быть и человеком... И чему дивишься ты, что милосердие служит отличительным признаком человечества? Оно есть признак Божества. Будите милосерди, говорится, якоже Отец ваш. Итак, по всем этим причинам научимся быть милосердными... и не будем почитать даже жизнью время, проведенное без милосердия. Я говорю о милосердии, чуждом всякого любостыжания»²³⁵. И постоянно в своих беседах св. Иоанн оттеняет ту мысль, что милостыня должна быть «от сострадания»²³⁶, являться выражением любви²³⁷, а главное, в своих непрерывных побуждениях к милостыне св. отец всегда стремится подействовать на чувство слушателей,

²³³ «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 796.

²³⁴ Притч. XV, 6.

²³⁵ Беседа LII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 542.

²³⁶ Например, беседа XXVIII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 490.

²³⁷ Например, беседа VI на послание к Титу, т. XI, стр. 880.

вызвать их сострадание к бедствующим. Достаточно вспомнить, как трогательно изображал св. Иоанн страдания Лазаря в притче Господа²³⁸ или же бедствие современных святителю нищих, уполномоченным от лица которых называет себя сам проповедник²³⁹, чтобы видеть веру святителя в отзывчивость сердца человека на вид страдания и нищеты. Поэтому же так горячо обличает св. Иоанн роскошь в жизни христиан, усматривая в ней прямое поругание естественного чувства сострадательной любви к ближним. «Когда ты увидишь нищего, — увещевает, например, св. отец, — то не отворачивайся от него, но тотчас подумай, каков был бы ты сам, если бы был на его месте, чего хотел бы ты получить ото всех? Разумевай, — говорит. — Представь, что и он свободен так же, как ты, имеет одинаковую с тобой благородную природу и все у него общее с тобой; и между тем его, который не хуже тебя, ты часто не равняешь даже со своими собаками; эти вполне насыщаются хлебом, а тот нередко насыпает голодным, так что свободный становится ниже твоих рабов»²⁴⁰. И какой не может быть достойно геенны все это, когда ты брата, который вместе с тобой сделался участником неизреченных благ и столько почтен от Владыки твоего, ввергаешь в бесчисленные бедствия, чтобы украсить камни, помост и бессловесных животных, не сознающих этого украшения? И собака у тебя на большом попечении, а человек или, лучше сказать, Христос ради собаки и всего сказанного осуждается на крайний голод. Что хуже такого безразличия? Что ужаснее такого беззакония? Сколько будет потребно огненных рек для такой души? Сотворенный по образу Божию стоит обесчещен вследствие твоего бесчеловечия, а головы мулов, везущих твою жену, сияют обильным золотом, а также покровы и деревянные принадлежности балдахина; если нужно сделать стул или подножие, все делается из золота и серебра; а тот, для кого Христос сошел с неба и пролил драгоценную Кровь, вследствие твоего корыстолюбия не имеет у себя самой необходимой пищи. Твои ложа отовсюду обложены серебром, а тела святых лишены и необходимого покрыва... А ты, имея, кроме общей природы, еще тысячи побуждений быть в *тесном союзе с собственными своими членами*, именно — одарение разумом, участие в благочестии, общение в бесчисленных благах, сделался, однако, грубее бессловесных животных, обнаруживаешь большую заботу о вещах бесполезных и пренебрегаешь храмами Божиими, которые погибают от голода и наготы, даже часто сам подвергаешь их тысячам бедствий. Если ты по-

²³⁸ Например, целый ряд бесед святителя «О Лазаре», т. I, стр. 769–867; сравни «Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может», т. III, стр. 487 и др.

²³⁹ Например, известная беседа св. Иоанна «О милостыне», произнесенная после того, как он (св. Златоуст) в зимнее время прошел и увидел на площади бедных и нищих, лежащих без призрения, т. III, стр. 263–276.

²⁴⁰ Беседа XI на послание к Евреям, т. XII, стр. 107.

ступаешь так из славолюбия, то подлежало бы тебе позаботиться о брате больше, чем о лошади. Ведь чем лучше пользующийся твоим благодеянием, тем прекраснее сплетается тебе венец за твое усердие; а теперь, поступая совершенно иначе, ты не чувствуешь, что вооружаешь против себя тысячи обвинителей»²⁴¹.

Не будем более подробно останавливаться на изложении взглядов св. Иоанна на общегуманные основания долга творить милостыню, так как эта сторона дела выступит яснее еще далее в изложении воззрений святителя на свойства милостыни. Теперь же обратимся к учению св. Иоанна *о всеобщности долга творить милостыню*.

Уже изложенное нами учение св. Иоанна Златоуста об основаниях долга творить милостыню и о побуждениях к ней заставляет предполагать, что св. отец усваивает долгу творить милостыню всеобщее значение. В самом деле, если заповедь творить милостыню есть заповедь Божия и, следовательно, выражение Божией воли²⁴²; если, далее, исполнение этой заповеди имеет такое значение в жизни христианина, что без милостыни нельзя войти в Царство Небесное²⁴³; то ясно, что долг творить милостыню есть долг общехристианский. Это одна сторона дела, и св. Иоанн со всей своей силой утверждает, что каждый должен и может творить милостыню. Но всеобщность этого долга в учении св. Иоанна имеет силу не только в отношении благотворящего, но и в отношении просящего, то есть св. Иоанн определенно и чрезвычайно выразительно, даже более того — поразительно ярко, подчеркивает долг давать *всякому просящему*, согласно заповеди Христа Спасителя: *всякому просящему у тебя давай*. Это, так сказать, другая сторона в понятии всеобщности долга творить милостыню, так же логически неизбежно вытекающая из основ учения святителя. Действительно, если заповедь Христа о помощи всякому просящему понимается св. отцом в буквальном смысле; если *всякий нищий* олицетворяется святителем с Христом нуждающимся; если, наконец, человек должен в деле милостыни прислушиваться к сострадательному голосу своего сердца, то ясно, что нужно давать всякому просящему. И св. отец не только утверждает это, но с удивительной смелостью мысли устраняет всевозможные возражения против такого понимания всеобщности долга давать всякому просящему.

Итак, прежде всего, *каждый христианин обязан и может творить милостыню*.

Когда св. Иоанн Златоуст постоянно проповедовал о милостыне, убеждал всех щедро благотворить, говорил о значении милостыни для спасения, то всегда мог у слушателей его возникнуть вопрос: какое же это

²⁴¹ Беседа XI на послание к Римлянам, т. IX, стр. 615–616.

²⁴² Беседа «О милостыне», т. III, стр. 273–274.

²⁴³ Например, беседа XXIII на Ев. Иоанна, т. X, стр. 154.

отношение имеет к неимущим, к тем, которые сами вынуждены жить на выпрошенное подаяние? Как они могут спастись, если без милостыни нельзя войти в Царство Небесное, если нужно «купить небо», чтобы его наследовать? Проповедник нередко сам ставит эти вопросы и отвечает на них определенным указанием на то, что долг творить милостыню имеет всеобщее значение, что никакая бедность не может служить препятствием творить милостыню, и что ценность последней определяется не количеством жертвуемого, но настроением благотворителя, и даже денег вовсе не нужно для того, чтобы исполнить заповедь о милостыне. «Заповедь о милостыне, — говорит, например, св. отец, — относится не к богатым только, но и к *бедным*: когда бы кто питался, выпрашивая у других, и к нему относится эта заповедь, потому что нет, истинно нет ни одного такого бедняка, как бы он ни был беден, чтобы у него не нашлось две лепты²⁴⁴. Следовательно, можно и дающему из малого малое превзойти имеющих много и дающих мало, как и было с той вдовой. *Величина милостыни измеряется не мерой подаваемого*, но произволением и усердием подающих. Так везде нужно произволение, везде любовь к Богу. Если мы будем делать все по ее побуждению, то хотя бы мы давали немного, имея немного, Бог не отвратит лица Своего, но примет и малое, как великое и необыкновенное. Он смотрит на произволение, а не на то, что дается; если видит, что оно велико, то обращает на него свое решение и приговор и делает (подающих) участниками вечных благ»²⁴⁵. И с этой точки зрения св. Иоанн даже находит, что бедность предрасполагает к милостыне. «Если люди, — говорит он, — упоенные богатством, заграждают свой слух для моих слов, зато обратят на них внимание живущие в бедности. Но как, скажешь, идет это к бедным? Ведь у них нет ни золота, ни многих одежд? Но у них есть хлеб и холодная вода; есть две лепты и ноги, чтобы посетить больных; есть язык и слово, чтобы утешить несчастного; есть дом и кров, чтобы принять странника. Мы и не требуем от бедных столько-то и столько-то талантов золота, этого (требуем) только от богатых. Если же кто беден и придет к дверям других (бедняков), от того Господь наш не постыдится принять и лепту и даже скажет, что принял от него больше, чем от людей, которые подали много. Как многие из предстоящих здесь желали бы жить в то время, когда Христос во плоти пребывал на земле, чтобы быть с Ним под одним кровом и разделять с Ним трапезу! Теперь вот это возможно: мы можем пригласить Его на вечерю и вечерять с Ним даже с большей пользой. Из тех, которые тогда вечеряли с Ним, многие погибли, как-то: Иуда и другие подобные»²⁴⁶. «Много или мало, — говорит в другой беседе святитель, — оценивается не количест-

²⁴⁴ Мк. XII, 42.

²⁴⁵ Беседа I на послание к Евреям, т. XII, стр. 16.

²⁴⁶ Беседа LIX на Ев. Иоанна, т. VIII стр. 392.

вом подаваемого, а достатком подающего. Богатый пусть не думает о себе много, а бедный пусть не унывает, как подающий мало, потому что часто бедный подает и больше богатого. Вследствие бедности вам не следует считать себя несчастными, так как она дает нам возможность более удобно подавать милостыню, находит больше случаев делать добро. Он без труда идет в темницу, посещает больных, подает чашу холодной воды, а богач, надменный своим богатством, не допустит себя до этого. Итак, не сетуй на нищету, потому что нищета дает тебе большую возможность приобрести небо. Хотя бы ты и ничего не имел, но у тебя есть сострадательное сердце, и за это тебе готова награда. Потому Павел повелел плакать с плачущими²⁴⁷ и с узниками обращаться так, как бы и мы были с ними в узах²⁴⁸. Иметь многих состраждущих доставляет некоторое утешение не только плачущим, но и находящимся в других затруднительных обстоятельствах; иногда одно слово может укрепить удрученного не меньше, чем деньги... Имеющий человеколюбивое и милосердное расположение, если есть у него деньги, раздаст их; если увидит кого-нибудь в несчастях, станет плакать и проливать слезы; если встретит обижаемого, заступится; если найдет бедствующего, подаст ему руку. Имея сокровище благ — человеколюбивую и милосердную душу — он изольет из нее все нужное для братьев и получит все уготованные Богом награды. А чтобы и нам достигнуть их, прежде всего, позаботимся сделать свое сердце кротким²⁴⁹. Поэтому и все речи св. отца о «покупке неба» имеют, по существу, одинаковое значение и в отношении бедных. *«Не за деньги продаются блага небесные, не деньгами покупают их, а свободным решением дающего деньги, любовью, возвышением над вещами житейскими, человеколюбием и милостивей.* Если бы на серебро покупались, то жена, положившая две лепты, немного получила бы; но так как не серебро, а доброе намерение имело силу, то она, показав всю готовность, получила все... Деньги, однако ж, нужны, скажешь? *Не деньги нужны, а решение.* Имея это последнее, ты можешь и за две лепты купить небо, а без него и за тысячу золотых талантов не купишь того, что можешь купить за две лепты. Почему? Потому, что когда ты от многого дал меньше, то хотя сотворил милостыню, но не такую, какую вдова; ты подал не с таким усердием, с каким она; она сама себя лишила всего, или лучше — не лишила, а все себе даровала. Бог обещал Царство не за таланты золота, но за чашу студеной воды, за усердие, не за смерть, которая не есть что-нибудь великое, но за намерение»²⁵⁰. «Твердо знай, — поучает св. Иоанн, — что бедность не бывает препятствием милостыни. Хотя

²⁴⁷ Рим. XII, 15.

²⁴⁸ Евр. XIII, 3.

²⁴⁹ Беседа XIX на послание к Римлянам, т. IX, стр. 747–748.

²⁵⁰ Беседа XIV к Филиппийцам, т. XI, стр. 348.

бы ты был тысячекратно беден, все же ты не бедней той, которая имела только горсть муки²⁵¹, и той, у которой было только две лепты, из которых та и другая, издержав все свое имение на бедных, удостоились дивной похвалы; и великая бедность не была препятствием столь великому человеколюбию, но милостыня, состоявшая из двух лепт, была так богата и значительна, что затмила всех богачей и богатством расположения, и избытком усердия превзошла тех, которые клали много статиров²⁵². «Есть у тебя обол? — спрашивает ободряюще бедняка святитель. — Купи небо, не потому, что небо дешево, но потому, что Господь человеколюбив. Нет у тебя и обола? Подай чашу холодной воды: иже аще напоит единого от малых сих чашей студеной воды ради Меня, не погубит мзды своя. Предметом купли и продажи — небо, а мы не заботимся. Дай хлеб и возьми рай, дай малое и возьми великое; дай смертное и возьми бессмертное; дай тленное и возьми нетленное»²⁵³. «Когда ты сидишь дома, приходит нищий, продающий рай, и говорит: дай хлеба и получи рай, дай подержанную одежду и получишь Небесное Царство; я не говорю тебе, сколько нужно дать, чтобы ты не медлил, ссылаясь на свои недостатки. За сколько хочешь, купи рай: дай хлеба; не имеешь хлеба, дай обол, дай чашу холодной воды; дай что хочешь, что имеешь, все принимаю, только купи рай... *Не выгоды ищет продающий рай, а души сострадательной и благонамеренного сердца*»²⁵⁴. И в этом случае св. отец настолько расширяет понятие милостыни, что поставляет возможность творить ее вне всякой зависимости от имения денег. «Милостыня же совершается не только деньгами, но и делами. Так, например, можно ходатайствовать, можно подать руку помощи; часто в делах ходатайство помогало даже больше денег. Итак, приведем в действие в настоящем случае все роды милостыни. Можешь деньгами? Не медли. Можешь ходатайством? Не говори, что у тебя нет денег; это ничего, и то значит весьма много, будь так расположен, как бы ты подавал деньги. Можешь услугой? Сделай и это. Например, ты врач по званию? Позаботься о больных, и это много значит. Можешь советом? Это гораздо важнее всего; совет тем лучше и выше всего, чем большую он приносит пользу: им ты избавляешь не от голода, но от лютой смерти. Им и апостолы были особенно богаты; поэтому раздачу денег они вверили низшим, а сами пребывали в служении слову²⁵⁵. Или думаешь ты, не велика будет милостыня, если душу, предающуюся унынию, находящуюся в крайней опасности, одержимую пламенем (страсти), можешь освободить от этой

²⁵¹ 3 Цар. XVII, 12.

²⁵² «Слово о том, что кто сам себе не вредит, тому никто повредить не может», т. III, стр. 481.

²⁵³ Беседа III «О покаянии», т. II, стр. 324.

²⁵⁴ «О милостыне», т. XII, стр. 970.

²⁵⁵ Деян. VI, 1–4.

болезни? Например, ты видишь друга, одержимого сребролюбием? Окажи милость этому человеку. Он хочет удавиться? Угаси пламень его. А что, если он не послушается? Ты делай свое дело и не ленись. Видишь его связанного узами (сребролюбие ведь — поистине узы), приходи к нему, посети его, утешь, постарайся освободить от уз. Если он не согласится, сам будет виноват. Видишь нагого и странника (поистине наг и странник для небес не пекущийся о добродетельной жизни), возьми его в дом свой, одень в одежды добродетели, сделай гражданином неба»²⁵⁶. И вообще св. Иоанн постоянно настаивает, что ценность милостыни измеряется не количеством подаваемого, так что все должны благотворить, причем особенно любит останавливаться подробно на примере вдовы евангельской и ветхозаветной из Сарепты Сидонской²⁵⁷.

Таким образом, и всеобщность долга творить милостыню выступает в творениях св. Иоанна со всей ясностью в отношении лиц благотворящих: *каждый должен творить милостыню*, не исключая самых жалких калек, живущих чужим подаванием. Но, как мы сказали, эту всеобщность долга помощи нуждающимся св. Иоанн простирает и на лиц просящих, требует *давать всякому просящему*. Здесь св. Иоанн стоит на чистой евангельской точке зрения. Мы видели уже, что абсолютность заповеди евангельской выражается, прежде всего, в повелении: *всякому просящему дай*. Всякие ограничения, имевшие известное место в Ветхом Завете, отпадают. Отпадают и всякие практические соображения и размышления: как о достоинстве и нужде просящего, так и о заботе о себе. Этот пункт евангельского учения, как уже было упомянуто, выступает в несколько извращенном свете в наших систематических курсах богословия. И если освещение евангельского взгляда на собственность и на богатство мы назвали в свое время не только незаконным, но и непонятным, то относительно данного пункта учения о милостыне мы не можем назвать непонятным его приспособление к наличным условиям жизни, хотя, конечно, считаем также незаконным. Абсолютная высота и чистота евангельского учения всегда являлась камнем преткновения на пути к уяснению его отношения к жизни. Всегда был велик соблазн заменить эту идеальную высоту высотой другого порядка, измеряемого нашей меркой... Так бывало вообще, так случилось и в понимании идеального значения милостыни. Всякому просящему у тебя дай. Заповедь эта, казалось, легко может повести к обнаружению своей внутренней несостоятельности, оказаться «непрактичной» и не столько принести пользы, сколько вреда. Насколько

²⁵⁶ Беседа XXIV на кн. Деяний, т. IX, стр. 240–241.

²⁵⁷ Например, кроме указанных мест, смотри: беседа «О милостыне», т. III, стр. 269; беседа «Об Или и вдовице», где необыкновенно подробно анализируется величие подвига бедной вдовы, т. III, стр. 348–358; беседа «О мучениках», т. II, стр. 698; беседа VIII «Против аномеев», т. I, стр. 561.

велик соблазн к смягчению абсолютного смысла этой именно евангельской заповеди, видно из того, что и в древней Церкви раздавались авторитетные голоса в пользу законности разборчивости при оказании милостыни, например, св. Амвросий Медиоланский, как ниже увидим. Если так было в области теоретического богословия, то тем более — в действительной жизни. Здесь высоким построением ума пришли на помощь такие могучие союзники, как скупость и эгоизм, которые изобрели множество поводов и оснований для того, чтобы оправдать уклонение от исполнения евангельской заповеди: и ложь просителя, и леность его, и вид, и здоровье... И вот перед лицом такого затруднительного положения богословия и лицемерной маски обыденного эгоизма св. Иоанн стоит с непоколебимой твердостью на защите идеальной чистоты евангельской истины. Для св. Иоанна ясно было, что долг *творить милостыню имеет в виду не столько получающих, сколько подающих*, как мы видели; что центр тяжести этого долга не в *его практических результатах, но в известном настроении* благотворящего. И св. Иоанн с несокрушимой энергией борется с попытками быть разборчивыми в *личной* милостыне и с такой яркой образностью доказывает долг подавать всякому просящему и разбивает все доводы противомыслящих, что ничего подобного мы не встречали нигде: ни в святоотеческой письменности, ни в произведениях общечеловеческой гуманной мысли всех времен. Ввиду этого мы позволим себе более характерные места из бесед святителя, относящиеся к раскрываемому теперь пункту его учения о милостыне, передать в возможной цельности. Вот, например, как выразительно говорит он о том, чтобы *не пытаться даже интересоваться узнать, действительно ли нуждается человек* и пришел ли он с добрым намерением. «Мы ясно знаем, — говорит св. Иоанн, — что принимаем у себя Христа, однако же не делаемся вследствие этого кроткими... Не любопытствуй, потому что принимаешь ради Христа. Принимающий и недостойного не делается виновным, но имеет свою награду: приемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу примет. А кто от неуместного любопытства обходит человека, достойного удивления, тот навлекает на себя наказание. Итак, не любопытствуй о жизни и делах, ведь за один кусок хлеба подвергать обследованию целую жизнь — это признак крайнего тщеславия. Если бы он был убийцей, разбойником или подобным тому, неужели, по твоему мнению, он не стоит куска хлеба и немногих монет?... Но я скажу тебе и еще больше: хотя бы ты хорошо знал, что он исполнен бесчисленных зол, и тогда ты не будешь иметь оправдания, если лишишь его дневного пропитания. Ты раб Того, Кто сказал: не весте, коего духа есте вы; ты слуга Того, Кто оказывал услуги метавшим в Него камнями... Не говори мне, что он убил человека: *если он намеревался убить и тебя самого, и в таком случае не презирай его, когда он голоден*. Ведь ты ученик Того, Кто желал спасения распявшим Его, Кто даже на кресте говорил: «Отче, отпусти им, не видят бо,

что творят»... Может ли что-нибудь с этим сравниться?... Он плачет о тех, которые намереваются убить Его, беспокоится и смущается, видя предателя, не потому, что Сам будет распят, но потому, что тот погибнет... Твой Владыка целует, допускает прикоснуться к устам Своим того, который вскоре имел пролить честную кровь Его; а ты нищего не достаиваешь и куска хлеба, не уважаешь закона, дарованного Христом... Потому не говори, что такой-то убил такого-то и вследствие этого я отвращаю его. Если кто хочет пронзить тебя мечом, погрузить руку в гортань твою, ты поцелуй эту руку, потому что Христос облобызал уста, причинившие ему смерть... А ты жестоко обходишься с нищим! Если бы он был виновен в бесчисленных преступлениях, то достаточно его бедности и голода, чтобы смягчить твою душу, если она не слишком огрубела»²⁵⁸. И св. Иоанн предусматривает и легко разбивает все те аргументы, при посредстве которых людская скупость и хитрость стремились оправдать нарушение прямой заповеди Господа. «Подлинно безумие и явная нелепость, — говорит, например, в одной беседе святитель, — наполнять одеждами сундуки, а не обращать внимания на того, кто сотворен по образу и по подобию Божию и не имеет одежды, дрожит от холода и едва держится на ногах. Но скажешь: он притворяется дрожащим и немощным. И ты не боишься такими словами навлечь на себя молнию свыше? Простите, я дрожу от гнева. Ты пресыщаешься, продолжаешь упиваться до глубокой ночи, нежишься на мягких коврах и не думаешь давать отчета в таком беззаконном употреблении даров Божиих... а от бедного, несчастного, который ничем не лучше мертвеца, ты требуешь строгого отчета и не боишься грозного и страшного суда Христова? Если он и *притворяется, то притворяется по бедности* и по необходимости, по причине твоего жестокосердия и бесчеловечия, требующего такого притворства и иначе не преклоняющегося на милость. Кто, в самом деле, так несчастлив и жалок, чтобы без всякой нужды для куска хлеба принимать столь безобразный вид, терзать себя и терпеть такую муку? Итак, притворство его возвещает всем о твоём бесчеловечии. Если он просит, умоляет, говорит жалостные слова, плачет, рыдает, скитается целый день и не находит необходимой пищи, то, может быть, и придумал такую хитрость, которая не столько ему, сколько тебе служит бесчестьем и обвинением. Он достоин сострадания, что дошел до такой крайности, а мы достойны тысячи казней, что принуждаем бедных прибегать к этому. Если бы мы легко склонялись на милость, то он никогда не решился бы подвергнуться этому. Что я говорю о плоти и дрожании от холода? Скажу нечто еще более ужасное: некоторые должны были ослеплять малых детей, чтобы тронуть наше бесчувствие. Так как, скитаясь зрячими и обнаженными, они не могли привлечь внимание жестокосердных ни нежностью возраста, ни несчастьем, то присоединяли к своим

²⁵⁸ Беседа XXI на послание к Римлянам, т. IX, стр. 773–765.

бедствиям еще другое плачевнейшее бедствие для утоления голода, находя более легким лишиться общего света и дарованных всем лучей солнечных, нежели беспрестанно бороться с голодом и подвергнуться самой жалкой смерти. Вы не привыкли сострадать бедности, *а забавляетесь несчастьем*; потому они и удовлетворяют вашему ненасытному желанию, возжигая и в себе, и в вас пламень, лютейший геенны. А чтобы вы убедились, что все это и подобное тому происходит именно по этой причине, я представлю вам несомненное доказательство, которому никто противоречить не может. Есть бедные, легкомысленные и малодушные, которые не могут переносить голода и готовы переносить все другое, кроме этого. Они, неоднократно приступая к вам с жалким видом и жалостными словами, но не получив никакой помощи, наконец, оставляют просьбы и прибегают к хитростям не хуже кудесников: одни жуют кожу изношенной обуви, другие вбивают в голову острые гвозди, иные ложатся на замерзшую от холода воду голым желудком, а иные подвергают себя еще более нелепым мучениям, чтобы представить жалкое зрелище. Между тем, как это делается, ты стоишь и смеешься, удивляясь и утешаясь бедствиями других, подвергающих посрамлению общую нашу природу. Что хуже этого может сделать и человеконенавистный диавол? А чтобы он усерднее делал это, ты с великой щедростью даешь деньги. Кто просит, призывает Бога и приступает к тебе кротко, того ты не устаиваешь ни ответа, ни взгляда, и если он часто докучает тебе, говоришь о нем такие невыносимые слова: ему ли жить, ему ли дышать, ему ли смотреть на солнце? А к тем, напротив, ты благосклонен и щедр, так что сам ты делаешься виновником смешного и сатанинского их безобразия. Когда Бог говорит: «дай милостыню, а Я дам тебе Царство Небесное», — ты не слушаешь; когда же диавол показывает голову, израненную гвоздями, ты вдруг делаешься щедрым; более действует на тебя ухищрение злого демона, причиняющее столько вреда, нежели обетование Божие, подающее множество благ. Надлежало бы давать золото, чтобы этого не было, чтобы не видеть этого, надлежало бы делать и выносить все, чтобы искоренить это великое безумие; а вы, напротив, всячески стараетесь и заботитесь о том, чтобы это было, чтобы посмотреть на это. И ты, скажи мне, еще спрашиваешь, для чего геенна? Ведь каких наказаний не достойны те, которые устраивают это жестокое и бесчеловечное зрелище и смеются над теми, о которых надлежало бы плакать и им, и вам самим, особенно же вам, принуждающим их к таким безобразным действиям? Но, скажешь, я не принуждаю их. Как же не принуждаешь, скажи мне, когда не хочешь даже слушать кротких, плачущих и призывающих Бога, а тем щедро подаешь серебро и приглашаешь других подивиться им? Но, скажешь, мы отходим, пожалев их. Но не ты ли требуешь того? Нет, человек, это не жалость, когда ты заставляешь их за несколько оболлов терпеть такое мучение, когда повелеваешь им для получения необходимой пищи терзать себя и раздирать

на голове кожу на многие части жалким и плачевным образом»²⁵⁹. И подобные мысли высказывал св. отец не раз, предупреждая все новые и новые возражения против долга благотворить всякому просящему. «Приемляй пророка во имя пророка, мзду пророчу примет; и приемляй праведника во имя праведника, мзду праведнику примет; иже аще напоит единого от малых сих чашею студеной воды, токмо во имя ученика, аминь глаголю вам, не погубит мзды своея»²⁶⁰. Так, здесь Он говорит о пророках, праведниках и учениках; а в другом месте Он повелевает принимать даже самых презренных и тем, кто не принимает таковых, определяет наказание: понеже не сотвористе единому сих меньших, ни Мне сотвористе²⁶¹; и о тех же меньших опять говорит, что принимающий их принимает Его самого. Пусть принимаемый тобой не ученик, ни пророк, ни праведник; но он — человек, который с тобой в одном живет мире, одно и то же видит солнце, имеет такую же душу, одного и того же Владыку, приобщается одних и тех же таинств, к тому же призывается небу и совершенно в праве требовать от тебя призрения, будучи бедным и нуждаясь в необходимой пище. Между тем, теперь, когда приходят к тебе в дурную погоду люди с флейтами и свирелями, будят тебя от сна, напрасно и без дела тебя беспокоят, то отходят от тебя с немалыми подарками; равно и те, которые носят ласточек, натираются сажей и всех пересмеивают, получают от тебя награду за свои проказы. А если придет к тебе бедный и станет просить хлеба, то ты наговоришь ему множество ругательств, будешь злословить, укорять в праздности, осыпать упреками, обидными словами и насмешками и не подумаешь о себе, что и ты живешь в праздности, однако ж Бог дает тебе Свои блага. Не говори мне, что ты и сам делаешь что-нибудь, но покажи мне то, чем занимаешься ты дельным и нужным. Если скажешь мне, что ты занимаешься торговлей, корчемничеством, стараешься о сбережении и приумножении своего имения, то и я скажу тебе, что это — не дело; настоящие дела — милостыня, молитвы, защищение обиженных и другие добродетели, которыми мы совершенно пренебрегаем. И, однако ж, Бог никогда нам не говорит: «Так как ты живешь в праздности, Я не буду освещать тебя солнцем; так как ты не занимаешься необходимым, и Я погашу луну, заключу недра земли, остановлю озера, источники, реки, отыму воздух, не дам дождей вовремя». Напротив, Бог все это доставляет нам в изобилии, всем этим позволяет пользоваться не только живущим в праздности, но и делающим зло. Итак, если увидишь бедного и скажешь: мне досадно, что этот молодой, здоровый человек ничего не делает, хочет прокормиться, живя в праздности, а может быть, он еще беглый слуга, оставивший своего

²⁵⁹ Беседа XXI на I Кор., т. X, стр. 207.

²⁶⁰ Мф. X, 41–42.

²⁶¹ Мф. XXV, 45.

господина, то все мной сказанное примени к себе, или лучше — ему позволъ сказать со всей смелостью. И он может сказать тебе с большим правом: «И мне досадно, что ты, будучи здоров, живешь в праздности и ничего не делаешь из того, что повелел тебе Бог, а как раб, бежавший от повелений своего господина, бродишь по чужой стороне, проводя жизнь свою в пороках, в пьянстве, невоздержанности, в воровстве, в хищничестве и в разорении чужих домов. Ты укоряешь за праздность, а я укоряю тебя за худые дела, когда ты злоумышляешь, когда божишься, лжешь, похищаешь, когда делаешь тысячу подобных дел...». *Будь только готов оказывать милосердие*, тогда бедный тотчас оставит праздность, а ты перестанешь быть жестоким. Но скажешь: нищий много лжет и притворяется. И в этом случае он достоин сожаления, потому что дошел до такой крайности, что даже не стыдится так лгать. А мы не только не имеем жалости, но еще присовокупляем такие жестокие слова: «не получал ли ты раз и два?». Так что ж? Ужели не нужно ему опять есть, потому что однажды ел? Почему же ты не положишь такого же правила и для своего чрева и не говоришь ему: ты сыт был вчера и третьего дня, так не проси ныне? Напротив, чрево свое пресыщаешь чрезмерно, а нищему, когда он просит у тебя и немного, отказываешь, хотя должен бы дать ему милостыню за то, что он каждый день принужден ходить к тебе. Если не чувствуешь других побуждений, то за это одно должен подать ему милостыню. Ведь крайняя бедность заставляет его делать это. Ты не имеешь к нему жалости, потому что он, слыша такие слова твои, не стыдится; но нужда сильнее стыда. Но ты не только не имеешь к нему жалости, а еще издеваешься над ним и, тогда как Бог повелел давать милостыню тайно, всенародно поносишь пришедшего, между тем, как надлежало бы оказать ему сострадание. Если не хочешь подать, то для чего еще укоряешь бедного и сокрушаешь его огорченное сердце? Он пришел к тебе, как в пристань, и просит руки помощи; для чего же ты воздвигаешь волны и бурю делаешь свирепее? Для чего гнушаешься нищетой его? Пришел ли бы он к тебе, если бы знал, что услышит от тебя такие слова? Если же и наперед зная это, пришел к тебе, то потому-то и надобно тебе сжалиться над ним и ужаснуться своей жестокости, по которой ты при виде самой крайней нужды не делаешься сострадательнее, не представишь себе, что один страх голода служит для него достаточным оправданием в бесстыдстве, но укоряешь его за бесстыдство, хотя сам ты часто бывал несравненно бесстыднее и в важнейших делах. В нужде и *бесстыдство простительно*. Между тем, мы часто, делая то, за что бы надлежало нас наказать, не стыдимся; и тогда как нам, помышляя о таких делах, следовало бы смириться, мы нападаем на бедных: они просят у нас врачевства, а мы прибавляем им ран. Если не хочешь дать, то для чего и бьешь? Если не хочешь оказать милость, то для чего и обижаешь? Но он без того не отойдет? Так поступи, как

повелел мудрый: отвечаай ему мирная в кротости²⁶². Он не по своей воле поступает так бесстыдно. Поистине, нет человека, который бы без всякой нужды захотел сделаться бесстыдным; и хотя бы представляли тысячи доказательств, никогда не поверю, чтобы человек, живущий в изобилии, решился просить милостыню. Итак, никто не уверяй нас в противном. Если и Павел говорит: «аще кто не хочет делати, ниже да яст», — то говорит это нищим, а не нам; нам он говорит напротив: «добро творяще не стужайте». Так мы поступаем и в домашних делах: когда двое ссорятся между собой, отведя каждого в сторону, даем им противоположные советы. Так поступал и Бог, так поступил и Моисей, который так говорил Богу: «аще убо оставиши им грех, остави: аще же ни и мене изглади...»²⁶³. Итак, не будем жестокосердны, но исполним сказанное Павлом: доброе творяще не стужайте. Исполним сказанное самим Спасителем: всякому просящему у тебя дай²⁶⁴; и будите милосерди, якоже Отец ваш²⁶⁵. Давая многие другие заповеди, Господь не присовокупил таких слов, а употребил их, говоря только о милостыне. Ничто столько не уподобляет нас Богу, как благотворительность... Не будь жестоким судьей. Хотя бы ты был чист от всех грехов, то и в таком случае законом Божиим запрещено тебе строго судить о чужих проступках. Если фарисей через это погиб, то какое извинение будем иметь мы? Если людям неукоризненной жизни запрещено строго судить проступки других, то тем более грешникам. Итак, не будем жестоки, бесчеловечны, неумолимы, бесчувственны; не будем злее зверя²⁶⁶. Общая принципиальная почва, на которой утверждается св. Иоанн при отстаивании им принципа безразборчивой милостыни, помимо уже указанного долга сострадания к нужде, это — ярко подчеркнутая св. отцом *незаконность суда с нашей стороны в отношении просящих*. Такой суд не только не является нашей обязанностью, но Бог не дал нам и права судить просящих и это запрещение есть проявление милосердия Божия не только к бедным, но и к подающим милостыню, так как избавляет нас от трудов расследования и опасности ошибиться в иных случаях. «Оказывающий благотворительность, — говорит св. Иоанн, — должен не жизнь бедного исследовать, но помочь бедности и удовлетворить нужде. Одно оправдание у бедного — недостаток и нужда; ничего больше не спрашивай у него; но если он, хотя бы был порочнее всех, нуждается в необходимой пище, то утолим голод его. Так поступать повелел и Христос: «будите, — говорит Он, — подобни Отцу вашему, иже есть на небесех, яко солнце свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и на

²⁶² Сир. IV, 8.

²⁶³ Исх. XXXII, 31, 32.

²⁶⁴ Мф. V, 42.

²⁶⁵ Лк. VI, 36.

²⁶⁶ Беседа XXXV на Ев. Матфея, г. VII, стр. 388–393.

неправедная»²⁶⁷. Милосердный есть пристань для нуждающихся, а пристань принимает всех потерпевших кораблекрушение и спасает от опасностей; злые ли, или добрые, или кто бы ни были те, которые находятся в опасности — она принимает их в свои объятия. Так и ты, видя человека, подвергшегося на земле кораблекрушению бедности, не ожидай и не требуй отчета, но забывай от несчастья. Для чего ты навлекаешь на себя труды? *Бог освободил тебя от всякой заботы и беспокойства*. Сколько стали бы многие говорить и негодовать, если бы Бог повелел сперва с точностью разведывать жизнь, разузнавать поведение и поступки каждого, и потом уже подавать милостыню? А теперь мы освобождены от всякого такого затруднения. Для чего же мы сами навлекаем на себя излишние заботы? *Иное — судия, иное — податель милостыни*. Милостыня потому так и называется, что мы подаем ее и недостойным. Так поступать увещевает и Павел: «доброе же творяще, — говорит он, — да не стужаемся»²⁶⁸. Если мы станем расспрашивать и разведывать о недостойных, то и достойные нескоро попадутся нам; а если будем подавать и недостойным, то и достойные, и подобные всем им попадут в наши руки, как и случилось с блаженным Авраамом, который, не расспрашивая и не разведывая о проходящих, сподобился принять некогда и ангелов. Будем же и мы подражать ему, а с ним и потомку его Иову; ибо и этот со всей точностью подражал великодушию предка, и потому говорил: «дверь моя всякому приходящему отверста бе»²⁶⁹. Не для такого-то открыта, а для другого затворена, но для всех вообще была открыта. Так, увещеваю, будем делать и мы, ничего не разведывая сверх надлежащего. *Достоинство бедного составляет одна нужда*; кто бы когда ни пришел к нам с ней, не станем ничего исследовать более; потому что мы подаем не нраву, а человеку и жалеем его не за добродетель, а за несчастье, чтобы и самим нам привлечь на себя великую милость от Господа, чтобы и самим нам недостойным сподобиться Его человеколюбия. Если же мы станем в сослужителей наших отыскивать и исследовать достоинства, то и с нами Бог сделает то же; и, стараясь истребовать отчет от равных нам рабов, сами лишимся Вышнего человеколюбия. Имже бо, говорит Господь, судом судите, судят вам»²⁷⁰. «Многие, — говорит св. Иоанн в другой своей беседе, — часто входят в строгие исследования о нуждающихся, расспрашивают об их отечестве, образе жизни, нравах, занятиях и здоровье телесном, делают им упреки и требуют от них множество объяснений касательно их здоровья. Оттого-то многие (из бедных) представляются изувеченными по телу, чтобы видом этого несчастья преклонить нашу жестокость и бесчеловечие.

²⁶⁷ Мф. V, 45.

²⁶⁸ Гал. VI, 9, 10.

²⁶⁹ Иов. XXXI, 32.

²⁷⁰ «О Лазаре», слово II, т. I, стр. 797–798.

Летом попрекать их за это, хоть и жестоко, но не так еще, но зимой и во время стужи быть столь безжалостным и бесчеловечным судьей и не оказывать им никакого снисхождения за то, что ничего не делают, не есть ли верх жестокости? Для чего же, скажешь, Павел давал фессалоникийцам такой закон: «еще кто не хочет делати, ниже да яст»?²⁷¹ Для того чтобы и ты, услышав это, обращал слова Павла не к бедному только, но и к себе самому, потому что заповеди Павла относятся не к бедным только, но и к нам. Скажу и нечто тяжелое и неприятное; знаю, что рассердитесь, но, несмотря на это скажу, потому что я говорю не для того, чтобы оскорбить вас, но чтобы исправить. Мы попрекаем бедных праздностью, которая часто заслуживает извинения, а сами часто делаем такие дела, которые хуже всякой праздности. Но я, скажет иной, владею отцовским наследством. Неужели же, скажи мне, бедный должен погибнуть за то, что он беден, и от бедных (родителей), и не имел богатых предков? Но поэтому-то он особенно заслуживает милосердия и сострадания со стороны богатых. Ты, проводя часто целый день в театре или в собраниях и в разговорах бесполезных или даже вредных, не думаешь, что делаешь худо и ничем не занимаешься; а этого несчастного и жалкого бедняка, который целый день проводит в прощении (милостыни), в слезах и в тысяче бед, осуждаешь, и влечешь в судилище, и требуешь от него отчета? Где же тут, скажи мне, человеческая совесть? Итак, когда будешь говорить: что же скажем Павлу? Говори так не только бедным, но и себе самому. А с другой стороны, читай не только его угрозу, но и снисхождение, потому что (апостол) сказав: «еще кто не хочет делати, ниже да яст», — присовокупил: «вы же, братие, не стужайте доброе творящее» (ст. 13). Будь же человеколюбив и снисходителен к сорабу, прости ему прегрешения, сколь ни много их, и будь милосерд, дабы и сам ты удостоился того же. Для чего сам себе причиняешь беспокойства? Для чего делаешь разыскания? Если бы Бог повелел разведывать образ жизни (бедных), требовать от них объяснений и тщательно исследовать нравы их, тогда разве не стали бы роптать многие? Не сказали ли бы: что это такое? Бог предписал нам дело трудное: мы не можем исследовать образ жизни других и знать, какие такой-то сделал грехи? Не сказали ли бы многие и еще многое в этом роде? А теперь, когда Он освободил нас от всякого такого разыскания и обещал полную награду (за подаяние милостыни), будут ли получающие ее злые или добрые люди, мы сами на себя навлекаем беспокойства... Как Господь твой, несмотря на то, что премногие оскорбляют Его нечестивыми словами, блудодействуют, крадут, разбойничают, раскапывают могилы и делают множества зла, не прекращает своих ко всем благодеяний, но по Своему человеколюбию всем посылает солнечные лучи, дожди и плоды земные, так поступай и ты; и, когда будет время для милостыни и человеколюбия,

²⁷¹ 2 Солун. III, 10.

облегчай бедность, прекращай голод, избавляй от скорби, и ничего больше не разыскивай. Если мы станем исследовать образ жизни (нуждающихся) то не окажем милости ни одному человеку, но из-за такой неуместной пытливости останемся бесплодными, никому не подадим помощи и будем трудиться без всякой пользы и напрасно. Поэтому прошу вас, оставить эту неуместную пытливость, подавайте (милостыню) всем нуждающимся и делайте это с великой щедростью»²⁷². «Хорошо благоворить с простотой и не быть слишком разборчивым относительно принимающего благодеяние... Благочестивый не хочет казаться благочестивым и не принимает на себя такого вида, хотя бы ему грозило подвергнуться за это презрению; а обманщик, у которого обман составляет ремесло, представляется весьма благочестивым, так что его трудно распознать. От этого бывает, что тот, кто делает добро людям, по-видимому, неблагочестивым, попадает на благочестивых; а кто ищет почитаемых благочестивыми, часто попадает на неблагочестивых»²⁷³.

Пока нашей задачей являлось то, чтобы выяснить взгляд св. Иоанна Златоуста на всеобщность долга милостыни. Но одновременно нам пришлось излагать взгляды св. отца и на *свойства* истинно христианской милостыни, это те именно великие и характерные черты христианской милостыни, по которым, во-первых, *величина ее не зависит от количества*, но определяется отношением к величине имущества и настроению благотворителя; и, во-вторых, что *милостыня должна совершаться без исследования и переборчивости*, но нужно подавать ради Христа каждому просящему. Эти именно стороны в христианской милостыне отнесены св. Иоанном с наибольшей полнотой и выразительностью. Теперь нам следует лишь дополнить изложение учения св. отца о свойствах милостыни. Что касается, прежде всего, *количественной стороны* в учении о нравственной ценности милостыни, то, помимо подробно изложенного взгляда св. отца на то, что ценность милостыни не зависит от количества, нужно отметить истинное значение этого положения и в его отношении к *признаку щедрости*, необходимо мыслимому в понятии христианской милостыни. Щедрость, как мы уже говорили, есть необходимое выражение полноты любви благотворящего, то есть, значит, характерное свойство христианской милостыни. И св. Иоанн, с такой выразительностью оттенявший безразличие в деле нравственной ценности милостыни величины жертвы, со всей определенностью указывает, что его слова в этом случае применимы лишь к малоимущим, а общим свойством милостыни должна быть щедрость: богатый является щедрым, когда дает много; а бедный — и тогда, когда дает мало, подобно раскрытому уже нами взгляду св. отца на милостыню вдовы евангельской. «Не достаточно того, — поучает

²⁷² Беседа «О милостыне», т. III, стр. 274–276.

²⁷³ Беседа I на послание к Филиппийцам, т. XI, стр. 231–232.

святитель, — чтобы подать, но должно *делать это с щедростью*... Недостаточно благотворить, но должно это делать нескудно... В совершенном благотворении должна быть щедрость»²⁷⁴. «Итак, не будем скупы; напротив, будем расточать щедрой рукой»²⁷⁵. «Расточим, отдадим бедным, как должно отдать. Бог же многое и малое ценит не по мере подаваемого, а по достатку подающего. Поэтому может случиться, что, положив сто золотых монет, ты положишь меньше того, кто положил один только маленький обол, потому что ты положил от избытка»²⁷⁶. «Ныне за возниц вы отдали бы детей своих и за плясунов положили бы самые души свои, а Христу алчущему не хотите уделить и малейшей части своего имущества; если же когда подадите немного серебра, то находитесь в таком расположении духа, как будто вы отдали все, забывая, что *не подавать только, а подавать щедро* — вот в чем особенно состоит милостыня. Поэтому пророк прославляет и убажывает не тех, которые только подают, а тех, которые подают щедро; он не просто говорит «даде», но как? Расточи, даде убогим. Что пользы, если ты, будучи богатым, подаешь столько, сколько тот, например, кто подал стакан воды из целого моря, и не подражаешь великодушию жены-вдовицы? Как будешь говорить ты: «Господи, помилуй мя по велицей милости твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое», — когда сам не милуешь не только великой милостью, но, может быть, и малой? Я крайне стыжусь, когда вижу, как многие богачи ездят на конях, украшенных золотыми уздами, сопровождаются слугами, одетыми в золотые одежды, покоятся на серебряных ложах и позволяют себе множество других излишеств; но как скоро надобно подать бедному, то представляют беднее самых бедных»²⁷⁷. «Итак, ни богатый пусть не величается тем, что много дает; ни бедный пусть не унывает, как будто мало давая, потому что последний часто дает больше первого. Многое и малое определяется не мерой подаяния, а размером имущества подающих»²⁷⁸.

Таков *количественный критерий ценности милостыни*, с точки зрения св. Иоанна Златоуста. Здесь можно лишь отметить, что святитель усваивал нравственную ценность лишь подаянию из *праведно приобретенного имущества*; и не имеет такой ценности, даже более того — является оскорблением Бога, когда подается из приобретенного нечестным путем, путем хищения. «Нет ничего равного милостыне; или лучше: так велика сила этой добродетели, когда она происходит из чистых сокровищниц! Как происходящее от неправедных (стяжаний) подобно «источнику, изливающему нечистоты, так (происходящее) от праведных стяжаний есть как бы

²⁷⁴ Беседа XXI на послание к Римлянам, т. IX, стр. 759.

²⁷⁵ Беседа XIX на 2 Кор., т. X, стр. 640.

²⁷⁶ Там же, стр. 642.

²⁷⁷ Беседа XXI на 1 Кор., т. X, стр. 210.

²⁷⁸ «О милостыне и страннолюбии», т. XII, стр. 665.

прозрачный и чистый поток в саду, приятный на вид, усладительный на вкус, доставляющий свежесть и прохладу во время полудня. Такова милостыня! При этом источнике растут не тополя, не сосны и не кипарисы, но другие, гораздо лучшие этих, великие произрастания»²⁷⁹. «Но я разумею милостыню не от неправды, потому что это уже не милостыня, а жестокость и бесчеловечие. В самом деле, что за польза — обнажить одного и одеть другого? Милостыня должна происходить от сострадания, а это — бесчеловечие. И хотя бы мы отдали даже все, что похитили у других, для нас не будет никакой пользы. Прежде отстань от хищения и потом подавай милостыню. Лучше не оказывать милосердия, чем оказывать такое милосердие. Ведь и Каину лучше было совсем не приносить ничего. И если он, принеся меньше, прогневал Бога, то как же не прогневает Его тот, кто подает чужое?»²⁸⁰. «Немаловажное лекарство — милостыня: его можно прилагать ко всем ранам. «Дадите, — сказал (Господь), — милостыню, и се вся чиста вам будут»²⁸¹, — милостыню, но не то, что приобретено любостыжанием, потому что уделяемое от приобретенного любостыжанием не имеет значения, хотя бы ты подавал и нуждающимся. Так, истинная милостыня свободна от всякой неправды, и она-то все делает чистым»²⁸². «Зачем ты оскорбляешь Господа, принося Ему нечистые дары? Не хочет Христос питаться от любостыжания, не принимает Он такой пищи. Лучше презреть томимого голодом, чем напитать его от таких средств; *лучше ничего не давать другим, чем чужое*. Скажи мне: если бы ты увидел каких-нибудь двух людей, одного нагого, а другого имеющего одежду, и затем, раздев имеющего одежду, одел нагого, не поступил ли бы ты несправедливо? Это для всякого очевидно. Если же, отдав другому все, что ты взял, ты причинил обиду, а не оказал милосердия, то, когда ты едва даешь самую малую часть из того, что похищаешь, и называешь это милостыней, какому же подвергнешься наказанию?»²⁸³. «Может ли назваться милосердным тот, кто похищает чужое, хотя бы он делал бесчисленные подаяния?... Если люди, не причинившие никакой обиды другим, подвергаются наказанию только за то, что не разделяли с ними своего имущества, то еще более подвергнутся те, которые похищали чужое. Не оправдывай себя тем, что, причиняя вред одному, ты оказываешь милость другому. Так поступать несправедливо... *Человеколюбив не тот, кто сам поражает и исцеляет пораженных им, но тот, кто врачует раны, нанесенные другими...* Хочешь ли ты знать, сколь великое зло делает тот, кто оказывает такое милосердие? Послушай, что говорит Писание: яко убиваяй чадо пред отцем

²⁷⁹ Беседа XXII на кн. Деяний, т. IX, стр. 213.

²⁸⁰ Беседа LXXIII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 491–492.

²⁸¹ Лк. XI, 41.

²⁸² Беседа LXXXI на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 547.

²⁸³ «О корыстолюбии», т. 12, стр. 592.

его, тако приносяй жертву от имени нищих»²⁸⁴. Обращаясь к изложению взглядов св. Иоанна Златоуста на те свойства христианской милостыни, которые характеризуют самое *настроение благотворителя* и служат его выражением, мы должны, конечно, ожидать, что эти свойства явятся отражением основного начала, проникающего всю жизнь христианскую — начала любви. В отношении *личного* настроения благотворящего любовь к нуждающемуся естественно и необходимо производит то, что милостыня является для оказывающего ее не какой-то повинностью, не тяжелым бременем, *но свободным влечением сердца помочь нуждающемуся, радостно, усердно и совершенно бескорыстно*. В отношении же лица, которому оказывается милостыня эта самая любящая настроенность благотворителя также необходимо выразится в *искреннем радушии, ласковости и кротости*, исключающей возможность упреков, *смирении*, исключающем высокомерие, и, наконец, *в скорости* помощи, в нежелании оставлять нуждающегося в положении его нужды даже на короткое время. И все эти естественные свойства истинно христианской милостыни отмечены св. Иоанном.

Мы сказали, что любящая настроенность благотворящего является необходимым основанием совершенной *свободы и радостности благотворения*. Эту сторону дела с особенной силой и подчеркивает св. отец. «Милуяй с добрым изволением, — приводит святитель слова св. апостола Павла и поясняет: недостаточно благотворить, но должно это делать нескучно и без скорби или, лучше сказать, не только без скорби, но еще с *веселым и радостным духом*, потому что не одно и то же — не быть печальным и радоваться. То же самое и с большим тщанием доказывал Павел и в послании к Коринфянам. Побуждая их к щедрости, он говорил: «сеяй скудость, скудость и пожнет, а сеяй о благословении, о благословении и пожнет»²⁸⁵; и, поучая, с каким расположением должно это делать, он присовокупил: «ни от скорби, ни от нужды» (ст. 7). В совершающем благотворение должно быть то и другое: и щедрость, и веселое расположение. Зачем ты плачешь, подавая милостыню? Зачем скорбишь, оказывая милосердие, и тем лишаешься плода заслуг своих. Если ты скорбишь, то нет в тебе милосердия, но ты жесток и бесчеловечен. Ведь если ты сам скорбишь, то как можешь ободрить того, кто в горе? Приятно то, чтобы он не подозревал ничего дурного, а также и то, когда подаешь ему с радостью, потому, что для людей ничто не представляется столько унижительным, как принимать что-нибудь от других, если только ты *особенной веселостью не отворишь подозрения и не покажешь, что сам получаешь больше, нежели даешь*... Потому апостол и говорит: «милуяй с добрым изволением»... Итак, обращая внимание не на трату денег, но на пользу от этой

²⁸⁴ Сир. XXXIV, 20; беседа III на Ев. Матфея, т. VII, стр. 542–543.

²⁸⁵ 2 Кор. IX, 6.

траты. Если сеятель радуется, хотя и сеет в неизвестность на будущее, тем более должен радоваться возделывающий небо. *Если ты и мало дал, но с радостью, то дал много*; равным образом, если ты и много подал, но с прискорбием, то из многого сделал мало. Так две лепты вдовицы превзошли многие таланты, потому что ее расположение было исполнено щедрости. Скажешь: как может подавать с радушием тот, кто сам живет в крайней бедности и имеет во всем недостаток? Спроси вдовицу, у нее научись, как это можно делать, и узнаешь, что не бедность создает затруднительное положение, но собственная воля производит как это, так и все противоположное. Можно и в бедности быть великодушным, и при богатстве малодушествовать. *Если будешь иметь любовь, то не почувствуешь ни траты денег, ни телесного труда...* но все будешь переносить мужественно: потребуется ли помочь ближнему тяжелыми трудами, деньгами, словом, или иным чем... Такова истинная любовь, и, если это будет, все прочее последует само собой»²⁸⁶. «Милостыня является таковой только тогда, когда ты подаешь ее *охотно*, когда ты думаешь, что не даешь, а сам принимаешь, когда ты признаешь ее для себя благодеянием и приобретением, а не потерей, иначе она и не благодать. Тот, кто оказывает другому милость, должен *радоваться, а не печалиться*. Не безрассудно ли, в самом деле, облегчая скорбь другого, самому скорбеть? Тогда ты делаешь свое подавание уже не милостыней. Если ты печалишься о том, что избавил другого от печали, то подаешь пример крайней жестокости и бесчеловечия. Лучше уже не избавлять, чем так избавлять. Да и о чем, в сущности, ты печалишься, человек? О том ли, что уменьшится у тебя золото? Но если у тебя такое расположение, то совсем и не давай»²⁸⁷. «Или вы не уверены, что через даение получите? Если не уверены, то и не хоч, чтобы вы давали... Если кто наперед не убежден в том, что он *получает больше, нежели дает*, что он получает величайшую пользу, что бывает облагодетельствован более, нежели благодетельствует, тот не давай; *если кто думает, что он оказывает милость принимающему, тот не давай...* Творить милостыню значит не просто давать, но с усердием, с радостью и с чувством благодарности к принимающему: ни от скорби, сказано, ни от нужды: добротна бо дателя любит Бог. Итак, если кто дает не с таким расположением, тот лучше — не давай, потому что это не милостыня, а напрасная трата»²⁸⁸. И в прямой связи с такой внутренней *свободой* подающего милостыню находится и то ее свойство, по которому милостыня должна подаваться *«тайно»*, без тщеславия и видимости, но во имя внутреннего движения души помочь обездоленному. «Я весьма люблю милостыню, — говорит св. Иоанн, — и скорблю, видя, как тщеславие

²⁸⁶ Беседа XXI на послание к Римлянам, т. IX, стр. 759–760.

²⁸⁷ Беседа XVI на 2 Кор., т. X, стр. 620.

²⁸⁸ Беседа I на послание к Римлянам, т. II, стр. 230.

портит ее и развращает... Представим себе, что кто-нибудь подает милостыню щедрой рукой только напоказ перед людьми. Таким образом подающий милостыню выводит ее из чертога отеческого. В самом деле, Отец небесный повелевает, чтобы даже левая рука не знала о ней, а подобного рода милостыня выставляет себя на показ и рабам, и всем встречным, хотя бы они совсем и не знали ее... Если хочешь видеть... насколько бесполезна милостыня, когда подаешь ее напоказ и из тщеславия, то размысли, какая постигает тебя печаль, и какая нескончаемая скорбь будет одолевать тебя, когда возгремит перед тобой голос Христов: ты погубил всю мзду свою! *Тщеславие* и везде пагубно, но особенно в делах человеколюбия, так как здесь оно *является крайней жестокостью*, извлекая себе хвалу из чужих бедствий и почти ругаясь над живущими в нищете. Если указывать на свои благодеяния значит укорять облагодетельствованного, то не гораздо ли хуже выставлять их напоказ перед многими? Как же нам избежать этого зла? Мы избежим его, когда научимся быть истинно милосердными и рассмотрим, у кого мы ищем славы... Ты хочешь слыть между людьми милостивым? Что за прибыль? Прибыли никакой нет, а вред бесконечный, так как те самые, кого ты призываешь в свидетели, отнимают у тебя, как разбойники, сокровища небесные, или, лучше сказать, не они, а мы сами разграбляем свое стяжание... Ты желаешь славы? Неужели для тебя не довольно славы от человеколюбца Бога, Который Сам принимает от тебя милостыню, что ты ищешь еще славы и от людей? Берегись, чтобы не испытать противного, чтобы люди не стали смотреть с презрением на тебя, как на человека, не милость являющего, но хвастовство и честолюбивого и только выставляющего напоказ чужие бедствия. *Милостыня есть тайна*. Итак, запри двери, чтобы кто не увидел того, чего показывать не должно. Главные тайны наши — это милосердие и человеколюбие Божие... Так и ты, когда по возможности своей оказываешь человеку милость, запри дверь: пусть это видит один тот, кто получает милость, а если можно, то пусть даже и он не видит. Если же ты откроешь дверь, то обнаружишь свою тайну... и тот, у кого ты ищешь славы, осудит тебя»²⁸⁹. «Когда ты подаешь милостыню не из милосердия, но для того, чтобы показать себя, тогда она не только не есть милостыня, но даже является обидой, потому что ты выставляешь напоказ своего брата. Милостыня состоит не в том, чтобы только давать деньги, но чтобы давать с чувством милосердия... Так и ты, подавая милостыню из тщеславия, только награждаешь принимающего ее от тебя за причиняемую ему обиду и через это создаешь и себе, и ему худую славу, а отсюда — невыразимый вред. Как лютый зверь и бешеный пес нападают на всех, так и этот злой недуг бесчеловечия похищает у нас наши блага. Такая милостыня, подлинно, есть бесчеловечие и жестокость или еще хуже того. Жестокосердный только сам не

²⁸⁹ Беседа LXXII на Ев. Матфея, т. VII, стр. 723–726.

подает просящему, а ты хуже его делаешь: ты препятствуешь подавать желающим подать. В самом деле, когда ты всем выставляешь напоказ свое подаяние, то этим приводишь в сомнение бедность принимающего дар твой и тем удерживаешь от подаяния намеревающегося подать, особенно, если он человек легкомысленный. Такой человек уже не подает просящему, как уже получившему подаяние и не особенно нуждающемуся, и мало того — еще будет порицать его и обличать в бесстыдстве, когда он, получив от тебя милостыню, придет к нему просить. Итак, какая это милостыня, когда ты бесчестишь его, и себя, и того, кто получил ее, а еще более Того, Кто повелел творить ее, так как не довольствуешься тем, что сам (Бог) видит милостыню твою, и требуешь еще, что бы и глаза собратий твоих были обращены на нее». Но, конечно, св. Иоанн, давая советы относительно тайной подачи милостыни, имел в виду *внутреннее сердечное настроение*, а не ту внешнюю обстановку, при которой, могло случиться, требовалось бы творить милостыню. «Когда ты делаешь не на показ людям, то хотя бы весь мир знал о твоих делах, никто не знает, потому что ты сделал не с таким намерением. Не просто сказал Христос: не делайте перед людьми, но присвокупил: да видими будете ими»²⁹⁰.

Если внутреннее настроение подающего милостыню характеризуется совершенной внутренней свободой и должно быть проникнуто одним сознанием радостного долга служить ближнему, то в отношении к последнему такая любящая настроенность должна выразиться не только в щедрости, о чем уже была у нас речь, но и в совершенном *радушии, ласковости, участливости*. Все эти свойства необходимы и как бы сами собой выступают в таком случае, когда милостыня является радостным выражением истинной любви. «Не видите ли, — говорит св. Иоанн, — и в домах, когда кто принимает желанного гостя, с какой радостью он все делает; всюду бегают, ничего не щадит, хотя бы нужно было издержать все, что у него есть, лишь бы угодить гостю? А если бы кто, пригласив к себе гостя, не стал угождать ему, не старался успокоить его, то хотя бы тысячу раз говорил, что радуется его посещению, ни какой гость ему не поверил бы, и справедливо, так как радость надобно показывать на деле. Итак, когда и Христос пришел к нам, покажем, что мы Ему рады, и не будем делать ничего, что может оскорбить Его. Украсим дом, в который Он пришел: это свойственно радующимся. Предложим Ему трапезу, какую Он Сам хочет: так свойственно веселящимся. Какая же это трапеза? Он Сам говорит: «Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Меня»²⁹¹. Напитаем Его алчущего, напоим Его жаждущего. Подай Ему только чашу холодной воды, Он и это примет, потому что любит тебя; приношения лиц любимых, как бы (они) малы ни были, велики кажутся любящему. Только не покажи

²⁹⁰ «О милостыне и страннолюбии», т. XII, стр. 265.

²⁹¹ Ин. IV, 34; беседа XX на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 134–135.

нерадения. Повергни перед ним две лепты, Он не отвергнет и их, но примет, как большое богатство. Он не имеет недостатка ни в чем и принимает это не по какой-либо нужде; поэтому и справедливо измеряет все не мерой даваемого, но расположением дающего. Только покажи, что любишь этого Гостя, что стараешься все для Него сделать, что ты рад Его посещению. Посмотри какую любовь Он имеет к тебе. Он пришел ради тебя, душу Свою положил за тебя, и после всех этих благодеяний не отказывается еще и упрашивать тебя: По Христе молим, говорит апостол, яко Богу моляшу нами»²⁹². С отрицательной стороны радушие при подаче милостыни должно обнаруживаться в терпении любви, в отсутствии упреков со стороны подающего. С положительной же стороны это радушие обнаружится в ласковости, приветливости, нежности, когда получающий милостыню сознает, что помогающий ему помогает с радостью, а не с тяготой. «Подавай милостыню, — увещевает св. Иоанн Златоуст, — а не укоряй, не бей, не бранись; нищий, приходя к тебе, надеется получить врачевство, а не раны, милостыню, а не побои. Скажи мне: если в кого бросят камнем, и он, с раной на голове, весь в крови, мимо всех других пробежит под твою защиту, ужели ты кинешь в него другим камнем и нанесешь ему другую рану? Не думаю, чтобы ты так поступил; напротив, верно постарайся и нанесенную ему рану исцелить. Для чего же ты с бедными поступаешь не так? Ужели ты не знаешь того, сколько и одно слово может или ободрить, или привести в уныние? Лучше, говорится, слово, нежели даяние»²⁹³. Ужели не рассудишь, что ты сам на себя подымаешь меч и наносишь себе жесточайшую рану, когда обруганный тобой нищий пойдет от тебя безмолвно, вздыхая и обливаясь слезами? Нишего посылает к тебе Бог. Итак, обижая его, подумай, кому делаешь обиду, когда сам Бог посылает к тебе и тебе велит подавать, а ты не только не подаешь, но еще и ругаешь пришедшего. Если же не понимаешь, как это худо, то посмотри на других, и тогда хорошо узнаешь всю важность своего преступления. Если твой слуга по твоему приказанию пошел к другому слуге взять у него твои деньги и возвратился к тебе не только с пустыми руками, но еще жалуясь на обиду, то чего бы ты не сделал обидевшему? Какому бы не подверг его наказанию, будучи как бы сам лично им обижен? Так точно суди о Боге: Он сам посылает к нам нищих, и когда мы даем — даем Божие. Если же, ничего не подав, гоним еще от себя с бранью, то подумай, скольких громов и молний достойны мы за такое дело? Помышляя обо всем этом, обуздаем язык, перестанем быть жестокосердными, прострем руки для подаяния милостыни и будем не только снабжать бедных имуществом, но и утешать словами, чтобы избегнуть нам и наказания за злословие и наследовать Царство за

²⁹² 2 Кор. V, 20.

²⁹³ Сир. XVIII, 16.

благословение и милостыню»²⁹⁴. «Если ты, — говорит святитель, — не хочешь подать, то, по крайней мере, не оскорбляй; если не хочешь спасти от потопления — по крайней мере, не ввергай в пропасть»²⁹⁵. «В самом деле, если надлежит стыдиться тому, кто получает милостыню в присутствии многих, то какую обиду наносят ему тогда, когда подают ее еще с упреком и отворачиваясь от него? Как могут уязвить этим его душу? Мы... так сильно оскорбляем просящих и с таким отвращением смотрим на них, как будто они причинили нам величайшую обиду. Ты ничего не даешь ему: отчего же ты досаждаешь? Вразумляйте их, как братьев, сказал апостол, а не оскорбляйте, как врагов. Кто вразумляет своего брата, тот делает это не всенародно, не выставляет его торжественно на позор, но в тайне и с большой осторожностью, скорбя и сокрушаясь, и со слезами, и с плачем. Будем поэтому давать милостыню с братским усердием, будем вразумлять с братской любовью, не о том скорбя, что даем милостыню... Если ты, дав ему милостыню, нанесешь оскорбление, то лишишься удовольствия (доставляемого тебе твоей) щедростью. А если ты и не дашь ему ничего, и оскорбишь его, то какого зла не причинишь этому жалкому и злосчастному человеку? Он пришел к тебе, надеясь получить милостыню, и ушел, получив от тебя смертельную рану, и еще больше слез прольет после этого. Так как бедность заставляет его просить милостыню, между тем, ему наносят оскорбление за то, что он просит, то смотри, какое наказание постигнет оскорбляющих его. Оклеветаяя убогаго, сказано, раздражает сотворшаго его»²⁹⁶. Скажи мне: Он попустил, чтобы тот нищенствовал ради тебя, чтобы ты мог ухаживать себя, и ты оскорбляешь того, кто переносит ради тебя нищету? Какая жестокость! Какая неблагодарность в этом поступке! Накажуте, говорит апостол, якоже братьев. И после подаяния он заповедует нам вразумлять его. Если же мы ничего не даем ему, станем наносить ему обиды, то что после этого скажем в свое оправдание?»²⁹⁷. «Таким образом, бывает двойная милостыня, когда мы даем с охотой: добродотна бо дателя любит Бог. Если же ты раздашь хотя бы тысячи талантов с гордостью, надменностью и тщеславием, то погубишь все, подобно тому, как и фарисей, который отдавал десятую часть из своего имущества, но превозносился и надмевался этим, вышел из храма, погубив все»²⁹⁸. И св. отец особенно настаивает на необходимости *ласковости и своего рода нежности* со стороны подающего милостыню в отношении принимающего ее, который всегда переживает тяжелые минуты, получая одолжение. «Один премудрый муж, — говорит, например,

²⁹⁴ Беседа XXXV на Ев. Матфея, т. X, стр. 393–394.

²⁹⁵ Беседа LXXVII на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 517.

²⁹⁶ Притч. XIV, 31.

²⁹⁷ Беседа на 2 Фес., т. XI, стр. 611.

²⁹⁸ Беседа на 1 Кор. XI, 19, т. III, стр. 259.

св. Иоанн, — видя своекорыстие и надменность человеческой природы и зная свойство бедности... в наставлении, чтобы кто на просьбы бедных не гневался и от раздражения... не сделался вместо помощника гонителем, увещевает быть снисходительным и доступным для нуждающихся: приклони, говорит он, ухо твое к нищему без огорчения и отвещай ему мирная в кротости²⁹⁹. Пекущийся о тех (бедных) должен быть столь великодушным, чтобы не только не увеличивать их уныния укоризнами, но по возможности облегчать их состояние утешением. Как тот, кто претерпел обиду, при большом избытии не чувствует пользы от богатства по причине нанесения обиды, так и тот, кто слышал ласковое слово и принял поданное с утешением, более веселится и радуется, и самый дар бывает вдвое больше от такого способа даяния. Говорю это не от себя, но со слов того, кто и выше предложил увещевание. «Чадо, — говорит он, — во благих не даждь порока, и во всяком даянии печали словес. Не устудит ли зноя роса? Тако лучше слово, нежели даяние. Не ее ли слово — паче даяния благого? Обоя же у мужа благодатна»³⁰⁰. На примере Авраама святитель наглядно поучает, что значит радушно служить нуждающимся. Авраам «сам все делает и предлагает. Он даже не признал себя достойным сесть вместе с ними, но, когда они ели, он стоял перед ними. Какое величие страннолюбия! Какая глубина смиренномудрия! Какая возвышенность боголюбивой души! Когда они ели, этот столетний человек стоял перед ними. Мне кажется, что от великой радости и радушия он стал тогда выше своей немощи и как бы получил новые силы... Видим мы, как велико было страннолюбие праведника? Не на то только смотри, что он предложил хлеб и тельца, но размысли о том, с каким почтением, с каким смирением исполнял он обязанность гостеприимства, не так, как многие другие, которые, хотя и сделают иногда что-нибудь подобное, но тщеславятся перед своими посетителями... Тот, кто делает что-нибудь с надменностью и поступает так, как будто он более дает, чем принимает, тот не знает, что делает... Но этот праведник знал, что делал, а потому во всем, что делал, показывал духовную ревность... Будем все подражать ему... Господь наш требует от нас *избытка усердия*, а не множества яств, не трапезы роскошной, но *сердца радушного*, услуг не на одних только словах, но и *любви*, происходящей от сердца, и чистого намерения. Часто, ведь, усердное слово утешает нуждающегося больше, чем подавание. Итак, зная это, никогда не будем негодовать на приходящих к нам; но если можем помочь их нужде, то сделаем это с радостью и радушием, так, как бы больше сами получали от них, чем подавали им. Если же мы не в состоянии помочь им... окажем им услугу хоть словом и будем говорить им с кротостью»³⁰¹.

²⁹⁹ Сир. IV, 8.

³⁰⁰ Сир. XVIII, 15–17; «О священстве», слово III, т. I, стр. 432–433.

³⁰¹ Беседа XLI на кн. Бытия, т. IV, стр. 452–455.

Чтобы заключить изложение взглядов на милостыню св. Иоанна Златоуста, нам остается сказать относительно сравнительной оценки этим святителем различных *видов милостыни*. Подробного развития этой стороны в учении о милостыне мы не находим в творениях св. Иоанна. Мы уже видели, что он в понятие милостыни включает не только подачу денег нуждающемуся, но и всякий род служения ближнему³⁰². Критерием сравнительной ценности милостыни в этом случае служит *степень личного участия благотворителя в нужде неимущего*. «Я знаю многих, — говорит, например, св. Иоанн, — которые дошли до такого зверства, что из одной лености оставляют голодных без помощи, отговариваясь так: теперь нет у меня слуги, домой идти далеко, а разменять не у кого. Какая жестокость! Больше ты обещал, а меньшего не делаешь. Ужели ему истаивать голодом, потому что тебе не хочется пройти несколько шагов? Какая гордость! Какая спесь! Если бы тебе надлежало пройти и десять стадий, то зачем лениться? А не подумаешь, что за то было бы тебе больше награды? Когда подашь, то получишь награду только за подаяние, а когда сам пойдешь, то за это тебе будет другая награда. Так, и патриарху дивимся потому, что он, имея триста восемнадцать домочадцев, сам побежал в стадо и взял тельца»³⁰³. «Не стыдись собственной своей рукой послужить бедному. Христос не стыдился простирать руку и брать подаяние через бедного, тебе стыдно протянуть руку и дать денег? Разве же это не постыдно? Если одна чаша холодной воды доставляет Царство Небесное, то какой, скажи мне, плод принесет то, если ты сделаешь бедняка... участником трапезы и упокоишь его? Итак, не будем стыдиться служения бедным, не будем отказываться собственными руками служить им, потому что наши руки освящаются через такое служение... Дать деньги — дело довольно обычное; но *самому оказать помощь нуждающимся* и сделать это с усердием — для этого нужна великая и любящая душа»³⁰⁴. Что касается *сравнительной оценки частной и общественной*, собственно церковной, благотворительности, то такой мы не встретили в творениях св. Иоанна Златоуста. Св. отец только решительно *разграничивает* эти виды милостыни и, настаивая на долге лично благотворить, настоятельно также советует приносить свои пожертвования и в церковную сокровищницу, причем из творений святителя ясно видно, как широко была развита и строго организована церковная благотворительность. «Многие богачи, — говорит св. Иоанн, — как скоро надобно подать бедному, представляются беднее самых бедных. А чем они часто оправдываются? Бедный, говорят, получает из церковной казны. Какое тебе до того дело? Если я подаю, ты не спасешься за это; если Церковь подает, ты не загладишь

³⁰² Например, беседа XXV на кн. Деяний, т. III, стр. 240–241 и др.

³⁰³ Быт. XIV, 14; XVII, 7.

³⁰⁴ «О милостыне и страннолюбии», т. XII, стр. 660.

этим своих грехов. Если ты не подаешь потому, что Церковь должна подавать нуждающимся, то (равным образом), если священники молятся, разве ты поэтому не должен молиться? Другие постятся — разве ты поэтому можешь постоянно предаваться пьянству?... Все, что мы говорим о милостыне, говорим не для того, чтобы ты приносил пожертвования к нам, но чтобы подавал их сам от себя. Принося ко мне, ты, может быть, впадешь в тщеславие, а иногда, соблазнившись, отойдешь с лукавым подозрением; а если вы будете делать все сами, то избавитесь от соблазна и неуместного подозрения и получите большую награду... Не будем же представлять таких предлогов и считать оправданием для себя то, что Церковь имеет много сокровищ. Когда ты видишь в ней много имущества, то представь также великое число записанных бедных, множество больных, тысячи случаев к издержкам; разбери, рассчитай, никто не препятствует; мы даже готовы дать вам отчет... Церковь принуждена иметь то, что теперь имеет, по вашей скупости; а если бы все делалось по правилам апостольским, то доход ее составляло бы ваше расположение, которое было бы и безопасным хранилищем, и неистощимым сокровищем. А теперь, когда вы собираете сокровища на земле и запираете все в своих хранилищах, Церковь же принуждена производить издержки на общества вдов, на сонмы дев, на прием странников, на вспомоществование пришельцам, на утешение узников, на облегчение больных и увечных и на другие подобные нужды, то что ей делать?... Каждый из нас даст ответ Богу за самого себя»³⁰⁵.

Мы не считаем необходимым подробно перечислять все те виды служения ближним, которые св. Иоанн рассматривает со значением милостыни и к которым побуждает своих слушателей. Обратим лишь внимание на совет св. отца постоянно *откладывать известную часть денег в особый ящик*, по подражанию практике апостольской Церкви, а также очень интересный взгляд св. Иоанна на *посмертную благотворительность*.

Рассказав подробно своим слушателям о порядке сбора в пользу нуждающихся по церквям во времена апостолов, св. Иоанн приглашает всех подражать порядку, узаконенному св. апостолом Павлом. «Я, — поучает св. отец, — говорю: подавайте нуждающимся, и буду говорить громче, чем сами нуждающиеся... Но чтобы слова мои были действеннее и сильнее, для этого, став под руководство Павла, буду говорить вам вместе с ним: кийждо вас да полагает у себе сохраняя, еже аще что благопоспешится. Смори, как это нетрудно. Не сказал: «столько-то или столько-то», но: «еже аще, что благопоспешится», много ли, мало ли. И не этим только способом он делает совет свой удобоисполнимым, но и тем, что не повелевает

³⁰⁵ Беседа XXI на 1 Кор., т. X, стр. 210–212. И в словах «О священстве» св. Иоанн настойчиво указывает на долг священников тщательно заботиться о справедливом распределении сумм, находящихся в церковном распоряжении и предназначенных на вспомоществование бедным.

вносить все в одно время, так как, если собирать мало-помалу, то служение и расход делаются нечувствительными»³⁰⁶. «По единей от суббот, то есть в день воскресный, кийждо вас что полагает у себе, сохраняя, еже аще что благопоспешится. Смотри, как он убеждает самым временем: этот день сам по себе достаточно располагает к милостыне... Повелевает тотчас принести, но назначает продолжительный срок и приводит причину: да не егда приду, говорит, тогда собрания бывають... будем постоянно обращаться к Богу и следовать блаженному Павлу: устроим в своем доме *ковчежец для бедных*, который пусть находится около того места, где ты становишься на молитву, и всякий раз, как приступаешь к молитве, наперед положи милостыню, и потом воссылай молитву. Как ты не начинаешь молитвы, не умыв рук, так же не начинай ее и без милостыни. Положить милостыню не меньше значит, чем повесить Евангелие близ своей кровати; если ты, повесив Евангелие, сам ничего не будешь делать, то не получишь столько пользы; а устроив такой ковчежец, ты имеешь оружие против диавола, окрыляешь свою молитву, освящаешь свой дом, сохраняя в нем Царское брашно. Пусть стоит этот ковчежец у твоей кровати, и ночь твоя будет без мечтаний; только не полагай в него ничего от неправедных стяжаний; дело твое — милостыня, а милостыня не может быть от жестокосердия. Хотите ли, я укажу вам и источники, откуда заимствовать такие приношения, чтобы, таким образом, сделать их легкими? Ремесленник, например, сапожник, кожевник, медник или какой бы то ни было другой, продав что-нибудь из произведений своего ремесла, пусть приносит початок цены Богу, пусть отлагает некоторую малую часть туда и этой малой частью поделится с Богом; не многого требую, но столько, сколько приносили сыны иудейские, исполненные бесчисленных зол, столько же будем отлагать и мы, чающие небо. Впрочем, не поставляю этого законом, не запрещаю отлагать и больше, но только прошу отлагать не меньше десятой части. То же самое делайте не только при продаже, но и при покупке. То же правило пусть соблюдают и владельцы полей при собирании с них доходов; то же — и все приобретающие праведно. Если мы утвердимся в такой привычке, то потом совесть будет укорять нас, как скоро мы не станем исполнять этого правила; когда же сами испытаем, что это дело не трудное, то перейдем мало-помалу к высшим добродетелям»³⁰⁷.

Очень интересно отметить взгляд св. Иоанна на *посмертную благотворительность*. Мы уже видели, как отрицательно относились великие учителя Церкви к надежде богатых загладить свою жадность и скупость при посредстве завещаний в пользу бедных. Не мог иначе по существу, как отрицательно, относиться к такому настроению и св. Иоанн: «спасибо смерти, а не тебе», — говорит св. отец, согласно со св. Василием, о надежде

³⁰⁶ Беседа XLIII на 1 Кор., т. X, стр. 439–440.

³⁰⁷ Беседа XLIII на 1 Кор., т. X, стр. 438, 443–444.

богатого загладить грехи свои завещанием в пользу бедных. Но, однако, св. Иоанн значительно смягчает в этом случае свои суждения и даже доказывает *пользу для души умершего* милостыни в его память со стороны близких родных. «Поставь в завещании наследником Христа, — советует, например, святитель. — Ведь наследнику должно быть живому; это будет свидетельствовать и о прекрасно направленной воле; к тому же ты, хоть по необходимости, станешь щедрее. Христос повелел давать нищим для того, чтобы нас живых сделать любомудрыми, чтобы убедить презирать деньги, чтобы научить не уважать земного. Не в этом состоит презрение денег, что, умирая и не будучи господином, ты предоставляешь их то тому, то другому. Не добровольно даешь остаток, но по крайней необходимости. *Смерти благодарность*, а не тебе. Это не есть дело нежной любви, но — нужды. Впрочем, пусть будет так, но *освободись же хоть тогда от страсти...* Но некоторые дошли до такого безумия и испорченности, что даже и тогда (перед смертью) не понимают должного, а поступают так, как будто бы старались сделать тяжелым для себя суд Божий»³⁰⁸. «Когда кто будет умирать, — советует также св. Иоанн в другой своей беседе, — пусть родственники убеждают его перед кончиной оставить что-нибудь бедным. Пусть с этой надеждой он отойдет, пусть и Христа оставит своим наследником... Станем одевать душу, станем убирать ее в продолжение всей нашей жизни. Если же при жизни мы не радели о ней, образумимся, по крайней мере, при смерти и завещаем сродникам нашим помочь нам, по смерти, милостыней»³⁰⁹. Таким образом, св. Иоанн в составлении завещания в пользу бедных видит последнее доброе усилие воли и готов был приветствовать его, как начало добродетели. Но св. отец и на этом не остановился и призывал своих слушателей творить милостыню в память умершего уже, указывая в этой милостыне путь к очищению души усопшего. Очевидно, что стать на такую точку зрения позволял св. Иоанну тот взгляд на милостыню, по которому ей принадлежит собственно религиозное значение, подобное молитве. Несомненно, и особенная забота святителя о своих бедствующих пасомых побуждала его и таким путем располагать к милостыне. «Поистине достойны слез (грешники), — поучает св. Иоанн, — когда они предстанут перед престолом Христовым, какие они услышат слова, какие потерпят мучения! Напрасно жили они; или, лучше, не напрасно, а во вред (себе). И о них прилично сказать: добрее было бы им, аще не бы родились»³¹⁰. (Этот) всю жизнь трудился напрасно и ни одного дня не жил для себя, но для удовольствий, для роскоши, для любостяжания, для греха, для диавола. О нем ли не будем плакать, скажи мне? Его ли не постараемся исхитить от опасностей? Есть, подлинно

³⁰⁸ Беседа XVIII на послание к Ефесянам, т. XI, стр. 154.

³⁰⁹ Беседа LXXXV на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 583–584.

³¹⁰ Мк. XIV, 21.

есть возможность облегчить его наказание, если пожелаем. Так, если будем совершать за него частые молитвы, если *будем подавать милостыню*, то, хотя он сам был и недостоин, Бог услышит нас. Если ради Павла Он спасал других и ради других милует иных, то не сделает ли того же самого и ради нас? Из собственного его имени, из твоего, из чего хочешь, окажи помощь; возлей (на него) елей, или, по крайней мере, воду. Он не может предьявить собственных дел милосердия? Пусть будут хоть родственные. Не имеет совершенных им самим? Пусть будут (совершенные) за него. Таким образом, жена может ходатайствовать за него с дерзновением, предьявив за него потребное для спасения. Чем в больших он виновен грехах, тем более необходима для него милостыня. И не потому только, но и потому, что теперь она уже не имеет такой силы, но гораздо меньше. Не все равно, творит ли ее кто сам, или за него. Итак, чем она менее (в силе), тем более мы должны увеличивать ее по количеству... Не о памятниках, не о надгробных украшениях будем заботиться. Ты собери вдовиц — вот наилучший памятник! Скажи (им) имя (покойного); пусть все творят за него молитвы и моления. Это преклонит на милость Бога, хотя и не он сам, а другой за него совершает милостыню. Это сообразно с человеколюбием Божиим. Стоящие вокруг и плачущие вдовицы могут спасти, если не от настоящей, то от будущей смерти. *Многие получили пользу от милостынь, совершаемых за них другими*. Если они и не совершенно (помилованы), то, по крайней мере, получили некоторое утешение. В противном же случае, как спаслись бы дети, которые сами от себя ничего не представляют, а все — родители? И часто женам даруемы были дети, которые сами от себя ничего не представляли. Много путей к спасению даровал нам Бог, только бы сами мы не были нерадивыми. Но что, скажешь, если кто беден? Опять скажу, что о достоинстве милостыни судится не только по тому, что дается, но и по усердию. Не давай только меньше того, сколько можешь, и исполнишь все. А если кто, скажешь, одинок, чужой и никого не имеет? А почему он никого не имеет, скажи мне? За то самое он и подвергается наказанию, что не имеет никого, так близкого, так добродетельного. Поэтому, если мы сами не добродетельны, то должны стараться иметь добродетельных товарищей и друзей, жену и сына, для того, чтобы получить какую-нибудь пользу и через них, хоть и малую, однако же пользу. Если постараешься взять за себя не богатую, но благочестивую жену, то будешь иметь утешение. Равным образом, если постарайшься оставить по себе не богатого, но благочестивого сына и честную дочь, то и тогда будешь иметь это утешение. А если будешь заботиться об этом, то и сам будешь таков. Добродетели свойственно иметь таких друзей, и жену, и детей. Не напрасно бывают приношения за умерших, не напрасно молитвы, не напрасно милостыни. Все это установил Дух, желая, чтобы мы приносили друг другу взаимную пользу. Смотри: тот получает пользу через тебя,

а ты получаешь пользу ради него. Ты истратил имущество, решившись сделать доброе дело, и ты для него стал виновником спасения, а он для тебя (виновником) милостыни. Не сомневайся, что это принесет добрый плод. Не напрасно диакон возглашает: о иже о Христе усопших, о иже памяти о них совершающих. Не диакон изрекает эти слова, но Дух Святей; разумею дарование Его»³¹¹.

Изложением учения о милостыне св. Иоанна Златоуста можно было бы закончить обзор учения о милостыне всей восточной древней Церкви, так как вопрос рассмотрен святителем с исчерпывающей полнотой. Но считаем все же нелишним в дополнение к изложенному учению святых отцов восточной Церкви еще сделать краткие замечания о взгляде на милостыню *христианских подвижников-монахов*. Мы не излагали их учения о собственности, а в связи с этим — о богатстве и бедности, потому что общемонашеский взгляд на эти предметы открывается со всей несомненностью из подвижнических уставов. Что же касается взгляда на милостыню, то в аскетической письменности он раскрывается несколько иначе, как бы *своеобразным путем*, сравнительно с постановкой вопроса в общецерковном учении. И нам нетрудно понять необходимость своеобразной постановки вопроса в аскетической письменности. Дело в том, именно, что учение о милостыне находится в неразрывной связи с учением о собственности, как это мы уже видели. В виду отрицания иноческими уставами института частной собственности перед монахами и в особенности идейными руководителями иноческой жизни неизбежно возникал вопрос: как же смотреть на долг творить милостыню, долг, заповеданный Господом и имеющий, по учению Церкви, всеобщее значение? Ответить, что монах свободен от этого долга значило бы стать в противоречие с общецерковным пониманием всеобщности долга творить милостыню. А если стремиться выполнить этот долг в такой именно форме, в какой он обычно осуществлялся в мирской жизни, значило отказаться практически от основного принципа иночества — отрицания права частной собственности в монашеском общежитии — и внести в иноческую жизнь великий соблазн оправдывать ссылкой на долг творить милостыню страсть любостыжания, как об этом соблазне ясно говорят подвижнические писания. Вот эта сторона дела, именно согласование *всеобщности долга* творить милостыню с *монашеским обетом отречения от собственности*, и представляется, собственно, интересным оттенить в подвижническом учении, так как остальные вопросы о побуждениях к милостыне, свойствах ее и т. д. решаются и в аскетической письменности по существу одинаково с общецерковным взглядом на предмет.

³¹¹ Беседа XXI на кн. Деяний, т. IX, стр. 205–207; сравни: беседа LXXXV на Ев. Иоанна, т. VIII, стр. 582 и др.

Едва ли будет ошибочно назвать преп. *Исаака Сарского* наиболее ярким проповедником *созерцательного* аскетизма. Нельзя более сильно оттенить значение совершенного безмолвия и совершенного отречения от общения с людьми для беседы души с Богом, чем сделано это преп. Исааком. И, однако, в его же наставлениях мы встречаем очень определенно выраженное указание на *всеобщее значение долга творить милостыню*; и притом характеризуется значение милостыни буквально согласно с учением великого проповедника христианской общечеловечности св. Иоанна Златоуста. «Если имеешь что лишнее для дневной потребности, — советует преп. Исаак, — раздай это нищим и иди с дерзновением приносить молитвы твои, то есть беседуй с Богом, как сын с отцом. Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня, и ничто не производит в душе такой тишины, как произвольная бедность»³¹². «Хочешь ли, — спрашивает авва в другом своем слове, — умом своим быть в общении с Богом, приняв в себя ощущение одного услаждения, не поработанного чувством? Послужи милостыне. Когда внутри тебя обретается она, тогда изображается в тебе она святая красота, которой уподобляешься Богу. Всеобъемлемость дел милостыни производит в душе общение с Божеством без посредства какого-либо времени к единению со славой светлости»³¹³. «Даю же тебе, брат, и сию заповедь: пусть у тебя всегда берет перевес милостыня, пока на самом себе не ощутишь той милостыни, какую имеешь ты к миру. Наше милосердие пусть будет зеркалом, чтобы видеть нам в себе самих то подобие и тот истинный образ, какой есть в Божием естестве и в сущности Божией. Сим и подобным сему будем просвещаться для того, чтобы нам с просветленным произволением подвигнуться к житию по Богу. Сердце жестокое и немилосердное никогда не очистится. Человек милостивый — врач своей души, потому что как бы сильным ветром из внутренности своей он разгоняет омрачение страстей. Это, по евангельскому слову жизни, добрый долг, данный нами взаем Богу»³¹⁴. При этом преп. Исаак характеризует христианскую милостыню как выражение доброго настроения благодетеля и ценность ее полагает не в деньгах, которых могло и не быть у монаха, но в том или ином проявлении милосердия. «Когда подаешь, — поучает преп. авва, — подавай с великодушием, с ласковостью на лице, и снабди в большей мере, нежели сколько просил. Ибо сказано: послы хлеб твой на лице воды и не по многом времени найдешь воздаяние»³¹⁵. Не отделяй богатого от бедного и не старайся распознавать достойного от недостойного: пусть все люди будут для тебя равны для доброго дела. Ибо сим способом мо-

³¹² Слово LVI, стр. 285–286 рус. перевода, изд. 1893 г.

³¹³ Слово I, стр. 14.

³¹⁴ Слово XLI, стр. 178.

³¹⁵ Еккл. XI, 1.

жешь и недостойных привлечь к добру, потому что душа посредством телесного скоро привлекается в страх Божий. И Господь разделял трапезу с мытарями и блудницами и не отлучал от себя недостойных, чтобы сим способом всех привлечь в страх Божий, чтобы посредством телесного приблизились к духовному. Поэтому благотворением и честью уравнивай всех людей, будет ли кто иудей, или неверный, или убийца, тем паче, что и он — брат тебе, одной с тобой природы и не с ведением заблудился от истины. Когда сделаешь кому добро, не жди от него воздаяния; и за то, и за другое вознаградит тебя Бог. А если возможно для тебя, делай добро и не ради будущего воздаяния»³¹⁶. «Если возложишь на душу свою правило нищеты, — говорит преп. Исаак, — и, по благодати Божией, освободишься от попечений, и нищетой своей станешь выше мира, то смотри, не возлюби стяжания по нищелюбию, для подаяния милостыни, не ввергни души своей в смятение тем, что будешь брать у одного и давать другому; не уничтожь чести своей подчиненностью людям и, прося у них, не утрать свободы и благородства ума своего в попечении о житейском... Если есть у тебя имение, расточи вдруг. Если же ничего не имеешь, и не желай иметь». «Ибо подавать нищим из собственности своей, одеть нагого, любить ближнего, как себя самого, не обижать, не лгать — это провозглашал и закон ветхий; совершенство же евангельского домостроительства повелевает так: от взимающего твоя не истязуй, и всякому просящему дай. И должно с радостью терпеть не только отнятие какой-либо вещи и прочее внешнее, но и самую душу полагать за брата. Тот милостивый, а не тот, кто подаянием только оказывает милость брату своему! Но и тот милостив, кто услышит или увидит что-либо, печаливающее брата его, и возгорится сердцем, а равно и тот, кто, если заушен братом своим, не возымеет столько бесстыдства, чтобы отвечать и печалить сердце его»³¹⁷.

Но если, таким образом, совершать милостыню равно необходимо и для монаха, то возникает практический вопрос: каким образом монах может исполнять этот долг по отречении от собственности? Святые подвижники довольно много занимались этим вопросом в своих наставлениях и как указали истинное понимание этого долга в условиях монашеского строя жизни, так и обличили неправильное или лицемерное представление, по которому ради исполнения долга милостыни можно нарушать обет совершенной нестяжательности.

В первом случае отцы-подвижники указывали и оттеняли то, что, с одной стороны, величина милостыни не зависит от количества подаваемого, а с другой, что не деньги нужны для того, чтобы милостыня была богоугодной.

³¹⁶ Слово LVI, стр. 286–287.

³¹⁷ «Послание к иноку Николаю», гл. 31; «Добротолюбие», т. I, стр. 514–515.

«Испытаем себя, возлюбленные, — советует преп. *авва Исаяя*, — исполняет ли каждый из нас заповеди Господни по силе своей или нет; ибо все мы долг имеем исполнять их по силе нашей: малый — по малости своей, великий — по великости своей. Вметавшие дары свои в сокровищехранительницу богаты были, но Господь обрадован был паче бедной вдовой ради двух лепт ее, потому что Бог смотрит на произволение наше. Не дадим же места в сердце своем унынию (что не многое можем сделать), чтобы завидование другим не отлучило нас от Бога, но будем исполнять служения свои по бедности своей... Ибо у Него (Господа) нет лицемерия ни к малому, ни к великому, ни к богатому, ни к бедному, но произволения доброго ищет Он, и веры в Него, и исполнения заповедей Его, и любви ко всем»³¹⁸. И ни один монах не беден настолько, чтобы не имел возможности выполнить долг творить милостыню, так как сущность ее — в сердце милующем. «Никто не может сказать, по словам преп. *аввы Дорофея*, «я нищ, мне не из чего подавать милостыню»; но если ты не можешь дать столько, сколько оные богачи, влагавшие дары свои в сокровищницу, то дай две лепты, подобно оной убогой вдовице, и Бог примет это от тебя лучше, чем дары оных богатых. Если и того не имеешь, имеешь силу и можешь служением оказать милость немощному брату. Не можешь и того? Можешь словом утешить брата своего; итак, окажи ему милосердие словом и услышь сказанное: слово благо паче даяния. Если ты и словом не можешь помочь ему, то можешь, когда огорчится на тебя брат твой, оказать ему милость и потерпеть ему во время его смущения, видя его искушаемым от общего врага, и вместо того, чтобы сказать ему одно слово и тем более смутить его, промолчать; сим окажешь ему милость, избавляя душу его от врага. Можешь также, когда согрешит перед тобой брат твой, помиловать его и простить грех его... И так ты окажешь милость душе брата твоего... И таким образом, не имея чем оказать милосердие телу, милуешь душу его. А какая милость более той, чтобы помиловать душу? И как душа драгоценнее тела, так и милость, оказанная душе, больше оказанной телу»³¹⁹.

Как видим, преп. *авва Дорофей* смотрит на милостыню более широко, чем на помощь лишь материальную. И это обычная подвижническая точка зрения³²⁰. «Говорится у пророка Даниила, — пишет, например, преп. *Марк подвижник*, — грехи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами (убогих) »³²¹. «Но, может быть, ты скажешь: я не имею денег, как ущедрю убогого? Не имеешь денег, но имеешь хотения; отрекись от них и посредством их совершай благое. Не можешь

³¹⁸ Слово VII, 17; см. «Добротолюбие», изд. 2, т. I, стр. 331–332.

³¹⁹ Поучение XIV «о созидании добродетелей», стр. 176–177 рус. перевода.

³²⁰ «Послание к иноку Николаю», гл. 31; см. «Добротолюбие», т. I, стр. 514–515.

³²¹ Слово LVI, стр. 286–287.

благотворить рукой телесно? Благотвори правым произволением: аще согрешит к тебе брат твой, остави ему, по слову Господню, и это составит для тебя великую милостыню... Великое дело, если кто, имея деньги, подаст милостыню убогим; миловать же ближних в согрешениях их (против нас) настолько больше для получения прощения грехов, насколько душа по естеству своему честнее тела»³²². У блаженного Диодоха мы находим указание и на такой вид вещественной милостыни, который был доступен и монахам, отрекшимся от собственности, это именно *воздержание в пище* для того, чтобы излишек ее пожертвовать неимущим. «Воздержание в яствах, — говорит блаженный, — так должно было бы соблюдать... чтобы, удаляя себя от многих и полезных снедей, мы соразмерно обуздывали воспаляющиеся плотские члены, а затем, избыток наш был достаточным сбережением для нищенствующих, что именно служит признаком искренней любви»³²³.

И когда святые подвижники настаивали на том, что долг творить милостыню имеет обязательную силу и для монаха, то, как сказали мы ранее, они предусматривали и возможные перетолкования этого долга в направлении возможности не исполнять как должно своего обета нестяжательности под предлогом милостыни. У многих отцов-подвижников встречаются очень определенные указания на то, как человеческое лицемерие и любостыжательность не останавливались даже перед извращением слова Божия «ради страсти сребролюбия». Преп. Марк подвижник, например, стремится предупредить возможные в монашеской жизни перетолкования всеобщности долга творить милостыню указанием на то, что заповедь о милостыне, как часть более общей заповеди отдать все свое состояние, исполняется монахом всецело в раздаче разом своего имущества и признанием обета отречения от собственности. «Заповеди, — рассуждает преподобный, — одни суть более общие, которые заключают в себе многие из частных и многие части порока отсекают за один раз... Например, в Писании сказано: «всякому просящему у тебя дай»... и «хотящему заяти от тебе, не отврати»; это суть заповеди частные. Общая же, заключающая их в себе: «продаждь имение твое, и даждь нищим, и, взем крест твой, гряди вслед Мене», разумея под крестом терпение постигающих нас скорбей. Ибо все раздавший нищим и взявший крест свой исполнил разом все вышеозначенные заповеди»³²⁴. И мы уже видели, что преп. Марк понимает долг творить милостыню гораздо шире, чем только давать деньги просящим³²⁵. Особенно подробно останавливается на неправильности в понимании некоторых всеобщности долга творить милостыню преп.

³²² Там же, стр. 278–279.

³²³ «Аскетическое слово», гл. 43, стр. 143–148, рус. перевода проф. Попова.

³²⁴ «Послание к иноку Николаю», гл. 34; «Добролюбие», т. I, стр. 516.

³²⁵ Там же, гл. 31, стр. 514.

Иоанн Кассиан, утверждаясь на опыте печальной действительности своего времени, когда не останавливались даже и перед извращением истинного смысла Писания ради сребролюбия. «Никто не может служить Богу и маммоне, — говорит преп. Иоанн, — и никто, возложивший руку свою на плуг, и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия. Такие стараются найти себе повод к прежнему корыстолюбию в свидетельстве Священного Писания. В превратном смысле толкуя, усиливаются извратить изречение апостола, или лучше — Господа, и приноровить по своему желанию; не свою жизнь или разум приспособляя к смыслу Священного Писания, но делая натяжку Св. Писания по желанию своей страсти, хотя, чтобы оно согласовалось с их мнениями, и говорят, что написано: более блаженства в том, чтобы давать, нежели, чтобы брать. Превратным толкованием этого они думают ослабить следующее изречение Господа: «если хочешь быть совершен, пойди продай имение твое, и раздай нищим, и получи сокровище на небеси, и приходи, следуй за Мною». Думают, что они под этим предлогом не должны оставлять свое богатство, именно считая себя более блаженными, если... от избытка его уделяют и другим... Такие должны знать, что они или сами себя обманывают и никак не отреклись от этого мира, полагаясь на прежнее богатство, или, если хотят самым делом исполнить монашеские обеты, отвергнув и расточив все... с апостолом прославятся в голоде и жажде, в холоде и наготе»³²⁶. «Итак, если хотим последовать евангельской заповеди и быть подражателями апостола и всей первенствующей Церкви или отцов, которые в наши времена последовали добродетелям и совершенству их, то не должны мы полагаться на свои мнения, обещая себе евангельское совершенство от этого холодного и жалкого состояния; но, последуя стопам их, должны стараться не обманывать самих себя и так будем исполнять монастырское благочиние и постановление, чтобы нам поистине отречься от этого мира»³²⁷. Подобное же утверждают *блаженный Диадок* и *преподобный Иоанн Лествичник*. Первый дает такие наставления: «Весьма прилично и совершенно полезно нам, познавшим путь благочестия, тотчас все находящееся у нас распродать... а не послушаться Спасительной заповеди под предлогом постоянного желания совершать заповеди... Господь, конечно, потребует от нас отчета в милостыне, поелику имеем. Поэтому, если я то, что имел дать в течение многих лет, по страху Божию полезно расточаю в некоторое время, то я — ничего не имеющий, за что же еще буду осужден? Но кто-нибудь скажет: откуда же впредь будут получать милостыню бедные, постоянно привыкшие содержаться от нашего незначительного имущества? Таковой *да научится не поносить Бога под предлогом соб-*

³²⁶ «Послание к Кастору, епископу Антскому, о правилах общежительных монастырей», кн. VII, гл. 15–16, стр. 92–93 рус. перевода епископа Петра.

³²⁷ Там же, гл. XVIII, стр. 95.

ственного сребролюбия. Ибо Бог не перестает устраивать свое творение, как от начала»³²⁸.

Преп. Иоанн Лествичник указывает также на *лицемерную* основу речей монашествующих о долге творить милостыню. И он заповедует: «не говори, что собираешь деньги ради нищих; ибо две лепты вдовицы купили Царство Небесное... Сребролюбие начинается под видом раздаяния милостыни, а оканчивается ненавистью к бедным. Сребролюбец бывает милостив, пока собирает деньги, а как (скоро) накопил их — так и сжал руки»³²⁹. «Бес сребролюбия, по убеждению преподобного, борется с нестяжательными и, когда не может их одолеть, тогда представляет им нищих, и тогда видом милостыни увещевает их, чтобы они из невещественных сделались опять вещественными»³³⁰.

На учении св. отцов-подвижников *о свойствах* истинно христианской милостыни не будем останавливаться подробно, так как вообще в подвижнических наставлениях мало внимания уделялось учению о милостыне и нового чего-либо в этом отношении они не сказали. Позволим себе только привести слова *преп. аввы Дорофея* о совершенном *бескорыстии* христианской милостыни, слова, отличающиеся редкой выразительностью. «Благоугодная (воля Божия) та, когда кто делает милостыню не по какому-нибудь побуждению человеческому, но ради самого добра, из одного сострадания: сие благоугодно Богу. Совершенная же (воля Божия) есть та, когда кто творит милостыню не со скупостью, не с леностью, не с презрением, но всей силой и всем произволением, подавая так, как будто бы принимал сам, и так благодетельствуя, как будто бы сам принимал благодаяние; тогда исполняется совершенная воля Божия... Но должно знать и самое благо милостыни, и самую благодать ее: она столь велика, что может прощать и грехи... Сам Господь сказал: «Будите милосерди, якоже и Отец ваш небесный милосерд есть». Не сказал: «поститесь, как и Отец ваш небесный постится»; не сказал: «будьте нестяжательны, как и Отец ваш небесный нестяжателен». Но что говорит: «Будите милосерди...»; ибо сия добродетель особенно подражает Богу и изображает Его. Итак, всегда должно взирать на эту цель и разумно делать добро, ибо и в цели милостыни есть великое различие. Иной подает милостыню для того, чтобы благословилося поле его, и Бог благословляет его поле. Другой подает милостыню для того, чтобы спасся его корабль, и Бог спасает корабль его. Иной подает ее за детей своих, и Бог спасает и хранит детей его. Другой подает ее для того, чтобы прославиться, и Бог прославляет его. Ибо Бог не отвергает никого, но каждому подает то, чего он желает, если только это не вредит душе его. Но все сии уже получили награду свою, и Бог

³²⁸ «Аскетическое слово», гл. LXV — XLVI, стр. 348–351.

³²⁹ «Лествица», слово XVI о сребролюбии, стр. 177 рус. перевода.

³³⁰ Слово XXVI, стр. 270.

ничего не делает им потому, что они ничего не искали себе у Него; и цель, которая была у них в виду, не имела отношения к их душевной пользе. Ты сделал это, чтобы благословилось поле твое, и Бог благословил твое поле; ты сделал сие за детей своих, и Бог сохранил детей твоих. Ты сделал это, чтобы прославиться, и Бог прославил тебя. Итак, что же должен тебе Бог? Он отдал тебе плату, за которую ты делал. Иной подает милостыню для того, чтобы избавиться от будущего мучения; этот подает ее для души своей, этот подает ее ради Бога. Однако же и он не таков, как хочет Бог, ибо он еще находится в состоянии раба, а раб не добровольно исполняет волю господина своего, но боясь быть наказанным; также и сей подает милостыню для того, чтобы избавиться от мучения, и Бог избавляет его от оногo. Другой подает милостыню, чтобы получить награду: сие выше первого, но и этот не таков, как хочет Бог, ибо он еще не находится в состоянии сына, но, как наемник, исполняет волю господина своего, чтобы получить от него и плату, и прибыль: так же и сей подает милостыню для того, чтобы приобрести и получить награду от Бога. Ибо тремя образами, как говорит св. Григорий, можем мы делать доброе: или делаем доброе, боясь мучений, и тогда мы находимся в состоянии раба; или для того, чтобы получить награду, и тогда мы находимся в расположении наемника, или делаем добро ради самого добра, и тогда находимся на степени сына; ибо сын исполняет волю отца не из страха и не потому, что хочет получить от него награду, но желая угодить ему, почтить и успокоить. Так и мы должны подавать милостыню ради самого добра, сострадая друг другу, как своим членам, и так угождать другим, как бы мы сами принимали от них услуги; подавай так, как будто бы мы сами получаем, и вот сия-то есть разумная милостыня; так приходим мы в *состояние сына*³³¹.

Западная церковная мысль IV и начала V века вопросы о милостыне освещала, в общем, согласно с началами, положенными в основу понимания христианского учения великими учителями древней Церкви. Но такое принципиальное согласие не препятствовало, конечно, тому, что на Западе вопрос о милостыне рассматривался несколько под другим углом зрения, чем на древнехристианском Востоке. Так как в поучениях восточных учителей Церкви христианский взгляд на милостыню выражен во всей полноте и в совершенном согласии с абсолютностью евангельской точки зрения на предмет, то нам нет особенных побуждений излагать воззрения западных церковных писателей со всей подробностью, и мы ограничимся лишь немногими выдержками из творений этих писателей, могущими как показать принципиальное согласие общецерковного учения о милостыне, так и оттенить некоторую своеобразность постановки проблемы на христианском Западе. Ограничимся и немногими именами: Лактанция, св. Амвросия, блаженного Августина и блаженного Иеронима.

³³¹ Поучение XIV «О созидании добродетелей», стр. 174–176.

Лактанций рассматривает христианское учение о милостыне в очень интересном апологетическом освещении этого учения, сравнивая его с отрицательными взглядами на долг благотворения известной части римской философской мысли. И в этом случае Лактанций утверждает долг милостыни, прежде всего, на основе естественного чувства сострадания, а затем — требования истинной справедливости, как разумного начала человеческих отношений. «Все мы, — говорит Лактанций, — соединены родством, потому что происходим от первого человека.... Мы все братья, потому что души наши суть творение одного и того же Бога. Союз этот гораздо теснее и святее, нежели союз наш с телом; и Лукреций не ошибся, сказав, что мы все — уроженцы неба и все имеем одного Отца. Следовательно, надобно считать свирепыми зверьми тех, которые, отвергну всякое чувство человеколюбия, грабят людей, мучат их и умерщвляют. Бог так хочет, чтобы мы религиозно хранили между собой этот братский союз, что запрещает нам кому бы то ни было причинять зло и велит каждому непременно делать добро. Он изъясняет это таким образом: надлежит помогать братьям в нужде и доставлять им способы пропитания, когда они находятся в бедности. Потому то Бог повелел, чтобы мы жили в обществе и в каждом человеке видели самих себя... Я намерен опровергнуть здесь заблуждение тех, которые думают, что не надобно никому ничего давать... Надобно иметь чувства человечества, если мы хотим удержать за собой имя человека. Что же иное значит иметь чувства человечества, как не то, чтобы искренне любить людей, потому что природа их такая же, как и наша? Ничего нет противнее природе человеческой, как несогласие и раздор. Слова Цицеронова весьма справедливы, что человек, следующий чувствам природы, не в состоянии вредить другому человеку. Если противно природе вредить человеку, то с природой сообразно помогать ему. Кто не исполняет сей обязанности, тот отрекается от качества человека. Я спросил бы у того, кто утверждает, что мудрый человек не должен иметь сострадания: если бы он увидел кого-нибудь, носящего оружие, у кого другой, находящийся в когтях у хищного зверя, просил бы помощи, то, как он думает, должен ли первый последнему помочь или оставить его? Трудно иметь ему столько бесстыдства, чтобы в подобном случае не исполнить долга человечества. Если бы человек горел на пожаре, или стонал под развалинами дома, или же бы упал в реку, или в море, то не сознается ли он, что человечество требует оказать ему тут пособие? Он был бы не человек, когда бы в том не сознался, ибо нет никого, кто бы не мог подвергнуться подобной опасности. Он, конечно, согласится, что человек, имеющий сердце, сделает все, что может, дабы спасти погибающего. Но кто, таким образом, не посмеет отвергать, чтобы человечество не обязывало нас спешить на помощь ближнему в случае опасности жизни, тот какую причину имеет утверждать, что не должно делать пособия людям, терпящим голод или жажду или не имеющим одежды в зимнее время? Хотя одна и та же причина есть помогать как в чрезвычайных случаях подвергшимся пожару или кораблекрушению,

так и в обыкновенных терпящих нужду и бедность; но иной, пожалуй, станет поставлять в том различие, имея в виду собственную пользу, что спасенные им от гибели засвидетельствуют ему благодарность, а бедняки, которым он поможет, никогда ее не окажут ему, потому что помрут от нищеты. Таким-то чувством руководствуясь, *Плавт* произнес следующие гнусные слова: «кто дает милостыню бедному, тот дурно поступает; ибо кроме того, что лишается даваемых денег, он, продолжая жизнь его, продолжает и его бедствие». Впрочем, *Плавта* можно извинить еще тем, что он слова эти влагает в уста такому человеку, которому они приличны. Но как оправдать *Цицерона*, который в книге своей о должностях советует никому ничего не давать? Вот, как он говорит: «Щедроты, выдаваемые из собственного имущества, истощают капитал, и таким образом, щедроподатливость сама себя, так сказать, уничтожает; ибо чем чаще она исполняется, тем более лишает нас возможности исполнять ее». Вслед за тем, он прибавляет: «может ли быть что безумнее, как приводить себя не в состояние делать впредь то, что мы делаем с удовольствием?». Вот, как этот профессор мудрости отвращает людей от обязанностей человечества и как предостерегает их пещься более о сохранении имущества своего, нежели о соблюдении правды. Он сам, кажется, столько убежден был в неправильности и жестокости сего совета, что в другом месте как будто от него отрекается, выражаясь следующим образом: «Надобно, однако ж, иногда и давать, уделяя часть имущества своего людям способным». Но кто люди способные, как не те, которые могут ценить благодеяния? Если бы еще жив был *Цицерон*, я сказал бы ему: ты на этот счет ошибся; *ты лишил людей правды, основав на интересе обязанности человеколюбия и милосердия*. Не тем надобно помогать, кто может возблагодарить, но тем, кто возблагодарит не в состоянии; ибо, пособив им, не надеясь на благодарность, ты исполнишь долг правды, милосердия и человеколюбия. Вот, в чем состоит истинная правда, о которой, по мнению многих, будто бы мы не имеем понятия. Ты, *Цицерон*, во многих местах творений своих говоришь, что добродетель действует без интереса, и в книге о законах сознаешься, что *щедрость великодушна и не требует вознаграждения*. «Известно, — говоришь ты в одном месте, — что щедрый и благодетельный человек ищет только одной славы для дел своих и не помышляет о выгодах, какие от того получить может». Для чего же ты говоришь в другом месте, что ты станешь одолжать только тех, которые способны ценить одолжение? Не то же ли это, что ты хочешь получить за него вознаграждение? Следуя твоему совету, мы допустим человека умереть с голоду и холоду, когда увидим, что он не в состоянии оценить оказываемое ему нами пособие. Человек, находящийся в изобилии и роскоши, не должен ли помогать другому человеку, терпящему самую крайнюю нужду? Ты говоришь, что добродетель не ожидает награды и заслуживает того, чтобы люди искали ее для нее самой. Суди же о правде, сей первой добродетели и как бы матери всех других добродетелей, не по твоему интересу, но по ее собственному достоинству и влагай благоде-

яния твои в руки тех, которые никогда ничего не могут тебе воздать. Для чего выбираешь ты лица? Ты должен считать одинаковыми людьми всех, прибегающих к твоему пособию в той надежде, что ты имеешь человеколюбие. Соблюдай правду и бегай тени выказки. Давай слепым, хромым, изувеченным людям, лишенным помощи и находящимся в опасности умереть без твоего пособия. Если они бесполезны для людей, то не бесполезны для Бога, Который допускает их наслаждаться жизнью. Делай все то, что от тебя зависит к сохранению их жизни. Кто имеет возможность помочь человеку, находящемуся в опасности умереть, но не поможет, тот явится причиной его смерти. Отрекшиеся от чувств природы и не ведающие, какая награда будет за добрые дела, теряют имущество свое, страшась его потерять. Они подвергаются тому, чего хотели избежать, то есть или тратятся без всякой пользы, или, если и получают пользу, то на самое короткое время... Оказывающие щедроты согражданам и друзьям своим, без сомнения, поступают лучше, нежели дающие игрища и сражения для народа, потому что издерживаемое ими не совсем пропадает; но за всем тем раздачи их производятся ненадлежащим образом. Чтобы хорошо раздавать, надобно делать добро бедным и неимущим. Все то, что раздается не имущим ни в чем надобности или таким людям, от которых можно ожидать возврата, употреблено дурно. Раздачи эти делаются не по правде, потому что если бы и не были деланы, то не оскорбят правды. *Единственный долг правды и щедрости состоит в том, чтобы употреблять имущество свое на прокормление бедных, находящихся в крайней нужде*³³².

Как видим, в своем опровержении взгляда на благотворительность Цицерона Лактанций защищает абсолютность христианской заповеди заботиться милостынно; и здесь он с особенной силой оттеняет ее бескорыстие и полную преданность велениям Божией воли. «Истинное употребление богатств состоит в обращении их не для своего удовольствия, но для поддержания многих людей *из чувства правды*, которая есть вечно пребывающая добродетель. Постоянное правило наше должно быть то, чтобы оказывать милость безвозмездно. Надобно ожидать награды от одного Бога. Кто станет ожидать ее от кого-либо другого, тот будет торговать милостью, а не творить ее. Он никого не одолжит и будет действовать только для собственной выгоды. Это не значит, чтобы тот, кто делает другому добро, не ожидая от него ничего, не имел тут действительно никакой выгоды: он получает награду от Бога. Милосердие так важно во всех деяниях нашей жизни, что Бог повелевает тех, кто не в состоянии оказывать его, приглашать на пиршества... *Все деяния справедливого человека должны быть благотворениями*. Благотворения нет, когда оно возвращается. Мы на него не имеем никакого права, потому что получили плату за него.

³³² «Божественные наставления», кн. VI, гл. 10–11, стр. 29–37 рус. перевода Карнеева.

Правда хочет, чтобы благодеяния были полные; а они полными быть не могут иначе, как когда оказаны людям, которые оценить их не в состоянии... Главнейший долг доброго человека состоит в том, чтобы кормить бедных и выкупать взятых в плен... Кто делает добро родственникам и друзьям, тот не стоит похвалы, потому что исполняет только долг природы и дружбы, которого никто не может опустить, не совершив злочестия, заслуживающего проклятия. В таком случае он более избегает порицания, нежели приобретающего славы. Но кто творит добро пришельцу и неизвестному, тот достоин величайшей похвалы, потому что делает то из одного чувства человеколюбия. Иные даже делают добро из чистого побуждения правды и чести тогда, когда нет никакой надобности творить его»³³³. И на пути исполнения долга творить милостыню Лактанций не видит никаких преград, вплоть до совершенной раздачи имущества и перенесения нищеты. «Иной скажет, может быть: «у меня не останется никакого имущества, если я буду выполнять все эти обязанности; в один день истрачу все то, что у меня есть, когда я стану помогать бедным, одевать всех нагих, выкупать всех пленных и погребать всех мертвых. Должен ли я подобным образом расточать имение, с таким трудом предками моими приобретенное, и доводить себя до такого положения, чтобы, наконец, выпрашивать самому себе у других пособия и сострадания?». Неужели ты до такой крайней степени боишься бедности, которую философы превозносят столь чрезвычайными похвалами, и которую именуют они надежной пристанью, изъятую от всяких треволнений и беспокойств богатства? Неужели тебе неизвестно множество приключений и случайностей, которым подвергает нас владение большим имением? Ты должен считать себя счастливым, если избежнешь их, не лишившись жизни. Ты обременен сокровищами, возбуждающими в согражданах к тебе зависть и недоброжелательство. Зачем ты не прячешь в самое безопасное место имущества своего, которого легко можно лишиться или от грабежа воров, или от несправедливой ссылки, или от вторжения неприятельского? Какое затруднение находишь в том, чтобы сделать вечным и неизменным то имущество, которое временно и бренно? Вверх сокровища свои Богу, и они не подвергнутся ни тлению, ни хищению воров, ни несправедливости тиранов. Предающие богатство свое в руки Божии, никогда не могут быть бедными. Если ты знаешь цену правды, то освободи себя от избытка, тяготящего и беспокоящего тебя, и последуй ей беспрепятственно. Сбрось с себя цепи, тебя удручающие, и теки к Богу. Великое мужество попирать ногами земные блага. Если ты не способен еще иметь совершенства для передачи в руки Божии твоего сокровища и для приобретения прочных благ через потерю благ гибнущих; то я научу тебя, как того достигнуть и избавиться всякого тут страха. Эти заповеди даны не для одного тебя, а для всех твоих собратий, связанных между собой так тесно, что составляют они с тобой только одно

³³³ Там же, гл. 12, стр. 37–40.

тело. Если ты один не в состоянии исполнить подобного предприятия, то, по крайней мере, споспешествуй тому всеми зависящими от тебя средствами и старайся превзойти других в великодушии столько, сколько превосходишь их в богатстве... Принеси в жертву Богу имущество, в руках твоих гибнущее, и ты получишь за то вечную награду. Бог предложил огромную цену за дела милосердия, обещав за них отпущение грехов. Он как бы говорит тебе: «если ты услышишь мольбу просящих у тебя вспоможения, то и Я услышу моление твое. Если ты милосерд будешь к преогорченным, то и Я буду к тебе милосерд во время твоего горя. Если же ты не обратишь на них взора и откажешь им в пособии, то и Я поступлю с тобой таким же образом и буду судить тебя по твоим же правилам»³³⁴.

Из учения Лактанция о милостыне еще интересно отметить его взгляд на очистительное ее значение, причем Лактанций определенно отмечает истинный смысл общецерковной веры в такое значение милостыни в христианской жизни. «Когда кто прибегает к тебе с просьбой о помощи, то будь уверен, что это опыт, посылаемый тебе от Бога для усмотрения, заслуживаешь ли ты, чтобы Он исполнил твое прошение. Не думай, однако ж, чтобы сила, доставляемая милостыней к избавлению грехов, давала тебе право вновь грешить. Милостыня тогда только изглаживает их, когда сопровождается сожалением о них и решимостью не творить их впредь. Бог истинно желает очистить людей от грехов и для того заповедал им обращаться к покаянию. Покаяние же состоит в твердом обещании впредь не грешить. Бог прощает грехи, производимые по нескромности, по неосторожности и по неведению; но не прощает грехов, заведомо исполняемых. Люди, которым грехи отпущены, не должны думать, что так как они чисты, то уже освобождены от дел милосердия. Они с тех пор, как оправданы, еще более обязаны выполнять долг правды и должны поддерживать, так сказать, здоровье свое теми же средствами, какими достигли до него. Сверх того, никто не изъят от греха, доколе облечен в смертное тело»³³⁵.

В творениях *св. Амвросия Медиоланского* нам естественно ожидать встретить учение о милостыне, согласное со взглядами на нее восточных отцов Церкви, особенно Василия Великого, ввиду совершенного согласия св. Амвросия с этими отцами во взгляде на христианское понимание права собственности. И действительно, в существенных вопросах, связанных с учением о милостыне, св. Амвросий утверждается на общецерковной точке зрения. Но, при всем том, воззрения этого св. отца отразили на себе и тот общий дух практицизма, который был свойствен западной мысли вообще и который выразился у св. Амвросия очень настойчивыми указаниями на необходимость для священнослужителя особенной осмотрительности в деле раздаяния милостыни.

³³⁴ Гл. 12, стр. 42–44.

³³⁵ Гл. 13, стр. 44–45.

По вопросу о значении милостыни в христианской жизни, св. Амвросий утверждает на тех же основах, на каких это значение обосновалось и другими учителями Церкви, но особенно подробно останавливается на свойствах милостыни.

При изложении взгляда св. Амвросия на право частной собственности, равно как и на богатство, мы видели, что раздача имущества при посредстве милостыни является долгом для христианина, как требование правды и исполнение воли Бога, Верховного Собственника мира. Поэтому милостыня является как результатом естественного чувства сострадания к несчастной судьбе ближних, так и собственно религиозным деланием, служением Богу. «Величайшим побуждением к милосердию служит, говоря словами св. Амвросия, *сострадание чужим несчастиям* и посильная помощь в их нуждах»³³⁶. «Прекрасно милосердие, которое само по себе делает (людей) совершенными, поскольку те через него уподобляются совершенному Отцу. Ничто так не похвально в христианской душе, как милосердие; милосердным же нужно быть, прежде всего, к бедным, дабы и они могли пользоваться дарами природы, которая рождает земные плоды для всеобщего пользования; поэтому-то из того, что ты имеешь, уделай бедному и помогай твоему брату. Представь только себе, как много для него значит твоя милостыня. Ты подаешь ему монету, а он получает жизнь; ты деньги даешь ему... а твой динарий для него уже состояние»³³⁷. И высшее *религиозное освящение*, долг сострадательной помощи нуждающимся получает в сознании того, что в лице нищих требует нашей любви и сострадания *Сам Христос*, обнищавший нас ради. Св. Амвросий в раскрытии этого положения стоит на почве общецерковного представления о милостыне.

«Посетим, — увещевает св. отец, — темницы, утешим в узах сущих, соучаствуя в бедности и мучениях человеческих соболезнованием своим. Ибо во всех таковых обретается Христос, Который, по Божеству Своему будучи непостижим, снискивается, однако, делами милосердия. Сам Он говорит милосердным в Евангелии: *взалкался бо, и дасте Ми ясти; возжадался, и напоите Мя; наг бых, и одеясте Мя*. Видишь, к каким благодеяниям возбуждает тебя слово Божие. Здесь в лице алчущих, и жаждущих, и нагих Сам Христос приемлет милостыню»³³⁸. И при таком взгляде на милостыню как на религиозное делание, вполне естественно, св. Амвросий, согласно с другими учителями Церкви, усваивает ей *очистительное значение* и говорит о *небесной за нее награде*. Об очистительном значении милостыни св. Амвросий говорит подобно св. Киприану и Оригену. «Милостыня является в некоторой степени второй баней для души, так что, если кто-нибудь после крещения нагрешит вследствие человеческой слабости, то для него

³³⁶ «Об обязанностях священнослужителей», кн. 2, гл. 28, стр. 285.

³³⁷ Там же, кн. 1, гл. 11, стр. 58.

³³⁸ Слово «На Ев. Лк. XII, 16», стр. 25–26.

еще остается средство очистить себя милостыней, так как Господь сказал: «Подавайте милостыню, и вот, все — чисто в вас». Даже, за исключением веры, я мог бы сказать, что милостыня приносит прощение еще больше, чем крещение, потому что крещение совершается однажды и обещает прощение однажды, а милостыня доставляет прощение так же часто, как она подается. Оба они являются источниками милосердия, которые подают жизнь и прощают грехи. Тот, кто пользуется обоими, удостоивается Царства Небесного. Но тот, кто, загрязнив живой источник (крещение) грехами, прибегает к реке милосердия, также получает милость»³³⁹. Не менее определенно говорит св. Амвросий и о великой *небесной награде* за милостыню, как побуждении к последней. Бедный, получающий помощь, воздаст благотворителю, по мысли св. отца, больше, чем получает, «поскольку является виновником спасения. Если ты одеваешь нагого, то себя одеваешь в правду. Если ты вводишь в свой дом странника, если ты принимаешь бедняка, то он доставит тебе близкое общение со святыми, а также введет тебя в вечные обители. Немаловажна сия благодарность, так как сеешь ты телесное, а взамен получаешь духовное... Поистине блажен тот, из дому которого бедный никогда не выходил с пустой сумой, так как никто не может быть блаженнее того, кто замечает нужду нищего и убогого, кто к сердцу принимает страдания неимущего; в день суда он получит спасение от Господа, Которого он будет иметь должником своего милосердия»³⁴⁰. Подобные мысли, иногда буквально сходные с поучениями св. Василия Великого, св. Амвросий раскрывает и в беседе на притчу о безумном богаче. Здесь раскрывается та мысль, что благодеяние больше пользы приносит оказывающему его, нежели принимающему, так как если милостыня переходит к бедному, то подающий ее получает сторичное вознаграждение, подобно сеятелю, разбрасывающему по полю семена свои, и ценой «тленной пищи», покупается «нетленная слава Царства Небесного»³⁴¹. Конечно, смысл этих речей святителя «о покупке неба» надо понимать так же, как и учение об этом предмете других учителей Церкви, по поводу какого учения уже были сделаны нами небольшие замечания. Здесь отметим, что сам св. Амвросий устанавливает этический смысл своего понимания значения милостыни. «Имеешь деньги, — говорит, например, святитель, — искупи грех свой. *He продажен Бог*, но ты сам продажен... искупи себя своими делами, искупи себя своими деньгами. Ничтожны деньги, но драгоценно милосердие. Милостыня, сказал, освобождает от греха»³⁴².

В своем учении о свойствах христианской милостыни св. Амвросий особенно выделяется из других учителей Церкви постоянными напоминания-

³³⁹ «Sermo de eleemosynis», 30, 31; см. Ульгорн, цит. соч., стр. 263.

³⁴⁰ «Об обязанностях», кн. 1, гл. 11, стр. 58–59.

³⁴¹ Стр. 22–24 рус. перевода.

³⁴² «De Elia et jejunió», cap. XX, p. 541, ed. Parisus, a. M. DCXIII.

ми о необходимости известной *разборчивости* при раздаче милостыни. Во взгляде же на другие свойства милостыни св. Амвросий, в общем, учит согласно общецерковному учению. Так, св. Амвросий оттеняет ту замечательную черту христианской милостыни, по которой *ценность ее зависит не от количества* даваемого, но от настроения жертвователя. «Блажен, — говорит св. отец, — кто от сердца творит то, что он может. Дарам богатых Христос предпочел две лепты вдовицы, потому что она отдала все, что имела, а те от избытка уделяли лишь малую частицу. Итак, наше душевное расположение делает дар или великим, или малым, оно же сообщает ту или иную ценность и самым поступкам»³⁴³. И рассматривая ценность милостыни, св. отец оттеняет, что в ней всегда должны соединяться *и щедрость, и благожелательство*. «Недостаточно, — рассуждает св. Амвросий, — иметь доброе желание, необходимо еще и творить добро, а с другой стороны, мало еще хорошо поступать, нужно, чтобы это доброе дело проистекало из доброго источника, то есть доброй воли, ибо доброхотно дающего любит Бог. А если ты недобровольно даешь, то такая тебе награда? Почему и апостол говорит вообще: «Если делаю это добровольно, — то буду иметь награду, а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение»... Итак, очень хорошо доброжелательствовать, руководясь в своих щедротах намерением приносить пользу»³⁴⁴. *Щедрость* должна обнаруживаться в том, чтобы жертвовать не меньше своих сил и раздавать действительно бедным, а не быть расточительным. По мысли св. отца, если благотворитель подает нищим не такую милостыню, какую может, то и милостыня является неугодной Богу и остающееся у подававших не является праведным их достоянием³⁴⁵. И искренняя готовность облегчить страдания бедноты должна выразиться в том, чтобы щедрость не переходила в расточительность. «Есть два рода благодеяний, — говорит св. Амвросий, — один — это щедрость, а другой — это расточительная роскошь. Быть щедрым — это значит принять странника, одеть нагого, выкупить пленных, помочь нуждающимся; а быть расточительным — это значит устраивать широкие пиры... И то надо назвать расточительностью, когда ради народных симпатий истощают свои богатства; так поступают те, которые расточают отцовское наследство на цирковые или театральные увеселения... чтобы известностью превзойти своих предков»³⁴⁶. И вот, именно в определении того, что такое истинная щедрость, св. Амвросий вносит в понимание христианского взгляда на милостыню такие черты, каких мы не встречали у восточных отцов, и которые носят на себе довольно ясную печать той ограниченности, какая чужда духу христианского учения, как выражения идеальной точки зрения на предмет. Мы видели уже,

³⁴³ «Об обязанностях», кн. 1, гл. 30, стр. 132–133.

³⁴⁴ Там же, кн. 1, гл. 30, стр. 128–129.

³⁴⁵ Слово «О единстве любви», стр. 5.

³⁴⁶ «Об обязанностях», кн. 1, гл. 21, стр. 269–270.

как понимали эту абсолютность великие учителя Церкви: они вовсе чужды были мысли и заботы о практических результатах от милостыни, исходной точкой в оценке милостыни всегда имели абсолютное выражение воли Божией (всякому просящему давай) и настроение жертвователя. Св. Амвросий применил к оценке милостыни *новый критерий* — *ее практическую целесообразность* — и с этой точки зрения давал такие советы, которые принципиально шли вразрез с общецерковным духом понимания христианской милостыни. «Даже в издержках на добрые дела, — слышим мы от св. Амвросия, — должно быть умеренным»³⁴⁷. И эти слова являются как бы девизом всего учения святителя о милостыне. Нужна именно рассматрительность и в отношении *тех лиц*, которым нужно помогать, и в отношении *имущественной обеспеченности* самого благотворения. «В подаении, — советует святитель, — нужно обращать внимание на возраст, физическую слабость, а иногда даже и на стыдливость, которая свидетельствует о благородстве происхождения. Так, старикам, которые не в состоянии уже снискать себе трудом пропитания, ты давай щедрее; точно также охотнее помогай увечному. Затем не отказывай в помощи тому, кто из богатого сделался бедняком, особенно, если он потерял то, что имел, не по своей вине, а вследствие нападения разбойников, или вследствие конфискации, или по клевете»³⁴⁸. «И не на лицо только нужно обращать внимание, но часто и на обстоятельства, и на время, например, когда приходится помочь скорее соседу, чем брату»³⁴⁹. Итак, ясно, что в щедрости нужно наблюдать известную меру, чтобы благотворительность не оказалась бесполезной. Нужно быть осмотрительным, чтобы благотворить ради действительной нужды. «Приходят работоспособные, не имевшие никакой нужды, кроме охоты к скитанию, и хотя бы лишити помощи бедняка, оставить его без куска хлеба; не довольствуясь малым, они ищут большего, видом своих лохмотьев они стараются склонить доверчивых благотворителей в пользу своей просьбы... Вот, почему в раздавании милостыни нужно наблюдать известную осмотрительность, чтобы действительно нуждающиеся не ушли с пустыми руками, и чтобы о бедности не судили по обманчивой внешности. Пусть будет мерилом, чтобы ни человеколюбие не было забыто, ни нужда не оставлена без внимания... Кто наблюдает меру, тот ни для кого не скуп, но ко всем милостив. Следовало бы, чтобы мы не одними ушами слушали просящих о помощи, но и глазами бы видели их нужды»³⁵⁰. Но нужно заметить по поводу этих наставлений св. Амвросия, что они направлены, главным образом, к *священникам*, являвшимся благотворителями от лица Церкви и притом раздавателями имущества, пожертвованного другими. Поэтому также св. отец настаивает, чтобы жертвователь,

³⁴⁷ «Об обязанностях», кн. 2, гл. 21, стр. 270.

³⁴⁸ Там же, кн. 1, гл. 30, стр. 137–138.

³⁴⁹ Гл. 34, стр. 149.

³⁵⁰ Кн. 2, гл. 16, стр. 249–250.

с одной стороны, не был неразборчиво расточительным ради приобретения народных симпатий; а с другой стороны, не был бы и скупым, «чтобы в шкапулке не было заключено благополучие бедных»³⁵¹. Как мы сказали, и св. Иоанн Златоуст, наиболее последовательный в проведении абсолютной евангельской точки зрения в отношении долга милостыни, говорил о необходимости для священника внимательной заботы при раздаче церковного имущества³⁵². Но при всем том общая постановка речи св. Амвросия ясно отличает его учительство от учения других великих учителей Церкви, особенно, когда св. отец наставляет, что в милостыне можно ограничиваться таким пределом, дальше которого грозит бедность самому благотворящему, хотя св. Амвросий и замечает, что такой бедности не нужно бояться³⁵³ и что иногда нужно оказывать и «непосильную помощь»³⁵⁴.

Во взглядах на милостыню *блаженного Августина* мы позволим себе отметить лишь его интересное с христианско-этической точки зрения пояснение, *как нужно понимать учение Церкви об очистительном значении милостыни*. Лично блаженный Августин также верил в такое ее значение и не раз говорил о нем³⁵⁵, но он не боролся с тем грубым пониманием этого значения милостыни, по которому как бы забывалось самое ценное в каждом христианском деле — душевное расположение — и все внимание односторонне ложно направлялось на мысль об искупительном значении подаяния самого по себе. «Остается ответить тем, — говорит блаженный отец, — по словам коих в вечном огне будут гореть только те, которые не заботятся о грехах своих творить достойной милостыни, по словам апостола Иакова: суд без милости не сотворившему милости. А кто, говорят, творил милостыню, хотя бы в своей безнравственности не улучшился, а среди дел своего милосердия жил нечестиво и непотребно, для того суд будет милостивым, так что он или совсем не будет осужден, или же освобожден будет от последнего осуждения через некоторое время. Отсюда, полагают они, Христос сделает разделение между стоящими направо и налево, из коих одних пошлет в Царство, а других в вечное мучение, имея в виду лишь их любовь или небрежение к милостыне. А что ежедневные грехи, творить которые мы не перестанем окончательно, какого бы рода и сколько бы их ни было, благодаря милостыне, могут быть отпущены, в опору и в подтверждение этого воззрения они ссылаются на молитву, которой научил Сам Господь.

³⁵¹ Там же, стр. 250–251; сравни: кн. 2, гл. 21, стр. 270 и др.

³⁵² «О священстве», слово III, стр. 432.

³⁵³ «Об обязанностях», кн. 1, гл. 30, стр. 134–135.

³⁵⁴ Кн. 2, гл. 28, стр. 285.

³⁵⁵ Так, например, блаженный Августин говорит: «жертва христиан — милостыня, подаваемая бедным. Вследствие этого Бог делается милостивым к грешникам. Если Бог не будет милостив к грешникам, то кто не окажется виновным? Милостыней люди очищаются от грехов и искушений, без которых жизнь не может быть проведена на земле». См. Ульгорн, стр. 262.

Ибо, говорят, как не бывает дня, чтобы христиане не произносили этой молитвы, так точно не может быть и такого, хотя бы ежедневно совершаемого, греха, чтобы он не мог быть отпущен, когда мы произносим: «и остави нам долги наши», — если только стараемся поступать сообразно с дальнейшими словами: «якоже и мы оставляем должником нашим»³⁵⁶. Ведь Господь, продолжаят они, не говорит: «если простите грехи другим, простит и вам ваши ежедневные малые грехи Отец ваш»; и говорит: «отпустит вам грехи ваши»³⁵⁷. Итак, сколько бы и какого бы рода грехи, ни были, хотя бы они и совершались ежедневно, хотя бы от них не уклонялись, изменяя жизнь к лучшему, все эти грехи, по их мнению, могут быть отпущены им в силу обещанного прощения за милостыню.

Хорошо и то, что они убеждают творить за грехи достойные дела милосердия: если бы они говорили, что всякая милостыня, какова бы она ни была, хотя бы и за ежедневные и великие грехи, и при всяческом преступном образе жизни может снискивать Божественное милосердие, так что за него следует ежедневное прощение, — они сами бы видели, что говорят глупость и нелепость. Тогда они принуждены были бы признать возможность, что человек весьма богатый ценой десяти мелких монет, ежедневно подаваемых в милостыню, может покрывать и убийства, и прелюбодеяния, и всякие другие непотребства. Если же утверждать это крайне нелепо и бессмысленно, то когда речь идет о том, что должно разуметь под достойными делами милосердия за грехи, о коих говорил Предтеча Христов: «Сотворите убо плод достоин покаяния»³⁵⁸; без всякого сомнения не окажется, что дела такие творят те, жизнь которых исполнена ежедневных преступлений. И это потому, прежде всего, что, расхищая чужое имущество, они захватывают себе слишком много и, уделяя от этого многого крупицу бедным, представляют Христа в этом отношении им покровительствующим; так что, полагая, что купили или, вернее, ежедневно покупают у Него право на злодеяния, они спокойно совершают все самое предосудительное. А между тем, если бы и за одно злодеяние они раздали нуждающимся членам Христовым все свое имущество, но от такого рода дел не отстали, не имея той любви, которая превратно не поступает³⁵⁹, и тогда для них не было бы никакой пользы. Таким образом, кто творит достойные за свои грехи дела милосердия, тот начинает их творить, прежде всего, с себя самого. Ибо, кто делает для ближнего то, что делает для самого себя, поступает вопреки словам Господа: возлюби искренняго твоего яко сам себе³⁶⁰; равно и словам: люби душу свою, угождая Богу³⁶¹. А кто не делает для своей души этой милостыни, то есть угождения Богу, каким образом

³⁵⁶ Мф. IV, 12.

³⁵⁷ Мф. VI, 14.

³⁵⁸ Мф. III, 8.

³⁵⁹ I Кор. XIII, 4.

³⁶⁰ Мф. XXII, 39.

³⁶¹ Сир. XXX, 24.

может быть назван делающим достойную за свои грехи милостыню? К тому же относится и написанное: иже себе зол, кому добр будет?³⁶² Милостыня, несомненно, помогает молитве. Необходимо иметь в виду то, что читается: чадо, согрешил ли еси, не приложи к тому и о прежних твоих помолися³⁶³. Поэтому милостыню творить мы должны для того, чтобы быть услышанными, когда молимся о своих прежних грехах, а не для того, чтобы, упорствуя в них, мы думали посредством милостыни снискать себе дозволение на злодейство.

Для того, Господь и предсказал, что вменит милостыни стоящим и направо, и налево, первым — сотворенные, а последним — несотворенные, чтобы показать, какое значение милостыни имеют для заглаживания прежних грехов, а не для постоянного безнаказанного их совершения. Те же, которые не хотят изменить преступного образа жизни на лучшее, не должны быть названы творящими такого рода милостыни. Ибо словами: «понеже не сотвористе единому сих меньших, ни мне соипвористе»³⁶⁴, — Он показывает, что они не творят милостыни уже и тогда, когда думают, что творят. И в самом деле, если бы они подавали алчущему христианину хлеб именно как христианину, то конечно не отказывали бы себе в хлебе праведности, который есть сам Христос, ибо Бог обращает внимание не на то, кому подают, а на то, с каким расположением подают. Поэтому, кто любит в христианине Христа, тот подает с таким расположением, с каким приступает к Христу, а не с каким желает безнаказанно отступить от Христа. Ибо каждый из нас тем более любит Христа, чем более любит то, что одобряет Христос. Какая была бы польза, если бы каждый из нас только крестился, а не оправдался? Тот, кто сказал: «Аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Божие»³⁶⁵, — разве не сказал также: «Аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не ввидите в Царствие Небесное»³⁶⁶. Почему же многие, боясь первого изречения, спешат креститься, а приобрести оправдание многие не стараются, не боясь последнего? Отсюда как не брату своему говорит «безумный» тот, кто, говоря это, выражает нерасположение не к самому братству, а к его греху; потому что в противном случае повинен будет геенне огненной³⁶⁷; так, наоборот, кто подает христианину милостыню, подает ее не христианину, если не любит в нем Христа; а тот Христа не любит, кто не хочет быть оправданным во Христе. Равным образом, если кто одержим таким пороком, что скажет своему брату «безумный», то есть будет поносить его несправедливо, без желания устранить его от греха, тому мало в искупление этого творить дела милосердия, а нужно еще присоединить к ним и то средство примирения, о котором говорится дальше. Ибо дальше говорится следую-

³⁶² Сир. XIV, 5.

³⁶³ Сир. XXI, 1.

³⁶⁴ Мф. XXV, 45.

³⁶⁵ Ин. III, 5.

³⁶⁶ Мф. V, 20.

³⁶⁷ Мф. V, 22.

щее: «Аще убо принесеши дар твой ко олтарю и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя, остави ту дар твой пред олтарем и шед прежде смиришь с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой»³⁶⁸. Таким образом, мало подать какую бы то ни было милостыню за такое или иное преступление и в то же время оставаться при прежнем порочном образе жизни... Само собой понятно, что те, которых праведники принимают в вечные обители, не бывают настолько добродетельны, чтобы самая жизнь их могла заслуживать помилования без ходатайства святых, и потому на них тем очевиднее милость превозносится над судом. Однако на этом основании не следует думать, чтобы в вечные обители принимался человек самый преступный, нисколько и никогда не изменивший своего образа жизни на лучший или более терпимый, благодаря тому, что снискал благоволение святых маммоной неправды, то есть деньгами или богатством, приобретенным дурно, а если даже и хорошо, то во всяком случае богатством не истинным, а таким, какое считает богатством греховность, не зная, что такое истинное богатство, которым обладают принимающие других в вечные обители. Существует некоторый образ жизни: с одной стороны, не настолько дурной, чтобы для тех, которые живут так, в деле получения Небесного Царства не было никакой пользы от подаяния милостыни, которая и служит поддержкой для праведников в их скудости и снискивает в лице их друзей, принимающих в вечные обители; но с другой — и не настолько доброй, чтобы для получения ими блаженства достаточно было одной милостыни, если только милостыня эта не спешествует заслугами тех, которых она делает друзьями»³⁶⁹.

Блаженный Иероним в своем взгляде на христианскую милостыню отенял как ее религиозное значение, так и ту характерную ее черту, по которой ценность милостыни определяется отношением к ней воли человека, его душевного настроения. Мы уже видели, что, согласно убеждению блаженного Иеронима, долг следования за Христом требует от христианина отказа от богатства или, во всяком случае, постоянной готовности делиться своим достоянием с другими, неимущими. Таков долг каждого христианина перед лицом Божией правды, и этот долг высшее освящение получает от сознания того, что и милостыня христианская оказывается *ради Христа и даже самому Христу* в лице бедных Его собратий. В этом пункте своего учения блаженный отец очень близко примыкает по словесному выражению мысли и ее резкой очерченности к св. Иоанну Златоусту. «Всякому просящему у тебя дай, — повторяет евангельское наставление блаженный, — наипаче же присным в вере. Нагого одень, алчущего накорми, больного посети. *Простирая руку благотворительности, всякий раз помышляй о Христе*. Смотри, не умножай чужих богатств, тогда как Господь Бог твой остается тощ»³⁷⁰. В пись-

³⁶⁸ Мф. V, 23.

³⁶⁹ «О граде Божиим», кн. 21, гл. 27, стр. 331–338.

³⁷⁰ Письмо к Фурии, т. II, стр. 97.

ме к Деметриаде блаженный отец, противопоставляя украшение храмов делам милосердия, дает преимущество последним и видит в них служение самому Христу. «Тебе, — говорит он, — предназначено одевать Христа в лице бедных, посещать — в больных, питать в алчущих, принимать Его в не имеющих крова»³⁷¹. Подобное же олицетворение нищих с самим Христом находим и в противопоставлении роскоши одних и нищеты других: «Мы живем, как будто бы собираемся на другой день умирать, и строим, как будто вечно будем жить в этом мире. Золотом блещут стены, золотом потолки... а нагой и алчущий Христос в образе нищего умирает перед нашими дверьми»³⁷². Богатых св. отец убеждает «Христа сделать сонаследником своих детей»³⁷³; о Паммахии свидетельствует, что он в бедствующих «согревает Христа»³⁷⁴ и т. п. Говорит блаженный Иероним и об *очистительном значении* милостыни, причем в одном месте своих писем прямо ссылается в этом случае на св. *Киприана*, как авторитетного учителя христианской истины: «Какое значение имеет милосердие и какие награды влечет за собой, об этом подробно говорит в обширном сочинении св. Киприан»³⁷⁵, — замечает блаженный Иероним.

По вопросу о том, что служит *критерием ценности христианской милостыни*, блаженный отец отвечает указанием на то, что в этом деле высшую ценность имеет предание самого себя делу милосердия и личное участие в скорби бедного. «Ты благотворишь, — пишет блаженный Иероним Юлиану, — ты жертвуешь... Но это — первые только опыты твоего воинствования. Ты презираешь золото, презирали его и философы мира... Ты думаешь, что уже стал на верху добродетели, если пожертвовал часть из целого? *Самого тебя хочет Господь в жертву живую*, благоугодную Богу. Тебя, говорю, а не твоего... Бедная вдова две лепты бросила в сокровищницу, и так как она пожертвовала все, что имела, то о ней говорится, что она всех богатых превзошла своей жертвой Богу, которая ценится не по качеству своему, а по расположению приносящих»³⁷⁶. «Если ты имеешь в руках какую-либо вещь, — пишет блаженный отец в письме к Павлину, — продай; если не имеешь, не заботься о приобретении. Отнимающему ризу нужно отдать и срачицу. Если ты, откладывая постоянно до завтра, волоча день за день, будешь осторожно и помалу продавать твои владеньица, то Христу не будет, чем питать бедных Своих. *Все отдал Богу тот, кто принес в жертву сам себя*. Апостолы оставляют корабль и мрежи. Вдова кладет две лепты в казнохранилище и считается выше богачей»³⁷⁷. И вот, в каких словах на частном примере благотворительной деятельности *Фабии* блаженный

³⁷¹ Т. III, стр. 339.

³⁷² Письмо к Гавденцию, т. III, стр. 308.

³⁷³ Письмо к Гебидие, т. III, стр. 136.

³⁷⁴ Письмо к Паммахию, т. II, стр. 221.

³⁷⁵ Письмо к Паммахию, т. II, стр. 221.

³⁷⁶ Т. III, стр. 106–107.

³⁷⁷ Т. II, стр. 87–88.

Иероним говорит о высокой ценности личного участия в служении бедным и больным. «Все, какое бы ни было у нее (Фабиолы) имение, раздробила по частям, и продала, и, обратив в деньги, употребила его на нужды бедных... Сколько раз сама она на своих плечах носила смрадных больных... Сколько раз омывала гнойную кровь из раны, на которую иной не мог бы и взглянуть. Она собственноручно давала пищу и лекарственным питьем поддерживала живой труп. Знаю, многие богатые и благочестивые люди по слабости организма оказывают подобного рода милосердие при помощи других и милостивы деньгами, а не руками. Хотя я не упрекаю их и слабодушие не объясняю недостатком веры, но насколько извиняю слабость организма их, настолько же до небес превозношу ревность души совершенной. Великая вера презирает все это... Тот, кого мы презираем, кого не можем видеть... подобен нам, сотворен из одной с нами персти, составлен из тех же элементов. Что терпел он, то же можем терпеть и мы. Язвы его будем считать своими собственными, и всякая суровость к другому смягчится при скромном размышлении о себе самих»³⁷⁸. И при таком личном переживании чужого несчастья, несомненно, сами собой сделаются немислимыми ни тщеславие при раздавании милостыни, ни грубость в отношении просящих³⁷⁹. Можно отметить и взгляд блаженного Иеронима по вопросу о том, следует ли быть *разборчивым*, оказывая милостыню. Блаженный отец оттеняет мысль о необходимой справедливости в этом случае; частнее — то, чтобы давать милостыню действительно бедным и помогать, прежде всего, своим по вере — христианам. «Смотри, — советует блаженный Иероним, — чтобы не расточать неразумно собственности Христа, то есть, чтобы при нестрогой разборчивости достоинство бедных не раздавать небедным и, по словам благороднейшего мужа (Цицерона), благотворительность не потеряла бы от щедрости»³⁸⁰. «Если желаешь быть совершенным, желаешь быть таким, как пророки, апостолы, как Христос — продай, и не часть имения, чтобы страх бедности не служил поводом к неверности, а все, что имеешь. И продав, дай бедным, а не богатым, не надменным. Дай для поддержания нужды, а не для умножения богатства... Давать не бедным принадлежащее бедным в некотором роде святотатство»³⁸¹. И прежде всего должно помогать присным в вере. «Мы должны, — рассуждает блаженный Иероним, — неверным предпочитать верных из христиан и верующих, и между самими христианами есть

³⁷⁸ Письмо к Океану о смерти Фабиолы, т. II, стр. 289–290.

³⁷⁹ Блаженный Иероним жалуется, что в его время был обычаем трубить в трубы при подаче милостыни, посылать глашатая звать на вечерю любви, и рассказывает о таком поразительном отношении к нищим, когда одна из знатнейших римских женщин, раздавая собственноручно бедным по монете, одной старухе, хотевшей получить два раза, дала вместо динария кулака, так что у бедной старухи полилась кровь. Письмо XXI к Евстохии, т. I стр. 134.

³⁸⁰ Письмо к Павлину, т. II, стр. 136.

³⁸¹ Письмо к Паммахию, т. II, стр. 223–224.

большое различие: грешник ли бедный или святой. Поэтому и апостол, одобряя милостыню всем вообще, прибавляет: «паче же присным в вере». Присный в вере — тот, кто соединен с тобой единством веры, и кого не отделяют грехи от братского общения с тобой. И если и в отношении к врагам нам заповедуется питать их, если они алчут, и поить, если жаждут... то не тем ли более относительно тех, кои не враги, а христиане и святые?»³⁸². Как видим, блаженный Иероним не выдерживает абсолютной евангельской точки зрения на вопрос о том, кому должно благотворить в виду ясной возможности поступить практически неблагоразумно в случае исполнения заповеди: всякому просящему давай. Но нужно заметить, что блаженный отец все же высказывается по интересующему нас теперь предмету и в том смысле, чтобы рассматривательность не переходила в скупость и придирчивость даже при раздаче доверенного церковного имущества. «Принять что-нибудь для раздачи бедным и тогда, когда многие терпят голод, раздавать осторожно или скупое... значит превзойти в жестокости всех разбойников. Я мучусь голодом, а ты рассчитываешь, сколько нужно для моего желудка? Или тотчас раздай, что получил, или, если ты нерешителен в раздаче, предоставь благотворителю самому раздавать свое имущество»³⁸³.

Не представляется трудным теперь, после изложения святоотеческого учения о милостыне, кратко *сформулировать* церковно-христианский взгляд на нее. *Милостыня есть одно из проявлений той любви*, которая является всеобъемлющим началом жизни Божиего Царства, то есть любви к Богу и к ближним в ее органической неразрывной связи. Связь эта настолько несомненно выступает в милостыне, что последняя может быть поставлена наряду с *формами непосредственного служения Богу*, и служение людям в их нужде должно быть рассматриваемо как почитание Бога, *выражение благочестия*. Это потому, что милостыня есть тот путь к восстановлению на земле начала истинной правды в отношениях людей, который заповедан людям Самим Богом; тот путь, идя которым, верующий *одновременно* проявляет и сострадательную *братскую любовь* к себе подобным, и *благочестивую преданность* своего любящего сердца в отношении Отца всех — Бога. Высочайшим побуждением для христианина в исполнении им долга творить милостыню является *ответ благодарной любви на любовь Христа Спасителя*, не только благоволившего пострадать нас ради, но и «*обнищавшего*» нас ради, принявшего на себя все тяготы человеческой бедности и людского унижения, чтобы дать нам совершенный образец истинно братской любви. И насколько *неотделимо служение Самому Христу Спасителю от служения Его меньшим братьям*, настолько неразрывно связывается в христианском сознании сердечное участие в нужде этих меньших братьев Господа здесь на земле и *участие в Его блаженстве и славе в вечном Царстве*

³⁸² Письмо к Гебидие, т. III, стр. 133–134.

³⁸³ Письмо к Непоциану, т. II, стр. 72–73.

Отца. Милостыня, таким образом, одновременно служит и исполнением воли Бога, как Верховного Законодателя; и путем к восстановлению правды в людских отношениях, нарушенной вследствие людского эгоизма, и выражением *братской любви* к людям, и *жертвой* любящего сердца обнищавшему нас ради *Господу Иисусу Христу*, и залогом, наконец, будущего *участия* в Царстве Христовом, когда Он придет в славе Отца Своего судить мир. Такой взгляд на милостыню делает понятными те *восторженные похвалы* ей и те горячие призывы к ней, какие согласно несутся к нам из дали веков в святоотеческих поучениях. Что касается вопроса о *сравнительной ценности* милостыни с христианской этической точки зрения, то ясно, что она определяется тем, насколько проникнута началами истинной христианской любви, проявлением которой должна являться милостыня. *Количественным критерием ценности милостыни*, с точки зрения такого начала, бывает не величина жертвы, но та мера самоограничения и самоотречения, какую добровольно налагает на себя жертвователь. Высшую ценность, поэтому, имеет та милостыня, которая творится «от скудости», и внешним выражением полноты любви служит раздача бедным всего своего достояния. Но, конечно, истинную ценность такое самоотречение имеет только при условии *искренней любящей настроенности*. Без последней и совершенная раздача имущества не имеет никакой цены. Эта любящая настроенность составляет душу милостыни и она-то, эта настроенность, определяет действительную ценность благотворения. Если количественно полнота любви выражается в совершенной *щедрости*, то со стороны внутреннего настроения жертвователя эта любовь выразится в совершенной *свободе* и *личном переживании* чужой нужды. Поэтому только то даяние ценно, которое жертвуется *свободно, радостно*, с живым сознанием того, что дающий больше получает от своего даяния, чем принимающий его; поэтому же, та милостыня более ценна, при которой с нуждающимся разделяется не хлеб только, но и *жизнь самого сердца*, где налицо *личное служение* горю брата. И естественно, что при таком внутреннем настроении благотворящего невозможными станут в отношении просящих всякого рода *грубость, тщеславие и надменность*, равно как и неуместная *разборчивость*. Мы не только отметили, но и подчеркнули, что по вопросу о том, кому должно давать милостыню, именно о долге подавать милостыню с разбором или без него, в святоотеческой письменности нет совершенного согласия. Значительное большинство великих учителей Церкви защищает *абсолютность долга творить милостыню* и требует совершенной *безразборчивости*. Некоторые уважаемые отцы оставляют такую абсолютную точку зрения и перед лицом вопиющей нужды, с одной стороны, а с другой — ввиду ограниченности средств каждого, рекомендуют возможную без скупости и обиды просящих *заботу о более целесообразном раздавании милостыни*. Думается, что после всего сказанного о природе христианской милостыни ясно, что *более отвечают чистоте понимания евангельского учения взгляды большинства великих учителей Церкви о долге*

христианина давать всякому просящему. Если мы обратим внимание на то, чем христианская милостыня по существу отличается от всякой другой, то с определенностью можем отметить это различие: христианское учение о милостыне имеет исходным началом *сердце милующее*, а не *те или другие последствия от нее*. Христианская милостыня, бесспорно, является долгом ввиду существования бедности и нужды. Горячие святоотеческие проповеди, бесспорно, были так горячи и настойчивы именно перед лицом жизненной неправды, стонов обиженных и обездоленных. Побуждая к милостыне, св. отцы всегда, конечно, имели в виду помощь неимущим. Но собственно этическая оценка милостыни всегда касалась не этой стороны, не результата, но самого *процесса милостыни*, внутренних настроений и переживаний благотворящего. Это и сообщает христианскому учению характер несравнимой высоты, характер абсолютности: *воля Божия должна быть исполняема без всякой думы и заботы о том*, что последует за таким ее выполнением. И по вопросу о том, кому должно давать милостыню, эта Божия воля выражена со всей определенностью: *всякому просящему давай*. Подобно милосердию Отца Небесного, христианская любовь принципиально не знает границ: она дает всякому просящему, отдает рубашку отнявшему верхнюю одежду, подставляет другую щеку ударившему в одну, благословляет проклинающих. Границей для милостыни может явиться только благо просящего: братская любовь не берет на себя право суда о его нужде, но не может отказаться от заботы о его спасении и дать ему то, что неизбежно должно принести не пользу, а вред; говоря проще, христианскому разуму предоставляется долг выбрать тот или иной вид милостыни, но не право отказа просящему.

В кратких выдержках из святоотеческих творений мы старались, как в фокусе, собрать лучи святоотеческой мысли, освещающие христианское учение о собственности и милостыне. Лучи эти — чистые и согревающие. Древняя православная Церковь, в которой они сияли, выступает перед нашими глазами вестницей той любви и правды, которые принесены на землю Христом Спасителем и являются светом христианской жизни, призванным светить миру. В этом свете мы видим картину той истинной жизни, какой и должны жить члены Церкви Христовой. Бог — Отец всех людей, дающий им все обильно для наслаждения; мир весь — отображение Божественной любви, приносящей людям свои дары; все люди — братья, призванные жить в отчем доме, пользоваться сообща всеми дарами отеческой любви без обиды друг друга, но разделяя между собой и скорби, и радости на пути своего странствования в горнее отечество. Так учили в Церкви ее великие служители. В жизни, конечно, было не то. Не только весь мир нехристианский не мог и постигнуть начал новой жизни во Христе, но и самая христианская жизнь была далека от своего идеала,

особенно когда начала охладевать «первая любовь». И среди христианского общества не было истинно братских отношений, видны были яркие картины неправды земной, слышны были неумолкающие стоны обиженных и обездоленных в мире — в этом доме общего Отца. И все сердца, страдавшие от недостатка братской любви, все жертвы человеческой злобы и неправды, все души, задыхавшиеся в атмосфере начал мирской языческой жизни, все алчущие и жаждущие правды — все они, как цветы к солнцу, тянулись к Церкви, у нее искали и помощи, и защиты, и утешения в своей скорби, у нее просили хлеба жизни и воды живой, текущей в жизнь вечную. И Церковь помогала им, утешала их, кормила голодных, одевала нагих и согревала озябших; делала все это, но делала и еще большее этого: насыщала и напояла людей духовно, светила миру светом истинным, согревала его теплом вечной правды и любви. И у Церкви могло не хватить хлеба земного, чтобы всех насытить, но у нее было всегда достаточно хлеба духовного, слова Христовой истины, которым истинно жив человек. Выходил пастырь Церкви ко всем жаждавшим истины учить их, и радостными ударами отвечало скорбящее сердце на речи эти. Говорил этот пастырь, что наше истинное жительство на небесах, что земные состояния людей — это только театральные маски, которые нужно будет сбросить каждому, когда пробьет последний час его жизни. Говорил этот пастырь, что все в этом мире — не наше собственное, но принадлежит небесному нашему Отцу, перед лицом Которого все мы — дети и наследники, почему нам и приличнее всего поделить все поровну, как братьям. И когда обращался пастырский взор в сторону богатых, горячим обличением звучало слово провозвестника Христовой истины. Слово это говорило о поругании правды Божией на земле и призывало, призывало горячо и неустанно к милости и любви. А когда этот пастырский взор обращался в сторону бедных и обиженных в этом мире, звучало слово отеческой ласки и утешения. Слово это говорило о том, что придут дни, когда воссияет в мире свет правды Христовой, и что будет праведное воздаяние всем. Грозные обличения богатых сливались с ободряющим утешением бедных; горячие призывы к милости и правде переходили в предостерегающий голос отеческой любви, ревнующей о спасении духовных детей. Церковь была истинной матерью для верующих: матерью, тем существом, которое для детей является носителем любви, самоотверженной защитницей, источником всего чистого, греющего, ласкающего, к которой дети простирают свои руки, лаской и заботами которой живут. Такова и была древняя Вселенская православная Церковь в учении о ней ее пастырей и учителей. И когда последние говорили, что «кому Церковь не мать, тому Бог не отец», они знали, что говорили. Церковь была проводником любви Христовой и света Его истины в жизнь мира, и кто отвергал эту любовь и отворачивался от этого света, тот отвергал и дело Христово и не хотел взирать на Его чистый небесный лик...

Пятнадцать веков протекло с того времени, как учили в Церкви последние из тех ее отцов, учение которых по вопросу о христианском отношении к собственности мы изложили. Мир жил эти века своей жизнью; и теперь, так же, как и в дни святоотеческого учительства, нет правды на земле в отношениях между христианами, и дивными кажутся нам слова Евангелия Христова о братстве людей, как детей одного Отца. И теперь, так же как и в первые дни христианства, миллионы обездоленных в мире идут к Церкви и через нее приносят в жертву Богу свои сокрушенные сердца, ожидая здесь утешения и просвещения. Наша русская православная Церковь есть часть великого вселенского целого и должна являться носителем тех идей, какими жила древняя Церковь. К ней, русской православной Церкви, протянуты не только руки просящих, но устремлены сердца, любящие правду и тоскующие по ней. И наша Церковь должна быть вестницей правды Христовой, должна исповедовать Его истину, обличать мир в том, что нет правды в его жизни, и указывать миру единый путь жизни во Христе и Его слове вечной истины. И если наше богословие и проповедь в храме призваны быть слугами Церкви и содействовать ее возрастанию в мире, то они должны исповедовать и проповедовать истину Христову во всей ее чистоте и лучезарной красе, а не извращать ее в угоду началам, господствующим в нашей наличной жизни. Нами было кратко указано на ложь того пути, каким идут, в общем, современные нам богословие и проповедь в уяснении христианского взгляда на вопросы об отношении христианина к собственности и помощи нуждающимся. Коренная ложь эта в том, что за норму христианских отношений принимаются не те идеальные начала жизни, какие были вознесены миру Господом Иисусом Христом, но начала, фактически господствующие в нашей, языческой по духу, жизни. Поэтому и оказалось возможным дойти до такого ослепления, чтобы от имени Церкви Христовой советовать хранить и умножать свое богатство в то время, как братья умирают с голоду, и жить в роскоши тогда, когда великое множество людей не имеют и крова. Так учить, значит, поистине, подавать алчущим правды камень, вместо хлеба; и нужно ли удивляться, что когда такие учителя говорят: «Церковь — мать наша», — то, хотя они говорят истину, но в их устах уныло звучит она, и не ощущается в их речи всего тепла этого образа — материнства Церкви. И есть лишь один надежный путь для нашей русской богословской мысли сохранять верность Христу — это прислушиваться более к голосу предания Вселенской Церкви, чем к голосу предания человеческих обычаев; усваивать значение вечной правды слову Евангелия, а не меняющимся человеческим установлениям и мнениям. Русская богословская мысль, если она желает быть верной заветам древней Церкви, должна на пути своего исповедания и проповедания Христовой истины идти в мир со знаменем, на котором были начертаны великие слова псалмопевца, обращенные им к Богу: «правда Твоя — правда вечная, и закон Твой — истина».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Архиепископ Василий (Кривошеин)

ПРЕПОДОБНЫЙ СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Мне хотелось бы рассмотреть в настоящей статье несколько характерных мест из «Огласительных Слов» пр. Симеона Нового Богослова¹, в которых отражается отношение этого духовного писателя и мистика к политической и социальной действительности своего времени и оценка ее им. Пр. Симеон Новый Богослов не был политическим писателем, интересы его всецело сосредоточены на вопросах духовной жизни, вполне естественно поэтому, что прямых политических высказываний у него не встречается. Тем не менее даже говоря о духовной жизни или об отношениях между человеком и Богом, пр. Симеон Новый Богослов любит пользоваться образами и примерами, заимствованными из общественной жизни, и в этих образах часто проглядывает его отношение к ее явлениям. Так, например, повторяя вслед за апостолом Павлом (1 Кор. 1, 27–28), что «оставив мудрых и сильных и богатых мира, Бог избрал по неизреченной Своей благодати немощных и немудрых и бедных мира»², Симеон Новый Богослов делает следующее противопоставление между Божественным и земным царством: «Люди отвращаются их (т. е. немощных, немудрых, бедных), земной царь не переносит их вида, начальствующие от них отворачиваются, богатые их презирают и, когда встречают их, проходят мимо, как будто бы они не существовали, и общаться с ними никто не считает желаемым, а Бог, Которому служат бесчисленные множества ангелов,

¹ «Огласительными Словами» («Λόγοι Κατηχητικοί» или «Κατήχησεις») называются в рукописях духовные поучения пр. Симеона Нового Богослова (949–1022) монахам монастыря св. Маманта в Константинополе, где пр. Симеон был игуменом. Они были произнесены в последние два десятилетия десятого века. Их греческий текст, в подлиннике до сих пор не изданный, печатается в настоящее время в серии святоотеческих творений Sources Chretiennes. См. мои статьи: «The writings of St. Symeon the New Theologian», *Orient. Christ. Period.* 20 (1954), 298–328; «Преподобный Симеон Новый Богослов и Никита Стифат — История текста “Огласительных Слов”», «Вестник Русского Западно-Европейского Экзархата», № 37 (1961). С. 41–47.

² «Огласительные Слова». 2.

все содержащий словом Своей силы, Кого великолепие непереносимо для всех, не отказался стать отцом и другом и братом этих отверженных, но захотел воплотиться, чтобы стать подобным нам по всему кроме греха и сделать нас причастниками Своей славы и царства»³. В этом отрывке из Второго «Огласительного Слова» интересно не только яркое описание, как «богатые» с отвращением и презрением относятся к «немощным и бедным», и как «царь» даже «не переносит их вида», но и само противопоставление «земного царя» небесному Царю, Богу, Который в отличие от земного не отказался обнищать и стать человеком, подобным нам, нашим братом. Как видно отсюда, пр. Симеону Новому Богослову была чужда мысль, будто бы «земной царь» является образом Бога на земле, и что земное царство есть отражение Царства Небесного. Наоборот, земное царство со всеми его порядками представляется ему противоположностью Царству Божию.

Еще более ярко выражено отношение пр. Симеона Нового Богослова к царям и сильным мира сего в длинном отрывке из Пятого «Огласительного Слова», описывающем Страшный Суд. Христос обращается там к «царям и властителям и военначальникам»⁴ со следующими словами (после того, как Он привел им в пример Давида и других праведных древности): «Почему вы не были подражателями ему (Давиду) и подобным ему? Или, может быть, вы считали себя более славными и богатыми, чем он, и потому не захотели смириться (пред Богом)? Жалкие и несчастные, вы, будучи тленными и смертными, захотели стать единодержцами и миродержцами (μνοκράτορες καὶ κομμοκράτορες). И если только находился кто-нибудь в другой стране, не желающий вам подчиняться, вы превозносились над ним, как над вашим ничтожным рабом, и не выносили его неподчинения, хотя и он был таким же, как и вы, рабом Божиим, и у вас не было никакого преимущества пред ним. А Мне, вашему Творцу и Владыке, вы не хотели подчиниться... Разве вы не слышали, как Я говорил: «Желающий в вас быть первым да будет самым последним, рабом и служителем всех»? Как вы не боялись... впасть в гордость от этой пустой славы и стать преступниками этой Моей заповеди... Но вы презрели Мои заповеди, как будто это были заповеди одного из отверженных и слабых»⁵. В основном эти строки имеют чисто религиозный характер. «Цари» обвиняются в нарушении заповедей Господних, в гордости и властолюбии, в восстании на Бога, в нежелании смириться пред Ним. «Смертные и тленные», они стремятся стать единственными властителями вселенной и угнетают других людей, подобных им созданий Божиих. Более того, весь строй земного царства, основанный

³ «Огласительные Слова». 2.

⁴ «Огласительные Слова». 5.

⁵ «Огласительные Слова». 5.

на гордости и насилии, противопоставляется Царству Божию, основанному на смирении и служении. Но в этих общих христианских суждениях можно усматривать критику (тоже христианскую) конкретных явлений современной Симеону исторической действительности. Так, выражениями *μονοκράτορες* и *κοσμοκράτορες* (единодержцы и миродержцы) характеризуются две основные социально-политические тенденции царей македонской династии, императора Василия II Болгаробойцы, современника пр. Симеона Нового Богослова, в частности. Первая из них выражалась в стремлении македонских императоров сломить внутри империи всякую социальную силу, способную противостоять им и ограничить их власть. Такой социальной силой была византийская земельная аристократия, малоазийские крупные землевладельцы прежде всего. Такое стремление византийских царей характеризуется у пр. Симеона как их желание стать «единодержцами» (*μονοκράτορες*). Другая тенденция тех же царей — их стремление расширить пределы империи и достичь мирового господства — характеризуется у него как желание быть «миродержцами» (*κοσμοκράτορες*)⁶. Обе эти тенденции, как мы видели, рассматриваются у Симеона Нового Богослова как противоречащие заповедям Христовым и осуждаются им от лица Христа на Страшном Суде. Острота этого осуждения видна из того, что выражение *κοσμοκράτορες*, применяемое к царям, на церковном языке обычно относится к «князю мира сего», Сатане, и к злым духам вообще (ср. Еф. 6, 16), в отличие от слова *Παυτοκράτορας* (Вседержитель), применяемого к Богу. Нужно, однако, подчеркнуть, что пр. Симеон не отвергает царскую власть как таковую и не противопоставляет ей какой-нибудь другой образ правления, но осуждает с христианской точки зрения греховные тенденции царской власти и противопоставляет дурным и грешным царям (своим современникам, можно думать) древних праведных и угодных Богу царей, хотя и не называет их по имени, как он это делает, когда говорит о святых патриархах и епископах⁷.

Очень интересно отношение пр. Симеона Нового Богослова к частной собственности и социальному неравенству. Вот что он говорит об этом в своем Девятом «Огласительном Слове»: «Существующие в мире деньги и имения являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и пред-

⁶ См. об этом: G. Ostrogorsky. «Geschichte des Byzantinischen Staates». München, 1952, S. 217–228 (Der Kampf der Zentralgewalt gegen die Feudalmächte), S. 228–238 (Die Epoche der Eroberungen), S. 238–252, Höhepunkt der byzantinischen Machtentfaltung: Basileios II.

⁷ За исключением ветхозаветного царя Давида. Интересно, что среди праведных патриархов Симеон упоминает Игнатия (наряду с Тарасием и Мефодием). «Огласительные Слова». 5.

назначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор⁸, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградами и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владелицей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было. С другой стороны, слуги и рабы этой тиранической страсти становятся не владельцами вещей и денег, полученных ими по наследству, но их дурными рабами и хранителями. И если они, взяв что-нибудь или даже все из этих денег, из страха угрожаемых наказаний или в надежде получить сторицею, или склоненные несчастиями людей, подадут находящимся в лишениях и скудости, то разве можно считать их милостивыми или напитавшими Христа, или совершившими дело, достойное награды? Ни в коем случае, но как я утверждаю, они должны каяться до самой смерти в том, что они столько времени удерживали (эти материальные блага) и лишали своих братьев пользоваться ими⁹. Как мы видим, пр. Симеон Новый Богослов считает, что «деньги и имения» должны быть «общими» для всех, «как свет и воздух, которым мы дышим». — «Все это предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит». Страсть к стяжанию, по мнению Симеона, является причиной появления частной собственности. Эта страсть порабощает человека, и он из господина над материальными благами становится их рабом и хранителем. Милостыня к бедным отнюдь не исправляет этого греховного порядка вещей и не оправдывает человека пред Богом, ибо она имеет частичный характер и лишена бескорыстия.

Еще более резкое осуждение социальной несправедливости находится в другом месте того же. Девятого «Слова»: «Дьявол внушает нам сделать частной собственностью (ιδιοποιῆσαι) и превратить в наше сбережение (ἀποθησαυρίσαι) то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений — немилосердие, другое — надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги не может надеяться на Бога. Это ясно из того, что сказал Христос и Бог наш: «Где, — говорит Он, — сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Поэтому тот, кто раздает всем из собранных себе денег, не должен по-

⁸ τύραννος. В византийскую эпоху это слово имело значение «узурпатор», «завладелец власти», в противоположность законному правителю.

⁹ «Огласительные Слова». 9.

лучать за это награды, но скорее остается виновным в том, что он до этого времени несправедливо лишал их других. Более того, он виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от холода и голода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать»¹⁰. Таким образом, пр. Симеон Новый Богослов учит здесь о возникновении частной собственности как следствии внушения дьявола. Греховность, порождаемая ей, состоит в немилосердии к бедным и в уповании на богатство, а не на Бога. Милостыня не в состоянии оправдать богатых. Они не перестают быть «убийцами» бедных, умирающих от голода.

В качестве общего вывода из вышеприведенных отрывков из «Огласительных Слов» пр. Симеона Нового Богослова можно сказать, что в них он живо откликается на социально-политические явления своего времени — императорский строй с его стремлениями к единодержавию и внешней экспансии, с отчужденностью его носителей и всего правящего слоя от народных масс, на социальное неравенство византийского общества, основанного на частной собственности и на накоплении материальных средств имущими слоями, на бедность и голод среди народа. Подход его, однако, ко всем этим явлениям не политический или социальный, а чисто религиозный, духовный, христианский.

Никаких политических или социальных программ он не предлагает. Более того, можно даже сказать, что материальная бедность как таковая не рассматривалась пр. Симеоном как зло, она может даже быть путем подражания Христу. «Бог стал для тебя, — пишет он, — бедным человеком, должен и ты, верующий в Него, стать подобным Ему бедным. Он стал бедным по человечеству, а ты беден по Божеству... Обеднел Он, чтобы тебя обогатить, чтобы передать тебе богатство Своей благодати. Он потому воспринял плоть, чтобы ты приобрелся Его Божеству»¹¹. Иначе говоря, подлинная нищета состояла для Симеона в отчуждении от Бога, а подлинное богатство в соединении с Ним. Но он усматривал в социальном неравенстве византийского общества грех немилосердия и небратолюбия, в частной собственности — проявление страсти к стяжанию, в личном накоплении богатств — признак маловерия, в политике царей — выявление гордости, презрения к людям и восстания на Бога, в их земном царстве — противоположность Царствию Божию. Было бы поэтому исторически неправильным видеть в этих духовных оценках пр. Симеона Нового Богослова отражение или проявление каких-нибудь политических или классовых интересов или тенденций его эпохи, хотя социально-политические черты ее и отражаются у него, как мы мо-

¹⁰ «Огласительные Слова». 9.

¹¹ «Огласительные Слова». 9.

гли видеть, очень ярко¹². Высказывания пр. Симеона Нового Богослова принадлежат не столько к истории политической и социальной мысли Византии, сколько к истории духовной жизни и учения Православной Церкви. Это прежде всего яркое выражение христианской совести, бескомпромиссно непримиримой ко всякому греху и отступлению от Бога.

(«Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата», 1961. № 38–39. С. 121–126)

¹² Попытка изобразить пр. Симеона Нового Богослова представителем или идеологом определенного социального класса неизбежно натолкнулась бы на ряд трудностей и противоречий. Например, поверхностный наблюдатель мог бы усмотреть в осуждении Симеоном стремлений царей к единодержавию выражение взглядов византийской земельной знати, боровшейся против такой политики императорской власти, тем более что Симеон и по рождению принадлежал как раз к малоазийской аристократии, наиболее активной и влиятельной части класса крупных землевладельцев (как об этом свидетельствует его биограф Никита Стифат — см. «*Vie de Symeon...*» *Orient. Christ. Analec.* 12 (1928), 2, 4–5). Но как тогда объяснить его не менее резкое осуждение желания тех же царей стать «миродержцами», их стремления к расширению пределов империи? Ведь как раз эта экспансионистская политика македонских императоров поддерживалась и даже в известной степени вдохновлялась малоазийской земельной знатью, как это правильно отмечает Г. А. Острогорский (цит. соч. С. 232). Да и взгляды пр. Симеона Нового Богослова на дьявольский характер собственности и на богатых как на «убийц» бедных вряд ли могли выражать убеждения состоятельных кругов. Но и выразителем интересов бедных классов он тоже не был, в его творениях не видно желания социальных перемен, нет программы общественных реформ. Было бы совершенно неправильно «наклеивать» на такого сложного и глубокого духовного писателя, каким был пр. Симеон Новый Богослов, тот или другой классовый «ярлык».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Н. Сомин. В. И. ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ И ЕГО КНИГА «УЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ О СОБСТВЕННОСТИ И МИЛОСТЫНЕ»	3
---	---

Василий Экземплярский. УЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ О СОБСТВЕННОСТИ И МИЛОСТЫНЕ	7
---	----------

I	12
---------	----

II	53
----------	----

III	150
-----------	-----

Приложение

Архиепископ Василий (Кривошеин). ПРЕПОДОБНЫЙ СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ	262
---	-----

Для заметок

Для заметок

Для заметок

**Редакция просит молитв о жертвователях, оказавших изданию
посильную помощь:**

Марине Блиновой, Гаяне Гукасян, Александре Дурневе, Михаиле Корнилове,
Игоре Кривцове, Николае Мгебришвили, Станиславе Минкове,
Михаиле Миховиче, прот. Сергии Овчинникове, Александре Терентьеве,
иером. Спиридоне (Федотове), Михаиле Хитарове, Елене Хлистовской,
иером. Григории (Хоркине), Александре Цветкове, Вячеславе Толмачеве,
а также о тех, кто оказал помощь анонимно.

Редакция выражает искреннюю благодарность

Антону Сергеевичу Беэру
за труд в разыскании и оцифровке текста книги.

Василий Ильич Экземплярский

Учение древней Церкви о собственности и милостыне

Главный редактор:
К. Г. Шахбазян

Научный редактор:
М. А. Шахбазян, кандидат филологических наук

Редактор:
Т. В. Афанасенкова

Подписано в печать 06.05.13. Формат 60x90 1/16.
Гарнитуры «Quant Antiqua» и «Lazurski». Печать офсетная.
Печ. л. 17. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Текст»
350056, г. Краснодар, пос. Индустриальный, ул. Ивовая 1/3
e-mail: kiprian@inbox.ru, тел.: 8 918 434-11-89